

**ФОЛЬКЛОР
ХОПЁРСКИХ
КАЗАКОВ**

*Монумент-памятник «Доблестному донскому казачеству
от благодарных потомков Хоперского округа»,
художник-скульптор Н. В. Можяев,
архитектор М. Г. Булкин, чеканщик А. А. Прощайло.
Кумылженский р-н Волгоградской обл.*

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ФОЛЬКЛОР ХОПЁРСКИХ КАЗАКОВ

*Материалы краеведа
В. А. Апраксина*

МОСКВА
2012

УДК 397+12 (83ф)
ББК 83.3ф (12)
Ф83

Редакторы-составители:

И. Е. ПОСОХА (подготовка текста, примечаний, преамбул следующих разделов: «Краткая биография В. А. Апраксина», «Казачьи песни Захопёрья», «Частушки Захопёрского края», «Паремии», «Словарь диалектной и разговорной лексики»),
Н. Е. КОТЕЛЬНИКОВА (подготовка текста, примечаний и преамбулы раздела «Легенды и предания о разбойниках, кладах и кладоискателях При- и Захопёрского края»),
В. Л. КЛЯУС (подготовка текста, примечаний и преамбулы раздела «Заговоры»)

Редколлегия:

**М. Д. Алексеевский, М. В. Ахметова, В. Е. Добровольская, Е. А. Зайцева,
А. Б. Ипполитова, Н. Е. Котельникова, В. В. Новожилов, И. Е. Посоха**

Фольклор хопёрских казаков: материалы краеведа В. А. Апраксина / ред.-сост.
Ф83 И. Е. Посоха, Н. Е. Котельникова, В. Л. Кляус. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. — 432 с.
ISBN 978-5-86132-108-2

В сборник вошли архивные материалы по традиционной культуре казаков Захоперского края, собранные краеведом Кумылженского района Волгоградской области В. А. Апраксиным: былина, исторические и лирические песни, частушки, заговоры, несказочная проза, загадки, пословицы, поговорки, словарь диалектных слов.

Для специалистов в области традиционной культуры, фольклора, краеведения, а также широкого круга читателей, интересующихся обозначенной тематикой.

УДК 397+12 (83ф)
ББК 83.3ф (12)

ISBN 978-5-86132-108-2

© Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012

Содержание

От составителей (7)

Краткая биография В. А. Апраксина (14)

КАЗАЧЬИ ПЕСНИ ЗАХОПЁРЬЯ

Былины (23). — Исторические песни (23). — Баллады (32). — Хороводные и плясовые песни (36). — Военно-бытовые протяжные и частые лирические песни (39). — Семейно-бытовые протяжные и частые лирические песни (50). — Романсы, новые баллады, лирические песни литературного происхождения (86).

Примечания (149)

Указатель исполнителей (161)

Приложение (1620)

ЧАСТУШКИ ЗАХОПЁРСКОГО КРАЯ

Тексты частушек (167)

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ О РАЗБОЙНИКАХ, КЛАДАХ И КЛАДОИСКАТЕЛЯХ ПРИ- И ЗАХОПЁРСКОГО КРАЯ

Очерк (210)

Указатель информантов (324)

Литература (325)

ЗАГОВОРЫ

Лечебные (331). — Хозяйственные (348). — Общественные отношения (351). — Любовные (354).

Примечания (356)

Указатель исполнителей (359)

Литература (359)

ПАРЕМИИ

Пословицы и поговорки (379). — Присловья (393). — Загадки, скороговорки, дразнилки (396).

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНОЙ И РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ

Словарь диалектной и разговорной лексики (400).

Устойчивые образные выражения (421).

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Фольклорное собрание волгоградского краеведа-любителя Вениамина Александровича Апраксина, копии которого частично переданы на архивное хранение в Государственный республиканский центр русского фольклора в 2005 году, насчитывает несколько рукописных и машинописных тетрадей большого формата объемом около тысячи страниц. Многие годы автор коллекции записывал рассказы местных старожилов об истории и традиционной культуре края, о верховых казаках, живущих в районе станицы Кумылженской, расположенной в долине Хопра, одном из тех мест, где издавна селились вольные люди.

В краткой автобиографии, открывающей публикацию записей В. А. Апраксина, он рассказывает о том, как увлекся изучением родного края, насколько многогранны и порой разнонаправленны его интересы. Покоряет живая образная речь этого эмоционального повествования о трудной жизни простой семьи, испытавшей на себе все тяготы и лишения «роковых минут» отечественной истории; об увлечении «научным знанием» сельского мальчика, не имевшего возможности получить даже полное среднее образование, однако не отказавшегося от своей мечты и посвятившего себя любимому делу; о его родных и близких, не осудивших странности избранного бытия, понявших и принявших его страсть, помогающих и поддерживающих во всех начинаниях, радостях и печалях.

Пример Вениамина Александровича вполне соответствует народной мудрости: «Не выучит школа, выучит охота», а охота в данном случае пуще неволи. Постоянно занимаясь самообразованием, изучая специальную литературу, посещая областные научные конференции историков, краеведов, этнографов, общаясь с профессионалами и людьми из народа, он накопил огромный багаж знаний по истории, археологии, культуре родного края.

Его собрание представляет собой не просто массив текстов, сложенных без какой-либо системы. В. А. Апраксин классифицирует записанный от руки материал по жанрам, переписывая или перепечатывая его в тетради формата А4, указывает в примечаниях под каждым текстом имена исполнителей, год их рождения, время и место записи, иногда приводит контекстную информацию, содержащую его собственный комментарий или пояснения информанта. Нередко в начале тетради в качестве эпиграфа приводятся цитаты из местных средств массовой информации, а также из работ специалистов, служащих в системе Волгоградского управления культуры, из книг коллег-краеведов, в частности Бориса Степановича Лащилина (1906—1987) — писателя-историка, фольклориста, члена Союза писателей СССР¹. Похоже, что именно он является для исследователя-любителя высочайшим авторитетом и вдохновителем.

¹ См.: Головачев В., Лащилин Б. Народный театр на Дону. Ростов н/Д., 1947; Донские сказки и сказки / сост. Б. С. Лащилин и В. Г. Головачев. Сталинград, 1947; Лащилин Б. С. Одолень-травя: легенды, предания, сказки. Волгоград. 1980; Лащилин Б. С. Это было: Легенды и были. Волгоград, 1982.

«Неповторимые художественные черты и лирическое обаяние» фольклорно-этнографических очерков В. А. Апраксина² не скрывают подлинные тексты легенд, преданий, быличек, устных рассказов о местной истории, которые приведены в виде цитат, атрибутированы в соответствии с требованиями к полевым материалам и значимы не только как феномен народной культуры, но и как стилистический прием, прокладывающий путь к сердцу читателя, убеждая его в реальности описываемых явлений и событий.

Будучи плоть от плоти того мира, который он изучает, Вениамин Александрович органично сочетает в себе черты носителя и знатока традиционной народной культуры и исследователя, пытающегося не только запечатлеть «прекрасные мгновения» уходящей природы в записях песен, частушек, пословиц, поговорок, но и раскрыть специфику духовной жизни человека, опирающегося на традиционные законы бытия. Рефлектирующее сознание рождает желание выплеснуть все пережитое на бумагу, чтобы не забылось и хранилось в памяти людей долгие годы³.

Для профессиональных исследователей традиционной народной культуры донского казачества собрание фольклорных материалов и очерки В. А. Апраксина могут представлять большой интерес не только как источник аутентичных текстов, но и как образец рукописного сборника, куда в течение нескольких десятилетий вносились записанные от односельчан песни, пословицы, поговорки, приметы, наговоры, а также рецепты на все случаи жизни: от народной кулинарии и медицины до советов, как отремонтировать вышедшую из строя домашнюю утварь. Безусловно, обращаясь к конкретным вариантам текстов из коллекции краеведа, следует иметь в виду, что их записи были сделаны без каких-либо технических средств, по причине отсутствия у собирателя определенных профессиональных навыков в них может быть нарушена строфика (это касается, прежде всего, песен и наговоров), при попытке передать особенности местного наречия Вениамин Александрович, конечно же, ошибается, поскольку не владеет приемами фонетической транскрипции. В таких случаях составители сочли возможным внести соответствующие коррективы, о чем говорится в преамбулах к разделам.

Все фольклорные тексты из коллекции В. А. Апраксина были записаны им на территории Кумылженского района Волгоградской области, их ареал достаточно компактен и ограничивается близлежащими хуторами и станицами (х. Ольховка, Скулябный, Попов, Голенков, Блинков, Черныхин, Филяты, Водяновский, Кузнеченский, ст. Кумылженская, Федосеевская). В этих местах в разное время проводились фольклорные экспедиции Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского⁴, Московского государственного университета

² См. в фольклорном архиве ГРЦРФ: «Легенды и предания о разбойниках, кладах и кладоискателях При- и Захоперского края», «Казачья старина (Быт и занятия захоперского населения до 1930 года)», «Старинные названия курганов Захоперского края»; «“Комедии” Степки Дикого и байки про Настасью Ивановну».

³ См.: *Апраксин В. А.* Едовлинские житейские повести и рассказы: (сборник воспоминаний). Волгоград, 2006.

⁴ См. В соответствии с Перечнем экспедиционных и стационарных аудиозаписей основного фонда Кабинета народной музыки Московской государственной консерватории, изданным в 1999 году, экспедиции от МГК в Кумылженский район Волгоградской области проходили в 1969 г. (группа студентов по руководством А. С. Кабанова, сделано 53 магнитофонных записи), 1972 г. (группа студентов по руководством А. С. Кабанова, сделано 227 магнитофонных записи), 1973 г. (группа студентов по руководством А. С. Кабанова, сделано 204 магнитофонных записи), 1995 г. (группа студентов по руководством В. М. Щурова совместно с А. С. Кабановым, сделано 6 магнитофонных записи).

им. М. В. Ломоносова⁵, сюда постоянно приезжают участники любительских фольклорных ансамблей, осваивающих приемы народного пения казаков, в частности московский ансамбль «Казачий круг», в репертуар которого включены песни Кумылженского района. Однако, к сожалению, эти записи недоступны широкому читателю, а интерес к такого рода материалам высок: он необходим этнокультурным центрам, педагогам, работающим по фольклорным программам, ученым, изучающим проблемы традиционной народной культуры, а также всем, кто увлечен «живой стариной».

Публикуемый материал сгруппирован по жанрам. В сборнике представлены песни, сказочная проза, заговоры, пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки, дразнилки, словарь диалектной и разговорной лексики, устойчивые образные выражения, записанные В. А. Апраксиным в течение более чем 30 лет (1970—2000-е гг.). При подготовке материалов к публикации составители разделов систематизировали его в соответствии с научными требованиями к жанровой классификации. Кроме того, были исправлены орфографические и пунктуационные ошибки, литературной правке исходный текст собрания и самого собирателя не подвергался, за исключением явных ошибок и искажений, которые могли возникнуть в процессе перепечатывания и сканирования рукописных материалов⁶.

Научный аппарат сборника состоит из вступительных заметок, указателя исполнителей и мест записи, примечаний составителей к публикуемым текстам. Пояснительные заметки В. А. Апраксина, вынесенные в примечания, расположены в начале и без скобок. Комментарий составителей помещен в треугольные скобки (<>).

⁵ Кафедра русского устного народного творчества филологического факультета МГУ в 2001—2002 гг. проводила экспедиции в Кумылженском р-не под руководством Т. Б. Диановой, которая и познакомила сотрудников ГРЦРФ с В. А. Апраксиным.

⁶ Все исправления согласованы с В. А. Апраксиным.

*Хопёр недалеко от ст. Букановской Кумылженского р-на, 2006 г.
Фото А. Л. Переслегина*

Дорогой жене, Галине Трофимовне, которая всю жизнь тянула домашний и колхозный воз во время моих бесчисленных путешествий;

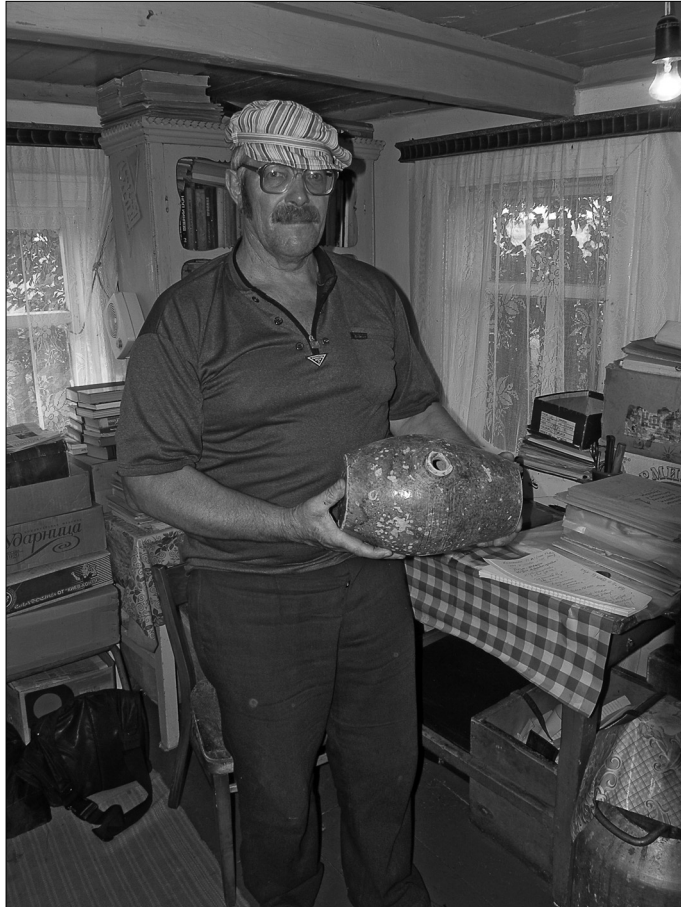
благодарным землякам, которые бескорыстно поведали мне целый пласт народной мудрости;

уважаемым сотрудникам Государственного республиканского центра русского фольклора, которые приложили много сил, чтобы собранный материал обрёл вторую (в обществе и науке) жизнь;

и всем тем, кто причастен к данной работе, посвящается эта книга.

В. А. АПРАКСИН

*В. А. Апраксин демонстрирует сулею (бочонок), 2006 г.
Фото А. Л. Перслегина*

*Экспонаты домашнего музея В. А. Апраксина, 2006 г.
Фото А. Л. Перслегина*

Краткая биография¹

Я — Апраксин Вениамин Александрович — родился 30 октября 1945 года в дивных по красоте захоперских степях в хуторе Ольховке Поповского сельсовета, Кумылженского района, в бедной казачьей семье. Отец — Апраксин Ал«ексан»др Степанович и мать — Блинкова Елизавета Антоновна. Из каких соображений родители назвали меня древнееврейским /древнебиблейским/ именем — не знаю. Но хорошо знаю, что все мои предки /с отцовской и материнной стороны, до седьмого колена/ происходят из старинных казачьих родов — Апраксиных и Блинковых, которые были в числе первопоселенцев края и которые поколениями верой и правдой служили царю и Отечеству.

Естественно, что все мои предки не приняли Советской власти и с оружием в руках выступили с вешенцами /от нас до ст. Вешенской 50 км/, в результате чего пятеро родичей погибли. Но особый удар нанесла нам коллективизация, когда после конфискации имущества все оставшиеся родичи подверглись лишению права голоса, раскулачиванию и с клеймом «враг народа» выселению за пределы края. С материнной стороны домой не вернулся никто, с отцовской стороны через выселки, тюрьмы и лагеря прошли десять человек — каждый второй навсегда упокоился на чужбине. Дедушка с бабушкой и их сын /мой отец, 1919 г. р./ после семи лет скитаний вернулись, пошли по квартирам, но осенью 1937 г., ночью, «черный ворон» забрал деда и больше его никто не видел /только в 90-х годах из областного архива я узнал, что решением сталинградской «тройки» он в трехдневный срок был осужден по 58-й статье и расстрелян/.

Таким образом, репрессивные меры страны Советов, отучая свой народ богатеть и браться за оружие, стерли нас в пыль, превратили в отброс общества, а точнее в рабочую скотину и рабов.

Понятно, что оправиться от разорения мои родители с тремя детьми /я старший/ уже не смогли, тем более отец был инвалидом с детства /работал один — сто-рожем/, а мать, надорвавшись на колхозной работе и окопах, всегда болела и в конце концов в 47 лет умерла. Отец пережил ее на 16 лет и в 1980 году от сердечной недостаточности тоже скончался.

Жили мы бедно. До сих пор помню свое родовое жилище: трехконный, крытый и обставленный камышом амбар /4 на 4 м/, в нем под низким потолком — объемистая печь, земляной пол, грубка с дымоходом в полу, деревянная кровать с матрасом из осоки и подушкой из чакана, ручная каменная мельница в деревянной корыте, под потолочной маткой — вешалка из бечевки, у двери вместо приступки камень-голыш. К хате прилепился плетневый, крытый камышом чулан под двумя сохами, где на зиму слаживали топку /кизеки/ и загоняли на ночь несколько овец. Вместо света пользовались «каптюльком» — пузырек с керосином и фитильком в нем. Радио, электросвет, телевизор, газеты — ничего этого не было.

В школу я пошел со своими сверстниками, но уже к третьему классу неодолимой преградой на моем пути стала арифметика, далее вошел в конфликт с алгеб-

¹ Автобиография (здесь и далее в сносках приведены примечания редактора).

рой, так что после пятого класса я засел крепко и, несмотря на усилия учителей, решить трехклассную задачку и сложить «а плюс б» до сих пор так и не научился. Отсидев в 5-м классе два года, в шестом — три, я с помощью вечерней школы еле-еле кончил семилетку. Таким образом, мое образование можно считать ограниченными рамками начальной школы.

Поступать учиться дальше в какое-то учебное заведение с моими знаниями, большими родителями и безденежьем я, разумеется, не мог и с 16-ти лет пошел работать в колхоз. И чего только меня — неграмотного — не заставляли в нем «специалисты» делать! Сеял хлеб, скирдовал сено, веял зерно, работал водовозом, скотником, сторожем, кочегаром и даже почтальоном. Ежедневная работа меня не устраивала, и, чтобы как-то содержать появившуюся семью и самое главное — выкраивать время на краеведческую деятельность, я заочно кончаю в Москве платные курсы пчеловодов. Какое-то время сезонно работал помощником пчеловода, но позднее перешел работать конным пастухом на дойный гурт, где и проработал более 10 лет.

Да, я не оговорился, сказав про краеведение. Заложенные в школе знания по ботанике, зоологии, географии и особенно истории «посеяли» во мне такие «семена», что я забыть всего этого уже не мог. И первое, чем я особенно всерьез заинтересовался, была палеонтология. Влечение к миру древних животных и растений началось после прочитанной книги В. А. Обручева «Плутония»; до сих пор храню «Историческую геологию», которую подарил мне учитель Чернобай Василий Федотович, до сих пор помню любезно одалживаемые им, хорошо иллюстрированные книги чехословацких ученых — Йозефа Аугусты и Зденека Буриана. Дальше — больше. Путешествия по окрестностям, выписка научной и популярной литературы «Книга — почтой» и «Академкнигой», библиотеки, переписка с «интересантами» позволила мне самому расширять кругозор, постигать мир непознанного, делать какие-то открытия, вести дневники, попробовать свои силы на литературном поприще.

Лет десять я ведрами собирал по окрестным ярам окаменелости — в основном это были морские беспозвоночные мелового периода (хотя попадались кости морских ящеров), кости животных и куски древесины третичного периода. Я самостоятельно описал около 50-ти видов морских окаменелостей — из них одних только губок около 20 видов! Я поразился: встречались места, которые с полным правом можно было назвать «губковыми кладбищами». Определить мои находки мне помогли: Волгоградский областной краеведческий музей /Нина Ильинична Щербакова, Галина Павловна Нумцева/; свердловский профессор Модест Онисимович Клер, саратовские ученые Очев и Пославская, краевед из Ольховского района, села Солодчи — Сидельников Сергей Н. и волгоградские «интересанты»-краеведы — Фролов Саша, Палагаев Валерий и Ярков Саша /ныне Александр Аркадьевич Ярков директор Волжского краеведческого музея, кстати на годах был у меня, и в сборе старинной казачьей утвари я ему помог, чем мог/. Свои палеонтологические находки по заказу я рассылал в Свердловск; в школьный музей д. Липовка (Туринский р-н Свердловской области), в Волгоградский областной краеведческий музей; многие экспонаты подарил в Кумылженский районный краеведческий музей и в местную — Поповскую — школу.

В 1968 г., после посещения меня волгоградского краеведа Краснобаева Сергея Георгиевича и под влиянием переписки с нынешним профессором ВГПУ — Владиславом Ивановичем Мамонтовым я навсегда увлекся археологией. Надо сказать, что в археологическом обилии древних памятников наши места представляют собой подлинное Эльдorado, а в науке — самое настоящее «белое пятно». За прошедшее время я исходил и изъездил вдоль и поперек многие наши захоперские края. Открыл, описал и нанес на карты около шестисот курганов, зафиксировал многочисленные находки каменных баб и каменных орудий, открыл и описал четыре древних стоянки эпохи бронзы /статья об одной напечатана в Волгограде, в одном

из номеров «Древности Волго-Донских степей»/. По разрешению ВОКМ² принимал личные раскопки, участвовал в археологических экспедициях. Собрал огромный материал о древних народах, оставивших след в нашем крае. Под влиянием виденного написал несколько историко-краеведческих рассказов и повестей, ряд научных трудов.

За огромную помощь в овладении археологических знаний, консультации в моих работах я обязан прежде всего вышеназванному Мамонтову В. И., а также его коллеге — Скворцову Николаю Борисовичу, младшему научному сотруднику ВГПУ — Гуренко Леониду Валерьевичу, сотруднику ВОКМ, а потом зав. отделом Областного производственного центра по охране памятников истории и культуры — Ситникову Владимиру Александровичу и другим.

Не следует думать, что я заикнулся на одном археологическом влечении. Вращаясь с народом, я все больше узнавал об ужасах Гражданской войны, коллективизации, репрессиях, голодах и бесчисленных жертвах тоталитарного режима, принесенных на алтарь страны ради мифической сказки о «светлом будущем». Я жил в эпоху воинствующего атеизма и расцвета партократии. На моих глазах рушили церква, плясали в них и загоняли скот. /В итоге — от 11 церквей в Кумылженском районе осталось одна — в ст. Скуришенской./ На моих глазах медленно умирали десятки и десятки хуторов. При попустительстве местных властей тысячи и тысячи сельчан вынуждены были покинуть свои жилища, а на смену им хлынули толпы разноязычных переселенцев, для которых наши места стали просто-напросто очередным вокзалом, казачество — насмешкой и пустым звуком, а оставшимся коренным жителям стало небезопасно ходить по своей родной земле даже и днем. Предавался забвению старинный казачий быт, уклад, самобытная культура, даже само слово «казак» приобрело негативную эмоциональную окраску, равнозначной библейскому сатане. На моих глазах распахивались пойменные земли, склоны бугров, до минимума опахивались уцелевшие хутора и балки. С весны до осени, десятилетиями на поля, балки /а порой и на окраины хуторов/ сыпали и лили пестициды и гербициды. На моей памяти бесконтрольно возводились пойменные дамбы, рылись пруды, карьеры, уничтожались памятники старины, в том числе и кладбища. На глазах у всех варварское вторжение в природу — всеместная распашка целины, применение ядохимикатов, мелиорация, перевыпас скота и сведение лесов — привели к экологически необратимым процессам: заиливанию мелких речек и озер, эрозии и пыльным бурям, деградации земель, минимальному сокращению дикой флоры и фауны. И что поражает: весь этот творимый беспредел, стоящие у руля удельные князьки с пеной у рта называли «прогрессом и облагораживанием природы», землю именовали не иначе как «кормилицей» и в открытую заявляли, что все делается «во имя народа и для народа». Любой ценой, но лозунг командно-административной системы был один: «Вперед, к победе коммунизма!»

Казак по крови, уже знакомый с историей казачества, я никак не мог понять: как же так получилось, что те самые казаки, которые в борьбе с мусульманским миром отстаивали Донщину, которые вместе с Россией столетиями отстаивали честь и независимость нашей страны от разных врагов, вдруг на своей земле попали под «рассказачивание», оказались проклятыми и забытыми? Если такое «оболванивание» пойдет и дальше, то /в совокупности с фальсифицированной школьной программой/ что же будут знать о своих предках наши дети и внуки? Надо что-то делать. Сведения информаторов побуждали к действию. И я твердо решаю взять на карандаш все, что сохранилось от старины в народе и на земле.

Меня никто не уполномочивал на поставленную цель. Движимый энтузиазмом, бескорытием, я десятилетиями в свободное время и праздники ходил пешком,

² ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей.

ездил на велосипеде, мотоцикле, коне и на любом подвернувшемся транспорте по хуторам, станицам и степям своего края. Я встречался с сотнями старожилов, записывал эпизоды тех или иных событий, песни, частушки, наговоры, пословицы, поговорки, легенды и многое-многое другое. Я никогда — даже на работе — не расставался с записной книжкой. Более того, в своих краеведческих поисках я побывал в ст. Михайловской на Хопре (у Бориса Степановича Лащилина), в Урюпинске, Михайловке, ст. Букановской /Кум<ылженский> р-н/, ст. Усть-Бузулукской, ст. Алексеевской /Алекс<еевский> р-н/, г. Серафимовиче, ст. Сергиевская /Данилов<ский> р-он/, х. Сенной /Мих<айловский> р-он/, Волгограде, Ростове, Новочеркаске, музее-заповеднике «Танаис»³ и многих других местах. В поисках нужного материала развернул обширную переписку с ВОКМ, Урюпинским краеведческим музеем, Новочеркасским музеем донского казачества⁴, госархивами и многими старожилами, ныне живущих по городам и весям нашей страны. Кроме того, на заметку брал любую публикацию из книг, газет, журналов, имеющих отношение к нашему краю.

С годами в моих руках скопилось столько дневниковых записей, почтовой корреспонденции и прочего материала, что я попытался все это как-то привести в порядок, систематизировать по темам: истории, археологии, этнографии, фольклору и другим разделам.

Я это сделал /да и сейчас продолжаю обработку/, и в итоге у меня получилось около сотни разнообразных по теме рукописей и среди них не только научные работы, но и рассказы и повести научно-популярного жанра. Что-то печатают Кумылженская и Алексеевская районные газеты, но в основном весь мой архив является невостребованным. О нем знают в редакции «Казачьего круга»⁵, в редакции журнала «Отчий край»⁶, в Москве, в Управлении волгоградской культуры, в Областном телевидении /снимали кино обо мне/ и ряде других мест. Знают, но что-то опубликовать пока желающих нет — ссылаются на отсутствие средств, да, наверное, и мое образование играет не последнюю роль⁷.

В 90-х годах по состоянию здоровья /из-за болезни ног/ мне пришлось распрощаться с колхозом. Я так и не смог вписаться в существующий общественный строй, так и не смог понять, почему «трудящиеся и массы» должны работать, а легионы конторских чиновников должны этот труд учитывать.

Лет пять я был безработным, пока в 1996 году на меня не обратил внимание Кумылженский отдел культуры. При содействии ее заведующей — Казаринской Раисы Александровны и работника ДК Федько Юрия Ильича я был устроен на работу по историко-краеведческому направлению. Там я и работаю до сих пор⁸. Начинал с оклада в 50 рублей, теперь платят 150 р. в месяц, но задержки с выплатой /как и везде/ до полугода. Так как все члены моей семьи безработные, то из этой суммы выкраиваю на дальние поездки, связанные с работой. По своему Захоперью колесо

³ Археологический музей-заповедник, расположенный в х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области.

⁴ Новочеркасский музей истории донского казачества.

⁵ Волгоградская областная еженедельная межнациональная общественно-политическая газета. Первый номер издания вышел в свет 17 июля 1991 года.

⁶ Волгоградский литературно-художественный иллюстрированный журнал. Издается с 1994 года.

⁷ Автобиография была написана в 1998 году, позднее волгоградские издательства выпустили в свет книги В. А. Апраксина (см., например: *Апраксин В. А.* Едовлинские житейские повести и рассказы: (сборник воспоминаний). Волгоград, 2006; *Апраксин В. А.* Казачья старина [Текст]: очерки. Волгоград, 2010).

⁸ В настоящее время В. А. Апраксин является сотрудником МУК Кумылженского районного этнокультурного казачьего центра «Кошав-гора».

на допотопном, рассыпающемся велосипеде, который больше ремонтирую и вожу в руках. Для беспрепятственных изысканий мне помогают любезно предоставленные «охранные грамоты», выданные сперва ВОКМ /справки/, а потом — РООППЦ /удостоверение/ — сунутый под нос чиновнику документ магически сбивает с них чванливость и спесь. И наконец обязан сказать: все, что мне удалось сделать, я сделал в какой-то мере благодаря своей подруге жизни — Галине Трофимовне: эта удивительно душевная женщина всегда поддерживала любые мои замыслы, терпеливо несла на своих плечах нелегкий труд семейных и колхозных забот во время моих многочисленных отлучек, делила со мной все радости и неудачи.

Ну что еще сказать о своей биографии. Крещён, христианин. Членом ВЛКСМ и КПСС не состоял, наград не имею — правда, единственный раз парторг у себя в кабинете «вручил»... простыню. До сих пор, где родился, тут и живу. Было трое детей, старшей дочери в 92-м году не стало. Вторая /младшая/ дочь помогает: печатает мои «труды» на машинке, которую предоставил Кумылженский отдел культуры. Хоромов я не нажил, богатым не стал, порой испытываем финансовый кризис. Но, несмотря на материальные проблемы, болезни и прочие неурядицы нашей жизни, я и в мыслях не держу бросить любимое занятие. Для меня краеведение было своего рода живительным родником, из которого я утолял жажду почитай всю жизнь. Все, что я сделал за сорок лет, я достиг только благодаря своему самообразованию, труду и целеустремленности. Не обижаюсь, что таких, как я, до самозабвения фанатичных в свое «хобби» людей, иногда называют «не от мира сего», «чудаками», «белыми воронами». Каждому, как говорится, свое. Как и раньше, так и теперь я руководствуюсь одним: пока не кануло все в Лета, собрать, сберечь для потомков уцелевший кладезь народной мудрости, его богатейшее наследие, насколько можно восстановить историю Донской земли, безо всяких прикрас рассказать всю правду о многострадальном казачестве. Если мы ничего не соберем ныне, то грош нам цена — за нас этого не сделает никто. Нам тут жить, и у нас есть, чего пока передать потомкам.

Я приветствую перестройку и демократию, но не в том виде, «в» каком она происходит сейчас. Молю Бога, чтобы не возвратился тоталитарный режим — второго прихода коммунистов Россия не переживет. Ценю в людях честность и порядочность. И пусть мы живем плохо, но верю, что страна, а вместе с ней и казачество возродятся и мы с гордостью будем считать себя полноправными гражданами обновленной России. «К» достижению этой благородной цели я и стремлюсь всю свою жизнь.

19—21 апреля 1998 года

«Подпись»

*Берег Хопра в окрестности ст. Букановской Кумылженского р-на, 2006 г.
Фото А. Л. Перслегина*

*Распадок в степи, Кумылженский р-н, 2006 г.
Фото А. Л. Перслегина*

**КАЗАЧЬИ
ПЕСНИ
ЗАХОПЁРЬЯ**

Собрание песен В. А. Апраксина включает тексты разных жанров необрядовой лирики. Жанры обрядовой поэзии в коллекции не представлены. Записи были сделаны в 1970-х — 2000-х годах от исполнителей, которым на тот момент было более 60-ти лет и проживающих на территории Кумылженского района Волгоградской области. В целом их репертуар складывается преимущественно из песен литературного происхождения, романсов, новых баллад, а также военно-бытовых, семейных, любовных протяжных и частых лирических песен. Кроме того, В. А. Апраксину удалось найти исполнителей, которые вспомнили практически забытые в наши дни былины, классические баллады, исторические песни.

По словам собирателя, представленные в собрании тексты были записаны в основном «с голоса» (во время пения), однако строфика ряда песен нарушена, что объясняется «неопытностью» фольклориста-любителя, а также может свидетельствовать о том, что их, вероятнее всего, проговаривали речитативом или пересказывали. При публикации было сохранено расположение строк, предложенное В. А. Апраксиным, так как все тексты записывались вручную, без использования аудио- и видеотехники, что исключает возможность прослушивания и корректировки обозначенных погрешностей. Впрочем, следует отметить, что такие случаи немногочисленны и никак не могут повлиять на восприятие публикуемого материала.

Тексты песен распределены по шести разделам в соответствии с жанровой принадлежностью и с учетом социально-культурной специфики их бытования в казачьей среде. Частые и протяжные лирические песни распределяются как военно-бытовые и семейно-бытовые, что отражает их функциональные особенности. Первые исполнялись в основном мужчинами во время несения службы. Вторые — женщинами или смешанными составами дома, в станицах и хуторах. Следует отметить, что «женский» и «мужской» репертуары были взаимопроницаемы: ничто не мешало тем и другим исполнять песни друг друга. Особенно подобное смешение репертуаров проявилось с середины XX века, когда в силу исторических причин изменился весь жизненный уклад казаков, многие мужчины погибли в военные годы, а женщины стали главными хранительницами и исполнительницами фольклора. Правда, в коллекции В. А. Апраксина можно найти записи от выдающихся исполнителей-мужчин, в репертуаре которых десятки песен разных жанров (от М. П. Сеимова, 1899 г. р., записано 63 текста, А. В. Молоканцева, 1892 г. р. — 30, А. С. Апраксина, 1907 г. р. — 28). Остается только сожалеть о том, что их пение не было зафиксировано на аудионосители.

Внутри шести разделов тексты песен расположены по времени записи, как это сделано в собрании В. А. Апраксина, состоящего из шести рукописных тетрадей. Из корпуса публикуемых текстов составитель вынес в приложение несколько песен, которые представляют собой самозапись на «казачьем диалекте» жительницы х. Кузнецы Анны Андреевны Гришиной, 1914 г. р., сделанные зимой 2002—2003 гг.

Былины

1.

На горах снежочки, снежки не потаяли,
На лугах зеленых травушка не выросла.
Вырастал, расцветал бы
Один сыр-зеленый дуб,
Как у дуба коренюшки
Были булатные,
Как у дуба корочка,
Она была жемчужная,
Как у дуба веточки,
Они были хрустальные,
Как у дуба листочки,
Они были бумажные.
На самом-то дубу было гнездо соколиное,
Под дубом было стойлице кониное.
Как конь с соколом призаспорили:
Не об сто рублей, не об тысячу —
Об своих буйных об головушках.
Соколу лететь по-над небезью,
А коню-то скакать по сырой земле.
Сокол летел — всё гуло,
А конь скакал — вся земля тряслась.
Конь прискакал — на конюшню стал,
А сокол прилетел — коню в ноги упал.

Исторические песни

2.

Наш Крюковский генерал
В Ставрополье уезжал.
Уезжал он, братцы, в край чеченский,
Всё именьё своё друзьям раздарял,
По любезным по друзьям.
Завтра рано скажут беспрёменно:
«Уезжаю, друзья, от вас.
Распрошуся с чистыми полями,
Со всей Родиной своей.
Не прошуся с одной подлою бабенкой,
С которой три года я прожил».

3.

На речке было да на Камышенке,
Там жили люди вольные.
Собирались они, братцы,
Во единый круг.
Во кругу-то они, братцы,
Думу думали:
«Ну кому же из нас, братцы,
Вот атаманом быть?
Казаку бы Ермаку,
Сыну Тимофееву
Он казак Ермак, братцы,
Неглупой старик.
Он речи говорит,
Словно во трубу трубит.
Трубка его была позолочена...»

4.

На речке Камышенке
Там жили люди вольные.
Собирались они во широкий круг,
Во кругу стоял их атаман.
И они там думу думали:
«Да куда ж нам теперь идти,
Да пойдём мы теперь
Да на речку Камышенку».
А другой сказал:
«Да пойдём мы на Куму-реку:
На Куме-реке живут люди вольные...»

5.

Под бунчиком было подзолоченным,
Стоял расписной дубовый столик.
На столике был застеленный
Расшивной персидский ковер,
А за столиком сидел
Наш донской атаман...

6.

Пойдемте мы, братцы, жить на линию,
На линию мы, на Терек,
Построим мы себе редуточку,
Редуточку мы себе новую,
Новую, братцы, себе, терновую.
В редуточке было два урядничка,
Не сотничка, не полковничка.

7.

— Где мы, братцы, были,
 Где мы, братцы, служили?
 — За Дунаем за рекой.
 Дунай-речка небольшая,
 Переправы на ней нет,
 Нету ходу, нету броду,
 Нет казачьего, братцы, моста.
 Жизнь казачья плохая,
 Зато слава донцам была хороша.

8.

— Где мы, братцы, были,
 Где мы, братцы, служили?
 — За Дунаем за рекой.
 Дунай-речка неглубока,
 Но перейти было нельзя.
 Николай — наш царь великий,
 Николай нас перевозил...

9.

Полно, полно вам, братцы, крушиться,
 Перестанем горе горевать.
 С горя песню запоем
 Про казачье житьё-бытьё.
 Донцам жизнь очень плохая,
 Только слава хороша.
 Мы были за Дунаем за рекой:
 Дунай-речка глубока, широка,
 Переправы на ней нет,
 Нету брода, нет парому,
 Нет казачьего моста.
 А мы вплынь, донцы, пойдём.

10.

Мать российская земля
 Много крови пролила,
 Много нужды-горя приняла.
 Краснощекова-казака
 Генералом назвала,
 К Прудцу в гости послала,
 А Прудцак его не спознал,
 За убранный стол сажал,
 Рюмку водки наливал,
 На подносе подносил:
 «Выпей рюмку, выпей две,
 Расскажи всю правду мне».

.....

Разгумённая карга,
 Зачем тебя генералом назвала?

11.

Ворона, ты, ворона,
Загумённая карга,
Ты Краснощекова-казака
Генералом назвала
И к себе в гости его позвала.

12.

Не два сокола, орла крылатых
Чуют солнечный восход —
Молодые казаки собираются в поход.
Он хвалился, француз, выхвалялся:
«На Рассею пойду воевать.
Я все села и деревни
На копытцах разнесу,
А славный город Новочеркасский,
Штурмом город возьму.
А кварталы позайму
По соборам, по церквям,
А сам стану на квартиру
В Еловайском хорошем дому».
Отношеньце написал
И со курьером отослал.

13.

Не сокол, соколик крылатый
Чует солнечный восход —
Царя белого казаки
Убираются в поход.
Он хвалился, француз, выхвалялся,
Что мы матушку-Рассею
Наскрозь пройдем,
Все деревни, мелкие села
На копытцах разнесем
И в матушку-Москву
Зимовать с войском войдем.
Славный город Петроград,
Не дошедши, в плен возьмем.
Я расставлю своих господ офицеров
По купеческим домам,
А пехоту расставлю
По окрестным деревням,
А кавалерию...
А сам стану в Еловайском дому...

14.

Туча с громом прогремела,
Три дня сряду дождик лил.
Скрозь, скрозь по Дону вода разлилася,
Не проехать было, не пройти.
Через Дон-речку переправлялись,

Николай нас провожал.
Николай был, он царь великий,
По всей армии был у нас один.
Орденами его грудь покрыта.
Видим: едет белый царь,
С правого фланга он заезжает,
Всем «здорово» нам сказал:
«Вы здорово, вы, мои дети,
Вы здорово, донцы-казаки,
Послужите, мои дети,
Как служили ваши отцы и деды».

15.

Бывало, бывало, Дон быстёр бежал,
А теперь, говорят, возмутился,
Взволновался
Наш славный батюшка Тихий Дон.
От трех донских генералушков:
От первого генерала —
Графа Гудовича,
От второго генерала —
Сыночка Иловайского,
От третьего генерала —
Алеши Поповича.
Алеша любил-то, любил
Игру картежную:
На первой игре проиграл
Золоту казну,
На второй-то игре он проиграл
Молоду жену,
На третьей игре он проиграл
Своего добра коня.

16.

Бывалочка, бывал,
Тихий Дон быстер бежал,
А теперя возмущен стоит.
Отчего он возмутился?
От трех донских генералушков:
От графа Гудовича,
Алеши Поповича
И сына Еловайского.
Играли в игру картежную:
В первой игре граф Гудович
Проиграл казну золотую,
Во второй игре проиграл
Жену бравую,
А в третьей игре проиграл
Батюшку Тихий Дон.
И он возмущен стоит.

17.

Было дело под Полтавой,
Были славные друзья.
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра.
Наш могучий император —
Память вечная ему —
Сам солдатским ружьем правил,
Сам он пушки заряжал.
Сам, могучий, перед войсками
Ясным соколом летал.
Вот одна пуля-злодейка
Повстречалась с Петром.
Она ударила, отскочила,
В сторону с визгом пошла,
А вторая пуля злая
В шляпу царскую впилась.
Снял он шляпу, перекрестился —
Снова в битву понеслись.

18.

Из-за леса, из-за гор
Едет сотня казаков-усачей.
Перед сотней командир молодой,
Ведет сотню казаков за собой.
«Вы, казаки, усачи, усачи,
Пики в руки и за горцами скачи.
Вы, казаки, не робей, не робей,
На завалы поживей, поживей».
На завалах мы стояли, как стена.
Пули сыпались, журчали, как пчела.
Кто на завалах устоял,
Крест серебряный в награду получал.

19.

В поле ветер повеваает,
Подтоплеи казак по дождем бывал.
Никакой нужды в поле не знал,
Только думал об одном:
Как сразить в поле вражеский бекеш¹?
Он на сером на своем на коне
Сквозь пламя пролетал,
Он своей вострой шашкой
Туркам головы срубал,
Своей длинной пикой
Туркам ребрышки считал.

¹ Бекеш — панцирь.

20.

У нас на Кавказе жизнь ведется,
Слухом полнится земля.
В Крыму голос раздается:
Вот англичанин, француз с турком
Собрались на большой курган.
За этим за курганом
Шашки, пики блещут,
Пыль взвивается столбом.
Видно: несется нашего полка полковник
На сером на коне.
С первой сотней нас поздравил
И «здорово» нам сказал:
«Вы здорово, мои дети,
Вы здорово, донцы-казаки,
Послужите, мои дети,
Как служили ваши отцы и деды».

21.

На Кавказе жизнь ведется,
Слухом полнится земля.
Слышно голос у Кремля,
А в Крыму было известно:
Приезжал к нам комиссар,
С первой сотней он нас поздравил
И «здорово» нам сказал:
«Вы здорово, мои дети,
Офицеры-господа,
Послужите, мои дети,
Как служили ваши отцы и деды».

22.

Из-за садика зеленого,
Провалья глубокая
Неисмен сокол вылетывал —
Вылетал, выезжал молодой турок
На своем добром буром коне сивогривом.
Вылетал, выезжал на вышку высокую,
На высок курган.
Вынимал, доставал трубочку подзорную,
Глядел, смотрел на все стороны,
А больше смотрел на полки казачьи,
Вызывал, выкликал себе поединщика.
Поединщик был млад донской казак,
Под ним конь ровно лютый змей,
На коне сидел, ровно лютый зверь.
На коне убор скабардинский,
Ровно жар горит.

23.

Русский белый царь желает
Злых турок наказать:
Избрал, братцы, своего Николая
Идти злых турок карать:
«Сорок тысяч тебе войска вручаю».
Сказал: «Братец, управляй».
Со новым крестом встречает,
В руке правой стороне:
«Чтоб идти вам веселее
Во чужие незнакомые края...»

24.

На вешнем было на праздничке,
На утреннем Благовещенье:
Собиралась свита царская,
На всех князьях и бояринах
Платье цветное.
На одном царе Миколаюшке
Платье кручинное.
Он повесил свою буйную головушку
До крутых плечей,
Свою седую бородушку
Вплоть до пояса.

25.

Под городом Браиловым
Сбиралась там наша армеюшка.
Армеюшка была царя белого,
Выбирали себе повелителя:
Повелитель был наш православный царь.
«Зачем зашел, забрел не в свою землю
Не в свою землю, а турецкую...»

26.

Из-под города, города Браилов
Сбиралась там наша армеюшка,
Армеюшка с Дона Тихого.
Выбирали себе повелителя:
Повелитель был наш православный царь,
Он журил, бранил своего братца:
«Зачем зашел ты в землю бусурманскую,
Всё турецкую,
Зачем ты увел с собою
Нашу армеюшку?»

27.

Вспомним, братцы, мы, чингарцы,
Двадцать первое сентября,
Как дралися мы с поляками

От рассвета до утра.
С нами музыки играли,
Барабаны громко пел,
Сигналисты заиграли
Вынуть шашки наголо.
Вынуть шашки, вынуть востры
И в атаку понеслись.
Командир наш нетрусливый
Шел все время впереди,
Получил большую рану
От буржуев на груди:
«Ох вы, братцы, вы, чингарцы,
Не бросайте вы меня,
Жив я буду, не забуду:
Красным знаменем награжу.
Как вернусь на Украину,
Всем подарки разошлю,
А свою Машу дорогую
Я с собою увезу!»

28.

Вспомним, вздумаем, ребята,
Как стояли под Диком.
Наши воины старались,
Чтоб разбить врага на прах.
Мы разбили супостата
Ружьем, шашкою, штыком
И добрым своим конем.
Громко музыка играет,
Барабан в атаку бьет,
Сигналисты приказали
Вынуть шашки наголо.
По сигналу собралися,
Мы в атаку понеслись,
Петрушихин-генерал
Наперед с нами пошел,
Большую рану получил
И с добра коня упал,
Громким голосом вскричал:
«Вы казаки, вы донские,
Не покиньте вы меня
Во чужой стороне,
Во германской земле.
Если вы меня не бросите,
Я крестами награжу
И домой провожу».

Баллады

29.

Летел ворон через сад зеленый,
 Сел калинушку клевать,
 Вдруг заметил черный ворон:
 Под кустом пара сидит.
 Любил-жалел парень девушку,
 Сам не думал замуж брать.
 Она, шельма, его подманула,
 Начала его пытаться:
 — Если любишь, мой размилий,
 Выпей рюмочку винца.
 — Люблю, люблю, моя дорогая,
 Выпью рюмочку до дна.
 Она, шельма, его отравила,
 Стакан яда навела:
 — Скажи, скажи, мой размилий,
 Отчего ты заболел?
 — Заболел, моя дорогая,
 От проклятых любостей.
 — Умрешь, умрешь, жить не будешь,
 Где ж тебя похоронить?
 — Похоронишь, моя дорогая,
 Между трех больших дорог:
 Первая — к Дону,
 Вторая — к гарнизону,
 Третья — прямо на Москву.

30. Шинкарочка

Кто-то нам сказал,
 Что Польша богатая.
 Теперь мы узнали,
 Что голь проклятая.
 На каждой версте
 Стоит по корчме.
 Как в одной корчумочке
 Три молодца пьют:
 Пруссак и поляк
 И млад донской казак.
 Пруссак водку пьет —
 Червонцы кладет.
 Поляк водку пьет —
 Монету кладет.
 А донской казак
 Водку пьет, а денег не кладет,
 На стенке мелит,
 Кошельком гремит,
 Шинкарочку манит:

«Поедем, шинкарочка,
 К нам на Тихий Дон.
 У нас на Дону
 Не по вашему:
 Не ткут, не прядут —
 Хорошо ходют.
 Не пашут, не сеют —
 Калачики едят».
 Сдавалась шинкарочка
 На его слова,
 Садилась шинкарочка
 На его коня —
 Позади седла.
 Повез он шинкарочку
 Прямо во темный лес,
 Привязал шинкарочку
 За сухую сосну
 И попалил эту сосенку
 Снизу доверху.
 Сосенка горит —
 Шинкарка кричит.
 Сосенка пылает —
 Шинкарочка рыдает:
 «Не верьте, подружки,
 Донским казакам.
 Донские казаки —
 Они дураки»².

31.

Корчма моя, кормчушка,
 Корчма польская,
 Корчма польская,
 Королевская.
 Как во этой кормчушке
 Три молодца пьют:
 Поляк и пруссак
 И донской казак.
 Поляк водку пьёт —
 Деньги отдаёт.
 Прусак водку пьёт —
 Деньги не даёт.
 Казак водку пьёт —
 На стенке мелит,
 Шинкарочку манит:
 «Поедем, шинкарочка,
 К нам во Тихий Дон.
 У нас на Дону
 Не по вашему:

² «Последние 2 строчки прибавляются от себя» (А. Ст. I Апраксин).

Не пашут, не сеют —
Калачи едят.
Не ткут, не прядут —
Хорошо ходют».
Сдавалась шинкарочка
На его слова,
Садилась шинкарочка
На добра коня.
Повез он шинкарочку
Прям во тёмный лес,
Посадил шинкарочку
На суху сосну,
Поджёт он сосенку
Снизу доверху.
Сосенка горит —
Шинкарка кричит:
«Кумушки-голубушки,
Подружки мои,
Не сдавайтесь, кумушки,
Казакам в обман.
Донски казаки —
Все обманщики».

32.

У ключика было у холодного,
У колодезя было у глубокого:
Там красная девица
Платья банила,
На белом на камушке
Выколачивала,
За рукавчики брала,
Платья выворачивала.
Там добрый молодец
Привел коня напоить
И с красной девчонкой
Разговаривал.
Кой про что и абы про чего.
Молодая жена догадалась,
Взяла ведерки
И за водой пошла.
С красной девчонкой
Повстречалась.
Красная девчонка
Ей низко поклонилась,
А молодая жена
Ей пальцем погрозила:
«Не быть, не жить тебе
На белом свете,
Не любить тебе
Моего мужа,

А своего друга».
 По утру рано встала,
 Девка жалится:
 «Чтой-то у меня сильно
 Голова болит».
 А к вечеру девку
 Хоронить понесли.

33.

При торгу-то было, при базарике:
 Случилось мне, князю,
 Идти по базарику,
 Случилось мне, князю,
 Встретиться с девкой красной.
 Стал князь Волхонский
 Девку спрашивать:
 «Отчего ты, дева, худа, бледна?
 Ты горюешь, тоскуешь
 По моему сыночку?» —
 «Не тебе, князь Волхонский,
 Меня деву спрашивать.
 И не мне, князь Волхонский,
 Тебе рассказывать.
 Ты гляди, смотри
 За своей княжной:
 Твоя княжна
 Живет с Ванькой-ключником.
 И живет она не год и не два.
 А ровно тридцать лет». —
 «Почему ты, дева, знаешь, ведаешь?» —
 «Случилось мне идти
 Мимо твоего дворца
 И случилось мне глянуть
 В твоё окошечко,
 А твоя княгиня
 Сидит с Ванькой-ключником
 Целуются, милуются». —
 «Уж вы слуги, мои слуги,
 Слуги верные,
 Вы пойдите мне приведите
 Ваньку-ключника,
 Злого разлучника,
 Разлучил ты князя с княгиней,
 И вы слуги повесьте его
 На золотые реля».

34.

На базаре во кругу,
 Серед ярмарки
 Как Волхонский князь

С девкой повстречался
 И стал девчонку спрашивать:
 «Почему ты, девка,
 Худа и бледна,
 Худа и бледна
 И в поясу толщеть стала?
 Иль горюешь ты, тоскуешь
 По моему сыночку?» —
 «Не тебе, Волхонский князь,
 Меня, девку, спрашивать,
 И не мне тебе рассказывать.
 Ты смотри-гляди
 За своей княгиней:
 Случилось мне идти
 Мимо твоего двора,
 Как твоя княгиня
 С Ванькой-ключником
 Под окошком сидят,
 Целуются-милуются».

35.

Захотелось нашей Дуняше
 За разбойничка пойти.
 С первой ночи, с полуночи
 Убирается Ваня на разбой.
 В двенадцать часов ночи
 Он двенадцать коней гонит,
 На тринадцатом сидит:
 «Отворяй, Дуняша, двери,
 Отворяй, Дуня, ворота.
 Я привез тебе, Дуня, гостинчик,
 Не развертывай его».
 А Дуняша не стерпела,
 Развернула его посмотреть:
 «Ох ты, Ваня, Ваня-разбойник,
 Ты чего моего брата зарубил?» —
 «Я за то его зарубил,
 Что он богаче меня живет».

Хороводные и плясовые песни

36.

Ох, да мы пашню пахали,
 Ай, да дева-люли, пахали, пахали.
 Ох, да мы просо сеяли, сеяли,
 Ой, да дева-люли, сеяли, сеяли.
 Ох, да мы коней пускали, пускали,
 Ой, да дева-люли, пускали, пускали.
 — А мы коней загоним, загоним,

Ой, да дева-люли, загоним, загоним.
— Ой, да мы коней выкупим, выкупим,
Ой, дева-люли, выкупим, выкупим.
— Ой, да мы даем сто рублей, сто рублей,
Ой, дева-люли, сто рублей, сто рублей.
— Ох, нам не надо сто рублей, сто рублей,
Ох, да дева-люли, сто рублей, сто рублей.
— А мы даем девицу, девицу,
Ох, да дева-люли, девицу, девицу.
— Которую девицу, девицу?
Ой, да дева-люли, девицу, девицу?
— Вот вам девица, девица,
Ой, да дева-люли, девица, девица.

37. Камаринская

Как на улице Варваринской
Спит Касьян — мужик камаринский.
Борода его всклокоченная
И дешевкою подмоченная,
Свежей крови струйки алые
Покрывают щеки впалые.
Ах, ты, милый друг-голубчик наш Касьян,
Ты сегодня именинник — значит пьян:
Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спит Касьян на земле.
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно.
А февраля двадцать девятого
Целый штоф вина проклятого
Влил Касьян в утробу грешную,
Позабыл жену сердешную
И своих родимых деточек —
Близнецов двух малолеточек.
Заломивши лихо шапку набекрень,
Он отправился к куме своей в курень.
Там кума его калачики пекла,
Баба добрая, пригожая, бела,
Испекла ему калачик горячо
И уважила ещё, ещё, ещё.
В это время за лучиною
С непонятною кручиною
Дремлет-спит жена Касьянова
Вспоминает мужа пьяного:
«Пресвятая Богородица,
Где ж злодей мой хороводится?»
Бабе снится, что в веселом кабаке
Пьяный муж её несется в трепাকে:
То проскочит, то согнется в три дуги,
Истоптал свои смазные сапоги.
И руками и плечами шевелит,

А гармоника пилит, пилит, пилит.
 Продолжается видение:
 Вдруг приходят в заведение
 Гости старые и приказные,
 Отставные, безобразные,
 Красноносые алтынники —
 Все Касьяна именинники.
 Зашумел пуце прежнего содом:
 Говорит Касьян и валится хоть дом,
 Говорит Касьян, схватившись за бока:
 «Эх, послушай-ка, приказная строка,
 У меня звенят за пазухой гроши,
 Награжу тебя — пляши, пляши, пляши!»
 Осерчали благородие:
 «Ах, ты хамово отродие,
 За такое поношение
 На тебя подам прошение,
 Накладу ещё в затыльницу
 Целовальник и чернильницу».
 А снова грёзы, небо хмурится
 Вся покрыта снегом улица.
 А на улице Варваринской
 Спит Касьян — мужик камаринский.
 И, идя из храма Божьего,
 Ухмыляются прохожие.
 Наконец из них нашелся один —
 Добродетельный должно быть господин —
 На Касьяна сердобольно посмотрел:
 «Ишь налопался до чертиков пострел».
 И потыкал даже тросткою его:
 «Да и он совсем того, того, того».
 Два лица официальные
 На носилки погребальные
 Положили именинника.
 Из кармана два полтинника
 Вдруг со звоном покатались
 И сквозь землю провалились.
 А засияло у несущих Рождество,
 Им понравилось такое колдовство.
 И с носилками идут они смелей —
 Будет в лодке им же ялей (вино).
 Ожидает их в трактире половой,
 А что же сбудется с горемычною вдовой?

38.

Через край напившись водочкой,
 Шел я пьяною походочкой,
 Развеселой самой улицей
 Я тянулся мокрой курицей,
 Всё ведь дело спотыкаюся

И с большим трудом ругаюся.
 А после выпивки значительной
 Мой язык устал решительно:
 Бормотал слова несвязные,
 В переводе — безобразные.
 Вдруг встречаюся с красоткою.
 Тоже пьяною походкою
 Я к красоте приближаюсь
 И с красоткой обнимаюсь,
 Но она пошла в амбицию,
 На скандал призвав милицию.
 В час тогда меня направили,
 Протоколики здесь составили.
 Я грозил подать петицию
 На красотку и полицию,
 А за такое обещание
 Получил я воздеяние:
 Му(ш/ж)катер — слуга значительный —
 Обнажил кулак значительный,
 Дал мне шейную проборочку
 И втокнул меня в каморочку,
 Что сибиркой называется
 И особо запирается.
 Вот был наказан я красоткою
 Под названием Титовкою.

Военно-бытовые протяжные и частые лирические песни

39.

Вольная пташечка порхает
 Во высоком дальнем терему.
 Родная маменька вздыхала
 Тяжело по сыну своему.
 Не вздыхайте вздыхи частые,
 Унывному сердцу твоему тяжело.
 В лесах темных, кочмаренских³
 Казак на поле бранном умирал.
 Он ко древу прислонялся,
 К себе товарища позвал:
 — Может быть, братцы, кому придется
 К нам на Тихий Дон кому пойтить
 И скажите моей мамаше:
 Пусть не плачет она обо мне.
 Знать, судьба моя такая —
 Умереть в чужой стране.

³ У Сеимова М. П. «очкерёнских» — 19.10.86 г.

Налетят черные вороны,
Тело моё расклюют.
Расклюют моё тело белое
И шум подымут к небесам.

40.

Не соколик с орлом солетались,
Не соколик орла стал спрашивать:
«Не был ты, орел, на Тихом Дону,
Не видал ты, орел, родину мою.
Ещё не видал, орел, отца с матерью,
Мою молодую жену,
Моих малых деточек-соколяточек?»

41.

Не стежкой молодец, не дорожкой,
Звериною шел молодец тропинкою.
Не один он шел —
За собой душечку коня провел.
И с конем речи разговаривал:
— Где мы, коник, с тобой ночевать будем?
Заночуем, наверное, в чистом поле при долиночке.
А тебя, коник, привяжу за сухую былиночку,
А сам лягу при долиночке.
Раз добрый мой коник полахается,
А казак встрепехается:
— Не полахайся, мой коник,
Это ветер ковыль-травку колыхает.

42.

Веселитесь, храбрые казаки,
Честью славою своей.
Покажите всем друзьям примеры,
Как на поле с врагом воевать.
«Мы тогда сами себя покажем,
Как увидим врага перед собой.
Донцы с пиками служить умеют,
Наша пехота на штыки валяет,
Артиллерия из орудий бьет.
Куда скажут наши сотни-командиры,
Туда едем, рубим, бьем.
Бьем громим, не портим боевой порядок
Честью, славою своей».

43.

Под местечком было Журжею,
Ярославской было земле:
Там стояла шат-высокая гора,
Ещё дюжая гора.
Как под этой горою

Долинушка широкая.
 Как на этой на долинке
 Березочка стояла,
 Как под этой под березой
 Могилушка глубокая.
 Как во этой во могилке,
 Там сосновый гроб стоит.
 Как во этом во гробочке
 Тело белое лежало.
 Тело белое, нетленное,
 Дундукова казака.
 Он не убит, не зарезан,
 А свинцовой пулей
 Сквозь прострелен.
 Его верная берданка
 При боку лежит.
 Его добрый конь
 В головах стоит:
 «Вставай, вставай, мой хозяин,
 Из турецкой земли
 Все наши товарищи
 На Дон Тихий поушли,
 Отцу-матери родным
 Печаль-горе понесли».

44.

Под местечком под Журжею
 Шать-высокая гора,
 А под этою горою
 Дороженька лежала.
 Как по сбочь этой дорожки
 Березина стояла.
 От корня березина
 Щеглеватою была.
 А середина березина...

 К вершине березина
 Кудревата-зелена.
 Под этой березиной
 Могилушка глубока.
 В этой могиле
 Гроб дубовенький стоял,
 А в этой гробине
 Тело белое лежит.
 Это тело не простое,
 Млад-донского казака...

45.

За Уралом за рекой
Казачи гуляют,
Некалёною стрелой
За Урал пушают.
Пьем да гуляем,
За Урал пушаем.
Казачи не простаки,
Вольные ребята.
Хоть на шапках тумачи,
Все живут богачи.
Темна ночка, мало спим,
В поле разъезжаем:
Всё добычу стережем,
Свищем, не зеваем.
Вострый штык — наш булат,
Шашка — лиходейка,
Пропадем мы не за грош —
Жизнь наша — копейка.

46.

Просветил месяц
Долго с вечеру до полуночи.
С полуночи до белой зари,
Со белой зари до красна солнца.
Чтобы видно мне младцу,
Коня седлать.
Мне коня седлать,
Из плена убежать.
Вот бежит-то, бежит,
Коник спотыкается,
А казак к земле прислухается:
Да не гонит ли за ним
Легкая партия,
Партия всё черкесская?

47.

За Кубанскою горой
Там казак коня седлал,
Ковыл-травушку рвал,
На огонек раскладал,
Теплу воду нагревал,
Себе раны промывал:
«Уж вы, раны мои,
Раны больные,
Вы насквозь меня прошли
И до сердца дошли».
Стал казак умирать,
Стал коню приказывать:
«Уж ты, коник, ты, мой конь,

Конь, товарищ дорогой,
 Побегу ты, мой конь,
 Прямо на славный Тихий Дон
 К отцу, матери родной
 И к жененке молодой.
 А жененке моей скажите,
 Что женился на другой.
 Я женился на другой —
 На пулечке свинцовой.
 Востра шашка была свашка,
 Штык граненый был дружком,
 А в зятя меня взяла
 Мать сырая земля».

Конь к воротам подбежал,
 Громким голосом заржал.
 Отец-мать услышали,
 Стали ворота открывать.
 Отец ворота открывал,
 Мать за повод коня брала
 И во двор его ввела.
 А жененка молодая
 Всё расседывала,
 И расседывала,
 И спрашивала:
 «Уж ты, коник, ты, мой конь,
 Где ж хозяин есть твой?» —
 «Мой хозяин далеко —
 За Уралом за рекой,
 За Уралом за рекой,
 Во могиле глубокой».

48.

Там шли два героя⁴
 Из полка домой.
 Вдруг свистнула картеча
 Кого-то из нас двух.
 Меня-то миновала,
 Товарищ мой упал.
 Я подал ему руку,
 Он руку не берет.
 Я вырыл шашкой яму,
 Он в яму не ползет.
 Двенадцать вооруженных,
 Как молонья, идут.
 В руках своих могучих
 Носилочки несут.
 Носилки непростые —
 Из ружьев сложены.

⁴ Каждые две строчки повторяются 3 раза.

Схватили, положили
Товарища моего.
Несли его лесами
Молчали как один,
Один из них военный
Сказал: «Ребята, стой!
Становьте вы носилки
На землю сырую,
Беритесь за работу —
Рыть яму мертвецу».
Работа закипела,
Могила готова.
Схватили, опустили
Товарища моего.
Теперь я не увижу
Товарища своего.
Зарыли, закопали
Товарища моего.

49.

Три товарища шли лесами,
Молчали они как один.
Вдруг свистнула картеча
Из трех нас одного.
Стали мы ему давать руку,
Он руку не берет.
Сделали носилки,
Носилки не простые —
Из шашков сложены.
Взяли, положили
На носилки мертвеца.
Шли они лесами,
Молчали как один.
Поднесли они его к тополю,
Вырыли могилу —
Он в могилу не ползет.
Взяли, положили
В могилу мертвеца.
В могилу положили,
Закопали и пошли.

50.

Носилки не простые —
Из ружьев сложены,
А поперёк стальные
Мечи положены.
«Берите вы носилки,
Носилки с мертвецом».
Двенадцать вооруженных
Безмолвно идут.

Несли его лесами,
Молчали как один.
Один из них военный
Сказал: «Ребята, стой!
Кладите вы носилки,
Носилки с мертвецом.
Ройте вы ему могилу —
Могилу мертвецу».
Работа закипела,
Могила готова.

51.

Вы поля, поля мои,
Поля закубанские,
Поля не породили.
Уродили вы только поля
Один куст ракитовый.
На кусту-то было
Свито гнездо теплое.
Во гнезде-то только сидел,
Сидел млад сизой орел.
А под кустиком-то лежал
Бел-горючий камень.
А из-под камушка Кубань-речка течет,
А на Кубань-речке стояла командушка,
Командушка с Дона Тихого,
Казачи хоперские,
С хутора Попова.

52.

Не шуми, шумушка,
Зеленая лес-дубровушка,
Не мешай мне, молодцу,
Думу думати.
Как я все думы передумал —
Одна думушка
Мне с ума нейдет.
Как мне завтрашний день
На суду стоять,
На суду стоять
И ответ держать
Перед самим царем
Николаюшкой...

53.

Вдруг со времечком
Горе промчится,
Горе, счастье моё пролетит.
На долинке было, на равнинке
Сыр-зеленый дуб стоял,

Дубочек, братцы, стоял.
Мой дубочек, аленький цветочек
Всю долинку украшал.
Подул ветерочек с гор ужасный,
С дуба листочек посорвал.
Подул ещё сильнее,
Кверху корнями дубочек,
Братцы, перевернул.
Мимо дуба мимо зеленого
Быстро речушка течет.
Вдоль по речке по быстрой
Красна лодочка плывет.
На лодочке два молодчика
Сидят...

54.

Под зеленой под раkitой
Казак раненый помирал.
Он ко древу прислонился,
К себе товарищей позвал:
«Может быть, кому придется
К нам на Тихий Дон пойтить,
Отцу-матери скажите,
Что от пули помираю,
А жене моей скажите,
Что женился на другой:
Востра шашка была свашка,
Штык булатный был дружкой».

55.

Под зеленой под раkitой
Казак раненый умирал.
Он ко древу прислонился,
К себе товарищей позвал:
«Может быть, братцы, вам кому придется,
Вам на Тихий славный Дон пойти,
Отцу с мамашенькой скажите:
Пусть не плачут они обо мне,
А жененке моей скажите,
Что женился я на другой —
На пулечке на свинцовой.
Мы венчались в чистом поле
Под раkitовым кустом,
Остра шашка была свашка,
Штык булатный был дружкой».

56.

Ты калинушка, размалинушка,
Ты не стой, не стой
На горе крутой,

Не спускай свой ручей.
По синю морю
Корабель плывет,
Лишь волна ревет.
Как на том корабле
Три полка солдат,
Молодых ребят.
Как один-то из них
Богу молится,
Домой просится:
«Командир полка,
Отпусти меня
К отцу с матерью,
К молодой жене
И к малым деточкам».

57.

Да не пьян идет
Добрый молодец,
Он идет, сам шатается
В одной тоненькой
Аляненькой рубашечке.
Рукава-то его были
Подзасучены,
Неприятельской кровью
Были приубрызганы.

58.

Загоралось вся чистое поле
Неизвестно от чего:
Не от тучи, не от грома —
От казачьего ружья.
Как мне прошлую ночь
Размалым-мало спалось,
Много во сне виделось:
Будто конь мой вороной
Разыгрался подо мной,
Разыгрался, расплясался
Под удалым добрым молодцем.
С меня свенула фуражка,
С моей буйной головы,
Оторвался лук камчатный
С правой стороны.

59.

(Ох) Солнышко, солнышко,
Обогрей меня (нас).
(Мы) Я не вор(ы), не разбойничек(чки),
(Мы) Я церковный(е) плотничек(чки).
Мы состроили церкву славную,

Семиглавную.
На седьмой-то главе
Сидит рябая кукушечка,
Высоко сидит, далеко смотрит,
Через три поля на синё море.
По синю морю
Корабель плывет,
А за этим кораблем
Красная сзади лодочка.
А на этой лодочке
Гребцы сидят.
На корьме сидит
Генерал с ружьем,
На носу сидит
Капитан с веслом.

60.

Ты не стой, ты не стой,
Корабель, на горе крутой,
Спускай корабля в сине море.
Корабель плывет,
Аж вода ревет.
В том корабле
Восемьсот казаков,
Молодых соколов.
Генерал-майор встает, умывается,
Полотенцем утирается,
Богу молится.
Молодой казак домой просится:
«Генерал-майор,
Отпусти меня домой.
У нас на Дону
Жить невесело:
Моего батеньку
Хоронить понесут,
Моя маменька
Чуть жива лежит».

61.

За речкою было за Белою:
Горел огоник малехонький,
Дымочек шел тонёхонький.
У огоньюшка разостлана серое войлочко,
На войлочке лежит подушка сидельная,
На подушке лежит тело белое.
Клюет орел тело белое:
«Не клюй, орел, тело белое,
Возьми за правую ручку
И неси к отцу с матерью».

62.

Казаки — простаки,
Вольные ребята.
Царю верно служат,
По границам разъезжают,
Ни об чем не тужат.
Есть вино —
Пьем его.
Нет вина —
Пьем воду.
Никому не дадим
Казачью волю.
Царь небесный — наш покров,
Земля — постеля.
— Почему вы, казак, бледный?
— Потому мы, сударь, бледные,
Что мы очень бедные.
День в походе,
Ночь в карауле —
На постах стоим.

63.

Ах, вы, братцы,
Мои атаманцы,
Не покиньте меня,
Доброго молодца,
При горе моём
И при печали при большой.
Как мне прошлую ночь
Размалым-мало спалось,
Размалым-мало спалось,
Много во сне виделось.
Будто бы конь мой вороной
Разыгрался подо мной,
Разыгрался, расплясался
Под удалым добрым молодцом.
С меня свенула фуражка,
С моей буйной головы,
Оторвался лук камчатный
С седла правой стороны,
Посыпались мелкие стрелы
На сырую землю.
Как одна стрела
Глубоко в землю ушла.
Как от этой стрелы
Загоралось вся чистое поле,
Подпалила она, подпалила
Ясному соколу сизые крылышки.

Нельзя, нельзя ясному соколу
 По диким степям летать,
 Нельзя, нельзя ясному соколику
 Своих деточек питать.

СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ПРОТЯЖНЫЕ И ЧАСТЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

64.

Как под грушей, грушею,
 Под зеленой кудрявой,
 Там сидела парочка —
 Паренек да бабочка.
 Там сидели они вдвоем,
 Разговаривали.
 — Ты гуляй, гуляй, бабеночка,
 Покель волюшка твоя:
 Муж со службицы придет,
 Всею волюшку уймет,
 Плеть ременную возьмет
 И не раз, не два побьет,
 Волочайкой назовет:
 «Волочайка-негодяйка,
 Полуночная жена,
 С кем ты три года жила,
 Кому верно служила?» —
 «Иванович не во гнев —
 Я любила сряду всех,
 С девяносто мужиков.
 Заработала быков».
 Иванович похвалил,
 Семьсот плетей отвалил.

65.

Ходил, гулял молодец долго с вечера.
 Он зашёл, забрел к высокому терему,
 Он зашёл, забрел не к своей жене,
 Он зашел, забрел ко прежней сударушке.
 Стукнул, грякнул милке об окошечко:
 — Выйди, выйди, милка, на крылечечко,
 Ты зажгла, зажгла моё сердечушко.
 Хочу же сказать тебе два словечечка:
 Почему же огонь горел долго с вечера?
 — Потому ж огонь горел долго с вечера,
 У меня в гостях был родный батюшка.
 — Врешь ты, врешь, шельма, облыгаешься:
 У тебя ж в гостях был прежний полюбовничек.
 Он был, за столом сидел
 И вдарил, вдарил меня в правую щечку,
 И разбил, расшиб серёжку жемчужную.

66.

Уж ты зоренька, зарница,
Высоко рано взошла.
Молодая бабеночка
Поздно по воду пошла,
А я, мальчишка, догадался
Да стал коня своего седлать,
Стал бабеночку догонять.
Догнал, догнал я бабеночку,
Стал с ней речи говорить:
— Здравствуй, здравствуй, бабеночка,
Здравствуй, душечка моя.
Позволь, позволь, бабеночка,
Коня в речке напоить,
А ещё позволь, бабеночка,
Вечерком к тебе придти:
— Приди, приди, мой размилый,
Я всегда дома одна,
Постель моя холодна.

67.

Соловей кукушечку
Уговаривал:
— Полетим, кукушечка,
Во зеленый лес.
Мы сорвем, кукушечка,
С тобой два цветка.
Мы сошьем, кукушечка,
С тобой два гнезда.
Мы снесем, кукушечка,
С тобой два яйца,
Выведем, кукушечка,
С тобой два птенца:
А тебе кукувейка,
А мне соловья.
Твой кукувенок
Будет куковать,
А мой соловьинок
Будет распевать.

68.

Как по Питерской было по дороге,
Ещё по Московской.
Там шли-прошли
Взводы молодые,
А за ними две мамыши,
Мамаши родные:
— Не ходите, две мамыши,
Во следок за нами,
Не обливайте вы все стежки-дорожки

Горькими слезами.
— Как были бы у нас сизые крылья,
Взяли б полетели,
Все казармы облетали,
Сыночков искали.
На моем сыночке
Было два приметка —
Мундир с эполетами
И военная шапка...

69.

Распоследний раз девчоночка
По садочку прошла,
С любимой яблонки
Вершок сломила:
— Расти, расти, моя яблонка,
Расти без вершка.
Живи, живи, моя маменька,
Весь век без меня.
Без меня, без девушки,
Без верной слуги.
Не собравши ума-разума,
Замуж рано отдала
Не в знакомую сторонушку,
В большую семью,
Не в союзную.
И золовки меня бьют,
И диверья меня бьют.
Три года, годочка
В гостях не была,
На четвертом годочке
Я в гости к маменьке пошла.
Все мои стежки-дорожки
Травой заросли и терном заплелись.
Возле любимой яблоньки она села
И свою любимую песенку запела.
А три брата на крыльце сидят,
Один брат говорит:
«Что это за пташка
У нас в саду так хорошо поет?»
А другой брат говорит:
«Давай её убьем».
А третий брат говорит:
«Нет, давай подождем
И давай поглядим,
Не наша ли сестрица
К нам в гости пришла,
Которая три года-годочка
В гостях не была».

70.

Я вчерашний, молодец, вечерочек
Со друзьями я пил, гулял.
Пил, гулял я, молодец, очень поздно,
Пока месяц не взошел.
А я к бабёночке, молодец, пошел,
Я нечаянно, молодец, повернулся,
Я бабёночку себе нашёл.
Правой ручкой брал её за ручку,
Левой ручкой туго к сердцу прижимал,
Поцелуем бабёночку наслаждал.
Откель взялся распостылый ветерочек,
Свет на платье бабёночке приподнял.
Дружка за дружку поцеплялися
И попадали в траву.
Она билась, шельма, колотилась
И просила, шельма, у него.
Помалёночку ему сказала:
«Теперь будешь, верно, милый мой».

71.

Полно, полно в колодезе водицы
Полно, миленький, водится.
Водилися, любилися годов пять,
А теперь про нас люди говорят.
Говорят люди, что в хуторе люблю.
Я люблю, люблю на самом на краю,
А ещё люблю соседушку свою,
Соседушку свою ближнёнькую.
Он часто ходит мимо моего двора.
Мне понравилась походочка твоя:
Походочка мелкочастёнькая,
Разговоры-речь — хорошие слова,
Словеса её приветливые,
Черны глазочки заметливые.
Примечают, где бабёночка пошла.
Пошла бабочка во садик за телком,
За ней миленький на конике верхом.
На бабочке с оборочкой юбочка,
На бабочку было глядеть любочко,
На мальчишке сер немецкий сюртучок,
На бабочке белый зонтовый платок.

72.

Снежки белые, пушистые
Призакрыли все поля.
Одно поле, поле незакрыто,
Поле батюшки моего.
Среди поля есть кусточек,
Одинокёнький стоял.

К земле веточки не клонит —
Знать, листочка на нем нет.
Нет на нем листочка, нет цветочка,
Нету милого моего.
Пойду с горя в чисто поле,
Я рассею грусть-тоску,
Я рассею, я посею
По зеленому лужку.
— Ты расти, моя кручинушка,
Вырастай, горе-печаль.
Когда вырастешь большая,
Тебя замуж отдадут.
Когда будешь молодая,
Ты к нам в гости приезжай.
Когда в гости к нам приедешь,
Во зеленый сад пойдем.
Во зеленом во садочке
Хорошо пташки поют.

73.

Я вечер в лузьях гуляла,
Грусть хотела разогнать.
Долго, долго я гуляла —
Погасал у солнца свет.
Все долины исходила,
Все цветочки порвала,
Лишь цветочка голубого
Я в долинах не нашла.
И без цветочка голубого
Я домой было пошла.
Шла с такой тоской унывной
И недалеко от ручья
Увидала я тот цветочек,
Подбежала, сорвала.
Сорвала цветочек синий,
Незабудкой назвала:
«Незабудочка, цветочек,
Не забудь меня, мой друг,
Не дари ты мне злата,
Подари ты сам себя.
Что подарки твои, богатства?
Ты скажи: “Люблю тебя”».

74.

Сколько, сколько тобой ни ласкаться,
Знать, тобой, шельма, не владеть.
На то мальчик я зародился —
Век по бабёночкам страдать.
В одну, подлую, влюблялся,
Я не мог её забыть.

Я влюбился крепко, вопленился,
Хотел довеку её любить.
Хотел довеку её любить
И до своей жизни, до конца.
Как бы имел я сизы крылья,
Куда вздумал, туда полетел.
Полетел бы я быстрыми крыльями
К раздушечке своей,
Опустился бы я ей сизым голубочком
На правое плечо,
Рассказал бы я ей всё.

75.

Трава, моя травушка,
Трава муравая,
По тебе я, травушка,
Хожу — не нахожусь.
Кого верно люблю,
Того здесь и нет.
Люблю, люблю Любочку,
Хорошую бабочку.
Хорошая бабочка,
Душа моего сердца.
По двору ходила,
Коника водила.
Коня вороного
Своего милого.
За чумбур держалась,
Сиделице клала.
Пряжки застегала,
Пряжки застегала,
Милого сажала,
Словечко сказала:
«Толечко приехал,
Опять уезжаешь.
На кого, бабеночку,
Меня покидаешь?
Одна остаюся —
Ночевать боюся.
Заночуй, урядничек,
Хучь одну ночку». —
«Хотя заночую,
Разбуди пораньше.
Разбуди пораньше,
Проводи подальше,
Чтоб мои товарищи
Спали не вставали».
Проснулся урядничек —
На дворе беленько,
Бело, расцвелося:

«Чего я наделал,
Чего наробил?
Все мои товарищи
Спали, повставали.
Коней поседлали,
С двора посъезжали». —
«Я коров доила,
Про тебя забыла.
Молоко цедила,
Тебя разбудила».

76.

Машенька по саду ходила,
Мелкую крапивушку жала:
«Жала я, немножко нажала.
Кажется, я ни с кем не стояла,
Только я с милым говорила.
Слышу я про твое несчастье:
Едешь ты во дальнюю службу.
Жизнь моя, возьми меня с собой.
Назови меня родной сестрой».
А он говорит: «Глупая ты, красна девица,
Все офицеры в полку знают,
Что у меня родной сестры нет.
Только есть маменька родная
И жена молодая».

77.

Машенька по бережку ходила,
Мелкую крапивушку жала.
Я жала-жала,
Но немножко нажала.
И как будто я ни с кем не стояла,
Только с милым дружкой речи разговаривала:
— Милый мой, миленок дорогой,
Я слыхала про твоё несчастье,
Как будто тебе ехать
Во дальнюю чужбину,
Милый мой,
Возьми меня с собой
И назови меня сестрою.
Сестрою не родною,
А казачьей женою.
— Глупая ты, красная девица,
Про меня все в полку знают,
Что у меня нет родной сестры.
Только есть одна молодая жена,
И то мы с ней живем не в согласии.

78.

Не кричите, кочеточки,
Рано с вечера.
Не будите, кочета,
Дружка милого.
Пушай выспится со мной
На кровати тесовой,
На перинке пуховой.
На заре было, на зореньке,
Всё на утренней,
На восходе было солнце красное.
Зашумели они, ветры буйные,
Затряслися они, горы крутые.
Между гор-то было всё ущельице.
Там шел-то прошел граф Гудович,
Он не так-то прошел —
Он приказ пронес.
Приказ пронес нерадостный:
Молодых-то ребят
Во солдаты брать.
Как отец-мать
Всею ночь-то не спят,
Думу думают,
Кого из трех-то сынов
Во солдаты отдать:
Как у старшего сына —
Дети малые.
А у среднего сына —
Жена молодая.
Так отдать сына малого, неженатого.
Сын расплакался, разгневался:
«Так не родный я вам сын —
Я вам пасынок». —
«Уж вы, дети мои, дети родные,
Вы седлайте коней
И езжайте в поле,
Бросьте жребий в шапочку».
Доставалось сыну малому, неженатому.

79.

Не чаяло красное солнышко
Вокруг света обойтить,
Не думала мать своего сыночка,
Свою чадушку, избыть.
Избыла мать своего сыночка
Во единый скорый час,
Построила мать своему сыночку
Расчернен-чернен корабль.
Спускала мать своего сыночка
Во синё море гулять:

«Гуляй, гуляй, моё чадо,
 Не прогуливай часы».
 Не серая уточка по-над берегом плывет —
 Родная маменька по-над бережком идет.
 Шумит, кричит мать своему сыночку:
 «Не прогуливай, гуляй, сынок».

80.

Ты воспой, воспой, жавроненок мой,
 Зимой на прогалинке,
 Весной на притаянке.
 Призабавь ты меня,
 Младца, при большой беде,
 При темной тюрьме:
 — Ты тюрьма, моя тюрьма,
 Тюрьма заключенная,
 Просидел я в тюрьме
 Не год, не два —
 Ровно тридцать лет.
 На тридцать первом году
 Стал письмо писать.
 Писал я письмо
 Не чернилою —
 Горючей слезой.

81.

Разродимая моя сторонюшка,
 Не увижу я тебя во сне,
 Не увижу, голос не услышу,
 Зык на зорьке в саду соловья.
 Ты, родимая моя мамаша,
 Не печалься ты обо мне.
 Вот да не все же мои друзья-товарищи
 Помирают они на войне.
 Вот ведут мне коника гнедого
 С казачьим его со седлом,
 Вот сажуся на коня гнедого —
 Грудь слезою оболью.
 Еду, еду по чистому полю,
 Сердце чувствует оно во мне:
 Там летела пуля свинцовая,
 Поразила она грудь мою.
 Вот свалился младец, повалился
 На черны гривы коню.

82.

Ой, да разродимая моя сторонка,
 Не увижу я больше тебя,
 Не увижу, голос твой услышу,
 Зык на зорьке в саду соловья.

Еду, еду по чистому полю,
Сердце чувствует оно во мне,
Сердце чует, оно мне вещует:
Знать, не быть мне в родной стороне.
Разродимая моя мамаша,
Не печалься ты обо мне.
Да не все мои друзья-товарищи
Погибают они на войне.

83.

Девчонка, девчонка семнадцати лет,
Любила мальчонка семнадцати лет⁵.
Пришло расставанье —
Не мил белый свет,
Не мил мать-отец.
С этого горя бежала я в лес.
Бежала, бежала —
Дороженьки нет.
Глянула под ножки:
Дорожка лежит.
По этой дорожке
Трочка бежит.
Тройка вороная —
Милый мой сидит.
Шумела, кричала —
Милый не слышал.
Платочком махала —
Милый не видал.
Тяжело вздохнула,
Милый услышал:
«Иди поскорее,
Поедем со мной
За крутые горы,
За темные леса,
Где солнце не светит
Месяц — никогда». —
«А нам с тобой, милый,
Любовь дорога».

84.

Канарейка, канарейка,
Душа Катенька моя⁶,
Не твоя ли, канарейка,
В саду клеточка нова?
Садись в клеточку,
Лети ты на веточку,

⁵ «Вместо слов “Любила мальчонка семнадцати лет” иногда поют “Любила мальчонка / Милей в свете нет”», — Е. И. Шумкова.

⁶ Иногда бывает: «Канареечка душа».

На веточку зелену,
Воспой песенку нову:
«Я словами песню петь не буду —
Я словами тебе расскажу,
Что, хорошую, её люблю.
Люблю я чернобровую,
Хорошую бабочку».

85.

Огонек-то горит
Яркой звездочкой
Всё до полуночи глухой.
Я пойду-то,
Я уйду долго с вечеру,
Где огонёчек горит.
Повстречалась со мной
Красна девица,
Говорит она мне
Речи тайные:
«Да ты брось,
Брось раздосадушку —
Нашу прежнюю любовь...»

86.

Кыль бы можно с Ганюшей прогулять,
Тоску-скуку с Ганюшей разогнать.
Разгоню ж я с Ганюшей тоску-скуку,
Во зеленом с Ганюшей во саду.
Пойду-выйду на быструю только речку,
Сама сяду на крутенький бережок.
Не одна я же бабочка сидела,
Вижу тень я свою на воде.
Тень пустая, тень была густая,
Тень холодная вода.
Спрошу, спрошу я быструю речку,
Не проехал милый мой по реке.
Вон он, вон он едет мой размилий,
Фуражечка на нем была на бочок.

87.

Чем, чем ты, бабочка, прелестна?
Вот зародилась, шельма, она хороша.
Зародилась да вот, мальчик, я влюбился,
Хотел довеку её любить.
Хотел довеку её, до веку,
Вплоть до жизни моей до конца.
Если можно иметь сизы крылушки,
Больше счастья себе не желаю,
Взвился бы сизый голубеночек
Куда вздумал, туда полетел.

Полетел бы да вот сизый голубеночек,
Где размилая моя живет.
Опустился вот сизый голубеночек,
К ней сел на правое плечо.
Посмотрел бы сизый голубеночек
Во белое её лицо.
У ней личушко было беленькое,
Как во поле беленький снежок,
У ней скулушки были румяные,
Как во поле лазоревый цветок,
У ней бровочки были черненькие,
Как шелковый черненький шнурок.

88.

Перепелица с поля летит,
Красная девка в окно смотрит.
Красная девка русу косу чесала,
Гребешочек сломала.
Её русая коса —
Всему городу краса,
Всем ребятам сухота,
А девчонке честь-хвала,
А ребятам сухота.

89.

Поп, поп — широкие рукава,
Пушай тебя люди любят, да не я.
Пошел наш батюшка венчать,
Пошла наша матушка гулять.
Сам поп он венчает, венчает,
Сам гадает, дома ли попадья?
Первенчавши сам до дому побежал,
Бегал, бегал по комнатам, не напал.
Одевает поп широкую рясу,
Бежит шукать попадинку нашу.
Бегал, бегал по улицам, не напал,
Зацепился рукавами в грязь упал:
«Что б тебя, попадинка, грецы взял,
Через тебя все рукавы оборвал».
Набегался: «Пойду лягу спать,
Будешь меня, попадья, шукать».
Вот приходит попадинка в ночи,
А поп храпит, как скаженный, на печи:
«Встань, поп, я на тебя погляжу,
Сама себя разгадаю, рассмеюсь.
А ты думал я в корчме-то гуляла,
А ты венчал, а я сзади стояла!»

90.

Голова ж, ты, моя удалая,
До чего ж ты меня довела?
До какого меня до позору,
До великого стыда?
Меня судьбы безвинного осудили,
Присудили мне три года тюрьмы.
Просидел я в тюрьме три годочка,
Поседела моя голова,
Поседели мои русы кудри,
Где поделась с лица красота?

91.

«Голова, ты, моя ж удалая,
До чего ж ты меня довела?
До какого позора, стыда?
Зачем ты меня, мать, родила,
Зачем ты меня на свет пустила?» —
«Я затем тебя, сын, родила,
Чтоб военную жизнь испытать.
Ты помрешь, сын, на военной постели,
Похоронят тебя без родных,
И никто на твою на могилку
Не придет, не расплатится мать,
А только раннюю весною
Соловей громко песню сплет».

92.

«Зачем ты меня, мать, родила,
Для чего ты меня на свет пустила?» —
«Для того я тебя, сынушка, родила,
Чтобы тюремную жизнь испытать...»
Лежу я в тюремной постели,
Но, наверное, скоро я умру.
Собьют мне гроб из старого теса,
И арестанты меня понесут:
Никто надо мной не поплачет —
Ни отец, ни родимая мать.
Слетятся со всех сторон пташки
И могилку слезой обольют.

93.

Посидите, мои гости,
Я вам песенку спою
Про службицу про свою.
Как три года мы служили,
Ни о чем мы не тужили,
Стал четвертый наставать —
Стал по дому тосковать.
Подъезжали к Дону близко,
Поклонились ему низко:

«Здравствуй, Дон мой, Донец
И родные мать-отец,
И здравствуй, жenuшка-жена,
Сколь верна ты мне была?» —
«Иванович, я не так —
Брала с них я четвертак,
А с двух стариков
Заработала быков». —
«Будь ты проклята с быками,
Не хочу глядеть глазами.
Хорошо жена рачила,
Вся родня твоя постыла».

94.

Посидите, мои гости,
Я вам песенку спою
 Припев: Ой ли, ой лю-ли,
 Я вам песенку спою.
Я вам песенку спою
Про службицу про свою.
 Припев: Ой ли, ой лю-ли,
 Про службицу про свою.
Три я года прослужил —
Ни о чем я не тужил⁷.
Стал четвертый наступать,
Стал по дому тосковать,
Про жененку вспоминать.
 Припев.
Получили мы приказ —
Полку нашему на Кавказ,
Получили мы другой —
Полку нашему домой.
Мы со службой распрощались,
С Тихим Доном повстречались.
«Здравствуй, Дон, ты наш Донец
И родные мать-отец!
Здравствуй, жenuшка-жена,
Ты верна ли мне была?» —
«Я сказать тебе вольна:
Ты побьешь меня больна». —
«Я не буду бить тебя,
Я скучился по тебе». —
«Иванович на веку
Дала Ваньке-русаку». —
«Я за Ваньку-русака
Задам тебе трепака». —
«Иванович, я не так
Я взяла с него четвертак». —
«Будь ты проклята с деньгами,

⁷ Припев после каждых двестишестидесятишести.

Не хочу смотреть глазами». —
 «У Саломатинских хохлов
 Заработала быков». —
 «Будь ты проклята, скотина,
 Вся родня твоя постыла». —
 «А с донскими казаками
 Пропила ярмо с быками!»

95.

Тюрьма моя, тюрьма заключенная,
 А судьба моя нареченная.
 Просидел я в тюрьме ровно тридцать лет.
 Я по тюремочке расхаживал,
 Бородушку разглаживал
 И в окошечко поглядывал.
 Борода моя ниже пояса,
 Ниже пояса шелкового,
 А волосы мои расплетались по плечам.

96.

Между горского ущелья
 Шлях-дорожка лежала.
 Как по этой по дорожке
 Провожала я дружка.
 Провожала, убажала
 И вздыхала тяжело.
 «Не вздыхай, душа Маша,
 Не вздыхай тяжело».
 Конечно, дружка жалко,
 Забывать теперь его.
 Я тогда дружка забуду,
 Когда смертью умру.
 Подломятся резвы ножки,
 Не буду к нему ходить.
 Разовьются белы ручки,
 Я не буду обнимать.
 Уста кровью запекутся,
 Я не буду целовать (или «обнимать»).

97.

У нас ноне всё худые времена:⁸
 Невестушка, невестушка полюбила диверя.
 У диверя, у диверя всё ревнивая жена,
 Ревнивая, ревнивая, шелудивая.
 Не велит мужу на улицу ходить,
 На улицу, на улицу, через речушку,
 Через речушку, на горушку,
 На горушку, ко вдовушке.
 У вдовушки сидят гостюшки

⁸ Каждую строчку поют 2 раза.

По лавочкам, по скамеечкам.
А мой милый всё на кончике сидит⁹,
А я млада перед ним стояла.
Кивнула моргнула,
А сама вон пойду.
Авось милый догадается —
Берет шинель одевает,
За мной следом убирается.

98.

У нас ноне, у нас ноне
Всё такие времена:
Невестушка, невестушка,
Невестушка полюбила диверя.
У диверя всё ревнивая жена,
Не велит мужу, не велит мужу
На улицу ходить,
На улицу, через речушку,
Через речушку, на горушку,
На горочку, ко удовушке.
У удовушки сидят гостюшки,
А я млада всё на лавочке,
На лавочке, на скамеечке.

99.

Задумал наш Савич
Водочки напиток.
Он бочком, бочком,
К кабачку поближе,
Он стучит и гремит:
«Подайте мне водки».
Вот подали Савичу
Две бутылки водки
И хвост оселёдки.
Он напился, наш Савич,
Пошел, зашатался.
Он упал, захрапел,
На сто сажень слышно.
Вдруг является к нему
Ночной обиратель.
Он обшел его кругом,
Обшарил карманы.
Снял с него сапоги, рубашку,
Шинель и фуражку.
Проспался наш Савич,
Савич греховодный
Осмотрелся хорошо —
Нет порток, рубашки.

⁹ «Эта строка спета в варианте, записанном от» А. Т. Чурекова 15.06.1981 г.

100.

Понедельник — понедельничала,

Вторник — вторничала.

Куделя, куделя моя,

Остаешься непряденая¹⁰.

А в среду печку-баню топила,

А в четверг сама парилася.

Припев.

А в пятницу добры люди не прядут,

А в субботу — родительская.

Припев.

А в субботу — родительская,

В воскресенье к обеденьке пошла.

Припев.

В воскресенье к обеденьке пошла,

Вот в том моя неделя прошла.

Припев.

Уж ты, мать моя, маменька,

Ты зачем младу замуж отдала?

Припев.

Ты зачем меня младу замуж отдала?

Я на первую ночь родила.

Припев.

Я на первую ночь родила,

Всей семейшке покою не дала.

Припев.

101.

Мальчишечка, бедняжечка,

Склонил свою головушку

На правую сторонушку,

На правую, и на левую,

И на грудь ты мою,

Грудь белую.

Я когда тебя любил —

Счастливый был.

А любить перестал —

Безчастный стал

И в тюрьму попал.

Я в тюрьме сию

И в окно гляжу:

Не идет ли она,

Моя милая.

Не несет ли она

Свету алого,

Призавялого.

¹⁰ Припев поется после каждых двух строчек.

102.

С вечеру дождь, с полуночи мороз,
До белой зари метелица всё попархивала.
Вдоль по улице метелица метет,
А по этой по метели
Трое саней пролетели:
Двое саней с козырями,
Третьи — с вырезами.
Как на этих на санях
Офицерушки сидят,
В одну сторону глядят,
Одну речу говорят:
«Ох, чей-то садок
Раззелененький такой?
Побыл бы в нем,
Поголял бы по нем».
Там во тереме кроваточка тесовенькая,
На кроватушке перинушка пуховенькая,
На кроваточке девчоночка
Молоденькая, молоденькая,
Все хорошенькая.
Взял бы её за себя
И изукрасил для себя.
Построил бы девунюшке
Червунчатый корабль,
Нанял бы гребцов,
Гребцов-песенников.
Как один-то гребец
Не грянет, не гребет
И славную песню не поет.

103.

«Вы, кумушки-голубушки,
Кумитесь, любитесь
И любите меня.
Пойдете вы во лесочек,
Возьмите меня с собой.
Сорвете вы по веночку,
Сорвите и мне.
Совьете вы по веночку,
Свейте и мне...

104.

Веселая беседушка собралась,
Где батюшка мой пьет.
Он пьет, не пьет,
Родимый мой.
За мной посла шлет.
А я млада младешенька
Замешкалась
За курами, за гусями,

За мелкою за птичкою,
 За павушкой.
 Павлин ходит по бережку
 По крутенькому.
 Он травушку-муравушку
 Пощипливает,
 Дунайскою водичкою
 Закусывает...

105.

Теперь нам пожить, погулять,
 Пока некого на баз загонять:
 Коровушки — во дубровушке,
 Овечушки — все на речушке,
 А лошадушки — на площадушке.
 Если б ты меня женила мать давно,
 Я б не ездил на чужие хутора,
 Я б не мучил сторублевого коня.

106.

Пойду, пойду я во конюшенку
 И взловлю себе ворона коня.
 Сяду я поеду во зеленые луга.
 Коня пуцу во долинушку,
 А сам сяду под малинушку.
 Малинушка к земле клонится,
 А мне, младцу, уснуть хочется.
 Я не долго спал —
 На четвертый день я встал.
 Я не сам встал —
 Меня дева будила:
 «Вставай, вставай,
 Молоденький паренек,
 Немцы идут,
 Коня ворона возьмут.
 Коня возьмут —
 Конь ещё будет.
 А тебя убьют —
 Мне жаль будет:
 Не с кем будет
 Мне ночушеньку ночевать,
 Не с кем, не с кем разговаривать».

107.

Луговая дороженька
 Дюже закурёна.
 Молодая бабенка
 Дюже зажурёна¹¹.

¹¹ Зажурёна — горюет.

Журил, бранил
 Донской казак
 Коня своего гнедого:
 «Что ж ты, коник мой,
 Не пьешь воду?
 Или ты чуешь
 Свою походу?»
 Конь головку склонил,
 А молодая бабенка
 Слезы ронит:
 «Умер, умер мой донской казак
 На чужой дальней сторонке».

108.

По тем доскам я ходила,
 Я ходила и гуляла.
 На одну доску наступила,
 Наступила, переломила.
 С гульбы приду — не спрошуся.
 За ту доску журят, бранят,
 Побить хотят.
 Я этой журьбы не боюся:
 Гулять пойду — не спрошуся,
 А с гульбы приду — не скажуся.

109.

— Свекор-батюшка,
 Пусти погулять.
 — Я кожу спущу —
 Гулять не пущу.
 Я укражуся — нагуляюся,
 Навороюся, нацелуюся.
 Вон он, мой милой,
 Ходит за рекой,
 Он машет рукой,
 Рукой правою,
 Лентой алою:
 — Милая моя,
 Перейди сюда.
 — Я б рада перейти —
 Жердочка тонка,
 Речка глубока.
 Боюсь упаду —
 Башмачки намочу.

110.

Посею лебеду на берегу,
 Свою крупную рассадущку,
 Свою крупную, зеленую.
 Кабы молода была,

Я бы вольная казачка была:
Ходила, гуляла по лугам,
По зеленым лес-дубравушкам,
С донским с молодым казачком,
С разудалым добрым молодцѳм:
«Что не ходишь,
Что не жалуешь ко мне?
Что не ходишь,
Не ночуешь у меня?
Без тебя, друг, постель холодна,
Одеялице заиндева была,
Подушечка потонула во слезах».

111.

На фартучке, фартучке —
Золотые гребешки.
Они золотые, не простые —
Разным шелком первитые.
Я божила, клялась,
Полюбить дружка бралась —
Шельма, обманула.
Обманула — не пришла,
В село царское зашла —
Шельма, заблудилась.
Приезжай, милый, скорей,
С тобой жить нам веселей,
С тобой неразлучно.
Разлучает нас неволя —
Чужая дальняя сторонка.

112.

Быстрая речка с бережочку сносит,
Молодой казак домой просится:
— Ты, полковник наш молоденький,
Пусти меня до дому:
У меня казачка молодая,
Я по ней, розочке, скучаю.
— Ты напейся, казак, воды холодной —
Всѳ горе позабудешь.
— Пил я воду, пил холодную,
До пьяна не напивался.
Любил бабочку,
Она по мне, розочка, скучает.

113.

Бежит речка по песочку,
С бережочку сносит.
Молодой казак, с Дона малолеточек,
Полковничка просит:
— Ты, полковничек,

Офицер молоденький,
Отпусти до дому:
Очень я соскучился,
С тоски сгоревался
По своей краине.
— Я бы рад отпустить тебя до дому,
Боюсь, ты не вернешься.
Ты напейся, казак,
Водицы холодной —
Про всё горе забудешь.
Пил я воду, пил холодную,
Пил её и не напился.
Я любил и жалел
Хорошую девушку,
Пошел с ней и не простился.

114.

Быстра речушка, все текущая,
К бережочку сносит.
Молодой казак домой просится:
— Офицерик дорогой, отпусти домой,
Дюже скучился, сгоревался
По своей кровинушке.
— Ты напейся, казак, водицы холодненькой,
Про всё горе забудешь.
Пил я воду, пил я холодную,
Пил я её и не напился,
Любил я бабочку чернобровую,
Любил её и не налюбился.

115.

Сторона, ты, моя сторонushка,
Сторона чужая,
Никто про неё не знает,
Про эту сторонushку,
А только знает про неё
Моё сердце ретивое.
Не сам я зашел — занесла неволя.
Неволя была служба царская.
С той тоски, с этой кручинушки
Пойду прогуляюся
И найду я «к» своей сударушке,
Спрошу про её здоровьице.

116.

Ко мне ноне голубь прилетал,
Опушался голубь на прекрасное крыльцо,
Начал голубь песню гуртовать,
Меня младу от сна пробуждать.
Я очнулась, от сна пробудилась

И поймала себе голубка.
 Я думала: это голубочек,
 А это миленький дружок.
 Я отворяла и дружка приглашала,
 За убранный стол сажала.

117.

Гладко голову не чешет —
 То букановские.
 Что не улки-переулки —
 Остроуховские.
 Что не в ряд стоят рассадники —
 То слащевские.
 Что не серы зипуны —
 Федосеевские.
 Что не рог с табаком —
 Это зотовские.
 Камышовые чуланы —
 Аржановские.
 Разваленные трубы —
 Алексеевские.
 Не дубовые стремянны —
 Это луковские.
 Цыганок цыганку —
 Это кепинская.
 Клочковаты казаки —
 То филоновские.
 Что не красные платки —
 То скуришенские.
 Что не двор, то и вор —
 То глазуновские.
 Молодец к молодцу —
 То кумылженские.
 А в Кумылженской станице
 Есть Глушица, есть Чаща,
 Есть Глушица, есть Чаща.
 Есть два брата-молодца,
 Есть два брата-молодца —
 Заморозили отца.

118.

Во ку-, во кузнице, } 2 раза
 Во кузнице молодые кузнецы. } 2 раза¹²
 Они куют, куют, } 2 раза
 Они куют, чисто сваривают. } 2 раза
 К себе, к себе Дуню, } 2 раза
 К себе Дуню подговаривают: } 2 раза
 «Пойдем, пойдем, Дуня, } 2 раза

¹² Каждая две строки повторяются 2 раза.

Пойдем, Дуня, в огород, в огород, } 2 раза
 Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок, } 2 раза
 Под саменький корешок, корешок. } 2 раза
 Сошьем, сошьем Дуне,
 Сошьем Дуне сарафан, сарафан. } 2 раза
 Носи, носи, Дуня, } 2 раза
 Носи, Дуня, не марай, не марай. } 2 раза
 По праз-, по праздничкам надевай, } 2 раза
 По будничкам скидывай, скидывай. } 2 раза

119.

— Где ты зиму зимовал?
 — В лесе, в лесе на тырчине,
 На самой на вершине.
 Ночевала моя мать
 У красной дивчине,
 Ночевала, скочевала.
 Сына не видала...

120.

— Уж ты, хмель, мой хмелек,
 Где ж ты зиму зимовал?
 — Зимовал я, хмелек, в лесе на турчине (сухая лесина),
 В лесе, в лесе на турчине,
 На самой вершине.
 Моя мать ночевала
 У красной дивчины,
 Ночевала, почивала,
 Сына не видала:
 «Женись, женись, мой сынок,
 Бери себе жёнку».

121.

Сидела Катюшенька
 Спроть заветного окна,
 Шила-вышивала
 Себе нарукавнички.
 Вышивала нарукавнички,
 В терем голос подала:
 — Родимый мой батенька,
 Что ты думаешь обо мне?
 — Я думаю-подумываю
 В монастырь Катю отдать.
 — Родимый мой батенька,
 В монастырь я не гожусь:
 Старым я монашкам
 Рукавчики оборву,
 Молодых монашечков
 По трактирам разведу.
 Сватался-посватался

Сын богатого купца,
 Сказывал-рассказывал
 Про своё житье-бытьё:
 «У меня есть, Катенька,
 Лавка с красным товаром».
 — Родимый мой батенька,
 Я за этого не пойду.
 Сватался-посватался
 Из трактира музыкант,
 Сказывал-рассказывал
 Про своё житье-бытьё:
 «У меня есть, Катенька,
 Скрипка и смычок».
 — Родимый мой батенька,
 Я за этого пойду.

122.

Сидела Катюрочка
 Против заветного окна,
 Шила-вышивала
 Нарукавнички себе.
 Вышимши нарукавнички,
 Я в терем голос подала:
 «Хороша я, хороша,
 Да плохо одета.
 Никто замуж не берет
 Девчонку за это.
 Пойду я с горя в монастырь —
 Богу помолюся,
 Перед иконою святой
 Слезою зальюся.
 Не пошлет ли мне Господь
 Той доли счастливой,
 И не даст ли мне Бог
 Жениха красивого?»

123.

(Поет женщина)
 — Сад, ты, мой сад,
 Сад не рясен цветет,
 Осыпается.
 Сколь далеко, мой друг,
 Убираешься?
 Что не год — то в поход
 Собираешься.
 Со всеми людьми прощаешься,
 А со мной, бабочкой, всё ругаешься.
 — Никто меня провожать нейдет:
 Ни отец, ни мать,
 Ни сестра, ни брат.

Провожали меня люди добрые —
Соседи ближние.
Летел павá через три поля,
Потеряла павá золотое перышко,
А второе поле летела,
Потеряла правое крылышко...

124.

Прошел день, прошла ночь,
Прокатилась моя младость
Ни в чести, не в гульбе, не в радость.
Простоял я, молодец,
У чужих ворот,
У соседушкиных.
Проглядел я, молодец,
Через соседушкин двор
На сударушкин.
Через сударушкин двор
Прошла туча грозная
Со сильным дождем,
С ядреным градом.
Сбил яблочко
Со сладкой яблоньки.
Покатилось яблочко
Вниз по балочке.

125.

Раз полоску Маша жала,
Золоты снопы вязала.
Она жала, приустала,
На снопах задремала.
Шел казак по дорожке,
Видит: лежат бабьи ножки,
Обернулся:
«Здравствуй, душенька девица,
Дай напиток мне водицы —
Утомился».
Целый день они сидели,
Друг на друга не глядели —
Любовались.
Как вот вечер приближался —
Наш солдатик разгорался.
Стало жарко.
— Что у тебя промеж ног за зверок?
— Ты казак, а чудак.
Ай ты в лесе не бывал,
Диких зверев не видал?
— Я видал ежака,
На нем шерстка не така.
На нем маленькая и коловатенькая,
А эта маленькая и кудреватенькая.

126.

Раз полоску Маша жала,
Золоты снопы вязала,
Молодая, молодая.
Она жать не нажала,
Лишь на межке пролежала.
Оглянулася назад,
По меже идет казак:
В одной руке башмачки,
А в другой-то — чулки:
«Садись, Маша, на снопок,
Обувай белый чулок».
Маша ноженьку обула,
Казак чудо не видал.
А другую обула,
Казак чудо увидал:
— Чтой-то за зверок
Краснеется промеж ног?
— Уж ты, глупый казачок,
Что ж ты в лесе не бывал,
Диких зверей не видал?
— Я видал ишака,
На нем шерстка не така.
— Это черный ягночек,
Краснеется язычок.

127.

Брат к сестре приезжал в гости.
Он и день гостит, и второй гостит,
А на третий день убираться стал,
Убираться стал, со двора съезжать.
Как сестра брата провожать пошла.
Она поле шла и второе шла,
А на третьем поле остановилась и распростилась.
Как сестра брату стала жалиться:
— Уж ты, брат, ты, мой брат,
Родной мой брат,
Как нонешнюю ночь меня муж побил,
Не столько он бил, сколько выпугивал.
— Уж, сестра, ты, сестра,
Я свою поехал — побил,
Чуть живую пустил.
И приеду побью,
Чуть живую пушу.

128.

Не в поле ветер веет,
Военный гром гремит.
Никто так не сражался,
Как мой милый на войне,

Как милый на войне.
 Он пули не боялся,
 Всё думал обо мне.
 Убит, убит мой милый,
 Убитый на войне,
 Убитый на войне,
 Похоронен в чужой стране.
 Была б я вольна пташка,
 Полетела бы я туда,
 Где милый крепко спит.
 Села б я ему на правое плечико
 И рассказала бы ему про своё житьё-бытьё.

129.

В городах у нас палаты,
 А в хуторе цветут сады.
 Там живут-служат казаки,
 Как цвет они цветут.
 На них мундиры рублей тридцать,
 А в кармане один грош.
 Подавай, казак, в отставку —
 Лучше дома будешь жить.

130.

Самохин, Самохин,
 Что ты наробил?
 Через свою женёночку
 Саньку-мельничка убил...
 (Из были, песня была сложена в ст. Аржановской).

131.

Как на Масленой неделе
 У соседа блины ели.
 Вот блины, блины мои,
 Блины масленые¹³.
 А кума наша Арина —
 Блины печь мастерица.
 Припев.
 Напекла она кучек шесть,
 И, наверно, сот пять есть.
 Припев.
 Как начали их жевать,
 Не успели подавать.
 Припев.
 И доелись до того,
 Что не помнят ничего.
 Припев.

¹³ Припев во всей песне один и тот же.

Поглядите на Егора —
Он рыгает у забора.

Припев.

Поглядите на Павлушку —
Он заглядывает в кадлушку.

Припев.

Поглядите на Татьяну —
Она лезет на стену, как пьяна,

Припев.

А кума наша Хаврошка —
Она кушала немножко.

Припев.

132.

Как кума наша лиса
В лес гулять пошла.
Недалеко отошла
Жучка черного нашла:
— Завяжу жука в платочек,
Принесу его домой,
Посажу его за стол,
Чаю, сахару на стол.
Кушай, кушай, милый мой,
Кушай гость мой дорогой.
Он не кушает, не пьет,
Вдоль по лавочке ползет.
А тетенька увидала,
Рассердилась на него:
— Чтобы жука не было,
Выкинь его за окно.
— Я потешу своё сердце —
Жука брошу под кровать.
Сама лягу на кровать.
Чуть уснула, не уснула,
Жучок ползает по мне,
Жучок ползает, стрекочет,
Целовать меня хочет.
Через месяц, через два
Лиса сделалась больна.
Девять месяцев проходит,
Лиса сына родила.
Она сына, всё Максима,
Ростом полтора аршина.
Ох-ох, оха-ха,
Чем я, бабочка, плоха?
На мне юбка новая,
Саша чернобровая.

133.

Призасохла, призывала
В поле травка без дождя.
Сильный дождичек травке не в помощь,
Вот бы лишь восточный один ветерок-ветерок.
Ох, долго-долго ждала-поджидала
Вот я любезного дружка своего, своего,
О ком сердцу моему было сокрушаться.
Мил не мыслил дружок обо мне, обо мне.
Во садочке было зеленом,
Там распевали в саду соловьи, соловьи.

134. Красотка

Дорогая шельма, раскрасоточка,
Красоточка, которую прежде я любил.
Любовь, с ней она расстается,
Зло великое у нас с ним зашло.
У ней мысли возмутились,
И загоралась в белом лице кровь.
Кровь горит, лицо её пылает,
Сердце чувствует с милым любовь, любовь.
Любовь-шельма — лиходейка,
Вот до чего же меня любовь довела,
Любовь-злодейка.
До позору меня, до великого стыда, стыда.
Где ж мы с милым свыкалися,
Там цвет-роза расцвела, расцвела.
Где ж мы с милым расставалися,
Сквозь слез речка протекла.

135.

Дорогая красоточка,
Которую я прежде любил,
У ней мысли возмутились,
Загоралась в лице кровь.
Кровь горит, лицо пылает,
Сердце чувствует любовь.
Заставила меня женёночка
Таскаться меня по ночам.
По ночам, ночам темненьким
По чужим шельмам жёнам.
Чужая шельма жененочка —
Лебедушка белая,
А своя шельма женёночка —
Полынь — горькая трава.

136.

В деревне живал,
Метёлки вязал.
Метёлки в деревне,
Метёлки в деревне,
Метёлки в деревне,
В деревне вязал,
Метёлки вязал.
В Москву отправлял,
В Москву отправлял.
В Москве продавал.
Продал я метелки,
Салоп (платок) ей купил.
Недовольна плутовка
Подарком была.

137.

Болит, болит
Моя головушка,
Болит очень больно.
Нечем, нечем мне
Свою головку перевязать,
Не с кем, не с кем
Мне на родину,
Не с кем переказать.
Перекажу я на родину
С ясным соколочком,
А головушку я свою перевяжу
Шелковым платочком.
Мой платочек короточек —
Головку не свяжет.
А соколик бессловесный —
Всю правду не скажет.

138.

Зеленый дубочек
На яр поселился.
Молодой мальчишка
Бездольный родился.
Отец-мать померли,
А я не женился.
Я с этого горя
Пойду в чисто поле
Шукать себе долю.
Не нашел себе долю,
А нашёл рыболовлю:
«Рыболовцы-хлопцы,
Добрые молодцы,
Вы закиньте сети,

Перетяните реку.
Вы поймайте долю
Парню молодому».
Не поймали долю,
А поймали щуку
Парню на разлуку.

139.

На горé, на горочке,
Там стоял сосновый дом —
Тюрьма новая,
Тюрьма новая, сосновая.
У той тюрьмы двери медные,
А затворочки железные,
А замочки в полтора пуда,
А ключики 25 фунтов.
За ключом сидел невольничек,
Невольничек, малолеточек,
Малолеточек, млад
Донской казак.
Он сидел там не год и не два,
А ровно двадцать лет.
Вырастала у него бородушка,
Бородушка ниже пояса,
Ниже пояса шелкового.
Русы кудри расплетались по плечам.
Он по темничке расхаживал
И в окошко поглядывал:
Не едет ли там белый царь,
Православный государь.
Случилось младцу глянути,
Случилось царю ехати:
«Ах ты, батюшка
Православный государь,
Разреши мне домой
Письмо написать».

140.

Подгоняют ко мне пару лошадей,
Берут везут в чужую дальнюю сторону,
В чужую семью несуютную:¹⁴
«Ах, ты, братец, ты, мой родненький,
Заряжай свою двустволочку,
Ты убей моего разлучника,
Разлучает он меня с отцом-матерью,
С моими милыми подружками».

¹⁴ Несуютную — т. е. ненормальная, неладная.

141.

Вдоль да по реченьке
Да по Казанке
Да сизый селезень плывет.
Вдоль да по бережку крутому
Добрый молодец идет.
Он со кудрями,
Он со черными
Разговаривает:
«Кому эти кудрюшки,
Кому эти черные
Достались расплетать?
Достались эти кудрюшки,
Достались эти черные
Старой бабушке чесать.
Она их не чешет,
Она их не гладит,
Волос к волосу не кладет».

142.

Вдоль по матушке по Волге
Подымалась бурь-погода,
Погодушка небольшая,
Но волновая.
Ничего в волнах было не видно,
Только видно было
Одну красную лодочку.
Красная лодочка краснеется,
А на гребцах шляпа чернеется:
«Вы гребитесь, гребцы, не робейте,
Свои силушки не жалейте.
Вы бабаечки не сушите,
А к бережку поспешите».

143.

С горя ноженьки мои не ходют,
Со слёз глазки не глядят.
Встал бы пошел бы
К своей сударушке,
Да не знаю, где она живет.
Попросил бы я своего товарища,
Пусть товарищ меня доведет.
Но мой товарищ — парень ненадёжный:
Боюсь, девку совсем отобьёт.
Вспомни, вздумай, моя дорогая,
Как купаться с тобой ходили.
Как мы стали разбираться,
Опускался на нас дождь.
По разочку с тобой охлынулись,

Помутилася в речке вода.
 Перемочил на нас платье,
 Мы пошли с тобой сушить.

144.

В саду вишенка заблѣкла,
 На ней нет ничего:
 Нет цветочка, нет листочка,
 Нет милого моего.
 Сын задумал жениться
 И благословенье стал просить:
 «Дозволь, батенька, жениться
 Дозволь взять кого люблю».
 Отец сыну не поверил.
 Что на свете есть любовь:
 «Есть на свете люди равны,
 Можно каждого любить».

145.

Запугалась красная девушка
 Во тѣмном лесу.
 Выходила красная девушка
 На крут бережок,
 Расстилала красная девушка
 Шелѣвый платок,
 Становила красная девушка
 Водки полуштоф,
 Шумела, кричала
 Тонким голоском:
 — Перевозчик, ты парень молодой,
 Перевези меня на ту сторону домой.
 Что стоит — тебе заплачу.
 — Мне не надо платы никакой,
 Выйди замуж за меня.
 — Мой батенька богатый,
 Не отдаст он за тебя.
 — А моя маменька бедняжка,
 А я, мальчик, красота.
 Я мальчик-раскрасавчик,
 А ты сволочь предо мной.

146.

Ах, вы, вздыхи, мои вздыхи,
 Вздыхи тяжки, тяжелы,
 Да летите, мои вздыхи,
 А куда я вас пошлю.
 Вы летите, мои вздыхи,
 Ко милому ко дружку,
 Расскажите моему другу,
 Какую я грусть терплю.

Слезы льются, темнотою
 Заливают небеса,
 А я, бабочка-бабенка,
 Всею ноченьку не спала.
 Чуть заснула перед зарею,
 Стучит, гремит об окно,
 Стучит, гремит об окошко
 Своим золотым кольцом:
 «Пусти меня, моя милка,
 Я замерз и весь дрожу».

147.

Ай, да вы, морозы лютые,
 Заморозили
 Урядничка на коне,
 Задержали девчоночку
 В темноте.
 Выходила девчоночка на крыльцо,
 Выносила шубеночку на руке,
 Прикрывала урядничка на коне
 И приговаривала:
 «Где поедешь,
 Заезжай, милый, ко мне
 Не заедешь —
 Обомрет сердце во мне,
 А заедешь сердце возрадуется».

(Как запрягли лошадей на Масленицу кататься — это было первая песня.)

148.

Четыре двора, четыре двора —
 Из ворот ворота.
 Пятый двор —
 Живёт милый мой.
 Живёт он, живёт,
 Часто речи подаёт:
 «Милая моя,
 Догадайся сама».
 Прялочку взяла,
 На сиделочки пошла.
 Прясть не напяла,
 Всею ночь провела.
 Прялочку под лавочку,
 Сама с милым легла.
 Курочки запели,
 Я лежу, лежу, лежу.
 Другие запели,
 Я не думала вставать.
 Третьи запели,
 Заря занялась.
 Заря занялась.
 Я с постели поднялась.

С прялочкой иду,
Старый ходит по двору:
— Где ж ты была,
Где погуливала?
Старому черту
Бороду навила.

149.

(Давношняя песня)
Ох, Варя-Варенька,
Чудесная Варвара.
Да не ты ли, Варвара,
Со Романом гуляла?
Роман речи говорил,
Чем Вареньку подарил:
— Подарю я Вареньке
Черевички-валенки,
Ещё Варе подарю
На два платья миткалю.
— Миткаль — розовый цвет,
Мне не нравится носить.
Уж ты, Варя-Варенька,
Чудесная Варвара.

150.

Заблудилась красная девчоночка
Во тёмном лесу.
Вот выходила красная девчоночка
На крут бережок.
Ай, да расстилала красная девчоночка
Свой шёлковый платок,
Становила красная девчонка
Водки полуштоф,
Закричала тонким голосом:
«Перевозчик, ты, мой перевозчик,
Парень молодой,
Первези меня на ту сторону,
Я тебе заплачу».

151.

Задумал я жениться
По семнадцатом году,
Но дело не клеится —
Невесту не найду.
 Эй, живо, живо,
 Даёшь пару пива
 И парочку девчат,
 Чтоб было с кем начать.
Осталась моя Шурочка,
Остался весь убор.

Любить тебя не в силах я
 Среди Карпатских гор.
 Эй, живо, живо,
 Даёшь пулемёт,
 Русской горькой поскорее,
 Чтобы было веселей.

На станции Филоново
 В семнадцатом году
 А полк скоплектованный
 На белую орду.
 Живо, живо,
 Даёшь пулемёт
 И парочку девчат
 Чтоб было с кем начать.

Романсы, новые баллады, лирические песни литературного происхождения

152.

Поехал казак во чужбину
 На своем на добром коне вороном,
 Он свою краину
 Хотел на время покинуть
 И не мог вернуться в отеческий дом.
 Его казачка, жена молодая,
 Утро-вечер выходит на север смотреть.
 Всё ждёт она, поджидает,
 Когда с далёкого края
 Её милый казак-душа прилетит.
 Где сдвинулись дружные сосны,
 Там под снегом
 Казачьи кости лежат.
 Когда казак умирал, просил-умолял,
 Чтобы насыпали ему в головах
 Большой курган песку.
 И на этом кургане
 Пусть калинка родная растёт
 И цветёт своими яркими белыми цветами,
 А на калинке залетная пташка
 Воспевает песенку всегда
 Про жизнь донского казака.

153.

Трансвааль, Трансвааль,
 Задумчивый бур сидел.
 — О чём задумался, детина,
 О чём горюешь, седина?

— Горюю я по Родине
И жаль мне край свой родной.
Сынов у меня всех десять,
А четыре уже живых нет,
Пять юных остальные
За свободу борются,
А малая малюточка,
Семнадцати лет он,
Просился на войну.
А я сказала ему: «Нет-нет-нет»,
С собою не возьму:
— Раз ты млад, в другой раз слаб.
— Пушай я млад, пушай я слаб,
Но сильна рука моя,
И тут мы оба с ним
Пошли на вражество.

154.

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне.
Под деревом развесистым
Задумчив бур сидел:
— О чем задумался, детина,
О чем горюешь, седина?
— Горюю я по Родине
И жаль мне край родной.
Сынов всех десять у меня:
Троих уж нет в живых.
Старший сын — старик седой —
Давно убит уж на войне,
Он без молитвы и креста
Зарыт в чужой земле.
Шесть юнош остальных
За свободу борются,
А младший сын 12-ти лет
Просился на войну,
Но я сказал, что нет, то нет,
Малютку не возьму.
Я выслушал малютки речь
Обнял, поцеловал его,
И с ним пошли мы,
Пошли в бой на врага.
Однажды при позиции
Отбит был наш обоз,
Малютка на позицию
Ползком патрон принес.
Вот женщины, женщины,
Молитесь за ваших сыновей
За кривду Бог вас накажет,
За правду наградит.

155.

Волга-реченька,
Прихожу я к тебе с тоской,
Приношу я тебе много вестей.
Хотя милый мой друг живет далеко,
Хоть словечко донеси.
Ты несись к нему волною,
Ты спустись к нему струею
И скажи, скажи моему милому,
Как я мучаюсь о нем.
Я мучаюсь-тиранюсь,
Я такую грусть терплю:
Слезы катятся из глаз,
В душе — мука,
Жить в разлуке с милым тяжело:
«Тиран, тиран, ты, мой тиран,
Злой мучитель,
Зачем ты мучаешь, тиранишь меня?
Брошусь в речку — утоплюсь,
Пусть волна меня унесет...»

156.

Из-под беленькой тоненькой блузочки
Тяжело моя дышала грудь.
Моё бедное, бедное сердце,
Ты зачем же его взял у меня?
Я потеряна была своею красотой,
Ты нахально любить меня заставлял,
А теперича я слегла во постели —
Ты не придешь проведать меня.
И сегодня я бессильная, больная,
Всею ночь напролет не спала.
Всею ночь перед окошком просидела,
К себе милого в гости ждала.
Вон он, вон он, идет мой размильный,
Мое сердце не верит глазам.
Его серые глазочки смотрели
Из-под черных бровей на меня,
Допытаться они все хотели,
Что таится в грудях у меня.
Допытались, и я ему всё же сказала,
Что любви подходит конец.

157.

Трепет, трепет, лихорадка,
Трепет, трепет, лихорадка.
Чей-то, чей-то голосочек
В поле раздается:
Неужели это милый
Со мной растается?

Расстается лед с водою,
Но не мы, милый, с тобой.
Лед на время растает,
А мы с милым навсегда.
Трепет, трепет, лихорадка,
Трепет милого моего.
Пушай трепет не бросает
За неправду за его.
В понедельник день трепала,
Весь я вторник пролежал,
А во среду приподнялся
Пошел я бабушке гадать:
— Уж ты, бабушка-отгадка,
Отгадай мою болезнь
Люди говорят, что я простудился —
Шел с гулянки вечерком.
А мне кажется — влюбился,
Сам не знаю в кого я.
— Садись, мой милый, на колени,
Я всю правду расскажу.
Шел ты вчера из вечера —
Ты другую полюбил.
Полюбил одну богачку
Про то точно знаю я.
(Она) Подхожу я к саду ближе,
Чтой-то я вижу перед собой:
Стоит мой милый на коленях,
Сам клянется перед другой.
Не клянись, мой милый, не надо,
Я теперя не твоя.
В алые губки целовал
И манил меня, как дитя.
Прошли часы, твои минуты,
Когда гуляли мы с тобой.
Но богачка любить тебя не станет,
Как любила тебя я:
Богачка золотом займется
И забудет про тебя.

158.

Расположил солдат палатку,
С большим трудом лег отдохнуть.
— Вставайте, братцы, подымайтесь,
Тревогу нам ротный прокричал.
Какая может быть тревога —
Сегодня немало мы прошли?
Прошли мы польскую границу,
Прошли мы турецкое село.
Встает солдат, берет винтовку,
А сам мечтает смерть свою.

Германская¹⁵ пуля бьет жестоко —
 Она пронзила грудь мою,
 А я, бедняжка, повалился
 На холодную сырую землю.
 Теперь дома вспоминают
 Дети малые с женой.
 Как дети матерю спросят:
 «Где папаша наш родной?»
 Мать отвернется, слезами зальется
 И даст им печальный ответ:
 «Отец ваш убит
 И в сырой земле лежит».

159.

Служили казаки на службице,
 Заслужили себе погонники.
 На плечах погонники,
 На грудях кресты, кресты.
 Один из казаков — наездник лихой,
 Он бился-рубился три года с врагом,
 Разбил супостата копьем и мечом.
 Покончивши битву,
 Сам ехал домой,
 Навстречу папаша родной.
 — Здорово, папаша, здорова семья?
 — Семья, слава богу, прибавилась.
 Сын отцу ни слова,
 Садился на коня,
 На коня гнедого,
 Пускался до двора.
 У ворот родительских
 Стоит мать, жена.
 Мать стоит с малюточкой,
 Жена во слезах.
 Мать сына просила:
 — Прости, сын, жену.
 — Тебя, мать, прощаю,
 Жену — никогда.
 Закипело сердце
 В казачьей груди,
 Заблестела шашка
 В казачьей руке —
 Покатилась голова
 С неверной жены:
 — Ой, Боже мой, Боже мой,
 Что я наробил —
 Жену молодую
 Навек загубил.

¹⁵ Иногда поют «поляцкая».

Жену похоронят,
Меня закуют,
Малую малюточку
В люди отдадут.
Коня гнедого
На сборе продадут,
Все мои мундирики
Братцы разберут.

160.

Кольцо казачка подарила,
Когда казак пошел в поход.
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.
И год прошел, казак стрелою
В село родное поскакал.
Скакал казак через долину,
Через сохотские поля.
Скакал он, всадник одинокий,
Кольцо блистало на руке.
Увидел хату под горою,
Забилось сердце в казаке.
Навстречу шла ему старушка
Шутливо речи говоря:
— Зачем, казак, домой стремишься,
Напрасно мучаешь коня:
Тебя казачка изменила
Другому сердце отдала.
Свернул казак коня налево
И в чисто поле поскакал.
Снял с себя винтовку
И жизнь покончил навсегда.
Пущай казачка молодая
Вспоминает лихого казака.

161.

Прощайте, все горы и долинки,
Прощай, родимый хуторок,
А завтра меня провожают
На тот погибельный Кавказ.
Ведут мне коника гнедого,
Несут казачье седло.
Сажусь я на коня гнедого
И грудь слезою оболью.
Бывало, я от зари до зорьки
Лежу у милой на руке,
А теперь я от зари до зорьки
Стою при шашке, при ружье.
Бывало, я выпью стакан водки —
Спешу на улицу к друзьям.

Теперь я выпью стакан чая —
Спешу в казарму к казакам.

162.

Волна шумит, волна бушует,
Волна на берег пену бьет.
На берегу сидит красотка,
Она шелками платье шьет.
Работа чудная такая,
У ней шелков недостает.
А там вдали парус вьется,
Моряк к берегу плывет,
Моряк шелки домой везет:
— Моряк, моряк, ты друг любезный,
Нет ли шелка для моего шитья?
— Как не быть такой красотке?
Какого сызволите спросить?
— Мне надо шелку белого, алого,
Самой принцессе платье шить.
— Потрудись, моя красотка,
Ко мне на палубу зайди.
Она зашла к нему на палубу —
Парус поднялся.
А моряк ей шелков не дает:
— Моряк, моряк, свежи меня на берег,
Мне тошно от волны морской.
— Я не свезу тебя, красотка,
Теперь ты останешься со мной,
Будешь верною женой.
— Нас было три сестры:
Одна за графом,
Другая герцова жена,
А я из них, младше и красивше,
Простой морячкой суждена.
— Я не простой моряк —
Я королевский сын!

163.

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачут родный мать, отец,
Ещё заплачет дорогая,
С которой три года я жил.
Коляска по двору катилась
К парадному моему крыльцу,
С коляски голос раздается
— Готовьте сына своего!

— Казачий сын давно готовый,
Семейство замертво лежит.

164.

Горела горелочка,
Воска яркого свеча.
Ждала, поджидала
К себе милого дружка.
Не дождавшись своего милого,
Ложилась я спать одна
На диване спроть окна.
Первый вспеник я соснула —
Стукнул, грякнул об окошко
Золотым своим кольцом:
— Раздушечка моя, дома?
Выйди ко мне на часок.
— Почему ты, мой размильй,
Рано ко мне не пришел?
Пришел ты, мой размильй,
Пришел в самую полночь.
— С молодой своей жененкой
Побраночка случилась,
Побраночка небольшая —
Чуть живого на свет пустила.
Если ко мне не выйдешь,
Убьюсь или застрелюсь
Своим двуствольным ружьем.
Пушай тогда люди скажут,
Что я верный парень был...
Семерых всего любил.

165.

Любила меня мать, уважала,
Что я ненаглядная дочь.
А дочь её с милым убежала
В осеннюю темную ночь.
Бежала я (она) лесом дремучим,
Хотела беглянкою быть.
Беглянская жизнь надоела,
Я вспомнила родную мать,
Я вспомнила вечер заветный:
В саду громко пел соловей.
Он пел мне любимую песню
И вторил разлуке моей.
Разлука, разлука, ты, разлука,
Разлука — чужая сторона,
Никто ж нас с тобою не разлучит —
Ни солнце, ни ясная луна.
И толечко нас с тобою разлучит
Сырая матушка-земля.

166.

Папиросная бумажка,
Сколько тебя ни курить.
Разлюбезная девчонка,
Сколько тебя ни любить,
Пришло времечко расстаться —
Я должен тебя забыть.
Закурил папиросу,
Дым взвивается столбом.
Сидит Маша перед окном.
Она шьет шитво да бросает,
Не сидеть век за иглой:
«Возьму карты, погадаю,
Да что сбудется со мной,
Да что сбудется, случится —
Карты правду говорят.
Две девятки, туз червовый,
Король трефовый — милый мой».

167.

Как в саду при долине
Громко пел соловей,
А я, мальчик, во чужбине
Позабыл я всех друзей.
Позабыл я, позабросил
С молодых юных лет.
Сам остался сиротою,
Счастья-доли мне нет.
Нет мне счастья,
Нет мне доли,
Нет родного уголка.
Один есть он, уголочек,
Да и тот он не родной.
Вот умру, умру я,
Похоронят меня,
И родные не узнают,
Где могилка моя.
И родные не узнают,
Где могилка моя.
Только раннею весною
Соловей пропоет.
Пропоет он, прощечечет
И опять улетит.
Моя бедная могилка
Сиротою стоит.

168.

Прокачал я девчоночку три года.
Она дочь капитана была,
И на всё же она соглашалась,
Потому что любила меня.

Раз я выпил с друзьями по привычке,
 И пошел я по улицам гулять.
 Долго, долго по улицам гуляли,
 А потом пригласили меня в сад.
 А в саду было тихо и спокойно,
 Сквозь деревья светила луна.
 На зеленом ковре мы сидели,
 Целовала Наташа меня.
 Тут Ванюшина кровь заиграла,
 Стал Ванюша к Наташе приставать,
 А Наташа сквозь слезы отвечала:
 — Ваня, Ваня, не трогай меня.
 Ты привык с посторонними знаться,
 Ты привык посторонних любить,
 Надо мною пришел ты насмеяться,
 Молодую мне жизнь загубить.
 — Ох, не подумай, моя дорогая,
 Что пришел я сказать «Под венец»,
 А пришел я сказать «До свиданья» —
 Значит нашей любви конец.
 — Почему ж не сказать было раньше,
 Знать, для шуток была я нужна.
 Забавлялся ты мною от скуки,
 Как игрушкой малое дитя.
 Не успел я за юбочку схватиться,
 А Наташа тут с места вскочила,
 На ней юбочка врозь разорвалась.
 И Наташа в колодце была.

169.

— Когда б имел златые горы
 И реки, полные вина,
 Всё отдал бы за ласки взоры —
 Лишь ты б владела бы мной одна.
 — Не упрекай несправедливо,
 Скажи всю правду ты отцу,
 Когда свободно и счастливо
 С молитвой мы пойдем к венцу?
 — Ах, не твою ль, голубка, руку
 Просил я у него не раз,
 Но он не понял моей муки
 И дал жестокий мне отказ.
 Спроси у сердца ты совета,
 Страданьем тронутым моим,
 И, веря святости обета,
 Бежи с возлюбленным своим.
 Тогда бежать я с ним решилась,
 Поверя клятве роковой.
 На Божий храм перекрестилась,
 С слезой взглянув на дом родной.

Умчались мы в страну чужую,
 А через год он изменил.
 Забыл он клятву роковую,
 Когда другую полюбил.
 А мне сказал, стыдясь измены:
 «Иди обратно в дом отца,
 Оставь мои, Мария, стены» —
 И проводил меня с крыльца.
 Прошло три года, спозаранок
 Стучится странник перед окном
 С пустой котомкой за плечами.
 Ты не войдешь в отцовский дом.
 За эти глазки голубые
 Я награжу тебя конем,
 Уздечку, хлыстик золотые,
 Седельце шитое жемчугом.
 За эти глазки... (написано карандашом — прим.)

170.

При лужке, лужке, лужке,
 При широком поле,
 При знакомом табуне
 Конь гулял по воле.
 Ты гуляй, гуляй, мой конь,
 Пока не споймаю.
 Как вспоймаю, зануздаю
 Шелковой уздою.
 Как вспоймаю, зануздаю
 Шелковой уздою.
 Вдарю шпорами под бока —
 Конь летит стрелою.
 Ты лети, лети, мой конь,
 Лети вихрем мчися,
 Спротив милкиных ворот
 Конь остановится.
 Конь остановится,
 Ударь копытами,
 Чтобы вышла моя милка
 С черными бровями.
 Но не вышла моя милка,
 Вышла её матери:
 — Здравствуй, здравствуй, мой зятек,
 Пожалуйте в хату.
 А я в хату не пойду —
 Пойду во светлицу.
 Разбужу я крепкий сон
 Красную девицу.
 А девица не спала,
 Она всё слыхала.
 Правой ручкою обняла,

Крепко целовала.
А наутро всё село,
Все про то узнали,
Как казачка казака
Крепко целовала.

171.

Бродяга на свет зародился,
Бродяга на свет превзошел,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащит свою суму на плечах.
Котел его с боку тревожит,
Сухарики с ложкой гремят,
Шапчонка на нем арестанта
И серый тюремный халат.
Рубашка на нем вся худая,
Из множества разных заплат.
Шел он тайгою густою,
Где жалобно пташечки поют.
Подходит бродяга к Байкалу,
Рыбачью лодочку берет,
Садится бродяга на лодку
Унывную песню поет.
Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать:
— Здорово, мамаша родная,
Жива ли, здорова семья?
— Отец твой давно во могиле
В сырой земле лежит,
А брат твой давно во Сибири,
Давно кандалами гремит.

172.

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.
Котел его сбоку тревожит,
Сухарики с ложкой гремят,
Шапчонка на нем арестанта
И серый тюремный халат.
Бежал из тюрьмы темной ночью,
В тюрьме он за правду страдал,
Бежать больше не было мочи,
Пред ним расстился Байкал.
Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет
И грустную песню заводит,
Про родину что-то поет.
Бродяга Байкал переехал,

Навстречу родимая мать:
 — О, здравствуй, о, здравствуй, сыночек,
 Живой ли отец мой и брат?
 — Отец твой давно уж в могиле
 Сырою землею зарыт,
 А брат твой в далекой Сибири
 Давно кандалами гремит.
 Пойдем же, пойдем, мой сыночек,
 Пойдем же в наш терем родной,
 Жена там по мужу скучает
 И плачут детишки гурьбой.

173.

В чахоточке я, мальчик, страдаю,
 Говорят, скоро я умру.
 Жалко с родиной расстаться,
 Жалко покинуть белый свет,
 А ещё мне всех жальче,
 Мне всего семнадцать было лет.
 Лежу я в зале на диване,
 Солнце светит прямо в лицо.
 Вы не роите мне могилу
 Под несчастной крушиной,
 А выройте мне могилу
 Во зеленом моем саду,
 Чтоб близь деревьев шумели,
 Шумели всю темную ночь.

174.

Скоро поезд грянет,
 (*Старинная свадебная песня.*)
 Звонок унывный прозвенит.
 Кого-то здесь у нас не станет,
 Кого-то поезд утащит.
 Я в этот горький час-минуты
 С своей милашкой простоял,
 Распоследний раз пожал за ручку
 И сказал: «Прощай, раздушечка моя,
 Я слышу, ты уезжаешь
 И, Бог с тобой, счастливый путь».
 У ней из глаз слеза взблеснула,
 С волнения поднималась грудь:
 «А ты меня, миленький,
 Забыть не забудь».

175.

Вот кто-то с горочки спускается.
 Наверно, милый мой идет,
 На нем рубашка голубая,
 Она с ума меня сведет.

Куплю я ленту три аршина,
 Конечки ветер развевал.
 Садился милый на машину,
 Кондуктор двери закрывал.
 Проехал станцию Одесса
 На Севастопольский вокзал,
 На полустанке остановился,
 Кричал: «Размилая, прощай!»
 А я кричу: «Куда ты едешь?
 А я остануся одна,
 А я засохну и завяну,
 Как в поле травка без дождя».
 — Забудь мой рост, забудь походку,
 Забудь черты моего лица,
 Забудь, забудь, как любовались
 С начала года до конца.
 — Но как же я тебя забуду,
 Когда портретик на стене?
 Как же я тебя забуду,
 Когда малютка на руке?
 — Портретик брось ты за окошко,
 Малютку в детский дом отдай,
 Моё ты имя с простотою
 Другам в насмешку не давай.

176.

Камыш трещал, деревья гнулись,
 А ночка темная была.
 Одна возлюбленная пара
 Всю ночь гуляла до утра.
 А поутру рано вставали,
 Кругом помятая трава.
 Не одна трава помята,
 Помята девичья коса.
 Приду домой, мамаша спросит:
 — Где гуляла, с кем была?
 — В саду была, цветочки рвала,
 Тропинкой к тетеньке зашла.
 — Если ваши ругать будут,
 Ты приходи опять сюда.
 Она пришла — его там нету,
 Его не будет никогда.
 Она платком глаза закрыла
 И горько плакать начала.

177.

Окрасился месяц багрянцем,
 Где волны шумели у скал.
 — Поедем, красотка, кататься,
 Давно я тебя поджидал.

— С тобою охотно поеду,
Я волны морские люблю.
Дам парусу вольную волю,
Сама я присяду к рулю.
— Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам,
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.
— Нельзя, почему ж, дорогой мой,
..... судьбе?
Ты вспомни, изменщик проклятый,
Как я доверяла тебе.
Молись, вот ножик булатный,
Который недаром взяла.
Прочь весла, от гибели вечной
Никто нас не может спасти.
Всю ночь поднимались волны
И море шумело у скал.
Наутро приплыли два трупа
И оба знакомые нам.

178.

Хорошо тебе, кукушка,
В темном лесе куковать.
Хорошо тебе, подружка,
С моим миленьким гулять.
Ты, подружка, ты, подружка,
Вот какая тебе честь:
Я любила, ты отбила,
Не могу я перенести.
Садись, мой милый, на колени,
Я всю правду расскажу:
— Ты ищи себе другую,
А я замуж выхожу.
— Ты, мамаша, ты, мамаша,
Ты не родная мне мать:
До семнадцати лет кохала,
Теперь хочешь замуж отдать.
Ты, папаша, ты, папаша,
Ты не родной мне отец:
Ты не справил цвет на платье,
Сам поставил под венец.
Под венцом я стояла —
Не могла свечи держать.
Я священнику сказала:
«Перестаньте нас венчать».
А священник обернулся
Громким голосом сказал:
«Ваша невеста не согласна,
Я не буду их венчать».

Тут мамаша подбежала
Стала дочку ругать:
«Ты же, дочка, под годами,
Пора замуж отдавать».

179.

Орел Кавказа не имел¹⁶ крику,
Старый казак пожилой,
Прислоняясь, казак, на пику,
Один стоял во тьме ночной.
Глухая тьма вокруг аула,
На кровле филин прокричал.
Три раза кричал караула —
Черкес промчался на коне.
Казак службу свою знает,
Он взвел свой меткий пистолет.
Взвилась пуля роковая,
И черкеса уже в живых нет.

180.

За рекой на горе лес зеленый шумит,
Под горой над рекой хуторочек стоит.
В том лесу соловей громко песни поет,
Молодая вдова в хуторочке живет.
Рыболов на реке поздно рыбку ловил,
Ночевать, погулять в хуторочек приплыл.
— Рыболов мой, душа, не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, он не любит тебя.
Ты не сердись, плыви в свой рыбачий курень,
Завтра, друг мой, с тобой гулять рада весь день.
Опоздился купец на дороге большой
И свернул ночевать ко вдове молодой.
— Милый купчик-душа, не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, он не любит тебя.
Лучше к куму в село уезжай поскорей,
Завтра, друг мой, с тобой гулять рада на весь день.
— До села далеко, конь устал мой совсем.
Свой есть корм у меня, не печалься о нем.
Засветился огонь, закурилась изба,
Для гостей дорогих стала готовить вдова.
— Ты, рыбак, пей вино, нам с сестрой наливай,
Если мастер плясать, петь, мы песни давай.
И пошел-то рыбак, пошел песни играть,
Молодую вдову обнимать, целовать.
Не стерпел удалец, загорелась душа
И глазом моргнул, растворилась изба.
И с тех пор в хуторке никто не живет.
Лишь один соловей громко песни поет.

¹⁶ Иногда поют «нёмо крикнул».

181.

Бывали дни веселые,
Гулял я, молодец,
Не знал тоски-кручинушки,
Как вольный удалец.
Бывало, пашешь пашенку,
Лошадок уберу
И к ней тропой знакомою
В заветный дом пойду.
Она уж дожидается,
Красавица моя,
Глаза полуоткрытые,
Румяна и бела.
Однажды в конце осени
Пришел любви конец,
И к ней заезжий с ярмарки
Присватался купец.
Она, моя хорошая,
Забыла про меня,
Забыла позабросила,
В хоромы жить ушла.
Живет у черта старого,
Как в клетке золотой,
Как куколка нарядная,
С распущенной косой.
Блеснула мысль злодейская —
Во тьме нашел топор.
Простился с отцом с матерью,
Сам вышел через двор.
Иду, а ночка темная,
Во тьме журчит ручей,
Но дело совершилося —
Теперь я стал злодей.
Теперь меня на каторгу
Угонят молодца
За девку черноокою,
За черта за купца.

182.

Понапрасну я страдаю,
Сама мучаю себя.
Я, наверно, про то знаю,
Что не любит он тебя.
Он не любит, злой мучитель,
А мне его очень жаль.
Вышла с горя и запела,
Что пришла моя печаль.
Печаль девушке несносна,
Я на улицу неиду,
Рассказать я вам не смею,

Что давно его люблю.
Тут пошли по небу хмары,
Приударил сильный гром.
Он убил мою надежду,
С ним покончилась любовь.

183.

Чудный месяц плывет над рекою,
Всё в объятых ночной тишины.
Ничего мне на свете не надо,
Только видеть тебя, милый мой.
Только видеть тебя бесконечно,
Любоваться твоей красотой.
Но, увы, коротки наши встречи:
Ты спешишь на свиданье к другой.
Так иди, пусть одна я страдаю,
Пусть напрасно волнуется грудь,
Но для кого я жила и страдала
И кому я всю жизнь отдала?
Как цветок ароматный весной,
Для тебя одного расцвела.
Ты поклялся любить меня вечно
И ласкать, как голубку, одну,
А сам, подлый, другую ласкаешь,
Стал смеяться, злодей, надо мной.

184.

Я любила так безумно,
А ты любовью моей играл.
Скажи, зачем так безрассудно
Моё ты сердце истерзал?
Ты вспомни дни, ты вспомни ночи,
Когда гуляли мы вдвоем.
Ты целовал уста и очи
И называл меня своей.
И ты дарил мне поцелуи
И, как ребенка, вдаль манил.
Увлек, увлек ты для забавы,
А сам другую полюбил.
Так пусть другая тебя любит
И пусть любит тебя тобой.
Она любить так не сумеет,
Как я любила, милый мой.
Богачка золотом займется,
В деньгах забудет про тебя,
Но если в жизни что коснется,
Меня уж нет, скончалась я.
Вот скоро, скоро, друг мой милый,
Венок терновый мне сплетут,
Венок терновый, гроб сосновый,

Меня на кладбище снесут.
 Там жестко спать, но нет измены,
 И нет коварных злых мужчин.
 И там залечат мои раны,
 Которые есть в груди моей.
 И над моей сырой могилой
 Цветок унылый расцветет.
 Кого я верно так любила,
 Он на могилку не придет.

185.

Веселые дни проводила,
 Которых мне больше не видать.
 Изменчива друга полюбила,
 Должна я любить и страдать.
 Зачем я тебя полюбила,
 И душу тебе отдала,
 На свете я всё позабыла,
 И счастья с тобою не нашла?
 Ты клялся, божился, мой милый,
 Любить и ласкать меня одну.
 Теперь ты, злодей, насмеялся,
 Бросил, забыл про меня.
 Сорвал ты, как в поле цветочек,
 И бросил, стоптал во ногах
 Зачем же ты топчешь ногами
 Безвинную душу мою?¹⁷
 Так будь же ты проклят с богатством,
 Злодей, за измену твою.
 Сегодня я ложусь во постелю
 Прекрасного майского дня,
 А завтра рано чуть светочек
 Я рано умру¹⁸.
 Вы ройте мне могилу
 Во зеленом моем саду,
 Посейте на могиле
 Разлучных желтых цветов.

186.

Казак по Дону гуляет
 С казачкой бравой молодой.
 Он конечком своим разъезжает
 Над быстрой рекой.
 Он увидел: сидит дева плачет,
 Над быстрой рекой
 Горькие слезы льет.

¹⁷ После этих слов следующий текст: «Судите вы добрые люди / Что сделал злодей надо мной» (Шумкова Е. И.)

¹⁸ Вместо слов «А завтра рано чуть светочек / Я рано умру» следующий текст: «А завтра снесут меня в могилу / И все позабудут меня» (Шумкова Е. И.)

Подъезжает казак к ней поближе
И спрашивает её:
— О чем, дева, плачешь,
Горькие слезы льешь?
Кого тебе, дева, жалко?
Коня, сбрую, убор золотой?
— А мне не жалко коня,
Твою сбрую, убор золотой,
А жалко мне тебя, милый мой,
Я хотела с тобой первенчатся
И довеку тебя полюбить.

187.

Осыпаются листья осенние,
Хороша эта ночь в лесу.
Выручай меня, силушка мощная,
Я в тюрьме за решеткой сижу.
И забилося сердце тревожное,
Кровь по жилкам пошла ручейком.
Дай попробую снова решетку я,
Подожму молодецким плечом.
И упала на землю решетка,
И упала она не стуча.
Не услышала стража тюремная,
А теперь не споймать молодца.
Полечу на родиму сторонку,
Где всё дорого так для меня.
Обниму свою милую жёнку
И усну на груди у неё.
Понапрасно ломал я решетку,
Понапрасну бежал из тюрьмы,
Моя милая подлая жёнка
У другого лежит на груди.

188.

Живет моя красотка
В высоком терему,
А в терем тот высокий
Нет хода никому.
Я знаю, той красотки
Есть сторож у крыльца,
Но он не загородит
Дороги молодца.
И вот неожиданным гостем
Войду я в терем к ней.
Была бы только ноченька
Сегодня потемней.
Здорова будь, красотка,
Невинная краса,
Из терема — на волю,

В дремучие леса.
 Пойдем-ка в путь-дорогу,
 В большом глухом лесу
 И атаман героем
 Возьмет себе красу.
 Давно готова тройка
 Седых серых коней,
 Была бы только ноченька
 Сегодня потемней.

189.

Ой, полным-полна моя коробочка,
 Есть в ней ситец и парча.
 Пожалей, душа моя зазнобушка,
 Молодецкого плеча.
 Пойду выйду в рожь высокую,
 Там до ночи погожу,
 Как завиху свою чернооую,
 Все товары разложу.
 Цены сам платил немалые,
 Не торгуйся, не скупись —
 Подставляй-ка свои губки алые,
 Ближе к молодцу садись.
 Вот и пала ночь туманная,
 Ждет удалый молодец.
 Чу! Идет, пришла желанная,
 Разложил товар купец.
 Катя бережно торгуется,
 Всё боится передать.
 Парень с девицей целуется,
 Просит цены набавлять.
 Знает только ночь глубокая,
 Как поладили они.
 Распрямись ты, рожь высокая,
 Тайну свято сохрани.

190.

Шел казак на побывку домой
 Через речку дощечкой прямой.
 Обломилась доска, подвела казака —
 Накупался в воде ледяной.
 Вышел он на крутой бережок,
 Стал костер разжигать огневой.
 Мимо девушка шла и к нему подошла:
 «Что случилось, мой милый дружок?»
 Отвечал ей казак молодой:
 «Осетра я ловил под водой.
 Осетра не поймал: быстро речка текла,
 Я начерпал воды сапогом».
 Отвечала дивчина ему:

«Брось, казак, не коптись в дыму.
Ты постой, не спеши, сапоги не суши,
Разожгем мы костер на дому».

191.

По Дону гуляет¹⁹,
По Дону гуляет,
По Дону гуляет
Казак молодой.
Сидит дева плачет
Над быстрой рекой.
— О чем, дева, плачешь,
О чем слезы льешь?
— Ну, как мне не плакать,
Слез горьких не лить?
Цыганка гадала,
За ручку брала:
«Несчастливая дева,
Несчастной растешь.
Не быть тебе дома
Женой казака.
Поедешь венчаться,
Утонешь в реке».
— Не верь, дорогая,
Не верь никому.
Поверь, дорогая,
Лишь мне одному.
Мой батяка богатый,
Построит нам мост.
Мост длинный, широкий,
На тысячу верст.
Вот тронулся поезд
И рухнулся мост.
Невеста с каретой
Упала в реку.
Невеста кричала:
«Спасите меня!»

192.

Когда было мне двенадцать лет,
Не любила я никого.
Когда сравнялось лет семнадцать,
Полюбила одного.
Ужасно я его любила,
Ужасно он меня любил.
Мы искали в жизни счастья,
Враг нашелся и разбил.
Его мамаша не схотела

¹⁹ В каждом куплете первая строчка повторяется три раза.

Наше счастье совершить.
Сыну строго приказала
Меня, красавицу, забыть.
Сын с такой большой печалью
Слег в постель и больше не встал.
При последней своей муке
Мать позвал и ей сказал:
«Мама, мама, разреши ты
Увидать кого люблю».
Мать позволила, но было поздно —
Сын ко смерти близко был.
Он назвал её Марусей
И навек глаза закрыл.
Была тихая погода,
Светила яркая луна,
Между частыми крестами
Пробиралась она.
Отыскала его могилу
И горько плакать начала.
На камень голову склонила
И тихо-тихо умерла.
Пришла мать его родная
У них прощенья попросить:
«Дети, дети, я ж не знала
Что любовь может губить».

193.

Вы не вейтесь, черные²⁰ кудри,
Над моею больной головой,
Вы не вейтесь, черные кудри,
Над моею больной головой.
Я сегодня больной и бессильный,
Нету в сердце былого огня,
Я сегодня больной и бессильный,
Нету в сердце былого огня.
Вот настанет холодное утро,
Будет дождик слегка моросить.
Ты услышишь печальное пенье,
Как меня понесут хоронить.
Из друзей моих верных, наверное,
Уж никто не придет провожать.
Только ты лишь, моя дорогая,
Будешь слезно над гробом рыдать.
И уста мои больше не скажут,
Что прощай, дорогая моя.
И в последний ты раз поцелуешь,
Когда крышкой накроют меня.

²⁰ Иногда поют «русые».

194.

Вспомни, милая Маруся,
Как начинали с тобой гулять.
Всегда я шел к тебе веселый
И мечтал тебя любить.
Вхожу в деревню, кругом тихо,
Кругом ночная тишина.
С её я домом поравнялся
Маруся сидела у окна,
Маруся горько-горько плакала
И проситься на улицу гулять:
«Иди, дочка, да недолго,
А то не выйду отворять».
Слышу, скрипнула калитка,
Наверное, милая идет,
С таким унынным настроеньем
Подходит, ручку не дает:
— А что ж, милая, приуныла,
Подходишь — ручку не даешь?
— А че ж нам, милый, веселится —
У нас кончается любовь.

195.

Что за садик, за садочек,
За зелененький такой?
Что за мальчик, за мальчишка,
Развеселенький такой?
При гулянье, при компанье
Парень девушку обнял,
А девчонке стыдно стало —
Пошла с улицы домой.
Мальчишке жалко стало,
Он побёг за ней вдогон.
Догоняет, вынимает
Белый зонтовый платок,
Вытирает девке слезы
Со румяного лица:
— Ты не плачь, не плачь, девчонка,
Не обижу я тебя.
Приготовься, я приеду,
Возьму замуж за себя.
— Мой папаша живет богато,
Не отдаст он за тебя.
А мамашенька рассердится,
Целый век будет ругать.
(Он:) — Не хвались, девка, ты богатством,
Хвались, девка, красотой.
А я мальчик-раскрасавчик,
А ты сволочь предо мной,
А ты сволочь предо мною,
Отправляйся, черт с тобою.

196.

Конь боевой
С походным вьюком
У церкви ржет,
Кого-то ждет.
В ограде бабка с внуком плачет,
Молодка горько слезы льет.
А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых,
Он направляется к коню прямо,
Мужу жена коня подводит,
Племянник пику подает.

197.

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Подаянку принесла:
— Передайте подаянку,
А то люди говорят,
Что в тюрьме-то заключенных
Сильно голодом морят.
А привратник оглянулся
Громким голосом сказал:
— Твой сыночек осужденный,
На покой отправлен он.
Его чехи расстреляли
У тюремной у стены.
Когда приговор читали,
Знали звездочки одни.
— Я купила подаянку
На последние гроши,
Так отдайте заключенным
На помин его души.
Повернулась мать-старушка,
От ворот тюрьмы пошла.
И никто про то не знает,
Что в душе она несла.

198.

— Розаленький цветочек
Расцвел, так скоро призывал.
Размиленький, ты, мой дружок,
Любил, так скоро позабыл.
Зачем, зачем было влюбляться
Зачем в разлуке было жить?
Нам легче было первенчаться,
Семейной жизнью дорожить²¹.

²¹ Вместо «дорожить» иногда поют «с тобой жить».

— Сижу я, мальчик, за решеткой,
Сижу за каменной стеной.
Как вспомню я, вспомню про волюшку,
Как на волюшке жилось.
Выйду я на волюшку,
Крепко рученьку пожму
И ещё подальше провожу.

199.

Во городе я родился,
Во деревне возрастал,
Заклучил любовь с девчонкой,
Сам в неволю жить попал.
Неволюшка небольшая —
Белый каменный домик.
Осудили на неделю,
Просидел я весь годок.
Шлют бумагу из палаты —
Взять мальчишку под расстрел.
А я с горя и с досады
Себе песенку запел.
Не дошел он до калитки,
Его встретил часовой.
Вынул шашку, вынул востру,
Снял головушку с плечей.
Покатилась головка
По зеленому лужку.
Полилася кровь рекою
По сыпучему песку,
Его щечки румяные
Наспроть солнышка блестят.

200.

Кари глазки,
Вы очень ласки.
Где ж вы скрылись от меня?
Где вы скрылись, удалились,
Век заставили страдать?
Я страдала в жизни много,
Много горя пережила:
Как за эти кари глазки
Меня гонят со двора.
Вы постойте, не гоните,
Я сама от вас уйду.
Пойду в лес я, заблужусь,
Со зверями буду жить.
Со зверями жить опасно —
Звери могут разорвать.
Пойду в море утоплюся —
Сине море глубоко.

Близко к морю подходила,
Поднялась буря-волна.
Не успела разобраться,
Ко мне милый подошел.
— Постой, милка, не топися,
Возьму замуж за себя.
— Поздно, поздно, мой размилый,
Уговаривать меня.
Своими белыми руками
Буду волны разгребать,
Своими горькими слезами
Буду речку наполнять.
Своей русою косою
Буду берег украшать.

201.

Как во нашей во деревне,
Во веселой слободе
Жил мальчишка лет семнадцати,
Неженатый, холостой.
Вот задумал сын жениться,
Дозволения у отца стал просить:
«Позволь, батенька, жениться,
Позволь, батенька, кого люблю».
Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь:
«Все мы люди, все мы равны,
Можно каждого любить».
Отвернулся сын, заплакал,
В зелен сад гулять пошел.
Шел он садом, шел зеленым,
Шел дорожкой столбовой.
Вынул шашку, вынул востру,
Снял головушку с плечей.
Его буйная головушка
Покатилась по траве,
Его щечки румьяные
Наспроть солнышка блестят.
Его письма скоро писаны,
Прямо к Санюшке летят.
Саня письма принимала
И читала во слезах.
Где читала, там упала,
Там упала, умерла.} 2 раза
Смерть напрасная пришла,
Смерть напрасная пришла,
С милым любовь кончила.

202.

Между Манджурией и Китая,
Там родина была моя.
Отец мой жил, простой пахарь,
И я работал вместе с ним.
Отца убили с первой пули,
А мать живу в костре сожгли,
Сестру родную в плен забрали —
Она недолго там была:
Три дня, три ноченьки старался
Сестру из плена выручать.
А на четвертый постарался,
Сестру из плена я украл.
С сестрой мы к морю подходили,
Мы тихо в лодочку садились
И тихо плыли по воде.
Вдруг кусты зашевелились,
Раздался выстрел роковой,
Пустил злодей свинцовую пулю,
Убил красавицу сестру.
С сестрой родной я распростился,
Оставил в лодке на воде.
Сам вылез на берег крутое,
Село родное посмотреть:
Горит, горит село родное,
Горит вся родина моя.

203.

Над озером чаечка вьётся,
Ей негде, бедняжке, сесть.
Слетай-кась ты в Сибирь, в край далекий,
Где полк окружен был врагом.
Патронов у нас на исходе,
Снарядов совсем не было.
А там под кустом под зеленым
Наш красный боец умирал.
Накрывшись он серой шинелью,
И тихо родных вспоминал:
«Прощайте, папаша, мамаша,
Прощай, дорогая семья,
Прощайте вы, детки-малютки,
Прощай, молодая жена».

204.

Как это ночь была такая,
Когда гуляли мы с тобой вдвоем:
Нас окружила тьма ночная,
Мы посидим с тобой последний раз.
Своей рукою мою руку
Он близко, близко к сердцу прижимал,

Сам готовился к измене,
Поцеловал, потом он мне сказал:
«Ой, красотка, разойдемся,
Давай расстанемся мы с тобой.
Довольно плакать, огорчаться,
Тоска невидимо пройдет.
Пройдет зима, настанет лето,
Знакомство весной мы снова заведем».
Я по садику гуляла
Спротив заветного его окна,
Из окошечка слыхала
Я голос милого своего.
Беру от скуки перо в руки,
Пишу я милому письмо.
Пушай читает, узнавает —
Теперь я больше не его.
А он гуляет со другою,
Про меня, подлый, забыл.

205.

Не чаяло красное солнышко
Вокруг света обойтить,
Не думала мать своего сыночка,
Свою чадушку избыть.
Избыла мать своего сыночка
Во единый скорый час.
Построила мать своему сыночку
Расчернен-чернен корабль,
Спускала мать своего сыночка
Во синё море гулять:
«Гуляй, гуляй, моё чадо,
Не прогуливай часы».
Не серая уточка по-над берегом плывет,
Родная маменька по-над бережком идет.
Шумит, кричит мать своему сыночку:
«Не прогуливай, гуляй, сынок».

206.

Погиб, погиб аул Кавказа,
Погибли два брата родных.
Мой лук тугой,
Мой конь — орел крылатый.
Один, один остался я,
Один остался я на древе,
Как будто серый воробей.
Там хищный сокол летел над полями,
Как будто стая сизых голубей.
Не раз, не два в боях случалось
Стрелял в меня донец,
Колол копьем —

Древцо его ломалось,
Не раз пушал он свой злой свинец:
«Скажи, султан, где панцирь делся?
Его ведь снял с меня донец,
А панцирь был на нем он заговоренный,
Да ничей булат его не брал.
Насечка его была золотая,
А булат блестел, как в море волна».

207.

Цвели цветы — призывали.
Отчего призывали —
Зори холодные стали.
На бабочку беды пали:
Любил, жалел парень всё бабенку,
Любил, жалел — теперь покидает.
— Сказать за что, про что, милый, покидаешь,
Аль чего ты за мной замечаешь?
— Вот ничего же за тобой не знаю,
Вот любить, жалеть больше не желаю.

208.

Любила цветочки полевые,
Любила зорями поливать.
Любила глазки голубые,
Любила ночами целовать.
Сгубили меня твои очи,
Сгубила меня твоя красота.
Любила я семью родную,
Любила я милого своего...

209.

Сегодня праздник Воскресенье,
Ко мне милый не пришел.
Наверное, наверное,
Он себе другую нашел.
Входил мой миленок в залу,
Закручивал усы,
Скидает черную шляпу,
Сам смотрит во часы:
«Скажи, скажи, друг милый,
Который теперь час?
Быть может, сидим последний раз».
Огонь горит да пылает,
Любовь жарчее огня.
Огонь можно залить водою,
Любовь ничем нельзя.
Мужчины, вы, мои мужчины,
Коварные вы друзья,
Вы любите только словами —

Сердцем — никогда²².
 Отдам Богу клятву,
 Что я замуж больше не пойду.
 Вот надену черное платье,
 Я в монашки жить пойду.

210.

Ночь прошла в полевом лазарете,
 Где дежурил фельдшер и врач.
 И в туманном осеннем рассвете
 Умирает от раны казак.
 Несмотря своей близкой кончины,
 Он не хочет родных огорчать:
 «Легко ранен я в правую руку,
 Потому не могу сам писать».
 И собрав все последние силы,
 Он диктует сестре, что писать.
 Сестра вниз головку склонила
 Письмо пишет и плачет она.
 «Вы жененке моей напишите,
 Что я скуку хочу разогнать,
 А детишкам моим напишите:
 Жажду к сердцу — хочу их прижать.
 Ещё крепче целую родную,
 Горячо, как родную мать.
 А папаше — ему напишите,
 Что наш полк отличился в бою,
 А я дрался с врагами, как нужно,
 За родную отчизну свою.
 Тут снаряд прилетел, разорвался,
 Оторвал он мне правое плечо,
 И навеки я с вами прощаюсь,
 И целую вас всех горячо».

211.

Шумел, горел пожар московский,
 И дым стелился по реке,
 А у стены в дали кремлевской
 Стоял он в сером сюртуке.
 И призадумался великий,
 Вскрестивши руки на груди.
 Он видит огненное море,
 Он видит гибель впереди:
 «Зачем я шел к тебе, Россия,
 Европу всю держал в руках,
 А теперь с поникшей головою
 Стою на крепостных стенах.
 Войска, все созданные мною,

²² После этих слов может быть: «Возьми ты свою карточку / Отдай мою любовь» (М. П. Сеимов).

Погибнут здесь среди снегов,
В полях истлеют наши кости
Без погребений и гробов».
Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда:
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без следа.

212.

— Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя.
Бедну саклю твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.
Дам коня своего
С кабардинским седлом,
Дам коня, и кинжал,
И винтовку свою,
А за это за всё
Ты отдай мне жену.
Ты уж старый, седой,
Не житьё ей с тобой,
На заре юных лет
Ты загубишь её.
Я вчера был в саду
Всё с твоею женой,
Она мне отдалась
До последнего дня.
И Аллахом клялась,
Что не любит тебя.
Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл над рекой,
Всё молчало кругом,
Лишь играла река
Перекатной волной,
Да скользила рука
По груди молодой.
— Береги, князь, казну
И владей ею сам,
А неверну жену
Тебе даром отдам.
Ты пойдя, князь, посмотри
На невесту свою:
Она спит крепким сном,
Спит с кинжалом в груди,
А поцелуй твой застыл

На устах у неё.
Тут рассерженный князь
Саблю выхватил вдруг,
Голова старика
Покатилась на луг.

213.

Пчелочка золотая,
Что же ты журжишь?
Около летаешь,
Прочь не летишь.
Али ты не любишь
Лизочку мою?
У моей у Лизочки
Русая коса,
Голубая лента
Ниже пояса.
Мягкие, медовые
Губочки её,
Я к меду прилипну,
С нею помру,
От меда не отлипну,
Врешь — не умрешь!

214.

Дарю, дарю тебе, друг, колечко
Дарю бы тебе, говорю:
«Носи, носи, друг, моё колечко,
Носи бы его, не теряй.
Когда колечко моё потеряешь,
Изменится наша с тобой да любовь».
В ненастный день бы толечко минуту
Пошел невод в море полоскать,
Да сронил, сронил бы он с руки колечко,
Да не мог его толечко сыскать.
Да подуи бы, ветер полуночный,
Выкатись, моё колечко, изо дна.

215.

Бежал бродяга с Сахалина,
Бежал звериною тропой:
— Укрой, укрой, тайга густая,
Бродяга хочет отдохнуть.
Я там вдали, за синим морем,
Оставил родину свою,
Оставил мать свою старушку,
Детей, красавицу жену.
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка — никогда.

216.

Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежит бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.
Оставил мать свою родную
И любимую жену.
Далек бродяге путь.
Укрой его, тайга густая,
Бродяга хочет отдохнуть:
«Умру, в чужой земле зарюют,
Заплачет маменька моя,
Жена найдет себе другого,
Мать сыночка — никогда».

217.

Как была одна утеха —
Милый плакать не велел.
Другая была мне утеха —
Мы гуляли бы с милым во саду.
Мы гуляли бы, а мы приустали,
Садился бы мы на траву.
Садилась бы на траву-травочку,
Под яблонкой мы зеленой.
Мы искали бы, а мы те следочки,
Где мы с миленьким шли вдвоем.

218.

Я не знала, кроме скуки,
И утехи никакой.
Вот одна была мне утеха —
Милый плакать не велел.
А другая была мне утеха —
Когда с милым шли вдвоем.
Мы искали с ним те следочки,
Когда с милым прежде шли вдвоем.
Мы садились под кусточком,
На зеленый на лужок.
Мы сидели под кустом-кусточком,
Под грушенькой зеленой.
Там сидели на ней две голубки,
На грушеньке кудрявой.
Вот одна из них вспорхнула
Прямо к милому на грудь,
А другая вздохнула
По милому своему.

219.

Утром рано весной
На ряду крепостном
Расподнявши пушкарь поседельй.

Он на пушечке сидел,
 Сам на крепость глядел
 Сквозь прозрачные волны-туманы.
 Дал он выстрел порой,
 Дым раздался волной,
 По крепости звон прокатился.
 Живо шашки на ремень
 И фуражки набекрень —
 Мы на площадь бегом побежали.
 У нас кони резвы,
 У нас шашки востры,
 Наши ружья в мишень попадали.
 Из симбирских краев²³
 Приезжал атаман,
 А за ним есаулы лихие.
 Он на сером на коне,
 Грудь горела в серебре,
 По бокам револьверы двойные.
 Он к казакам подскочил,
 Черны усы закрутил
 И сказал нам: «Здорово, ребята».
 Завтра солнце на восход,
 Убираемся в поход,
 У степных дикарей жечь аулы.
 Я на Бога роптал,
 Свою долю проклинал:
 Не жениться бы мне молодому.
 Я бы рад на войну —
 Жаль покинуть жену
 С голубыми, как небо, очами²⁴,
 Значит, быть потому,
 Я покину жену,
 Сам пойду наперед с казаками.

220.

Звенит звонок, а тройка мчится,
 Пыль по дорожке столбовой.
 На крыльях с радостью стремится
 В дом кровный казак молодой.
 Он юношей с семьей расстался,
 Семнадцать лет в разлуке жил,
 В чужих краях с врагами дрался,
 Царю, народу он служил.
 Пред ним его село родное,
 На Божьем храме крест блестит,
 Сердце забилося ретивое,
 Слеза неволью с глаз катит:
 «Ямщик, пой песню веселее,
 В отцовском доме остановись».

²³ Иногда поется «палат».

²⁴ Иногда поется «С малыми детьми».

Ямщик замолк, а пар клубится
С ретивых коней удалых.
Нежданный гость в окно стучится
И быстро входит в круг родных.
Его родные не спознали:
Его сменилась красота.
Его родные спросили:
— Скажи, служивый, кто ты есть?
— А я пришел от вашего сына,
Он жив и весел — шлет привет.
Моя в нем кровь, моё в нем имя
И сам собою точно я.
И тут родные все вскричали:
— Наш сын, наш брат родной!
В объятьях слезы проливали
И не отходили от него.

221.

Как мы с тобой заручались
Друг дружка верно любить,
А теперь что случилось?
В один час мог изменить.
Изменил священную клятву,
Сам женился на другой.
Женись, женись, мой размильный,
Разрешаю тебе я,
Разрешаю, позволяю
Законную жену брать
И закон Божий совершать.
Тебя в церкву поведут,
Меня за следом понесут.
На тебя венцы наденут,
Надо мной свечи зажгут.
Тебя, милый, поздравят
С новобрачною женой,
А мне, горькой, разнесчастной,
Скажут «Вечный упокой».
Схорони меня, мой милый,
Между двух больших дорог.
Где будешь, милый, ехать,
Заезжай, милый, ко мне,
На кладбищу на мою.
На моей на кладбище
Черный крест большой стоит,
Под крестом моя могила,
На кресте твоя любовь.
Прочитаешь и узнаешь,
Отчего я умерла:
Не через матерю, не через отца,
А через тебя, подлеца.

222.

Огонь горит, в вагоне тихо,
Солдаты все спокойно спят,
А поезд наш лихо мчится,
Лишь только слышно тах-тах-тах.
Один казак сидел невесел,
Склонил он голову на грудь
С тоской по родине далекой:
Придется ли дома побывать?
«А, может быть, в бою кровавом
Черкес мне череп раздробит?
На горе маменька меня родила,
Шинель мне серую обрекла.
Шинель мне плечи раздавила,
Шинель военным назвала».

223.

А ты, швейка, швейная машина,
Пострадала ты семнадцати лет.
Вот попался мне муж-работяга
И увез меня в поле работать.
Я сроду в поле не бывала,
И не знала как рано встают,
И не знала как доят коров.
С работы ручки почернели,
И от солнца болит голова.
Вот болит, болит моя головка,
Лицо тает, как воск от огня.

224.

Вот скрылся месяц за тучи,
Не хочет по небу гулять.
Бедная девица,
Горем убита,
Плачет, рыдает, грустит:
— Мамочка родная,
Сердце разбитое —
Милый не хочет любить.
— Брось, моя доченька,
Брось, моя родная,
Брось ты о нем горевать.
Время настанет,
Полюбишь другого,
Счастлива будешь с ним жить.
— Нет, моя маменька,
Нет, моя родная,
Нет, не забыть мне его.
Как вспомню про ласки,
Те карие глазки,
Юное сердце болит...

(Далее:)

...Нет, моя маменька,
Нет, я не брошу,
Трудно любовь изменить.
Ветер промчался
С бурью жестокой,
Где тихо шумела река.
Там между густого леса
И тиной зеленой
Женское тело плыло.
Платье бедняжки о корни цеплялось,
Ветка вплелась в волоса.
Бедная девица,
Кто ж тебя сбросил
В быстрые волны реки?
Сама ль ты придвинулась к этому горю,
Ай люди тебя довели?

225.

Кругом, кругом я осиротела,
Кругом осталась сирота,
Все счастье с милым улетело,
Не воротится назад.
Вернись ты, воротись
К бедной бабочке, ко мне.
Вернутся он не вернулся,
На сердце искры заронил.
Сказал: «Гуляй, моя милая,
Не влюбляйся ни в кого.
В твоих летах любить опасно,
Ты завянешь, как трава.
Ты завянешь и засохнешь,
Расцвести не сможешь никогда».
Когда цвет-роза расцветает,
Всяк старается сорвать.
Когда цвет-роза опадает,
Всяк старается стоптать.
Когда девчонка вырастает,
Всяк старается любить.
Когда девчонка выйдет замуж,
Всяк старается забыть.

226.

На свет я, мальчик, зародился,
От миру превзошел.
Мне судьбой путь назначен
Идти в далекие края.
Бог знает, когда ворочуся
На родину свою.
Быть может, в плен я попаду,

Быть может, меткая винтовка
Из-за кустика меня сразит.
Из ран моих
Кровь ручьем польёт,
Душа вознесется в небеса.
Заплачет мать моя родная,
Жена погорюет обо мне.

227. Аржек

Аржек был парень бедный,
Умел фасон держать.
Он рошинских девчонок
Умел к любви склонять.
Вот шесть часов пробило,
Аржек пошел домой,
А рошенски ребята
Кричат: «Аржек, стой!»
Аржек остановился,
А рошинцы кругом:
«Вы бейте, как хотите,
Лишь только не ножом».
Он вынул полбутылку,
Хотел сражаться ей,
Но тут ему вонзили
В грудь несколько ножей.
«Извозчик, за полтину
Свези меня скорей,
Я кровью истекаю
От нескольких ножей».
Везли его в больницу
И клали на кровать
Два доктора, сестрицы
Брались его спасать:
«Спасайте, не спасайте,
Мне жизнь не дорога.
Считайте, как хотите,
Я дрался без ножа».
Вот семь часов пробило,
Все с фабрики идут,
А бедного Аржека
На кладбище несут.
Гроб трауром убито,
Оркестр впереди,
А рошински ребята
Кричат: «Аржек, прости!»
Вот что это за могила
Так пышно убрана?
А сторож отвечает:
«Аржека-бедняка».

228.

Я задумал погулять во лужочке.
Как пошел я во лужок,
Ничего не думал,
Встрелся со мной бригадир,
Горя мне придумал:
«Молодой ты человек,
Обучи нам лошадь».
Подвели ко мне, младцу,
Молодую лошадь,
Я не стал тут долго думать —
Вскочил ей на спину,
Быстро взвилась дубошки
И упали мы с ней вместе
На твердую дорогу.
И тут она сломала мне ногу.
Подняли меня, яко розочку,
Положили меня на повозочку,
Повезли меня по дорожечке,
Отходились мои, наверно, ножечки.
Бывало, я пойду и разом не гляжу,
А теперь я лежу во постели, вяну.
Когда я ходил, все меня любили,
А в таком положении
Все меня забыли.
У меня товарищ —
Советский ватажник,
А теперича я стал
Прямой саботажник.
(*Это быль.*)

229.

Ехал с ярмарки ухарь-купец,
Ухарь-купец, молодой удалец,
Заехал в деревню коней напоить,
Задумал в деревне гульбой удивить.
Старых и малых он поит вином:
«Пей, пропивай, что пропьем — наживем».
Старые старушки морщатся, пьют,
Красные девицы песню поют.
К стыдливой девчонке купец пристаёт,
Целует, милует за ручку берет.
А мать той девчонки расторопна была,
С такими словами к купцу подошла:
«Купчик-голубчик, стой, не балуй,
Дочку мою не тревожь, не целуй».
Богатый купец тряхнул серебром:
«Не хочешь, не надо, другую найдем».
А старый старик это дело смекнул,
Старую чертовку ногой оттолкнул:

«Чего тебе надо, старая карга,
Пусть погуляет дочурка моя».
По всей-то деревне погасли огни,
Старые и малые спать полегли.
В одной-то лачужке огоник горит,
А старый старик там на лавке лежит,
В красной рубашонке, в порватых штанах,
Скомканная шапчонка лежит в головах.
А дочка Маруся на зорьке пришла,
Полно подол серебра принесла.
По всей-то деревне пронеслася молва,
Что дочка Маруся на зорьке пришла.

230.

Скоро времечко проходит,
Скоро вдарит первый час,
Скоро милого моего не станет,
Скоро скроется милый из глаз.
Не увижу я своего милого
Ни в городе, ни в селе,
Лишь увижу я своего милого
На портрете на стене.
А ещё увижу я своего милого
Темной ночью в сладком сне.

231.

В островах охотник
Целый день гуляет,
Если неудачно,
Сам себя ругает:
«Как мне быть,
Веселому жить?
Счастью не сломит,
И зверь не бежит».
Поехал охотник
В лес по тропинке,
Увидел девчонку,
Спящую на перинке.

232.

Был отцом я вам, ребята,
Теперь пробил седина в голове.
В ногу, ребята, идите,
Говорите раз-два.
Выпил я, кровь заиграла,
Услышал я дерзкие слова, я слова,
За этими дерзкими словами
Своего офицера я оскорбил,
За эти меня оскорбления
К военному суду предадут, ох предадут.

Военный суд беспощадный,
Наверно, меня расстрелят, ох расстрелят:
«Стреляйте, стреляйте вернее и прямо,
Стреляйте, ребята, один раз...»

233. Жиган (Джиган)

Девчоночка, девчонка
На свете жила,
В молодого жигана
Была влюблена.
Любил он, жулик, ложно,
Все ж поверила я.
Ну, я ему доверила,
А он мне — никогда.
Вчерась ведь я на танцах
Танцоршей была,
Ко мне же подходила
Подруга моя,
Она мне говорила
Всего слова два:
«Зачем же ты танцуешь,
Зачем ты всех влечешь?
Молодому джигану
Измены даешь?»
Вот кончились танцы,
Всем ручку дала,
Склонивши головку,
В тот зал я пошла.
Тот зал был запертый,
А я — отперла.
Там сидела на диване
Подруга моя,
На ней ведь бело платье,
Убор голубой,
Пред ней на коленях
Джиган молодой.
Мужчины, вы, мужчины,
Холодные вы сердца,
Словами вы любите,
А сердцем — никогда.
Огонь горит, лицо пылает,
А любовь жарчей огня.
Огонь зальешь водою,
Любовь ничем нельзя.

234.

В одном прекрасном месте
На берегу реки
Стоял красивый домик,
В нем жили рыбаки.

Рыбак со своей рыбачкой
Рыбацкого труда.
У них было три сына,
Красавца хоть куда.
Один любил портниху,
Другой любил княжну,
А третий молодую
Охотника жену.
Охотник в лес собрался
Охотиться на дичь,
Навстречу ему цыганка,
Умела ворожить.
Раскинув она карты,
Боялась говорить:
«Жена твоя — злодейка,
В объятьях рыбака».
Охотник рассердился,
Цыганке заплатил,
А сам с большой досадой
Домой поворотил.
Подходит к дому ближе,
Он видит сдалека:
Жена его злодейка
В объятьях рыбака.
Но тут раздался выстрел,
Упал рыбак, упал,
Потом жена-злодейка,
Потом охотник сам.

235.

В одном городе близ Саратова,
Под названием город Петровск,
Там жила семья небогатая,
Мать была словно как воск.
И не раз, не два говорила она,
Что придется разумши ходить.
И скончалася родна маменька,
Похоронили в зеленом саду.
Он нашел себе жену новую,
С гордым сердцем, с коварной душой.
И не раз, не два говорила она,
Что давай уничтожим детей.
Так и сделал он по словам её:
Мигом в печке огонь распалил,
Сына младшего завязал в мешок,
Мигом в печку его посадил.
Старша девушка кричит: «Папенька,
Завяжи мне от страха глаза,
Чтоб не видеть мне смерть ужасную,
Мы простимся с тобой навсегда».

Откуда ни возьмись родна бабушка,
Стала быстро в окошко стучать,
Собрался народ спасать девушку,
А братишка уж мертвый лежал.
Эх, отцы, отцы, вы,
Вы жестокие,
Вы немало губили детей...

236.

То не ветер ветку клонит,
Лес-дубравушка шумит.
Извела меня кручина —
Подколотная змея.
Догорай-горай, лучина,
Догорю с тобой и я.
Нет жилья на белом свете,
С кем теперича я пойду к венцу?
Дай мне рок с могилы
Обвенчаться молодцу...

237.

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит.
Знать, моё сердечко в груди стонет,
Как осенний лист дрожит.
Извела меня кручина —
Подколотная змея,
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я.
Не жить мне, жить без милой,
С кем пойду теперь к венцу?
Знать, сулили, сулил мне гроб сосновый
Обвенчаться молодцу.
Что не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
Знать, моё сердечко ноет,
Как осенний лист дрожит.

238.

Мотор вечернюю порою
Летел по улице стрелой,
Шофер с поникшей головою
Руль держит правую рукой.
«О чем задумался, детина? —
Седой приветливо спросил. —
Иль поломал свою машину,
Иль аль кого-то задавил?» —
«Однажды стоял я на стоянке,
Ко мне подходит городской,
Он стал ругаться, выражаться

И записал он номер мой.
Моё тут сердце не стерпело,
На экселератор я нажал
И с быстрой скоростью мотора
На городского наезжал.
Клянусь поршням, клянусь цилиндром,
Клянусь коробкой скоростей,
Клянусь магнитными свечами
И всей машиною своей.
Пусть вал карданный изогнется,
Коробка лопнет пополам,
Пусть бак с бензином разорвется,
Меня подбросит к небесам.
Не быть мне больше мотористом,
Прощай, любимый мой мотор,
Я через этого городского
В Сибирь на каторгу пошел».

239.

Прощайте, ласковые взоры,
Прощай, мой милый, навсегда,
Разделют нас долины, горы,
Врозь будем жить с тобой, душа.
Я голос твой не буду слышать,
Улыбка скроется из глаз...
...В любви нашей
Пробьет последний час.

240.

Во субботу, день ненастный,
Нельзя в поле работать,
Ни боронить, ни пахать.
Пойдем, девки, во зеленый сад гулять.
Во зеленом садочке
Соловей-пташка поет,
А ещё канарейка
Жалобней поет.
Где подделся тот цветочек,
Что долину украшал?
Где подделся тот миленок,
Какой словами улещал?
Улестил меня словами,
Сам бросил навсегда,
Бросил и покинул,
Есть малютка на руках.
Мой малютка —
Точно милый был такой.
Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь,
Я по этому колечку
Буду плакать день и ночь.

241.

Что за месяц, что за яркий
Ночью светит, а днем — нет?
Что за мальчик за красивый
Девочку любит, а баб нет?
Пойду выйду на ту горку,
Которая выше всех.
Гляну, гляну в ту сторонку,
Которая милее всех.
Между гор и между лесом
Шлях дорожка лежала,
Как по этой по дорожке
Провожала я дружка.
Провожала, ублажала
И вздыхала тяжело.
«Не вздыхай, душа Маша,
Не вздыхай ты тяжело».
Но, конечно, дружка жалко,
Забывать его нельзя:
«Я тогда дружка забуду,
Когда смертию умру.
Вы не роите мне могилку
Под несчастной крушиной,
А вы выроите мне могилку
В моем зеленом саду.
Похороните меня, мальчишку,
Под веселой чинарой».
Сама садик я садила,
Сама буду поливать,
Я сама дружка любила,
Сама буду забывать.

242.

Не болела бы грудь,
Не страдала душа.
Полюбил я её,
Полюбил горячо.
Она на любовь
Смотрит так холодно.
Не понравился ей
Моей жизни конец,
С распостылым назло
Она пошла под венец.
И не видела ты,
Как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене,
Безуспешно рыдал.
Звуки вальса неслись,
Веселился весь дом,
А я в камуру свою
Пробирался с трудом.

243.

Кольцо души моей девицы
Она дарит всё говорит:
«Носи, носи моё колечко,
Носи колечко, не теряй.
Когда колечко потеряешь,
Тогда изменится наша любовь
Не в день, не в час — в одну минуту».
Пошел милый в море полоскать,
Сронил с руки своё колечко,
Кольцо в море потонул.
«Подуй, подуй, ветер полуночный,
Выкати моё кольцо».
И с тех пор мы стали как чужие:
Я пришел к ней —
Она, сволоочь, не глядит.

244.

Каспийское море луной осветило,
Где мы с милым сидели вдвоем.
Так тихо, так нежно
Забилось моё сердце,
А всё не верила.
Ох, Боже мой, Боже мой,
Злые кадеты
Зачем объявили войну...
С женой молодой меня разлучили,
Разбили семейную жизнь...

245.

Огонь горит до полночи,
Как звездочка горит,
А ветер занавесочку
Тревожно шевелит.
А там сидит
Сила тайная,
Меня туда влечет...

246.

Проснется день, день красы моей,
Украшен, украшен Божий свет.
Завижу я с моря небеса,
Где родины моей здесь нет.
Отцовский дом пропьем гуртом,
Травой зеленой зарастет,
Собачка, верный мой зверок,
Залает у моих ворот.
Залает — сердце загрустит:
Не быть, не быть мне в той стране родной,

А быть мне в той стране чужой,
В которой мальчик был сужден.
Над кровлей филин прокричал,
Раздался звук он по лесам.

247.

Где эти лунные ночи?
Где этот пел соловей?
Где эти карие очи?
Кто ж их ласкает теперь?
Бывало летнею вечернею порою
Выйду я в сад погулять,
Время ещё не настанет
Стала я милого ждать.
Жду я его не дождуся,
Верно, забыл про меня,
Верно, он любит другую,
Ах, как несчастная я.
Слышу, шаги раздаются:
Вот он, мой милый, идет,
Быстро промчуся навстречу
И расцелую его.
Здесь уж пойдут разговоры,
Здесь уж пойдет болтовня,
Часто случались ссоры,
Это было всё любя.
А годы пройдут за годами,
Покроют морщины лицо,
Больше его я не встрену
И не увижу его.

248.

Сел бы, сел бы я в золоту коляску,
Прокатился я бы в родимый край,
С отцом, с матерью повидался
И с любезною я своей женой.
«Что ж ты, Маша, приуныла,
Не слышать нежного, Маша, твоего голоса.
Голубые, Маша, твои глазки
Прямо смотрят они на меня».
Сел бы, сел бы я в золоту коляску,
Прокатился я бы в родимый край.

249.

Между горкой, между лесом
Там стоял Божий храм.
Как во этом Божьем храме
Молился отец со детьми.
Отмолилися, отправлялися домой,
Подходили они к лесочку,

На них напали лютые звери,
Вооруженные ружьями.
Вот раздались выстрелы,
Отец с сыном упал,
Дети громко закричали
И побежали в лес.
Они ж угадали мать,
Бежали и кричали:
«Мама, мама,
Зачем ты так поступила?»

250.

Жил-был король,
Была у него семья:
Было у него две дочери,
Две родных сестры.
Старшая — смуглая,
Как темная ночь,
А младшая — красивая,
Как месяц золотой.
За младшую посватался
С чужой земли король.
Старшая младшю
К морю всё звала:
«Пойдем-ка мы, сестрица,
На берег на морской.
Посмотрим-ка, сестрица,
Чем берег украшен?
А берег украшен
Морским желтым песком.
Старшая младшю
В море спихнула.
Море взволновалось,
Заньли берега,
Зашумели леса:
«Сестрица родная,
Спаси ты от греха,
Дарю тебе колечко
Своего я жениха.
Но если тебе мало,
Золотой пояс с себя.
Я тебя, сестрица,
К венцу убрала».
Хлопцы-молодцы
Рыбу ловили
В эту темную ночь.
Не поймали рыбицу,
Поймали царскую дочь.
Думали, гадали:
«Что делать из нея?»

Из желтых из ребер
Мы сделаем арфу,
Из русых из волос
Поделаем струны.
Поставим-ка мы арфу
Между царских ворот,
Вдарим-ка мы по арфе,
По золотым струнам.
Слушаем-послушаем,
Что арфа говорит.
Арфа говорит —
Царю женится велит,
А смуглянку-смутьянку
Повесить велит».

251.

Веселись, весна настала,
Выходи на вольный свет,
Поскучали мы немало,
А теперь нам горя нет.
Пляшет божия коровка,
Майский жук трубит в рожок,
Им кузнечик вторит ловко,
Лягушонок скок-поскок.
Тщетно я кричу им «Бросьте!»
Где ж гулять, когда мороз?
Ох, друзья, не отморозьте
Уши, лапочки да нос.

252.

— Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
А там в краю далеком
Назовешь меня женой.
— Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но там в краю далеком
Есть у меня жена.
— Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
А там в краю далеком
Назовёшь меня сестрой.
— Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но там в краю далеком
Есть у меня сестра.
— Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
И там в краю далеком
Назовёшь меня чужой.

— Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но там в краю далеком
Чужая мне не нужна.

253.

Кончил, кончил дальний путь,
Вижу край родимый,
Мне с подружкой милой.
Ворон, ворон на полянку,
Про девчонку-пролетарку,
За Красный Дон, свободу
За новые права.
Задумал я жениться
В семнадцатом году,
Но дело не клеится,
Невесту не найду.
Ура-ура, идем на врага,
За Красный Дон, свободу,
За новые права.
Эй, живо, живо,
Даешь пару пива,
Нам ленту поскорей,
Чтоб было веселей!
Ура-ура...

254.

— Приди, приди, моя дорогая,
Успокой ты меня.
— Не раз я приходила
К тюремному окну,
Все камеры были закрыты,
И стража не спала.
— Не ври ты, не ври, шавлюга,
Ни разу ты не была.
Все камеры были открыты,
А стража вся спала.
Бог даст, я, выйдя на волю,
За всё я отомщу.
Я ручки-ножки тебе переломаяю
И суставчики помну.
Живую в могилу заправлю,
А сам в острог пойду.
Сибирь я не боюсь —
Там родина моя, —
Все каторжные работы
На нас возложены».

255.

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
Под ним по ветру качались
Тростники.
Один тростник я срезал,
А другой сломил,
В один конец подул я,
Другой заговорил...

256.

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
А перед ним по ветру
Качались тростники.
Один тростник он срезал
И скважину проткнул.
Один конец зажал он,
Другой конец продул.
И, точно оживленный,
Тростник заговорил,
То голос человека,
То голос ветра был:
«И был сынок любимый
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег морской
Смотреть на сине море,
На запад золотой.
Любви моей просил он,
Любить я не могла.
И деньги он дарил мне —
Я деньги не брала.
Несчастную сгубил он —
Ударил в грудь ножом.
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом.
И над моей могилой
Взошёл тростник большой,
А в нём живут печали
Души моей младой».

257.

Долго допрашивал
Легавый с наганом:
«Ты говори, с кем на деле была?»
Я отвечала так смело и гордо —
Это в душе моей тайной было.

— Милая девица, кто ж тебя бросил
В такую волну реки?
— Это я полюбила кого недостойно,
Люди меня довели.
В тихой пучине
Вода всколыхнулась,
Женское тело плывет,
Тело плывет, по волнам колыхается,
Мертвые смотрят глаза,
Ветка вплелась в волоса.

258.

Не говорите мне о том:
Он виноват был во всём,
Он не дорожил, безумец, мною,
Он бил меня и презирал.
В один прекрасный вечерок
Я отомстить ему решила,
Вонзила в грудь ему кинжал.
Вхожу я в комнату больная,
Лежит повестка на столе
По делу моего убийства,
Что завтра мне на суд идти.
Читайте судьи поскорей,
А то и так уж сердце больно.
И пошатнулась она,
Последний вздох в груди раздался,
И приговор в руках судей
Так недочитанным остался —
Она уж умерла.

259.

Пил, гулял я
Очень поздно,
Пока месяц не взошёл.
Я домой, мальчик, пошел.
Я нечаянно повернулся,
Сзади девочка идет.
Правой ручкой
Брал за ручку,
А левой к сердцу жал.
Она билась, колотилась
И просилась у меня домой:
«Теперь будешь милый мой,
Лишь пусти меня домой».
Похватались мы друг за дружку
И попадали в траву.
Разбесстыжий буйный ветерочек
Цветное платье приподнял.

260.

На горе было изрыто,
Два креста рядом стоят.
Маша слезно подходила
И спрашивала:
«Нет ли между вами
Дружка Вани моего?»
А могилушка отвечает:
«Нету здесь его».
А вторая повторяет:
«Забудь, Маша, про него». —
«Как же я его забуду —
Он на груди моей больной».

261.

Отец и мать жили весело,
Изменчива злая судьба:
Насмеялся он над малюткою,
А мать в сырую могилу легла.
После матери отец дочь любил,
Недолгая шла благодать —
Он нашел себе жену новую:
«Надя, Надя, вот будет наша мать».
Мать неродная ненавидела
Малолетнюю крошку дитя,
И ничем её не обидела,
Только мужу задачу дала:
«Всей душой люблю тебя, милый мой,
Только жить я с тобою не буду.
Говорить тебе только совестно —
Жить на свете мешает нам дочь.
Ты убей её иль в приют отдай,
Только сделай это всё поскорей,
А не сделаешь, я уйду
И тогда буду жить веселей».
Мысли зверские вошли в голову,
И решил отец дочерю убить.
Жаркий день стоял, духота кругом,
Отец дочерю на кладбище звал.
Не хотелось ей со отцом идти,
А хотелось проведать ей мать.
Она цветы рвала, а сама думала,
Как могилку цветами убрать:
«Ты, дитя моё, подойди ко мне,
Я хочу тебе слово сказать».
Лицо бледное, подошла к нему,
Он схватил и начал крепко жать,
Чтобы голос её не слышен был,
И на помощь людей не созвать.

Заблестел тут нож палача-отца,
И слышался нежненький крик.
Кровь-то алая по земле течет,
А над трупом стоял зверь-отец.

262.

Однажды сидела за гитарой,
Я долго играла на ней,
Долго играла и пела,
В душе было грустно моей.
Я вспомнила прошлые годы,
Когда молодая была,
Красою была одарена
И в мире как роза цвела.
Родные меня все любили
И даже гордились мной.
Семнадцать мне лет миновало,
И что же случилось со мной?
Однажды вечерней порою
Пошла по аллее гулять,
Друзей при себе не имела,
А только тоску разогнать.
Мне встретился мальчик красивый,
И стал он в любви объяснять.
Потом он назначил свиданье
В зеленую рощу гулять.
Гуляли, гуляли мы долго,
До поздней вечерней зари.
Отель возвращались поздно,
Погасли в садах фонари.
Домой прихожу, всё готово,
Спокойно ложилася спать,
А утром всех раньше вставала,
Как милый назначил мне час.
Нечаянно я взглянула в окошко,
А Толю везут от венца:
Злодейку-судьбу изменил он,
Нашел другую жену.
Она ничем не лучше,
Ничем не красившее меня,
Только шикарней одета,
Поверь, богаче меня.
Слышу шаги раздаются,
Подруга Наташа идет:
«Здравствуй, здравствуй, Маруся,
У Толи на свадьбе была.
Музыки, вальсы играли,
Потом прокричали «ура».
Не помню, со мной что случилось,
Не помню, как в спальню вошла.

Заряженный пулей револьвер
Я в правую руку взяла
И вдарила в белую грудь.
Хороните меня в этой роще,
Где Толя клятву давал,
А Толя придет на могилу
И будет прощенья просить,
А я Толю прощаю,
А Бог не простит никогда.

263.

Однажды случай был такой:
Видал я собственными глазами,
Судили девицу одну,
Она дитя была годами.
Когда начаться должен суд,
Зал наполнен был народом,
И судьи сели по местам,
Конвой пробил ей дорогу.
Она просила говорить,
А судьи ей не отказали.
Когда она стала говорить,
Зал наполнен был слезами.
«Не говорите вы о нем,
Ещё дело не забыто.
Он виноват один во всём,
А сердце бедное разбито.
Среди товарищей своих
Он гордо хвастался другою,
Бил и презирал меня,
Не дорожил, безумец, мною.
В один прекрасный вечерок
Я отомстить ему решила —
Вонзила в грудь ему кинжал,
Вот, судьи, я его убила».
И покачнулася слегка,
Последний вздох в грудях раздался,
И приговор в руках судьи
Так незачитанным остался.

264.

Сердце ноет, сердце ноет,
Поминутно грудь болит.
Наверно, милый вспоминает,
Наверное, ему другая не велит.
Не велит, она имеет право,
Она старшая перед ним.
Выйду, выйду я на горку,
А там дождик моросит,
Положу кольцо на камень,

Сама пойду в монастырь.
Пусть достанется колечко
Всем ребятам холостым.
Холостой парень гуляет,
А женатый лежит спит,
Жена волюшки не дает,
Разбирает, спать кладет.

265.

Один из казаков,
Наездник лихой,
Он бился, рубился три года с врагом,
Разбил супостата копьем и мечом,
Покончил он битву,
Ехал домой.
Навстречу папаша,
Папаша родной:
— Здорово, папаша,
Жива ли семья?
— Семья, слава богу,
Прибавилась.
Сын отцу ни слова,
Сел на коня
И пустился до двора,
До двора, двора —
Стоит мать, жена.
Мать сына просила:
— Прости, сын, жену.
— Тебя, мать, прощаю,
Жену — никогда.
Закипело сердце,
Казачия кровь,
Заблестала шашка
Во правой руке,
И слетела головка
С неверной жены.
— Вот, Боже мой, Боже мой,
Чего я наделал,
Жену я срубил,
А себя загубил.
Оставил малютку
Навек сиротой.
Жену похоронят,
А меня закуют,
Малую малютку
В люди отдадут,
А все мои мундиры
Братья разберут.

266.

Каспийское море луной осветило,
 Где с милым сидели вдвоем.
 Так тихо, так нежно забилося
 Во нем сердце,
 А мне всё не верилось.
 Вот, Боже мой, Боже мой,
 Злые люди,
 Зачем посадили в тюрьму?
 С женой молодою навек
 Разлучили,
 Разбили семейную жизнь.
 Живи ты, живи, моя роза дорогая,
 Живи, наслаждайся одна.
 Быть может, назад я ворочуся,
 Быть может, повидимся с тобой.

267.

На небе месяц, на небе ясный,
 На небе звездочки горят.
 Забыла маму испытати,
 Чи долго с вечеру гулять,
 Мамаша спит, свеча пылает,
 А я стою над головой...

268.

В саду ягодка малина
 Под прикрытием росла²⁵.
 Цвет княгиня молодая
 С князем в тереме жила.
 А у князя был слугою
 Ванька-ключник молодой,
 Ванька-ключник — злой разлучник,
 Разлучил князя с женой.
 На охоту князь собирался,
 Ваньку дома оставлял.
 Проводивши, Ванька, князя,
 Сам с княгинею во дворце,
 А княгиня к нему льнула,
 Как сорока, на плечо.
 На постельку звать звала,
 Долго Ванька не соглашался
 Лечь на князеву постель,
 А потом он согласился
 Лечь на князеву постель.
 Ванька с нянькой поругался,
 Нянька князю донесла:
 «Ты послушай, князь Волховский,
 Что я буду говорить.

²⁵ Эти две строки повторяются два раза.

Твоя милая княгиня
С Ванькой-ключником живет».
— Вы пойдите, приведите
Ваньку-ключника ко мне.
Вот ведут, ведут Ванюшу
На шелковом кушаке.
— Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколько лет с княгиней жил?
— Только знает лишь перина
Да подушка пухова,
А ещё знает Ванюшка
Да княгиня молода.
Я с женою жил три года,
А с княгиней десять лет.

269.

Вам знакома моя Коломбина,
Я не буду о ней повторять,
Вам сейчас я спою «Арлекино»,
Расскажу, как он может страдать.
Арлекин полюбил Коломбину,
Он всей страстью и пылкой душой.
Она часто клялась Арлекино,
Что мы счастливы будем с тобой.
Так любила она беспредельно,
Святой клятвой своей дорожа,
Но однажды вечерней порою
Она тихо куда-то ушла.
Арлекино, возвращаясь из цирку,
Коломбины своей не застал.
Горло, грудь ему сразу сдавило,
Со слезами на стол он упал.
Чу, он слышит она возвращалась,
С ней как будто бы кто-то чужой,
Быстро спрятался он за гардину,
И кинжал взял он в руки большой.
Дверь со скрыпом слегка отворилась,
Коломбина, шатаясь, вошла,
И сказала: «Прощай, до свидания»,
И как будто его обняла.
Арлекин, задыхаясь от злости,
И кинжал всё сильнее вжимал в грудь.
Тут сразу он ей показался,
«Коломбина», — слегка прошептал.
Коломбина его испугалась
И просила, чтоб он ей простил.
Побледнела она, зашаталась,
Арлекин её насмерть убил.
Метил долго, ну, прямо ей в сердце,
Чтобы больше не билось оно,
Чтобы он навеки спокоен,

Чтоб не знал всё, что было у них.
Мы не будем винить Арлекина,
Коломбину, шутя, он убил.
Виновата ведь здесь Коломбина:
Изменила, когда тот её любил.

270.

Раз в цыганскую кибитку
Мы случайно забрели,
Платки красные внакидку,
К нам цыганки подошли.
Одна цыганка молодая
Меня за рученьку брала,
Колоду карт в руках держала
И ворожить мне начала:
«Дай, голубчик, погадаю,
Раскину карты для тебя
И, что было, я узнаю,
Поверь ты картам, не вру я.
Для тебя карта плохая:
Предстоит казённый дом,
На свиданье к тебе ходит
Твоя дама с королем.
Она всё время не отходит,
Она всегда в твоих глазах,
Но вместе жить ты с ней не будешь,
Свадьбу топчешь ты в ногах.
Остерегайся перемены —
Плохая карта для тебя.
И за несчастную измену
Погубишь душу и себя».
На этом кончила цыганка,
Я за труды ей заплатил,
И показалась в сердце ранка,
Как будто кто кинжал вонзил.
Не помню, как дошел до дома,
Я на постель упал, как сноп,
И мне не верилось самому,
Я положил компресс на лоб.
Подошла к моей постели
Ту, которую люблю:
«Милый мой, пришел ты кстати,
Я давно тебя здесь жду,
Милый мой, да что с тобою?
Мне кажется, что ты больной.
Дай поцелую тебя, милый,
Расскажи мне что с тобой».
Собрался я немного силы
И рассказал ей обо всем:
«Не беспокойся, друг мой милый,
С тобой гуляем и умрем».

271.

Что за месяц, что за ясный,
 Ночью светит, а днем нет?
 Что за мальчик, за мальчишка,
 Девочку любит, а баб — нет?
 Среди горами было ущелье,
 Шлях-дорожка лежала,
 Вот как по этой по дорожке
 Провожала я своего дружка.
 Вот провожала, ублажала
 И вздыхала по нем тяжело.
 — Вот не вздыхай-ка, душа Маша,
 Не вздыхай-ка по нём тяжело.
 — Ну, конечно, мне дружка жалко,
 Забывать теперь его.
 Вот тогда дружка я забуду,
 Когда смертию помру,
 Подломятся мои резвы ножки,
 Я не буду к нему ходить.
 Разовьются мои белые ручки,
 Я не буду его обнимать.
 Уста кровью мои запекутся,
 Я не буду его целовать.

272.

В одной знакомой улице
 Я помнил старый дом,
 С высокой тёмной лестницы
 Завешан был окно.
 Никто не знал, какая там
 Затворница жила,
 Как будто сила тайная
 Меня туда влекла.
 Какие-то речи тайные
 Она твердила мне

 Огонь горит до полночи,
 Как звездочка горит,
 А ветер занавесочку
 Тихонько шевелит.

273.

— Для чего ты меня, мать, родила,
 Для чего на свет пустила?
 — Для того я тебя, сыночек, родила,
 Чтоб тюремную жизнь испытать.
 — А я умру на тюремной постели,
 Арестанты меня понесут.
 Гроб мне сделают из старого тёса,

Похоронят меня без родных.
Ай, да никто же обо мне не поплачет,
Ни отец и ни родная моя мать.

274.

— Смотрите: всем я хороша,
Взор мой не охлаждён годами,
Считайте, в нём моя душа,
Она открыта перед вами.
Больну я гордость затаял,
Молчанье я своё нарушу.
За что он полюбил меня —
За красоту мою иль душу?
Он гордо хвастался другою,
Он бил меня и презирал,
Не дорожил, безумец, мною,
В один прекрасный вечерок
Я отомстить ему решила,
Вонзила в грудь ему кинжал
О, судьи, я его убила.
Вхожу я в комнату свою
И вижу на столе повестка,
Что завтра мне идти на суд
По делу моего убийства.
Вдруг встрепенулася она,
Последний вздох в груди раздался,
И приговор в руках судей
Так недочитанным остался.

275.

Вечер поздно из лесочка
Я коров домой гнала.
Не догнавши ручейка
Близ зелёного лужка,
Вижу, слышу:
Едет барин с поля,
Две собачки впереди,
Два лакея позади.
Поравнявшись он со мною,
Бросил взор свой на меня:
— Здравствуй, милая красотка,
Из которого села?
— Вашей милости крестьянка, —
Отвечала я ему.
— Ну, сегодня ты крестьянка,
Завтра будешь госпожа.
— Госпожою быть мне лестно,
А Ванюшу очень жаль.

276.

Сижу за решёткой
В тюрьме вековой,
Ко мне прилетает
Орёл молодой.
Он крыльями машет,
Стучит об окно,
Он выманить хочет
Брата своего.
— Товарищ, товарищ,
Давай улетим.
Улетим далёко,
За тысячу вёрст,
Где солнце не светит,
Месяц никогда,
Где снежки белеют,
Синеет море.

277.

Однажды вечернею порой
Выйду я в сад погулять.
Время ещё не настало,
Стану я милого ждать.
Жду я его, не дождуся,
Наверно, не любят меня,
Наверно, он любит другую,
Такую разнесчастную, как я.
Я слышу: шаги раздаются,
Наверно, мой милый идет,
Я быстро навстречу помчуся
И там расцелую его.
И тут уж пойдут разговоры,
И тут уж пойдёт болтовня,
И вспомнятся прежние ссоры,
Но (да) это всё было шутя.
Серый кустом расстегнула
И деньги его забрала.

Примечания

БЫЛИНЫ

1. Тетр. 1. Л. 34. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г. «Похожий вариант» зап. от Е. Шумкова, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г. «Былина о споре Сокола с конем».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

2. Тетр. 2. Л. 85. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г. «В песне упоминается имя Ф. А. Круковского, генерала-майора, наказного атамана Кавказского линейного войска, героя Кавказской войны, погибшего 18 января 1852 г. близ Урус-мартана.»

3. Тетр. 2. Л. 89. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г. «Историческая песня, посвященная казачьему атаману Ермаку Тимофеевичу (1539 — 6 августа 1585), покорителю Сибири. Мотив выбора атамана часто встречается в цикле исторических песен о Степане Разине.»

4. Тетр. 2. Л. 90. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г. «Историческая песня, посвященная походу Ермака в Сибирь, содержит мотив созыва казаков.»

5. Тетр. 3. Л. 102. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 09.04.1978 г. «Фрагмент исторической песни «Как у нас то было на Дону» на сюжет «Степан Разин и голь кабацкая».

6. Тетр. 3. Л. 114. Зап. от Е. Т. Храповой, 1898 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г. У Сеимова М. П. (1899 г. р.) начин такой: *Пойдемте мы, братцы, жить на линию, / На Куру-реку...* «Историческая песня конца XVIII в. о службе казаков на Кавказе. Кавказской линией называлась система оборонительных сооружений, созданная русской армией для ведения военных действий на Северном Кавказе (1817—1864).»

7. Тетр. 3. Л. 115. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., оба с

х. Попова, 16.04.1978 г. Вариант I (Похожая песня за № «на листе»166). «Песня посвящена событиям Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда произошло успешное форсирование русскими войсками Дуная.»

8. Тетр. 3. Л. 115. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 19.10.1986 г. Вариант II. «См. примеч. к № 6. В тексте песни Николай ошибочно назван царем. Вероятно, речь идет о великом князе Николае Николаевиче, который возглавлял русскую армию к началу Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.»

9. Тетр. 4. Л. 166. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 03.09.1978 г. (Похожая песня за № «на листе»115). «Вариант песен № 6, 7.»

10. Тетр. 3. Л. 116. Зап. от Е. Храпова, 1898 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г. Вариант I. «Песня посвящена Федору Ивановичу Краснощёкову, походному атаману во время Семилетней войны 1756—1763 гг. Сюжет песни вымышленный. Позднее его героем стал М. И. Платов, командующий всеми казачьими полками во время Отечественной войны 1812 г.»

11. Тетр. 3. Л. 116. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 19.10.1986 г. Вариант II. «Фрагмент исторической песни. См. примеч. к № 10.»

12. Тетр. 3. Л. 117. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г. Вариант I. «Вероятно, контаминация двух исторических песен. Зачин (первые четыре строки) относится к сюжету «Кутузов и казаки», напоминающему о Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Далее действие развивается на основе мотива письма врага с угрозами захватить земли и требованием предоставить жильё, который реализуется в текстах исторических песен, относящихся к времени Отечественной войны 1812 года («Наполеон пишет Александру») и Русско-

турецкой войны 1828—1829 гг. («Турецкий султан пишет русскому царю».)

13. Тетр. 3. Л. 118. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 03.09.1978 г. Вариант II. «См. примеч. к № 11.»

14. Тетр. 3. Л. 119. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р.; б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., оба с х. Попова, 16.04.1978 г. «См. примеч. к № 6, 7. Очевидно, в тексте песни произошла замена названия реки: вместо «Дунай» стали петь «Дон».»

15. Тетр. 3. Л. 120. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р.; б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., оба с х. Попова, 16.04.1978 г. Варинат I. «Песня посвящена событиям конца XVIII в., когда казаков переводили на Кубанскую линию: по высочайшему указу от 28 февраля 1792 г. были переселены 3000 семей донских казаков. И. В. Гудович — с 1790 г. командующий Кубанским корпусом и начальник Кавказской линии. А. И. Иловыйский — российский генерал, наказной атаман Донского казачьего войска. Алеша Попович — герой русского эпоса.»

16. Тетр. 3. Л. 120об. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 03.09.1978 г. Вариант II. «См. примеч. к № 15.»

17. Тетр. 3. Л. 123. Зап. от а) А. А. Ульянова, 1908 г. р.; б) А. И. Петровой, 1899 г. р., оба с х. Филяты, Федосеевской станицы, 03.01.1978 г. «Историческая песня литературного происхождения посвящена победе русского оружия над шведами под Полтавой. Автор слов — Иван Молчанов (1809—1881) — организатор профессионального солдатского хора.»

18. Тетр. 3. Л. 124. Зап. от а) А. А. Ульянова, 1908 г. р.; б) А. И. Петровой, 1899 г. р., оба с х. Филяты, Федосеевской станицы, 03.01.1978 г. «Песня относится к времени Кавказской войны 1817—1864 гг. Вариант сюжета «Казаки Бакланова добывают победу». Я. П. Бакланов (1809—1873) — русский генерал, герой Кавказской войны.»

19. Тетр. 3. Л. 128. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г.

20. Тетр. 4. Л. 154. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 27.08.1978 г. Вариант II. («По-разному поется», — П. И. Т.). «Песня о событиях Крымской войны 1853—1856 гг.»

21. Тетр. 4. Л. 153. Зап. от Е. Т. Храповой, 1898 г. р., х. Попов, 13.06.1978 г. Вариант I. «См. примеч. к № 20. Очевидно, текст изменен в годы революции и Гражданской войны.»

22. Тетр. 4. Л. 159. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 27.08.1978 г. «Возможно, песня посвящена событиям Крымской войны 1853—1856 гг. В тексте использованы образы и мотивы былинных и исторических песен раннего времени. Ср. с вариантом из сборника А. Савельева:

Из-за лесу-то было, лесу темного...

Из-за лесу-то было, лесу темного,

Из провалья было из глубокого,

Не две стадушки, черныя галушки

в пролет летят, —

Со тиха Дона полки казацкие во поход
идут.

Впереди-то полка казачьяго снежок

перепархивал,

Млад ясмен сокол по крутым горам

полетывал,

Наш полковничек впереди полка

ездил-поразъезживал,

На раздушечке своем на добру коню

на буланому.

Под ним душечка его добрый конь играл

ровно лютый змей;

На коне-то сидел наш полковничек как

ясмен сокол;

На нем шапочка-кабардиночка

с бразументами;

Он и так сидит, не трухнется,

Его шапочка кабардиночка

не шелохнется....

[Сборник донских народных песен / сост. А. Савельев. СПб., 1866. С. 130.]»

23. Тетр. 4. Л. 167. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 27.11.1978 г. «См. примеч. к № 6, 7.»

24. Тетр. 4. Л. 183. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г. «Фрагмент песни относится ко времени царствования Николая I (1825—1855). Сюжет песни неясен.»

25. Тетр. 5. Л. 194. Зап. от А. Ф. Ульянова, 1907 г. р., х. Попов, 11.06.1979 г. Вариант I. «Фрагмент песни, посвященной осаде города Браилова, которая произошла в ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 гг.»

26. Тетр. 5. Л. 194. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г. Вариант II. «См. примеч. к № 25. Командовал русской армией во время штурма Браилова великий князь Михаил Павлович, брат царя Николая I.»

27. Тетр. 6. Л. 279. Старинная казачья песня. Записана от уроженки и жительни-

цы х. Кузнецы Гришиной Анны Андреевны, 1914 г.р., 05.05.2003 г. «Определить, какому именно историческому событию посвящена песня, затруднительно, так как в тексте упоминаются одновременные реалии. Так, первые три строки песни, возможно, относятся к боевым действиям Русской армии на территории Польши в 1831 г., однако далее следует текст, касающийся времени Гражданской войны 1918—1921 гг.: «Получил большую рану / *От буржуев* на груди», «Жив я буду, не забуду / *Красным знаменем* награжу». В целом структура песенного текста типична для этого жанра. См., например, историческую песню «Вспомним, братцы ставропольцы, / Как стояли под Тикой», посвященную действиям военной экспедиции под руководством М. Д. Скобелева против туркмен-текинцев в январе 1880 г. Кроме того, эта песня известна с таким началом:

*Эх, да вспомним, братцы, вы кубанцы,
Двадцать перво сентября.
Как дрались мы с германцем
От рассвета допоздна.»*

28. Тетр. 4. Л. 151. Военная песня. Зап. от Е. Т. Храповой, 1898 г. р., х. Попов, 13.06.1978 г. «См. примеч. к № 27.»

БАЛЛАДЫ

29. Тетр. 1. Л. 36. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.

30. Тетр. 3. Л. 99—99об. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 09.04.1978 г.

31. Тетр. 6. Л. 259—259об. Песня записана 19.01.1991 г. от М. П. Безверховой. Подобная песня записана под № «на листе» 99.

32. Тетр. 3. Л. 129—129об. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г. «Похожий вариант зап. от» А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г.

33. Тетр. 3. Л. 137—137об. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 18.05.1978 г. (См. № «на листе» 221).

34. Тетр. 5. Л. 221. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г. Вариант I. Вариант II см. Л. 137.

35. Тетр. 5. Л. 197. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, зима 1979 г. «Похожий вариант зап. от» А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 14.03.1979 г.

ХОРОВОДНЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

36. Тетр. 5. Л. 201. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 10.08.1979 г. Поется на два карагота.

37. Тетр. 5. Л. 208. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 24.08.1980 г.

38. Тетр. 5. Л. 211. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 24.08.1980 г. Шуточная стар-чинная» песня.

ВОЕННО-БЫТОВЫЕ ПРОТЯЖНЫЕ И ЧАСТЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

39. Тетр. 1. Л. 2. Зап. от О. Ф. Поповой, 1900 г. р., х. Ольховка, 17.09.1974 г.

40. Тетр. 1. Л. 5. Зап. от О. Ф. Поповой, 1900 г. р., х. Ольховка, 17.09.1974 г.

41. Тетр. 1. Л. 6. Зап. от О. Ф. Поповой, 1900 г. р., х. Ольховка, 17.09.1974 г.

42. Тетр. 1. Л. 44. Зап. от П. Н. Калининной, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г. «Похожий вариант зап. от» А. А. Ульянова, 1908 г. р., х. Филяты, 03.01.1978 г.; А. И. Петровой, 1899 г. р., х. Филяты, 03.01.1978 г.

43. Тетр. 2. Л. 64. Зап. от М. И. Сиволобова, 1904 г. р., х. Ольховка, 14.03.1978 г. «Похожий вариант зап. от» М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская. Вариант I.

44. Тетр. 2. Л. 64об. Б/п. Вариант II.

45. Тетр. 2. Л. 66. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г.

46. Тетр. 2. Л. 69. Зап. от М. И. Сиволобова, 1904 г. р., х. Ольховка, 14.03.1978 г. Вариант II:

*...До красна солышка
Не дает мне младцу
Коня оседлать
И из плена убежать
Из туретчины.*

(Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.)

47. Тетр. 2. Л. 74—74об. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г. «Похожий вариант зап. от» И. Г. Голикова, 1914 г. р., х. Попов, 11.06.1979 г. (Только начин у него: «*За Уралом за рекой...*»); М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 10.08.1979 г. (Начинается песня эта у него так: «*Под березовым кустом...*» и оканчивается: «*Скажешь жененке молодой, / Что не вернусь я домой*»).

48. Тетр. 2. Л. 75—75об. Вариант I (3-й вариант см. Л. 236). Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г. Иногда начин у этой песни поется и такой:

*Было, было нас двое,
Два братца родных.
Вдруг ударили тревогу
На смертный бой идти.
Вдруг свистнула картеча
Кого-то из нас двух:
Меня-то миновала,
А братец мой упал.
Я подал ему руку...*

49. Тетр. 2. Л. 76. 2-й вариант той же песни <см. № выше> (3-й вариант см. Л. 236). Зап. от а) А. В. Пономаревой, 81-й год, б) Е. В. Пономаревой, 1907 г. р., х. Ольховка, а жили в ст. Слассевской, 29.12.1978 г.

50. Тетр. 5. Л. 236. 3-й вариант (1-й, 2-й см. Л. 75, 76). Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 19.10.1986 г.

51. Тетр. 2. Л. 80. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г.

52. Тетр. 3. Л. 135. Зап. от а) М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г. <Похожий вариант зап. от> А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 14.03.1979 г. <Жанровое определение песни в антологиях варьируется: иногда ее включают в раздел исторических песен Разинского цикла, в других изданиях ее можно встретить в разделе лирических разбойничьих песен.>

53. Тетр. 2. Л. 94. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г.

54. Тетр. 3. Л. 104. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 09.04.1978 г.

55. Тетр. 3. Л. 104—104об. Вариант II. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный.

56. Тетр. 3. Л. 105. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., оба с х. Попова, 16.04.1978 г.

57. Тетр. 3. Л. 132. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г.

58. Тетр. 3. Л. 134. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г. Часть строк есть в № <на листе> 230.

59. Тетр. 4. Л. 144. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 28.05.1978 г. (исправления, поправки <в тексте песни в круглых скобках>— его же).

60. Тетр. 4. Л. 161. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 27.08.1978 г.

61. Тетр. 4. Л. 182. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г.

62. Тетр. 4. Л. 190. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г.

63. Тетр. 5. Л. 230—230об. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г. (Часть строк есть в № <на листе> 134).

СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ПРОТЯЖНЫЕ И ЧАСТЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

64. Тетр. 1. Л. 7. Зап. от А. Ст. II Апраксина, 1919 г. р., 22.09.1974 г.

65. Тетр. 1. Л. 18. Зап. от Е. А. Блинковой, 1919 г. р., х. Черныхин, 06.11.1974 г.

66. Тетр. 1. Л. 19. Зап. от Е. А. Блинковой, 1919 г. р., х. Черныхин, 06.10.1974 г.

67. Тетр. 1. Л. 21. Зап. от Е. А. Блинковой, 1919 г. р., х. Черныхин, 06.10.1974 г.

68. Тетр. 1. Л. 29. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.

69. Тетр. 1. Л. 30—30об. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г. <Похожий вариант зап. от> А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 27.11.1978 г. <Поют,> когда отдают девушку замуж.

70. Тетр. 1. Л. 35. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.

71. Тетр. 1. Л. 38. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.

72. Тетр. 1. Л. 39. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г. <Похожий вариант зап. от> П. Н. Калининой, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г.

73. Тетр. 1. Л. 45. Зап. от П. Н. Калининой, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г. <Похожий вариант зап. от> А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 06.03.1978 г.

74. Тетр. 2. Л. 49. Зап. от П. Н. Калининой, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г. <Похожий вариант зап. от> А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 06.03.1978 г.

75. Тетр. 2. Л. 62—62об. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 06.03.1978 г.

76. Тетр. 2. Л. 63. Вариант I. Зап. от Е. А. Блинковой, 1919 г. р., х. Черныхин, 10.03.1978 г.

77. Тетр. 2. Л. 63об. Вариант II. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

78. Тетр. 2. Л. 65—65об. Зап. от М. И. Сиволобова, 1904 г. р., х. Ольховка, 14.03.78 г.

«Похожий вариант зап. от» И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г.

79. Тетр. 2. Л. 81. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г.

80. Тетр. 2. Л. 87. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г.

81. Тетр. 2. Л. 88. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г. Вариант I.

82. Тетр. 2. Л. 88об. Песня записана 5 декабря 1990 года от уроженки ст. Федосеевская, а ныне жительницы х. Попова Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 года рождения.

83. Тетр. 3. Л. 95. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г. «Похожий вариант зап. от» Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 02.05.1978 г.

84. Тетр. 3. Л. 98. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 27.08.1978 г. «Похожие варианты зап. от» П. И. Симонова, 1908 г. р., х. Филяты, 01.01.1979 г.; И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г.; Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г.

85. Тетр. 3. Л. 108. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., оба с х. Попова, 16.04.1978 г. «Концовка песни в исполнении других информантов»

... Она мне говорила

Речи тайные

С открытой душой:

«Да пойдут-то на нас

Тучи грозные,

Приударит сильный гром,

Разнесет, расшибет раздосадушку

Наша прежняя любовь...»

(Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г.) «Похожий вариант зап. от» И. Г. Голикова, 1914 г. р., х. Попов, 11.06.1979 г.

86. Тетр. 3. Л. 109. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., оба с х. Попова, 16.04.1978 г.

87. Тетр. 3. Л. 111. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., оба с х. Попова, 16.04.1978 г.

88. Тетр. 3. Л. 113. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 27.08.1978 г.

89. Тетр. 3. Л. 122. Зап. от а) А. А. Ульянова, 1908 г. р., б) А. И. Петровой, 1899 г. р., оба с х. Филяты, Федосеевской станицы, 03.01.1978 г. Шуточная песня.

90. Тетр. 3. Л. 125. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г.

Вариант I. Похожие песни есть под № «на листах» 191, 192.

91. Тетр. 5. Л. 191. Зап. от И. Гр. Голикова, 1914 г. р., х. Попов, 11.06.1979 г. Похожие песни есть под № «на листах» 125, 192.

92. Тетр. 5. Л. 191. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, зима 1979 г. Похожие песни есть под № «на листах» 125, 191.

93. Тетр. 3. Л. 125. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г. Вариант I.

94. Тетр. 5. Л. 218—218об. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г. Вариант II, I-й см. № «на листе» 126.

95. Тетр. 3. Л. 127. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г.

96. Тетр. 3. Л. 133. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г. Песня с таким началом есть под № «на листе» 186. Бывает начин у этой песни и такой:

Прокатилась наша младость,

Как с гор мутная вода.

Наступает наша старость,

Как холодная в поле зима.

Между лес, между гор...

(Зап. от И. Г. Голикова, 1914 г. р., х. Попов, 11.06.1979 г.)

В другой раз (19 окт. 1986 г.) Сеимов М. П. начин этой песни сказал так:

Что за месяц

Что за яркий?

Ночью светит, а днём — нет.

Что за мальчик,

За мальчишка?

Девоч любит,

А баб нет.

Между горского ущелью...

.....

Я не буду обнимать.

(Тетр. 3. Л. 133об.)

97. Тетр. 3. Л. 136. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 18.05.1978 г.

98. Тетр. 6. Л. 265. Федосеевский вариант. Песня записана 04.04.1991 г. от М. П. Рябининой. Похожая есть под № «на листе» 136.

99. Тетр. 3. Л. 138. Шуточная песня «Савич». Зап. от Ел. И. Храповой, 1898 г. р., х. Попов, 18.05.1978 г.

100. Тетр. 3. Л. 140. Зап. от М. Д. Медведицковой, 1900 г. р., х. Попов, 21.07.1978 г.

101. Тетр. 3. Л. 142. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 28.05.1978 г.

102. Тетр. 4. Л. 143. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 28.05.1978 г.

103. Тетр. 4. Л. 146. Зап. от М. Д. Медведицковой, 1900 г. р., х. Попов, 21.07.1978 г.

104. Тетр. 4. Л. 147. Зап. от Е. Т. Храповой, 1898 г. р., х. Попов, 13.06.1978 г. «Похожий вариант зап. от» М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 28.05.1978 г.

105. Тетр. 4. Л. 148. Шуточная казачья скomorошья песня. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 28.05.1978 г. «Похожий вариант зап. от» А. Шебуниной, х. Кузнеченский, 15.10.1978 г.

106. Тетр. 4. Л. 149. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 28.05.1978 г. «Похожий вариант зап. от» М. Д. Медведицковой, 1900 г. р., х. Попов, 21.07.1978 г.

107. Тетр. 4. Л. 150. Зап. от Е. Т. Храповой, 1898 г. р., х. Попов, 13.06.1978 г.

108. Тетр. 4. Л. 152. Ст«аринные» частушки. Зап. от Е. Т. Храповой, 1898 г. р., х. Попов, 13.06.1978 г.

109. Тетр. 4. Л. 156. Зап. от М. Д. Медведицковой, 1900 г. р., х. Попов, 21.05.1978 г.

110. Тетр. 4. Л. 157. Зап. от М. Д. Медведицковой, 1900 г. р., х. Попов, 21.07.1978 г.

111. Тетр. 4. Л. 158. Зап. от М. Д. Медведицковой, 1900 г. р., х. Попов, 21.07.1978 г.

112. Тетр. 4. Л. 162. Вариант I. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 27.08.1978 г.

113. Тетр. 4. Л. 162—162об. Вариант II. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

114. Тетр. 4. Л. 162об. Вариант III. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 18.09.1983 г.

115. Тетр. 4. Л. 164. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 03.09.1978 г.

116. Тетр. 4. Л. 165. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 03.09.1978 г.

117. Тетр. 4. Л. 170—170об. Зап. от М. И. Каревой, 1929 г. р., х. Черныхин, 26.01.1979 г. «После песни В. А. Апраксин приводит текст статьи.» Вырезка из газеты «Победа» от 15.09.1994 г.:

Веселая казачья песня-дразнилка

Хорошо, что в «Победе» есть ежемесячная страничка, где можем помешать статьи про казачью старину, песни, стихи, рецепты...

Сегодня я расскажу о песне, которую сочинили казаки-станичники, где характеризуется (критикуется) каждая станица, показывается бедность казаков (а ведь тогда был капитализм). При Советской власти казаки стали жить богаче. Чуть ли не у каждого легковая машина, добротные дома, мебель, зеркала, паласы, персидские ковры, хрусталь.

Отец мне рассказывал, а ему его отец (мой дедушка Петров Д. П.)

...Служили казаки в кавалерийском полку, знали друг друга потому, что в каждой станице церковь, мы еще парнями ездили Богу молиться, и невест примечать. В полку были казаки из нескольких соседних станиц: Федосеевской, Слащевской, Зотовской и т.д., что над Хопром, даже из станиц что понад рекой Медведицей. После учебных занятий командир говорил: «Федосеевские казаки! (А сюда относились хутора: Ильменский, Генеральский (т. е. Красноармейский), Косоротовский, Кучуры, Сарычи.) Люблю, как вы играете свои песни казачьи. Иванов, запевай, Петров, дишкань! Ну и все остальные помогайте». Мы играли, а командир ходил туда-сюда, был доволен нашей песней. А потом хвалил нас: «Молодцы! Вы и в бою не даете пощады врагу, но и в песнях молодцы!»

Как-то мы в казарме посоветовались и решили сочинить песню про наши милые станицы, пока чтоб командир не знал. Придумали песню, подготовили ее без ведома командира (неделю придумывали). А когда командир в очередной раз попросил, запели ее. Ой, он и смеялся от души и просил повторить ее еще и еще раз. А потом ежедневно сначала пели ее и лишь затем — другие.

Когда мы со своим ансамблем «Курагод», теперь называется «Старина» (это значит: ансамбль будет изучать не только старинные песни, но даже старинную казачью кухню, обычаи, традиции, шутки, прибаутки, дразнилки, песни той или другой станицы), выезжали в хутора с концертом, Раиса Александровна Казаринская напоминала: «Не забудьте, проиграйте песню-дразнилку про наши казачьи станицы». Мы играли, и люди были все очень довольны. Благодарили

нас и просили еще приехать. И мы ездили по станицам, хуторам нашего района и далеко за пределы его.

Е. Петрова,
ст. Кумылженская.

Вот ее текст:

«Казачья песня-дразнилка»

Что не рыжи рыжаки — островские казаки (остроуховские).

Гладко головы не чешут — эт букановские.

Стоят, удаят на мосту — эт слащевские.

Ходят в серых зипунах — фодосеевские.

Что не рот с табаком — это зотовские.

На одну ногу чирик — аржановские.

Камышовые чуланы — алексеевские.

Клочковаты казаки — эт филоновские.

Разваленные все трубы — это кепинские.

Что ни двор, тут и вор — глазуновские.

Что не красные платки —

эт скуришенские.

Молодец к молодцу — это кумылженские.

А в Кумылженской станице есть Глушица,
есть чаща,

Есть Глушица, есть чаща, есть два
брата-молодца,

Есть два брата-молодца —
заморозили отца.

(Конец.)

Отец мой пояснил: дров ему ленились привезти, хотя и лес, и чаща, валежник под боком всегда.

118. Тетр. 4. Л. 175. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 02.05.1978 г.

119. Тетр. 4. Л. 181. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г.

120. Тетр. 4. Л. 181. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

121. Тетр. 4. Л. 184—184об. Вариант I. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г.

122. Тетр. 4. Л. 184об. Вариант II. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

123. Тетр. 4. Л. 185. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г.

124. Тетр. 4. Л. 186. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г. Песня с таким начинном есть под № «на листе» 133. Бывает начин такой:

Прокатилась наша младость

Не в чести, не в радость.

И наступила наша старость,

Как холодная в речке вода...

(Зап. от А. Ст. Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 14.03.1979 г.)

125. Тетр. 4. Л. 189. Вариант I (2-й «вариант» под № «на листе» 193). Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г.

126. Тетр. 5. Л. 193. Вариант II (1-й под № «на листе» 189). Зап. от И. Гр. Голикова, 1914 г. р., х. Попов, 11.06.1979 г.

127. Тетр. 5. Л. 196. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 14.03.1979 г.

128. Тетр. 5. Л. 200. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 10.08.1979 г.

129. Тетр. 5. Л. 202. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 10.08.1979 г.

130. Тетр. 5. Л. 203. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 10.08.1979 г.

131. Тетр. 5. Л. 204. Песня записана мною у И. Гр. Голикова 06.09.1979 г., а им — в ст. Букановской.

132. Тетр. 5. Л. 205—205об. Песня записана мною 06.09.1979 г. у И. Гр. Голикова, а им — в ст. Букановской.

133. Тетр. 5. Л. 213. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 24.08.1980 г.

134. Тетр. 5. Л. 214. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

135. Тетр. 5. Л. 214об. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

136. Тетр. 5. Л. 220. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г. Песню нужно играть двум. Начинает один, а вторую строчку уже вдвоем повторяют четыре раза (пример — в первом куплете).

137. Тетр. 5. Л. 222. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

138. Тетр. 5. Л. 224. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

139. Тетр. 5. Л. 225. Затюремная. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

140. Тетр. 5. Л. 227. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

141. Тетр. 5. Л. 228. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

142. Тетр. 5. Л. 229. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

143. Тетр. 5. Л. 234. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 19.10.1986 г.

144. Тетр. 5. Л. 237. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 19.10.1986 г.

145. Тетр. 6. Л. 238. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 19.10.1986 г.

146. Тетр. 6. Л. 239. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 19.10.1986 г.

147. Тетр. 6. Л. 241. Зап. от М. Н. Апраксиной, 1910 г. р., х. Попов, 10.04.1987 г.

148. Тетр. 6. Л. 249. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 29.10.1990 г.

149. Тетр. 6. Л. 258. Песня записана 19.01.1991 г. от М. П. Безверховой.

150. Тетр. 6. Л. 261. Песня записана 19.01.1991 г. от М. П. Безверховой.

151. Тетр. 6. Л. 263. Песня записана 19.01.1991 г. от М. П. Безверховой.

РОМАНСЫ, НОВЫЕ БАЛЛАДЫ,
ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

152. Тетр. 1. Л. 1—10б. Зап. от О. Ф. Поповой, 1900 г. р., х. Ольховка, 17.09.1974 г. В воспоминание о финляндской службе во многих полках казачьих и в станицах на Дону и теперь ещё поётся следующая красивая песня, сочиненная малороссийским сочинителем Гребенкой:

*Поехал казак далеко на чужбину
На добром коне вороном,
Свою он навеки покинул краину,
Ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка его молодая
И утро и вечер на север глядит,
Всё ждёт, поджидает, с далёкого края
Когда же к ней милый казак прилетит.
А там, за горами, где вьются метели
И страшны морозы зимою трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,
Там кости казацьи под снегом лежат.
Казак и молил, и просил, умирая,
Насыпать курганчик ему в головах:
«И пусть на кургане калина родная
Растет и красуется в пышных цветах,
Пусть вольная птичка на этой калине
Порой пропоёт эту песенку мне,
Как жил-был казак на чужбине
И помнил про Дон на чужой стороне».*

153. Тетр. 1. Л. 3. Зап. от О. Ф. Поповой, 1900 г. р., х. Ольховка, 17.09.1974 г.

154. Тетр. 1. Л. 3об. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

155. Тетр. 1. Л. 4. Зап. от О. Ф. Поповой, 1900 г. р., х. Ольховка, 17.09.1974 г. «Похожий вариант записан от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 27.08.1978 г.

156. Тетр. 1. Л. 8. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 22.09.1974 г.

«Похожий вариант записан от» Е. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г.

157. Тетр. 1. Л. 9—9об. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 22.09.1974 г. «Похожий вариант записан от» А. Ст. I Апраксина, 1906 г. р., х. Попов, 27.11.1978 г.

158. Тетр. 1. Л. 10. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 22.09.1974 г.

159. Тетр. 1. Л. 11—11об. Зап. от Е. А. Блинковой, 1919 г. р., х. Черныхин, 10.03.1978 г.

160. Тетр. 1. Л. 12. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 22.09.1974 г.

161. Тетр. 1. Л. 13. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 22.09.1974 г.

162. Тетр. 1. Л. 14—14об. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 22.09.1974 г. Вариант песни:

*На берегу сидит красотка,
Она шелками платье шьет,
Работа чудная такая,
Ей на цветок недостает.
На счастье парус вдали вьется
В сиянии голубого дня:
— Моряк любезный, нет ли шелку
Хотя немного для меня?
— Как не быть для такой красотки,
Какой угодно шелк для вас?
Лишь потрудися, дорогая,
Ко мне на палубу взойти.
Она взошла, парус поднялся,
Моряк ей шелку не дает,
Он про любовь, страну далеку
Ей песню чудную поет.
Он пел так тихо и спокойно,
Она заснула крепким сном,
Когда проснулась — ужаснулась,
А море синее кругом.
— Моряк, отправь меня на берег,
Мне тошно от волны морской.
— Что хошь проси, только не это.
Ты здесь останешься со мной!
— Нас три сестры ... морячкой суждена.*

163. Тетр. 1. Л. 15. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 22.09.1974 г.

164. Тетр. 1. Л. 16. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 22.09.1974 г.

165. Тетр. 1. Л. 17. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 22.09.1974 г. См. также вариант текста от слов «И вторил разлуке моей», записанный от нее же 07.06.1982 г.:

*Подружка подружке говорила:
«Подружка, отравы тебе дам.*

- Отрава моя недорогая —
Всего сулемы на пятак,
А жизнь твоя молодая
Пропала на свете за так».*
- 166.** Тетр. 1. Л. 19. Зап. от Е. А. Блинковой, 1919 г. р., х. Черныхин, 06.11.1974 г.
- 167.** Тетр. 1. Л. 22. Б/п.
- 168.** Тетр. 1. Л. 23—23об. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный. «Вариант начальной строки песни:» *«Вот гулял я с де-вчоночкой три года».*
- 169.** Тетр. 1. Л. 24—24об. Б/п.
- 170.** Тетр. 1. Л. 25—25об. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.
- 171.** Тетр. 1. Л. 26. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов; б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г.
- 172.** Тетр. 1. Л. 27. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.
- 173.** Тетр. 1. Л. 28. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.
- 174.** Тетр. 1. Л. 31. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.
- 175.** Тетр. 1. Л. 32. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.
- 176.** Тетр. 1. Л. 33. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г.
- 177.** Тетр. 1. Л. 37. Зап. от П. Н. Калининой, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г.
- 178.** Тетр. 1. Л. 40—40об. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., х. Скулябный, 21.10.1974 г. «Похожий вариант записан от» А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 06.03.1978 г.
- 179.** Тетр. 1. Л. 41. Зап. от В. С. Попова, 1879 г. р., х. Ольховка, 02.01.1965 г. «Окончание песни»
*На востоке солнце просияло,
Промчался конь без седока.
И пришел казак на смену,
Сменил лихого казака*
(Тетр. 1. Л. 41. Зап. от Ульянова А. А., 1908 г. р., Петровой А. И., 1899 г. р., х. Филяты, 03.01.1978 г.).
- 180.** Тетр. 1. Л. 42. Зап. от В. С. Попова, 1879 г. р., х. Ольховка, 02.01.1965 г.
- 181.** Тетр. 1. Л. 43—43об. Зап. от П. Н. Калининой, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г.
- 182.** Тетр. 1. Л. 46. Зап. от П. Н. Калининой, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г.
- 183.** Тетр. 2. Л. 48. Зап. от П. Н. Калининой, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г.
- 184.** Тетр. 2. Л. 50—50об. Зап. от П. Н. Калининой, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г.

185. Тетр. 2. Л. 51. Зап. от П. Н. Калининой, ст. Федосеевская, 09.11.1974 г.; «Похожий вариант записан от» А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 06.03.1978 г.

186. Тетр. 2. Л. 52. Песня записана братом в ст. Федосеевской у Потапова Антона Ивановича, лет 65 было, х. Водяновский, 16 апр. 1974 г. В другом варианте начин и концовка у этой песни такова:

*Не конечком своим разбежался
Над быстрой казак над рекой,
Он увидел сидит дева плачет...*

*... Когда мы с тобой заручались,
Я малюткой была.*

*Когда мы с тобой первенчались,
Охота наша была.*

(Тетр. 2. Л. 52об. Зап. от А. Ст. I Апраксин, 1907 г. р., х. Попов, 18.05.1978 г.)

187. Тетр. 2. Л. 53. Песня записана братом в ст. Федосеевской у Потапова Антона Ивановича, лет 65 было, х. Водяновский, 16.04.1974 г.

188. Тетр. 2. Л. 54. Песня записана братом в ст. Федосеевской у Потапова Антона Ивановича, лет 65 было, х. Водяновский, 16.04.1974 г.

189. Тетр. 2. Л. 55. Песня записана братом в ст. Федосеевской у Потапова Антона Ивановича, лет 65 было, х. Водяновский, 16.04.1974 г. У песни «Коробочка» среди казачества бытует несколько вариантов припева:

*1. Цыганочка Аза-Аза,
Цыганочка черноглаза,
Цыганочка черная, погадай.*

*2. В роще моей
Пел соловей,
Не дает покою
Теще моей.*

*3. Взял я ружьё,
Убил соловья.
Спи спокойно,
Теща моя.*

*4. Но теща моя
Хуже соловья
Не дает покоя
Зятю она.*

*5. Елки-моталки,
Просил я у Наталки,
Просил я у Наталки
Колечко подарить:
«На тебе, на тебе,
Не рассказывай матери,*

*Не рассказывай матери,
Сказывай отцу».*

(Тетр. 2. Л. 55об. 15.10.1978 г.)

190. Тетр. 2. Л. 56. Песня записана братом в ст. Федосеевской у Потапова Антона Ивановича, лет 65 было, х. Водяновский, 16.04.1974 г.

191. Тетр. 2. Л. 57—57об. Песня записана братом в ст. Федосеевской у Потапова Антона Ивановича, лет 65 было, х. Водяновский, 16.04.1974 г.

192. Тетр. 2. Л. 58—58об. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 06.03.1978 г.

193. Тетр. 2. Л. 59. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 06.03.1978 г.

194. Тетр. 2. Л. 60. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 06.03.1978 г.

195. Тетр. 2. Л. 61. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

196. Тетр. 2. Л. 67—67об. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г. Песня появилась в «Первую» германскую войну. Стихотворение «Напутствие казаку» донского поэта Александра Туроверова, ставшее в дореволюционное время хрестоматийным, известным в каждом курене:

*Конь боевой с походным выюком
У церкви ржет, кого-то ждет.
В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка горьки слезы льет.
А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых
Идет к коню из церкви прямо
И быстро всходит в круг родных.
Сестра коня ему подводит,
Племянник пику подает,
Отец седой к нему подходит
И речь такую он ведет:
«Коня даю тебе лихого,
Он верный друг был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня.
Конь боевой всегда дорожке,
И ты, сынок, им дорожи,
И лучше сам ты ешь похуже,
Коня же в хале содержи.»*

(Районная газета «Победа» № 94 (7 авг. 90 г.), статья краеведа В. Шумова «Куда казаки ходили молиться».)

197. Тетр. 2. Л. 68. Зап. от М. И. Сиволобовой, 1904 г. р., х. Ольховка, 14.03.1978 г.

198. Тетр. 2. Л. 70. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г. «Похожий вариант зап. от» И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г. Другой конец:

*... Семейной жизнью
С тобой жить.
Уехал милый к морю —
Прощай мне не казал.
Назад не воротился,
Подарочек прислал.
Подарочек — колечко,
Букет из разных цвет.
Носила я колечко
На правой на руке,
Цветок-букет носила
На белой на груди.
Колечко распаялось,
Цветок-букет завял.*

(Тетр. 2. Л. 70об. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.)

199. Тетр. 2. Л. 71. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г.

200. Тетр. 2. Л. 72—72об. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г.

201. Тетр. 2. Л. 73—732об. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г.

202. Тетр. 2. Л. 77. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г.

203. Тетр. 2. Л. 78. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г.

204. Тетр. 2. Л. 79. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 18.03.1978 г.

205. Тетр. 2. Л. 81. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г.

206. Тетр. 2. Л. 81. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г. «Похожий вариант зап. от» А. А. Ульянова, 1908 г. р., А. И. Петровой, 1899 г. р., х. Филяты, 03.01.1978 г.

207. Тетр. 2. Л. 91. Зап. от И. Т. Патрина, 1907 г. р., х. Попов, 26.03.1978 г. «Похожий вариант зап. от» Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г.

208. Тетр. 2. Л. 92. Зап. от Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., х. Попов.

209. Тетр. 2. Л. 93. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., «оба из» х. Попов, 16.04.1978 г. «Похожий вариант зап. от» М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г.

210. Тетр. 3. Л. 96. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 09.04.1978 г.

211. Тетр. 3. Л. 97. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г. <Похожие варианты зап. от> А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 09.04.1978 г.; А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 03.09.1978 г.

212. Тетр. 3. Л. 100—100об. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

213. Тетр. 3. Л. 101. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 09.04.1978 г.

214. Тетр. 3. Л. 103. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., оба с х. Попова, 16.04.1978 г.

215. Тетр. 3. Л. 106. Вариант I. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 09.04.1978 г.

216. Тетр. 3. Л. 107. Вариант II. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 03.09.1978 г. Более прав<ильно>:

..... *тропой.*

Там вдалеке, за синим морем,

Оставил родину свою,

Оставил мать свою старушку,

Детей, красавицу жену.

Шумит, бушует непогода,

Далек-далек бродяге путь.

Укрой, тайга, его густая,

Бродяга хочет отдохнуть.

..... *никогда.*

(Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.)

217. Тетр. 3. Л. 110. Вариант I. Зап. от а) И. Т. Патрина, 1907 г. р., б) Ф. Ф. Ульянова, 1902 г. р., оба с х. Попова, 16.04.1978 г.

218. Тетр. 3. Л. 110—110об. Вариант II. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

219. Тетр. 3. Л. 112—112об. Зап. от Е. Т. Храповой, 1898 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г. <Похожие варианты зап. от> М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 28.05.1978 г.; А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 03.09.1978 г.

220. Тетр. 3. Л. 121—121об. Зап. от а) А. А. Ульянова, 1908 г. р., б) А. И. Петрова, 1899 г. р., оба с х. Филяты Федосеевской станицы, 03.01.1978 г.

221. Тетр. 3. Л. 130—130об. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г.

222. Тетр. 3. Л. 131. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 03.01.1978 г.

223. Тетр. 3. Л. 139. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 28.05.1978 г.

224. Тетр. 4. Л. 155. Зап. от Е. А. Блиновой, х. Черныхин, лето 1978 г. Часть строк есть в № <на листе> 232. <От слова «Далее» текст зап. от> А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

225. Тетр. 4. Л. 160. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 27.08.1978 г.

226. Тетр. 4. Л. 163. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 03.09.1978 г.

227. Тетр. 4. Л. 168—168об. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 02.05.1978 г.

228. Тетр. 4. Л. 169. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская.

229. Тетр. 4. Л. 171—171об. Зап. от М. И. Каревой, 1929 г. р., х. Черныхин, 26.01.1979 г.

230. Тетр. 4. Л. 172. Зап. от М. И. Каревой, 1929 г. р., х. Черныхин, 26.01.1979 г.

231. Тетр. 4. Л. 173. Б/п.

232. Тетр. 4. Л. 172. Зап. от М. И. Храпова, 1915 г. р., х. Ольховка, 30.04.1978 г. <Похожий вариант зап. от> А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г.

233. Тетр. 4. Л. 176—176об. Зап. от Е. И. Шумковой, 1910 г. р., х. Черныхин, 02.05.1978 г.

234. Тетр. 4. Л. 177—177об. Зап. от М. И. Писарева, 1931 г. р., х. Попов, 01.05.1979 г. <См.:>

В одном прекрасном месте

На берегу реки

Стоял красивый домик,

В нем жили рыбаки.

Там жил рыбак с женою

Рыбачим трудом.

У них было три сына,

Красавцы хоть куда.

Один любил крестьянку,

Другой — партийную,

А третий — молодую

Охотника жену.

Охотник в лес собрался

За белкою идти,

С цыганкой повстречался,

Умела ворожить.

Раскинула все карты,

Боялась говорить:

«Твоя жена неверна —

Король бубен лежит,

А тут ей и могилка —

Шестерка говорит».

*Охотник разволнован,
Цыганке уплатил,
А сам скорей на лошадь
И к дому поспешил.
Он к дому подъезжает
И видит у крыльца:
Жена его в объятьях
Целует рыбака.
Он снял с себя винтовку
И стрелил в рыбака.
Рыбак упал на землю
И кровью залился.*

(Книга Анат<олия> Рыбакова «35-й и другие годы». Москва: Известия, 1988 г., стр. 178.)

235. Тетр. 4. Л. 178. Зап. от М. И. Писарева, 1931 г. р., х. Попов, 01.05.1979 г.

236. Тетр. 4. Л. 179. Зап. от М. И. Писарева, 1931 г. р., х. Попов, 01.05.1979 г.

237. Тетр. 4. Л. 179—179об. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

238. Тетр. 4. Л. 180. Зап. от М. И. Писарева, 1931 г. р., х. Попов, 01.05.1979 г.

239. Тетр. 4. Л. 187. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., х. Попов, 14.05.1979 г. «Последние две строки зап. от» А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.1981 г.

240. Тетр. 4. Л. 188. Зап. от А. В. Молоканцева, 1892 г. р., и М. С. Болдыревой, 1907 г. р., оба с х. Попова, 14.05.1979 г.

241. Тетр. 5. Л. 195—195об. Зап. от А. Ф. Ульянова, 1907 г. р., х. Попов, 11.06.1979 г. Или это одна песня или несколько в одной. Начин с 1-м четверостишием есть под № «на листе» 133. От строки «Между гор и между лесом» и до «Когда смертию умру» — есть в № «на листе» 133. От строки «Вы не ройте мне могилу» и до «Под зеленой чинарой» — есть в № «на листе» 28.

242. Тетр. 5. Л. 198. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 14.03.1979 г.

243. Тетр. 5. Л. 199. Зап. от А. Ф. Ульянова, 1907 г. р., х. Попов, 11.06.1979 г.

244. Тетр. 5. Л. 206. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 18.12.1979 г. «Последние две строки зап. от» А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Голенкова, 24.08.1980 г.

245. Тетр. 5. Л. 207. Зап. от А. Ст. I Апраксина, 1907 г. р., х. Попов, 18.12.1979 г.

246. Тетр. 5. Л. 209. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 24.08.1980 г.

247. Тетр. 5. Л. 210. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 24.08.1980 г.

248. Тетр. 5. Л. 212. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 24.08.1980 г.

249. Тетр. 5. Л. 215. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.81 г. Местная песня-быль, сложенная народом в 1909—10 гг. в Аржановской станице. Автобиография песни:

Служил в царской армии казак х. Красинского (Арж. ст.) Укустов. Прослышав, что его жена дома гуляет с другим — с Куликовым, — отпросился у полковника домой и пообещал привезти... Так и сделал. Ночью, придя домой, он захватил жену с Куликовым. Стукнув его, Укустов отрезал ко... и уехал в полк.

Когда Куликова вылечили, то жена Укустова все же ушла к нему.

Отслужив, Укустов вернулся домой. В праздник со своим отцом и с детьми он пошел к обедне в Аржановскую церковь. При возвращении домой Куликов с его женой устроили им в леске засаду; выстрелами из ружья Укустов с отцом были убиты, а дети убежали.

Кто-то из людей видел это и донес полиции. Куликова с женой Укустова взяли и после суда сослали на вечное поселение в Сибирь. (Рассказал А. Т. Чурелов.)

250. Тетр. 5. Л. 216—216об. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.81 г.

251. Тетр. 5. Л. 217. Зап. от А. Т. Чурекова, 1904 г. р., х. Скулябный, 15.06.81 г.

252. Тетр. 5. Л. 219. Песню слышал от В. С. Гадышева, х. Блинков, октябрь 1985 г.

253. Тетр. 5. Л. 223. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г. «Карагодная» (один поет, а остальные повторяют).

254. Тетр. 5. Л. 223. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г. Затюремная.

255. Тетр. 5. Л. 231. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

256. Тетр. 5. Л. 264—264об. Песня записана 4 апреля 1991 года от М. П. Рябиной. Эта же песня под № «на листе» 231.

257. Тетр. 5. Л. 232. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г. Часть строк есть в № «на листе» 155.

258. Тетр. 5. Л. 233. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 31.08.1986 г.

259. Тетр. 5. Л. 235. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 19.10.1986 г.

260. Тетр. 6. Л. 240. Зап. от М. П. Сеимова, 1899 г. р., ст. Федосеевская, 19.10.1986 г.

261. Тетр. 6. Л. 242—242об. Зап. от М. Н. Апраксиной, 1910 г. р., х. Попов, конец апреля 1987 г.

262. Тетр. 6. Л. 243—243об. Зап. от М. Н. Апраксиной, 1910 г. р., х. Попов, конец апреля 1987 г.

263. Тетр. 6. Л. 244. Зап. от М. Н. Апраксиной, 1910 г. р., х. Попов, конец апреля 1987 г.

264. Тетр. 6. Л. 245. Зап. от М. Н. Апраксиной, 1910 г. р., х. Попов, конец апреля 1987 г.

265. Тетр. 6. Л. 246—246об. Зап. от М. Н. Апраксиной, 1910 г. р., х. Попов, конец апреля 1987 г.

266. Тетр. 6. Л. 247. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., урожай. х. Скулябного, 29.10.1990 г.

267. Тетр. 6. Л. 248. Зап. от Л. Н. Зоткиной, 1919 г. р., урожай. х. Скулябного, 29.10.1990 г.

268. Тетр. 6. Л. 251—251об. Песня записана 5 декабря 1990 года от урожайки ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попова Марии Петр^овны Безверховой (по мужу Рябининой), 1915 г. р. Р. С.: «Эта песня и все последующие — федосеевские, все допотопные, их пели наши деды, родители и мы» (М. П. Рябинина).

269. Тетр. 6. Л. 252—252об. Песня записана 5 декабря 1990 года от урожайки ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попова Марии Петр^овны Безверховой (по мужу Рябининой), 1915 г. р. «Цыганская песня. И казаки играли её» (М. П. Рябинина).

270. Тетр. 6. Л. 253—253об. Песня записана 5 декабря 1990 года от урожайки

ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попова Марии Петр^овны Безверховой (по мужу Рябининой), 1915 г. р. «Цыганская песня, а её пели и казаки» (М. П. Рябинина).

271. Тетр. 6. Л. 254. Песня записана 19.01.1991 г. от урожайки ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попова Марии Петр^овны Безверховой (по мужу Рябининой), 1915 г. р. Похожая песня см. под № «на листе» 195.

272. Тетр. 6. Л. 255. Песня записана 19.01.1991 г. от урожайки ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попова Марии Петр^овны Безверховой (по мужу Рябининой), 1915 г. р.

273. Тетр. 6. Л. 256. Песня записана 19.01.1991 г. от урожайки ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попова Марии Петр^овны Безверховой (по мужу Рябининой), 1915 г. р.

274. Тетр. 6. Л. 257. Песня записана 19.01.1991 г. от урожайки ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попова Марии Петр^овны Безверховой (по мужу Рябининой), 1915 г. р. «Старинная песня» (М. П. Рябинина).

275. Тетр. 6. Л. 260. Песня записана 19.01.1991 г. от урожайки ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попова Марии Петр^овны Безверховой (по мужу Рябининой), 1915 г. р.

276. Тетр. 6. Л. 262. Песня записана 19.01.1991 г. от урожайки ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попова Марии Петр^овны Безверховой (по мужу Рябининой), 1915 г. р.

277. Тетр. 6. Л. 276. Старинная казачья песня записана от уроженки и жительницы х. Кузнецы А. А. Гришиной, 1914 г. р., 10.05.2003 г.

Указатель исполнителей

Апраксин А. Ст. I, 1906 г. р., х. Попов: 5, 23, 30, 33, 35, 52, 54, 69, 73, 74, 75, 97, 127, 157, 178, 185, 192, 193, 194, 210, 211, 213, 215, 242, 244, 245

Апраксин Ал-др Ст. II, 1919 г. р.: 64

Апраксина Мария Никандровна, 1910 г. р., х. Попов: 147, 261, 262, 263, 264, 265

Безверхова (по мужу Рябинина) Мария Петровна, 1915 г. р., урожай. ст. Федосеевская,

жительница х. Попова: 31, 82, 98, 149, 150, 151, 256, 268—276

Блинкова Евдокия Антоновна, 1919 г. р., х. Черныхин: 65, 66, 67, 76, 159, 166, 224

Болдырева Мария Степановна, 1907 г. р., х. Попов: 240

Гадышев В. С., х. Блинков: 252

Голиков И. Гр., 1914 г. р., х. Попов: 47 (прим.), 85 (прим.), 91, 96 (прим.), 126, 131, 132

Гришина Анна Андреевна, 1914 г. р.,
х. Кузнецы: 27, 277, см. Приложение

Зоткина Любовь Никифоровна, 1919 г. р.,
х. Скулябный: 1, 29, 35, 55, 68—72, 92, 148, 156—
158, 160—165, 168, 170, 172—176, 178, 266, 267

Калинина П. Н., ст. Федосеевская: 42,
72—74, 177, 181—185

Карева Мария Ильинична, 1929 г. р.,
х. Черныхин: 117, 229, 230

Медведицкова М. Д., 1900 г. р., х. Попов:
100, 103, 106 (прим.), 109—111

Молоканцев Андрей Васильевич, 1892 г. р.,
х. Попов: 9, 13, 16, 22, 24, 32 (прим.), 60—62,
84, 85 (прим.), 88, 112, 115, 116, 119, 121,
123—125, 155 (прим.), 211 (прим.), 216, 219
(прим.), 225, 226, 232 (прим.), 239, 240

Патрин Иван Тихонович, 1907 г. р.,
х. Попов: 2, 3, 7, 14, 15, 20, 45, 51, 53, 56, 78
(прим.), 79—81, 83, 84 (прим.), 85—87, 171,
198 (прим.), 205—207, 209, 214, 217

Петрова Анастасия Ивановна, 1899 г. р.,
х. Филяты: 17, 18, 42 (прим.), 89, 179 (прим.),
206 (прим.)

Писарев Михаил Иванович, 1931 г. р.,
х. Попов: 234—236, 238

Пономарева Анна Васильевна, 81-й год
(1978 г.), урож. х. Ольховка, жительница
ст. Слашевской: 49

Пономарева Елена Васильевна, 1907 г. р.,
урож. х. Ольховка, жительница ст. Сла-
шевской: 49

Попов Василий Селиверстович, 1879 г. р.,
х. Ольховка: 179, 180

Попова О. Ф., 1900 г. р., х. Ольховка:
39—41, 152, 153, 155

Потапов Антон Иванович, лет 65 (1974 г.),
х. Водяновский: 186—191

Рябинина Мария Петровна — см.
Безверхова М. П.

Сеимов Михаил Павлович, 1899 г. р.,
ст. Федосеевская: 4, 8, 11, 12, 19, 32, 34, 36,
43 (прим.), 47 (прим.), 50, 52, 57—59, 63, 77,
90, 93, 95, 96, 101, 102, 104 (прим.), 105, 106,
114, 122, 128—130, 135—146, 209 (прим.),
211, 219 (прим.), 221—223, 228, 253—255,
257—260

Сиволобов Михаил Иванович, 1904 г. р.,
х. Ольховка: 43, 46, 78

Ульянов Антон Федорович, 1907 г. р.,
х. Попов: 241, 243

Ульянов Арсений Александрович,
1908 г. р., х. Филяты: 42 (прим.), 89, 206
(прим.), 220

Ульянов Филипп Федорович, 1902 г. р.,
х. Попов: 14, 15, 53, 56, 84 (прим.), 85,
86, 87, 171, 207 (прим.), 208, 209, 214,
217

Храпова Елена Тихоновна, 1898 г. р.,
х. Попов: 6, 21, 28, 99, 104, 107, 108, 219

Чурекв Алексей Тимофеевич, 1904 г. р.,
х. Скулябный: 26, 37, 38, 46 (прим.),
94, 113, 120, 133, 134, 154, 195, 196,
198 (прим.), 212, 216 (прим.), 218, 224
(прим.), 237, 239 (прим.), 244 (прим.),
246—251

Шебунина А., х. Кузнеченский: 105
(прим.)

Шумкова Евдокия И., 1910 г. р.,
х. Черныхин: 47, 48, 83 (прим.), 118, 156
(прим.), 198, 199—204, 227, 233

Приложение

Песни, записанные на казачьем диалекте уроженкой и жительницей х. Кузнецы Гришиной Анной Андреевной, 1914 г. р., зимой 2002—2003 гг.

1. А и вот на свети у нас

Жисть видоца

Слухом полница земля

А и да вот на ковкази

У нас голос роздоётся

Есть ис Крыма было во кримле

А и а шестова было утром рано

Ои быть трвогу воиска боробан

Агличянин а он францус стари

Собралися на большой курга

А и азоегим за курганом

Пики шашки блешут

Пиль взвиваица столбom

А и видна нисоца

Наш донской полквник

Он на сером на своем коне

Ои козоки Ани бегли ну к отряд

Поспехали встретить врага

У козако сирдечушка

Боёца крови гиройской горит

(Тетр. 6. Л. 277).

2. Знали, знали мы Рассею

Знали Дон откель течет

Знаим златова гироя

Мои милои друзя
 На коне бстро летал
 Данской воинь впереди
 Всем козакам говорил:
 А не щеди в поли врага
 Не шедите вы злодеи
 Мои милои друзя
 (Тетр. 6. Л. 267).

3. Из под гор сонца вкоталас
 Красное знамя показалася
 При знамини служил
 Млад данской казак
 Задумыл казак
 За Дунай речку бежат
 Не стошкою шол он ни дарошкою
 Звериною млодец шол трапинкою
 За сабою душичку коня провол
 Да гдеш коник стабои ночевать будим
 В чистом поли, в поле при далинушк
 А зы чяво я тибе привезу
 Првежу я коня забылночку
 Былиночка стоит колыхаица
 Добриь конь стоит полохаица
 А (тут нет, пропушен слово «казак». — *А. В.*)

к зимле прислухаица
 Ни бежит ли замной она лёкое партия
 Лохкоя партия гворят босурмскоя
 (Тетр. 6. Л. 268).

4. Ой нежная горинка вспрхнула
 Ой вависоком она терму
 Ой родная мамочка она вздыхала
 По синочку она своему
 Ой не вздыхаика родная мамаш
 Так болному сердцу тяжело
 Ой в лесах тёмних было кочмроских
 Там казак от рнов умирал
 Он приклонилси он казак ко дереву
 Он к себе товарища он подзивал
 Можит бить из вас кому придотца
 К нам пойти на славной тихи дон
 В скожите авы передаите ацу сматрию
 Ниской поклон
 Вы скожите ав передает
 Чтоя ишо казак живо лежу
 (Тетр. 6. Л. 272).

5. Вогорниц во светлц лежать
 Доски тонки плоски
 По тем доскам я ходила
 Я гуляла, на одну доску наступила
 Наступила, пиролмила
 За ту доску журят, бранят
 Побить хотят

Я той журбы не боюс
 Поиду гулят неспрошуся
 Приду с гульбы нескажуся
 Моя гулба роковая
 А жизни моя слизовая
 (Тетр. 6. Л. 269).

6. Как за речко за рекой
 Живот лекор молодой
 Анна нана живот лекор молодой
 Лечить лечит девок лечеть бап
 Лечит молодых ребат
 Он лечи лечи
 Стал спрашиаеть
 Скож скожи девица
 Каково роду племени
 Как завут поимена
 Завут катушкою котериношкою
 Боготова купца доч
 Пристигала тёмно ноч
 Пристигала застигал
 Скупчиком начват
 С кпчиком начева
 У кроваточки стоят
 Мне милово целовать
 Цьловала миловала
 Раздушкой называла
 Ты раздушича мо
 Данской казак молоди
 Научи мене по руски
 А я по еврески
 (Тетр. 6. Л. 269).

7. Вот кончилос бай
 И закат дагораит
 Тихи румяны закат
 Атам на груди у сестры умираит
 Наш бедной моряк
 И в белом халат обрзгоньи кровю
 Тиха сестра подшла
 Ивзор иё нежно так оделси
 И в нём анна бата нашла
 Услышил он голос родной и знакомои
 Вдуг встрепехнулси моряк
 Не плач ты не плач дорогая сестрица
 Полно тиб гореват
 Нас много вить юношов в армий служат
 Кажди готв умилат
 Вот кончлси бои
 И зокат догораит
 Тихи румяны закать
 Атам у сестр на груи уже умир
 Юнош любимо иё брат
 (Тетр. 6. Л. 271).

8. Над озером чайка воца
И негди бедажочки сест
Слетаи ты в Сибирь край далекои
Снеси ты печалноую вест
Атам зарекою за зилоной
Наш полк окружон был врагом
Потронов уних наисходи
Снорадов совсем неболо
А там залесом за кустчкым
Наш красни боец умирал
Накрвши он серой шинелю
Тихоно родных спомина
Прощайте детишки молутк
Прощая дорогая семя
К тебе я болш не вернуся
И вы позобудие меня
(Тетр. 6. Л. 273).

9. По сибирским тайгам и далинам
Портизански отряд проходил
Они шли за свободу дралисе
Кним на помоч рабочии шли
Зохотелос буржуим напица
Ралитарскои рабочи крови
Но нврно буржуим не придоца
В роскочным дворце пировать
А наврна буржим придоца
В подвалах сырых умирать
А винтовочк наша победа
Бес промух будит стрелят
(Тетр. 6. Л. 274).

10. Вечрало я стояло уворот
Мимо нас тогда прошол козачи полк
К нам зоехол офицерик молодой

И сказал напои красавица водои
Напоёмш крепк ручинку пожл
Напрощаие он меня поцеловал
Сел пехол я смотрела ему вслд
Жалко стало помутилсе белои свет
Лет семнадцать я удовошки жила
4 сынов на службу одола
ни успела сына пятого отдать
повернулс етот полок назат
к нм зоехол офицерик молодой
етот сами котрово я
поила я водй
(Тетр. 6. Л. 275).

11. Ниточки не хмарки
Всо дождик идот
Казак до дивчини
Всо вечир идоть
Доброи вечир кажит
Всо ручку даёт
Милои ты мои милаи
Як будим звать
Купи мне гитару
Дитя забовлять
Ето не гитара ето наша любов
Болить моё сердца
Волнуецо крови
Серцо не камин
А крови неед не буду журится
Ищо молода
(Тетр. 6. Л. 276).

Украинская песня, которую наемные хохлы пели, когда клали в хуторе колхозный сви-нарник.

**ЧАСТУШКИ
ЗАХОПЁРСКОГО
КРАЯ**

В собрании В. А. Апраксина представлена богатая коллекция текстов частушек (около 300) различной тематики: рекрутские, любовные, о колхозной жизни, под пляску и др. В подзаголовке рукописной тетради сообщается: «Частушки (припевки, прибаски), бытовавшие в 1930-х — 1940-х годах на территории Захопёрского края (в Зотовском и Федосеевском юртах)». Тексты не атрибутированы и не пронумерованы, поэтому в публикации приводятся в соответствии с рукописью: в качестве ориентира приводятся номера листов тетради. В письме, написанном в адрес составителя сборника в январе 2011 г., В. А. Апраксин объяснил происхождение коллекции частушек следующим образом: «Частушки я всегда записывал в народе во время каких-то торжеств (свадьбы, именин, просто гулянки), но основную часть их мне напела моя теща, потомственная казачка, жительница х. Скулябного (Алексеевского р-на Трехложинского сельсовета) — Зоткина Любовь Никифоровна, 1919 г. р. (это ее инициалы в тетради). Кроме того, по моей просьбе записала в тетради много частушек и моя землячка — Чекмарёва (д«евичья» ф«амилия» Ульянова) Наталия Ильинична, примерно 1960 г. р.» [Архив ГРЦРФ. Коллекция Апраксина].

Редактор-составитель сохранил строфику, предложенную собирателем, не включил в публикацию идентичные варианты текстов и внес незначительные коррективы, проясняющие написание некоторых слов, которые были зафиксированы с искажениями, возникшими в процессе записи на слух. Небольшие комментарии самого собирателя оставлены в тексте частушки и обособлены круглыми скобками, более пространственные замечания вынесены в постраничные сноски.

Лист 1

У меня милого два —
Оба инвалида.
Одного заели вши,
А другого — гниды.

Не от чая полиняла
Моя чашка чайная.
Никому не скажу,
Что давно печальная.

Ох, теща моя,
Теща ласковая.
Из окошка бурсачки
Потаскивала.

Ох, теща моя
Хуже лихорадки:
Щи варила, пролила —
Поварила пятки.

Не ходите, девки, замуж:
Замужем воли не дадут,
Под глазами посинеет
И румяна пропадут.

Не ходите, девки, замуж:
Замужем невесело —
Я на что была бойка —
Головку повесила.

Почему мне не плясать,
Почему не топнуть?
Неужели в моей хате
Перерубы лопнуть?

Ты, подружка, топай, топай,
А я перетопала.
Неужели за неделю
Я не заработала?

Был один, был один,
Теперь стало двое.
Через год, через два
Будет у нас трое.

Подружка моя,
Давай садики садить,
Чтобы нашим ухажерам
Было весело ходить.

Подружка моя,
У нас Ванечка один.
Ты ревнуешь, я ревную,
Давай его продадим?

Подружка моя,
Я уж продавала:
Одна дура подходила —
Три рубля давала.

Лист 2

Разговоры, разговоры,
Разговоры тянутся.
Все колхозники уедут —
Дж. останется¹.

Две старушки без зубов
Разговаривали про любовь:
Мы с тобою влюблены —
Ты в кисель, а я — в блины.

Эх, теща моя —
Хорошая баба.
Руки есть, ноги есть —
Чего тебе надо?

Ах, чей это дом —
Занавески кругом?
Через год, через два
В этом доме буду я!

Аха-ха! Аха-ха!
Чья же буду я сноха?
Чей же будет мой жених?
Погуляем мы у них!

¹ Джамиля — колхозная экономистка.

Мой муж Федор
С меня юбку продал,
А я маху не дала —
С него брюки продала!

Подружка моя,
Давай садики садить,
Чтобы нашим ухажерам
Было весело ходить.

Бей, толчи!
Иде я был — молчи!
— Был я у души,
Спал на подушке,
Душка лихая —
С подушки пихае!

Милый мой,
Пойдем домой —
Зорька занимается.
Мы тумаником пройдем —
Никто не догадается.

Я свою соперницу
Где-нибудь ухлопаю.
Принудиловку дадут —
Годик отработаю.
Я свою соперницу
Отвезу на мельницу,
Скажу Ваньке-мельнику:
«Смели дуру на муку».

Не ходите, девки, замуж:
Замужем невесело —
Я на что была бойка —
И то нос повесила.

Отчего кусты густые?
Отчего зеленые?
Отчего ребята злы,
Когда измененные?

Гармонист, гармонист,
Я тебя приворожу —
Я возьму да на гармошку
Две ромашки положу.

Лист 3

Милый глаз с меня не сводит —
Покорен характером.
Целый день за мною ходит,
Как прицеп за трактором.

Лучше нету того цвета,
Когда ландыши цветут.
Лучше нету того имя,
Кого (имя) зовут.

Он сказал, что не женат, —
Я в него влюбилась.
А жена письмо прислала —
Двойня народилась.

Мой залеточка хитрует,
Я хитрее его.
Он мою подружку любит,
Я — товарища его.

Гармониста любить —
Надо чисто ходить,
Надо пудриться, румяниться
И брови наводить.

Меня замуж отдавали:
Мать чинила пироги,
Запрягал отец кобылу,
Слезы капали с дуги.

Меня замуж отдавали —
Мать корову не дает,
А жених такой попался —
Без коровы не берет.

Не ругай меня, мамаша,
Что веселой родила.
Мне и горе и беда —
Я веселая всегда.

Мы с Ванюшкой стояли
Возле нашего плетня,
Нас лягушки испугали —
Не пойдем больше туда.

У подружки у моей
Кудри вьются до бровей —
У ней много ухажеров,
Зато мало трудодней.

Не ухаживай напрасно
И кудрей себе не вей.
Мне не надо кучерявых,
Если нету трудодней.

Подружка моя,
Расскажи мне свой секрет:
Когда с милым расставались,
Сердце билось или нет?

Подружка моя,
Расскажу тебе одной:
Когда с милым расставались,
Сердце билось волной.

Лист 4

Девочки мои, мои,
Девочки ореховы.
Одна в шляпе, две в очках —
Из Москвы приехали.

Мой миленок как теленок,
Кучерявый, как баран.
Никуда его не дену —
Не зарежу, не продам.

Мы с подружкой боевые,
Боевые только две.
Мы нигде не подкачаем —
Ни в работе, ни в гульбе.

У подружки два Ванюшки,
У меня — ни одного.
Поклонюсь подружке в ножки:
«Дай Ванюшку одного».

Во саду ли, в огороде
Расцветает белый мак.
Все ребята поженились,
А (имя) ходит так.

Как у нашей у Дуняши
Всё по новой моде:
Новое платье во дворе,
А дрова — в комодке.

Попросила тракториста:
«До калитки прокати».
Он с улыбкой отвечает:
«Молода, пешком ходи!»

Милый в армию ушел —
Я сказала: точка!
И ни с кем гулять не буду,
Только два годочка.

Говорят, кольцо к разлуке,
Я надену сразу два.
Не кольцо нас разлучило —
Разлучила армия.

Подружка моя,
Что же ты невесела?
Твой герой вернулся с фронта,
А ты нос повесила.

А поиграй, милый, в гармошку —
Холодно твоим рукам.
Подойди к моему окошку —
Я перчаточки подам.

По селу гармонь играет,
Вижу: милый мой идет.
Моё сердце замирает —
Про меня милый поёт.

Лист 5

На базаре я была,
Видела Васятку.
Он так, он и сяк —
Я с него десятку.

На базаре я была,
Видела Ванюшку.
Он и так, он и сяк —
Я с него телушку.

Вы спросите, я скажу,
Зачем я в нижний край хожу —
Там домочки синие,
Ребята все красивые.

Пойду плясать —
Доска хрястит.
Моё дело молодое,
Меня Бог простит.

Я надену белое платье,
С белой отделкою.

Пускай милый погоняет,
Как лиса за белкою.

Я надену белое платье,
По нем розочки цветут.
(Имя), вы их не рвите —
Они сами опадут.

Я надену белое платье,
Белые носочки.
Выйду замуж за цыгана —
Собирать кусочки.

Я надену белое платье,
Туда-сюда ветками.
Кого сроду не любила,
Присушу конфетками.

Моя красная косынка,
Она маху не дает.
А по этой по косынке
Меня милый узнает.

А поиграй, (имя) милый,
Поиграй калиночку.
Я люблю, как ты играешь,
Милая картиночка.

А мне не надо пуд гороху,
А одну горошину.
Мне не надо много девок,
А одну хорошую.

Дайте, дайте мне кобылу,
Серую, лохматую.
На примете есть девчонка,
Я её засватаю.

Лист 6

У мого у милого
Волосы волнистые.
Я его не заменяю
На горы золотистые.

До Урала лента ала,
Лента ала тянется.
Милый едет, едет, едет,
Едет — не оглянется.

Ой, подружки, мой Ванюшка
Стал рассеянный такой:
Ко мне ходит на свиданье,
А целуется с другой.

Ой, Ванюша, ты не хвастай,
Лучше делай дело в срок.
Если любишь на свиданье —
Не ходи к другой, дружок.

Что ж ты, милый, редко ходишь —
За неделю один раз?
Если кажется далёко,
Приходи, живи у нас.
Ни дорога далека —
Тебя другая завлекла.

Я, бывало, припевала,
Как утенок на крыльце,
А потом, как замуж вышла, —
Как сучонок на цепи.

С неба звездочка упала
На прямую линию.
Меня милый переводит
На свою фамилию.

Мой капроновый платочек
Черемухой пахнет,
Одного я завлекла —
Другой ходит, чахнет.

И на юбке кружева,
И под юбкой кружева —
Неужели я не буду
Трактористова жена?

Мы сидели с миленьким
На камушке синеньком:
«Ты сиди, а я пойду,
Примечай мою хотьбу».

Мой залеточка — колхозник:
Много белок настрелял.
Шубку беличью ко свадьбе
В ателье мне заказал.

Лист 7

Ой, подружки дорогие,
Расскажу я вам секрет:
Полюбила гармониста —
На душе покоя нет.

Ох! Сорока-белобока,
Научи меня летать.
Не высоко, не далеко —
Чтоб милого увидеть.

Полюбила сокола,
Длинного, высокого.
Становилась на кровать,
Чтоб его поцеловать.

У моей у милочки
Лаковые ботиночки,
Голубые глазочки,
Синие повязочки.

Всюду пудра, всюду пудра,
Всюду пудра без конца.
И без пудры как лахудра —
Не годится никуда.

Ой, война, война, война,
Ты меня обидела —
Век заставила любить,
Кого ненавидела.

Как посевы зерновые
Не растут без колоса,
Как напевы озорные
Не поют без голоса.

На столе стоит бутылка,
А в бутылке веточка.
Ребята стоят три копейки,
А три тыщи девочки.

Вот приехали сваты
На серой кобыле,
Обернулись назад —
Жениха забыли.

Ты не стой, не стой
У ворот моих,
Я не пойду с тобой —
Ты провожал двоих.

Дождик лей, дождик лей
На меня и на людей,
А на милого моего
Сорок ведер одного.

О-ха-ха! Да о-ха-ха!
Чья же буду я сноха?
Чей же будет мой жених?
Вот помучаю я их!

Лист 8

Не ухаживай напрасно,
Под окошечком не стой.
Мне женатого не надо —
Меня любит холостой.

Не ругай меня, мамаша,
Не шуми так грозно.
Ты ведь тоже в своё время
Приходила поздно.

Полюбила гармониста,
Говорит: «Нехороша».
Ну, какую ж тебе надо,
Непутевая душа?

Подружка моя
Мне сестренкою была,
Ну, какая ж ты злодейка —
Его отбила у меня.

Подружка моя,
Иди одевайся.
С твоим Ваней постою —
Ты не обижайся.

Подружка моя,
Как не обижаться?
Не успела отойти —
Стали целоваться.

Раньше были рюмочки,
А теперь бокалы.
Раньше были мальчики,
А теперь нахалы.

Раньше были времена,
А теперь моменты —
Даже кошка у кота
Просит алименты.

И пить будем,
И гулять будем,
А смерть придет —
Помирать будем.

Я, бывало, только знала —
По улицам голосить,
А теперь как я буду
На руках дитя носить?

На окошке два цветочка —
Голубой да аленький.
По характеру мальчишка,
А по росту маленький.

Пойду плясать —
Доски гнутся.
Сарафан короток —
Ребята смеются.

Лист 9

Под шубою,
Под белою
Пойду плясать —
Разделаю.

Разделявала,
Раскомаривала.
С молодыми ребятами
Разговаривала.

Пляши тетка —
Спереди борода,
Промеж ног — чугунок,
Сзади — сковородка.

И пить будем,
И гулять будем,
Когда денег не достанем —
Занимать будем.

Не ругай меня, мамаша,
Что я сливки пролила.
Мимо окошка шел Алешка —
Я без памяти была.

Неужели в самом деле
Серый конь отвяжется?
Неужели в самом деле
Миленький откажется?

Меня мать рожала —
Вся деревня дрожала.
Отец вышел, орет:
«Пионера бог дает!»

Что ты, милка, приуныла,
Носик свой повесила,
Ротик сонный приоткрыла,
Хмуришься, невесела?

Пойдет плясать,
Старая Кулина —
Спереди гармонь,
Сзади мандолина.

Я, бывало, запою —
Деревья зашатаются,
А теперя запою —
Ничего не получается.

Как во саде, в огороде
Растет трава-повитэль.
Зато меня милый любит,
Что я не рожу детей.

Пойду плясать,
Дома нечего кусать —
Сухари да корки,
На ногах оборки.

Лист 10

Ох, тюх! Тюх! Тюх!
Разгорелся утюг.
Если б юбочка была,
Я б её погладила!

Песня вся, песня вся,
Песня кончилась.
На печи в рогачах
Бабка скорчилась!

Мой муж — арбуз
А его дыня,
Он бил меня вчера,
А его — ныне!

Дед бабку
Завернул в тряпку,
Поливал её водой —
Хотел сделать молодой.

И мамаша ругает
И папаша ругает
А за что они ругает?
Растет пузо другая.

Ах, теща моя —
Рукодельница!
В решето коров доила
.....

Я надену бело платье,
Белые носочки.
Выйду замуж за цыгана —
Собирать кусочки.

Я надену бело платье
И по улице чик-чик.
Прочичикала миленка,
А теперя хоть кричи.

Милый едет на машине,
А я еду на другой.
Милый машет мне платочком,
А я лентой голубой.

Ой, милка моя,
Ой, милашка моя,
Были б рожки да ножки —
Телушкой была!

Колхоз — не мороз,
Нечего бояться.
Сорок метров одеяло —
Будем укрываться.

Мне шили ботиночки —
Калбучок на бочок,
А мой миленький идет —
Настоящий дурачок.

Лист 11

А я выйду на крылечко —
Из трубы огонь и дым.
Что я, дура, так страдаю
Своим сердцем молодым?

Под гармошку под твою,
Под ваши страдания

Ещё раз пропою,
С тем и до свидания.

Под гармошку под твою
Я никак не пропою:
Или вы не так играете,
Или я не так пою.

Ты, подружка, топай, топай,
Выбивай сорок один.
Мы ребятам за измену
Принудиловку дадим.

Я надену бело платье,
Из-под бела — белое.
Мы такого трепача
Из бумаги сделаем.

Мой муж — пьяница,
Не велит румяниться.
Я за печку зайду,
Нарумянюсь и пойду.

Галифе мои худые
Распоролись до колен.
Осенью хотел жениться —
Поросенок околел.

Меня милый провожал —
Он молчит и я молчу,
Я осмелилась, сказала:
«До свиданья, спать хочу».

Меня милый провожал
Вплоть до наших до ворот.
Я думала — поцелует,
Он стоит, разинул рот.

Прилетело письмецо
На параднее крыльцо,
Не пилося, не елося —
Прочитать хотелось.

Прилетело письмецо
В голубом конверте.
Как я скучилась по милке,
Скучилась до смерти.

Лист 12

Прилетело письмецо:
«Не носи моё кольцо»,
А я ему отпишу:
«Распаялось — не ношу».

Без меня меня женили —
Я на мельнице был.
Когда свадьбу у нас играли —
Я в лесу дрова рубил.

Его женили об осень,
Хворостин об восемь,
А весной — опять,
Хворостин об пять.

Эх, милка моя,
Огурешная,
Сорок лет — мужа нет
И не грешная.

Ох, на тебе, мать,
За твою науку:
Колыхала ты меня,
Колыхай и внука.

Ой, я выйду на крылечко,
Погляжу на белый свет:
Все молодушки гуляют,
А моей горбатой нет.

Понемногу, слава богу,
Стал я обживатьсья:
Дом продал, купил ворота —
Стал я запирасться.

Я одену бело платье,
Пойду розу поливать.
Если роза не завянет —
Я опять пойду гулять.

Я сидела на лугу,
Шила юбку голубу,
По бокам карманчики,
Чтоб любили мальчики,
А в карманчиках духи,
Чтоб любили женихи.

Говорят, я боевая,
Правда, боевитая —
Семерых я изменила,
Ни разу не битая.

Я хороший ученик —
Всю таблицу знаю:
Пятью пять — двадцать пять,
Дважды два — не знаю.

Лист 13

Ты цыган, а я цыганка —
Оба мы цыгане.
Ты воруеть лошадей,
А я ворую сани.

За цыгана выйду замуж,
Хоть родная мать убей.
Буду ездить по поселкам
И обманывать людей.

Я любила бригадира,
На работу не ходила,
Булки ела, чай пила
И стахановкой была.

Отчего конфеты сладки?
На них сахар и песок.
Отчего девчата гладки?
На них пудры на вершок.

Отойдите, богачи,
Пошли танцевать, лохмачи!

Не судите, девчоночки,
Что играю и пою,
А на сердце горя много,
Любям виду не даю.

Я любила по пяти,
Любила по пятнадцати.
Успевала целовала
Разов по восемнадцати.

Завлекала, завлекала,
Завлекала семь недель,
А одна нашлась такая —
Отбила в один день.

Меня милый изменил —
Но я не потужила.
Только зря, что потеряла
Сто четыре ужина.

Меня милый изменил,
А я не похужела.
Только моду изменила:
Юбочка поужала.

Мне про милого сказали,
Будто водочку не пьет.
Посмотрела в воскресенье —
Носом землю достает.

Я любила тебя, гад,
Четыре месяца подряд,
А ты меня два месяца
И то хотел повеситься.

Ты пляши, пляши, подружка,
Ты пляши, не воображай.
Мы с тобой не агрономы —
Не повысим урожай.

Лист 14

Как ребята,
Тихачи вы, тихачи:
От полочки до аванса
Не хватает на харчи.

Как ребята,
Ой, чего, чего, чего,
Кроме в клеточку рубашки,
Не имеют ничего.

Я по телеку смотрела
«Лебедино озеро»,
Испугала меня лебедь
С мордою бульдозера.

Мы отличные девчата
И нигде не пропадем —
За поллитра парня купим,
А за литр продаем.

Моя мамка мировая,
И мой папка мировой,
И я тоже мировая —
В три часа хожу домой.

Меня милый провожал
Через речку мостиком.
Он пошел, и я сказала:
«Обезьяна с хвостиком!»

Родила меня мать
Под пятницу,
Чернобровую, румяную,
Ребятницу.

Новый дом, новый дом,
Новое крылечко.
Когда гляну на этот дом —
Заболит сердечко.

А я выйду на крылечко —
Из трубы огонь и дым.
Что я, дура, так страдаю
Своим сердцем молодым?

Курица и петух
Залетели на катух,
А курица петуха
Сковырнула с катуха.

Как у наших у ворот,
У новой калитки
Задушился комсомол
На суровой нитке.

Подружка моя,
На тебя буду серчать —
Я любила, ты отбила,
Не дала любовь кончать.

Я на улицу иду —
Улица расходится,
Я к милому под окно —
Милый Богу молится.
— Не молися, милый, Богу!
Я люблю тебя, ей богу!

Лист 15

Ох, ох, лес посох,
По одной березочке.
Я по старой по любви
Проливаю слёзочки.

Подружка моя,
Подружка Наталия,

У нас добрых ребят нет
Одни пролетария.

У подружки моей
Сердце разрывается:
Её прежний ухажёр
Ко мне подбивается.

А мне мать говорит:
«За улицу буду бить».
Ногой топну, дверей хлопну,
Но по-вашему не быть!

А мне мать говорит:
«За улицу буду бить»,
А отец говорит:
«Повадились, так и быть».

У подружки у моей
Кари глазки о-ё-ей,
Кари глазки у обеих —
Познакомиться не грех.

Кари глазки, кари глазки,
Когда бросите любить?
А мне, бедной девчонке,
Надо заживо могилу рыть.

Кари глазки, кари глазки,
Кари, подведенные.
Вы скажите, кари глазки,
В кого вы влюбленные?

Я платочек надушу
И четыре надушу,
Что ты милка не подходишь,
Ай, боишься, присушу?

Прилетело письмецо
В голубом конверте.
Как я скучилась по милке,
Скучилась до смерти.

Посажу я гармониста
Под веселы образа.
Не гармошка завлекает —
Его черные глаза.

Лист 16

Посажу я гармониста
Под веселенький дубок.
Не гармошка завлекает —
Его черненький чубок.

Гармонист пошел на низ,
Мы ему кланялись.
Наши черные поклоны
Ему не понравились.

Я, бывало, припою —
Не удам соловью.
А теперь пропадаю
Через гадость через твою.

Родила меня мать:
Ноги как у гулюшки.
Танцевать, водку пить —
На работу х.....ки.

Вот какая я веселая —
Всё играю и пою,
А на сердце горя много,
Людам виду не даю.

Я иду, иду, иду,
Всё огонь горит, горит.
Милка люлечку качает,
Мне спасибо говорит.

Меня милый провожал
Всё полею, рожею,
А теперя провожает
Свою чернокожую.

Черевички мои,
Строченые пятки,
Как я скучилась по вас,
Дороги ребятки.

У ворот, у ворот
Крякали утята,
А я с печи босиком —
Думала ребята.

Лизавета, Лизавета,
Я люблю тебя за это.
И за это, и за то,
Что почистила пальто.

Из окошка прям в окошко
Перелетает белый пух,
А я толечко узнала,
Что мой милый любит двух.

Завивались мои кудри
От весны до осени.
Как почувяли разлуку,
Завиваться бросили.

Вышивала я платочек
И не знала кому дать:
Пойдет миленький на службу —
Буду слезы вытирать.

Лист 17

Вышивала я платочек,
Слезы капали на грудь,
А теперь моим платочком
Сапоги, калоши трут.

Вышивала я платочек
Тоненькой иголочкой,
Поздравляла я миленка
С новой ухажорочкой.

Как голённых² ребят
Можно издали угадать:
Руки, ноги колесом,
Две сосульки под носом.

Как голённых ребят
Можно издали угадать:
В правой руке тросточка,
В левой — папирочка.

Как голённых ребят
Можно издали угадать:
Ноги тонкие, кривые,
Чулки белые, худые.

Дайте, дайте мне карандаш
С ручкою зеленою,
Вот тогда меня найдете
В саду расстреленную.

² Х^утор» Голённых Зот^{овской} ст^{аницы}».

Ой, мамаша, что такое?
У окошка стоят трое:
Один Гришка, другой Мишка,
Третий — маленький мальчишка.

Я сидела на возу,
На душистом сене.
Что это, милый, за любовь —
Трепется со всеми?

Я стояла у больницы
У разбитого окна,
Мне сказали: «Милый помер» —
Я разбила ещё два.

Говорил цыган цыганке:
«Едем в Ларинский³ колхоз —
Там по дурусти, по пьянке
Нам насыпят хлебовоз».

Я плясала, приустала,
Стало ножкам больно.
Гармонисту я сказала,
Что играть довольно.

Мы с подружкой вдвоем
Вам частушки пропоем,
Хорошо и начиство,
Одним словом, качество.

Лист 18

Я надену черну юбку,
А ты, милый, примечай:
Черна юбочка — разлука,
Бела кофточка — печаль.

Через балку летит галка,
Черная, печальная.
Подарил милый колечко
И сказал — венчальное.

У нас ноне воскресенье —
Мать лепешек напекла.
И покажет, и помажет,
А покушать — не дала.

³ Х«утор» Ларин.

Эх, юбка моя,
Четыре волана.
Хочу, дома заночую,
Хочу — у Ивана.

Я не буду водку пить —
Водка меня губит.
Я не буду жену бить —
Жена меня любит.

Раньше жили богачи,
Носили юбки широки.
А теперь уже, уже,
И коленочки наружу.

Что ж нам водочку не пить —
Сама наливается.
Что ж нам девок не любить —
Сами набиваются.

Приезжали к нам сваты
На серой кобыле,
Всё приданое забрали,
А меня — забыли.

У меня штаны в полоску,
Больше нету никаких.
Надо мною девки смеялись —
Я разделявал в таких.

Я на личко не красива,
У красавицы отбила.
Ты, красавица, сумей —
У меня теперь отбей.

Ой, сосед, ты, мой сосед,
Помоги моей беде:
Меня в армию возьмут —
Заходи к моей жене.

Лист 19

Молодая я плясала
И старухою пляшу.
Отрубите руки, ноги —
Я на ж... докажу.

Стукни, милый, мне об стену,
А я выйду тебя встрену.

Будь доволен, милый, тем,
Что потерялся возле стен.

Как мать меня рожала —
Вся станица дрожала.
Поп ходит, орет:
«Дураков нам Бог дает».

Не ругай меня, мамаша,
Что я поздно прихожу.
Я последний день гуляю —
Завтра в армию ухожу.

Милый курит,
Дым пускает.
Приголубит,
Приласкает.

Колхоз, молхоз —
Высокое звание:
Хлеба нет, денег нет —
Каждый день собрание.

Мой милёнок — бригадир,
Я — ударница полей,
А он борется за трактор,
Я — за триста трудодней.

Я любила бригадира —
На работу не ходила,
Булки ела, чай пила
И стахановкой была.

Вот дождик идет,
Всё туманится.
Где вчера ночевал —
Туда тянется.

Сидит кошка на окошке,
К ней подходит бригадир:
«Иди, кошка, на работу,
А то хлеба не дадим».

Лист 20

Бригадир, бригадир,
Кононные пятки,
Собирал свою бригаду —
Не давал порядки.

Председатель блины пек,
Столетов подмазывал,
Козьмин муку подносил,
Бригадир доказывал.

Не глядите на меня,
Глядите на серьги.
Председатель подарил
За колхозны деньги.

На столе стоит тарелка,
А в тарелке каша.
Прощай, папа, прощай, мама,
Я теперь не ваша.

Загорелася солома,
Так и пыхала — огонь.
Захотела девка замуж,
Так и топала ногой.

Троица, Троица,
Всё травой покроется.
Моя милочка приедет —
Сердце успокоится.

Меня миленький пытается:
«За кого замуж пойдешь?»
А я ему отвечаю:
«Может, ты меня возьмешь?»

Подружка моя,
На тебя буду серчать:
Я любила, ты отбила,
Не дала любовь скончать.

Подружка моя,
Ты моя, моя, моя,
Ты люби мово милёнка,
Как любила его я.

Хожу сохну, хожу вяну,
Пойду к милому,
В окно гляну.

Лист 21

Нужно двух ребят любить,
Двух и полагается.
Кьль один не проводит,
Другой догадается.

Нужно трёх ребят любить,
Трёх и обязательно:
Счетовода, полевода,
Ещё и председателя.

А я кину два ножа
Со второго этажа:
Первый ножик милке в грудь,
А второй кому-нибудь.

Скоро, скоро снег потает,
С гор покатится вода.
Скоро милки мово не станет,
Остаюся я одна.

А мой миленький не глуп —
Заворачивал в тулуп,
К стеночке приваливал,
Замуж уговаривал.

Все вы тут, все вы тут,
Все вы собралися,
Только мы с тобой, подружка,
Своих не дождалися.

Милый мой, милый мой,
Ты возьми меня с собой
И не на день, и не на два,
Если можно, — навсегда.

Подружка моя,
Сделай уважение:
Как увидишь мово милку,
Передай почтение.

Подружка моя,
А я рада передать:
Туда-сюда по народу,
Твово милки не видать.

Всё б я пела, всё б я пела,
Как на ветке соловей.
Теперь голоса не стало,
Хоть родная мать убей.

Лист 22

Нету голоса, охрипла,
Я хрипатая пою.
Я в скулябинском колхозе
Другой год работаю.

Колхоз, колхоз —
Высокое звание:
Хлеба нет, денег нет —
Каждый день собрание.

Говорят, как потопаешь,
То и ты полопаешь,
А я топаю, топаю,
А лопать не лопаю.

Шила милому кисет —
Вышла голица,
А он меня похвалил,
Что я мастерица.

Отчего конфеты сладки?
На них сахар и песок.
Отчего девчата сладки?
На них сала на вершок.

Трели, трели, трялечки,
Девки любят прянички,
А ребята сухари.
И хучь помои наведи.

Пойду плясать
По всему царю,
Завтра скажут на работу,
А я захвораю.

Колокольчики гу-гу
И бубенчики гу-гу.
Я завтрашний день в колхозе
Работать не могу.

А я выйду на крылечко,
Туда-сюда крикну:
«Я не здесь рождена,
Не скоро привыкну».

Новый дом, новый дом,
Новое крылечко.
Когда гляну на тот дом —
Заболит сердечко.

Прилетело письмецо
В голубом конверте.
Как я скучилась по милке,
Скучилась до смерти.

Лист 23

Я на улицу иду,
Улица расходится.
Я к миленку под окно —
А он Богу молится.

Не молися, милка, Богу!
Я люблю тебя, ей-богу!

Подружка моя,
Горю не давайся.
Хоть и горе, и беда —
Ходи задавайся.

Подружка моя,
Горю не даюся.
Хоть и горе, и беда —
Хожу задаюся.

Не берись припевать,
Не берись доказывать.
Вашим длинным языком
Колеса подмазывать.

Не судите, тетушки,
Что я растрепался.
Мой папаша был такой
.....

Не судите, тетушки,
Что я не наряжена.
Не из вашего села,
Я наряды не взяла.

Меня милый провожал
Всё полею, полею,
А я его провожу
С большою неволею.

Меня милый провожал,
Под полой гармонь держал.
До крылечка проводил —
Заиграл, пошёл один.

Мама старая моя
Самовар поставила,
Не успела вскипятить —
Милый с сахаром летит.

Вот какая нам неволя —
Ребят маленьких любить:
Целоваться — нагибаться,
Поясница заболит.

Лист 24

У миленочка мово
Поговорочка на «во».
Через эту поговорку
Я влюбилась в него.

Ты рябая, я рябой,
Поцелуемся с тобой.
Пушай люди дивуются,
Как рябые целуются.

Дайте, дайте мне наган
И скажите наган чей.
Я из этого нагана
Перстреляю трепачей.

Дайте, дайте мне наган
И скажите матери:
«Ваша дочка расстреляна —
Довели симпатии».

У голенских ребят
Сапоги пудов по пять,
У скулябинских ребят
Хучь худые, да рыпят.

Всё б я пела, всё б я пела,
Всё я веселилася,
Но одно меня сгубило —
В трепача влюбилася.

Ты трепач, ты трепач,
Вон тебе дорога!
На мои веселы глазки
Ухажеров много.

Лист 25

Ухажёр, ухажёр,
На что ты мне сдался?
Пошел меня провожать —
Собак испугался.

Стукни, милый, мне об стену,
А я выйду тебя встрену.
Будь доволен, милый, тем,
Что потерялся возле стен.

Пойду в лес, поставлю крест —
Кто-нибудь помолится.
Вот какое кому дело,
Люблю комсомолица.

Дорогой поэт ты, Пушкин,
Что ты с нами не живешь?
Прочитай бы нам поэму
Про колхоз, про молодёжь.

Я закрою печь заслонкой,
Чтоб пирог румянился.
Мне, молоденькой девчонке,
Водопьянов кланялся.

Ну, у нас и летчики,
Летчики-молодчики!
Всю страну прославили —
Челюскинцев доставили.

Я в колхозе не была —
Была юбка новая,
А в колхоз пошла —
Стала ж... голая.

Когда правил Николашка,
Тогда ели мармелашку.
Когда править стал Ленин —
На столе стал дохлый мерин.

Меня милый изменил —
Я упала на кровать.
Перестань, моё сердечко,
По милому горевать.

Ох, ох, белый свет,
Маменька родимая,
Стали ночи покороче —
Забываю милого.

Я на личико некрасива,
Дома небогатого,
Я не знаю почему
Завлекаю пятого.

Лист 26

Я на личико некрасива,
Красоты мне не купить,
А я так располагаю:
Да не всем красивым быть.

О-ё-ёй, да как далеко,
О-ё-ёй, какая даль.
Буйный ветер отвечает:
«Не придет, не ожидай».

Меня милый изменил,
А я не похужела,
Только моду изменила —
Юбочка похужела.

Из окошка прямо в окошко
Перелетает белый пух,
Меня милый не целует
И стоит, как тот лопух.

С горы на гору ходить —
Ножки уморятся.
Трепачей таких любить —
Славы добиваться.

Моя мать, моя мать
Укладает рано спать.
Тут какой мне сон —
Милка ходит у окон.

Ты, подружка, не тужи,
Побросали — не нужны.
Мы с тобой бедовые —
Нас любят новые.

До свидания, до свидания,
С вами насиделася.
Тут моего милёнка нет —
Ваших нагладелася.

У меня милёнка два,
Два и полагается:
Если один не проводит —
Другой догадается.

Хожу сохну,
Хожу вяну.
Пойду к милке,
В окно гляну.

Лист 27

А я вспомню, как, бывало,
Ножки зябли — я стояла,
А теперя, милый мой,
Хоть не зябнут — я домой.

Подружка моя,
Вон идет и твой, и мой:
Твой в беленькой рубашке,
Мой, наверно, в голубой.

Я носила, носить буду
Жёлтые ботиночки.
Я любила, любить буду
Шофёра в кабиночке.

Дрыкай, дрыкай, потолок,
Дрыкай, потолочина.
Не форсите кулаки,
Пока не колочены.

Лист 28

Я сидела на диване,
А свекровя на полу.
Я такую паразитку
И терпеть не могу.

Вот курица, петух
Залетели на катух,
А курица петуха
Сковырнула с катуха.

Милый Вася, милый Вася,
Я с крылечка сорвалась.
Я не так убилася,
Как в тебя влюбилася.

Я бывала у Шурани,
Грела ручки в рукаве,
А теперя почему-то
Забыл Шура про мене.

Мне сказали про измену —
Ножки подломилися.
Ой, подружка дорогая,
Мы в кого влюбилися!

Мне сказали про измену,
А мы засмеялись.
Тут какая нам измена —
Мы ещё не влюблились.

Меня милый изменил,
Девочку бедовую,
А сам гаду полюбил,
Тридцатипогодовую.

Лист 29

Я, бывало, припевала
Все мои припевочки,
А теперь припевайте,
Дорогие девочки.

Я, бывало, припевала —
Не удам и соловью,
А теперь пропадаю
Через гадость через твою.

Я иду, она колышет,
Зеленая трава.
Я люблю, она не верит,
Чернобровая моя.

Мы по улице идём,
Не судите, тетушки.
Дочерей ваших не тронем —
Спите без заботушки.

Голенских ребят
Можно издали угадать —
В правой руке тросточка,
В левой папирочка.

Как скулябинские девчата
Ходили за гумна,
А голенские не ходили
И по двойне народили.

По дорожке пыльной, пыльной
Комарики лазают.
Кто мово милёнка полюбит —
Глаза повылазят.

Лист 30

Я у мамушки была,
Как утенок на воде,
А к свекрови я попала —
Как собака на цепи.

Я сидела на диване,
Вышивала кисет.
Не успела подарить —
Его везут хоронить.

Отчего кусты густы?
Их никто не рубит.
Отчего девчата злы?
Их никто не любит.

У нашего гармониста
Сопля висит, как мониста.

Гармонист, гармонист,
Выйди на дорожку.
Я бы сразу поплясала
Под твою гармошку.

А я чаю накачаю
С голубого чайника.
Разрешите полюбить
ГПУ начальника.

А я чаю накачаю
И сахара наколю.
Придет миленький ко мне,
А я чаем напою.

Лист 31

Не ходи мимо нас,
Не махай фуражкой.
Я теперь не твоя —
Не зови милашкой.

Все люди говорят:
Я люблю женатого.
Ничего подобного —
Я люблю свободного.

Подружка моя,
Нечего таиться.

Чем женатого любить —
Лучше утопиться.

И дуб — над водой,
И березка — над водой.
Любил меня, жалел меня
Комсомолец молодой.

Я сидела на возу,
На душистом сене.
Что, мой милый, за любовь?
Трепещься со всеми.

Милый мой — я твоя,
Куда хошь девай меня,
Хучь на ножик, хучь на вилку,
Хучь зарой меня в могилку.

Милый мой — я твоя,
Куда хошь девай меня.
Брось жену законную,
Бери меня, знакомую.

Чуб кудрявенький волною
Сама знаю у кого —
У скулябинских ребят,
У милёнка у мово.

Лист 32

Месяц светит и луна,
Посерёдке стою я.
Поздно, поздно, мой милёнок,
Уговаривать меня.

Меня милый изменил,
Я упала на кровать.
Перестань, моё сердечко,
По милому горевать.

Меня милый изменил,
Опять ко мне подошёл:
«Дорогая моя милка,
Лучше тебя не нашёл».

Пойду я на речку,
Гляну на штаны.
Идет моя милка,
Хуже сатаны.

На столе стоит тарелка,
А в тарелке кружка.
Не берися припевать,
Чёртова хохлушка.

На столе стоит тарелка,
А в тарелке каша.
Прощай, папа, прощай, мама,
Я уже не ваша.

Ты жени меня, батенька,
Я буду стараться:
Сошью сумку из порток,
Пойду побираться.

Дайте, дайте карандаш,
Напишу, а ты отдашь.
Если спит — не тревожь,
На грудь белую положи.

Лист 33

Ты, милашка, ты, милашка,
Видь ко мне на бугорок,
Принеси краюшку хлеба
И сметаны котелок.

Моя мама рано встала,
Загремела сковородой:
«Вставай, вставай, моя дочка,
Приехали за тобой».

Тонюшка румяная
Лежит в гробу убранная.
Две подушки, два орла —
От любви умерла.

Мой миленок боевой,
Боевой характером,
А ещё боевой
Управлял трактором.

Мой миленок дорогой,
Ты разлукой не страшай,
Когда придет этот час,
Я сама скажу: «Прощай».

Из окошка прям в окошко
Перелетает белый пух.
Никому я не поверю,
Что милёнок любит двух.

Лист 34

С неба звездочка скатилась,
С неба голубого.
При тебе люблю тебя,
Без тебя — другова.

С неба звездочка скатилась
Прям на фартук голубой.
Не стерпела, доглядела,
С кем гуляет милый мой.

Я, бывало, ленту клала
Из косы в коробочку.
Я, бывало, примечала
Милого походочку.

Я не ставила, не буду
Скамеечку у ворот.
У нас добрых ребят нету —
Трепачей невпроворот.

Поцелуй меня, милёнок,
Без отрыва сорок раз.
Я тогда тебе поверю,
Что любовь идёт у нас.

На синем, синем небе
Месяц нарождается.
Кто работает в колхозе —
Хлебом не нуждается.

Кабы я была цыганкой,
Да притом красивая,
За цыгана вышла б замуж —
Я была б счастливая.

Мне цыганка ворожила
На куриное яйцо,
А почем она узнала,
Какой милка на лицо?

Лист 35

Цыган ходит по горам,
А цыганка по дворам.
Цыган просит: «Дай сенца»,
А цыганка — «пешенца».

И юбочка чи-чи,
И с оборочками чи-чи.
Прочичикала милёнка,
А теперя хоть кричи.

У меня миленок есть —
Срам по улице провесть:
Руки-ноги колесом,
Две сосульки под носом.

Мой муж — тракторист,
Я ударница полей.
Муж борется за трактор,
Я за триста трудодней.

Горе мне, горе мне,
Горе моему деду:
Бабка села на чугун,
Сказала: «Уеду».

Уж ты, дедушка Роман,
Посади меня в карман,
А в кармане пусто —
Выросла капуста.

Лист 36

Галифе мои худые,
Больше нету никаких.
Надо мною девки смеются —
Я разделявал таких.

Подружка моя,
Грешно, грешно:
Своего любишь,
Моего на что?

Новый дом, новый дом,
Новое крылечко.
Когда гляну на тот дом —
Заболит сердечко.

Гр... едет на коне,
Ноги тянутся по земле.
Зацепился за трубу
И сбил свою г...

Когда не было Советов,
Не видала ж... света.
Когда стал у нас Совет —
Увидала ж... свет.

Завивались мои кудри
От весны до осени.
Как почуяли разлуку —
Завиваться бросили.

Ох, дайте мне коня,
На войну поеду я.
На войне милый мой —
Приведу его домой.

Не судите, девчоночки,
Что я растрепалась.
Мой папанька был такой,
Я в него удалась.

Как скулябинский колхоз
Зарезали сучку.
Кишки ели три недели,
Ср... в одну кучку.

Лист 37

У миленка моего,
У миленка милого,
У миленка моего
Чуб как у Ворошилова.

Мой милёночек далеко,
Ой-ё-ёй, как далеко.
У меня болит сердечко,
Ему тоже нелегко.

А мой миленький не глуп —
Заворачивал в тулуп,
К стеночке приваливал,
Гулять уговаривал.

Мой милёночек далеко,
Ой-ё-ёй, какая даль.
Буйный ветер отвечает:
«Не придет, не ожидай».

Ох, ох, лес посох
До одной березочки.
Я по старой по любви
Проливаю слезочки.

Мой миленок маленький,
Чуть побольше валенка,
А в лапти обуется,
Как пузырь, надуется.

Мой миленок как теленок,
Беспокойный, как баран.
Взял колечко поноситься,
Теперь божится — не брал.

Как у наших у ворот,
У новой калитки
Задушился комсомолец
На суровой нитке.

Лист 38

Как у наших у ворот
Крякали утята,
А я с печи босиком,
Думала — ребята.

Пели, пели кочета,
Распевали курочки.
К нам повадились ходить
Скулябинские дурочки.

Меня милый целовал —
Губочки слипались.
Ты целуй, целуй, миленок,
Давно не видалися.

Я сидела у окошка,
Лицо кремом мазала.
Как я буду забывать
Свое черноглазого?

Лист без №

Лет семнадцати была,
Словно розочка цвела.
Сравнялось двадцать два,
Стала жухлой, как трава.

Шила милому кiset —
Вышла рукавица.
Меня милый похвалил,
Что я мастерица.

И с одной стороны,
И с другой стороны
Пропивать, так пропивать
И рубашку, и штаны.

**ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ
О РАЗБОЙНИКАХ,
КЛАДАХ
И КЛАДОИСКАТЕЛЯХ
ПРИ- И ЗАХОПЕРСКОГО КРАЯ**

Врукописи «Легенды и предания о разбойниках, кладах и кладоискателях При- и Захоперского края» В. А. Апраксиным была предпринята попытка не только рассказать о важной странице традиционной культуры родного края, но и связать устную историю с историей официальной. Это вполне закономерно. Знатоки местной истории всегда стараются ввести свою «маленькую» историю в контекст «большой» истории. Тем более, что В. А. Апраксин всерьез интересовался археологией, много читал и общался с профессиональными исследователями. Сбором материала для этой рукописи автор занимался целенаправленно. Если он брался за какую-либо тему, то пытался собрать все, что считал нужным. Помимо опросов местных жителей и бесед со знакомыми исследователями он вел активную переписку со специалистами, с разного рода архивами, что стало для него обычной практикой. Ход своих рассуждений и своей работы Вениамин Александрович подробно раскрывает в своей книге, показательна в этом отношении глава «Свидетельствуют ученые и архивы».

Многое в этой работе В. А. Апраксина делает ее очень значимым человеческим документом, документом времени. С каким искренним чувством он рассказывает о людях, с которыми сводила его судьба. Например, о краеведе С. Г. Краснобаеве, с которым проводил раскопки курганов. Прекрасно срабатывает прием включения в повествование дневниковых записей, составивших главу «Авантюристы».

С огромным уважением относится В. А. Апраксин к старожилам, записи бесед с которыми и легли в основу всей рукописи. Это особое отношение к традиционному знанию отражается даже на уровне речи. Атрибутируя какую-либо информацию, Вениамин Александрович часто употребляет выражение «сведения *дали* имярек». Действительно, это некая ценность, которую ему дали, а он принял и должен не дать ей пропасть втуне.

Само название рукописи — «Легенды и предания о разбойниках, кладах и кладоискателях...» — заставляет биться сердце фольклориста. И не зря. Перед нами многослойный фольклористический источник. Прежде всего, наиболее очевидный пласт — рассказы местных жителей, имеющие традиционные сюжеты и жанровые формы, записанные В. А. Апраксиным. Это фольклорная проза и небольшое число песен. Фиксация проводилась без помощи техники, но автор свидетельствует, что «записи делал вслед за рассказчиком, слово в слово...». Другой пласт может быть выявлен при рассмотрении рукописи как повествования, созданного носителем фольклорной традиции, существующим внутри нее.

Устной истории в последние годы уделяют большое внимание специалисты в различных гуманитарных науках, взгляд извне широко представлен в литературе. В данном случае мы имеем возможность взглянуть на проблему глазами человека, находящегося внутри. Часто устная традиция, связанная с историей местности, рассматривается без достаточного учета взаимодействия ее с официальной культурой. А знатоки местной истории уже много десятилетий, как правило, люди грамотные, использующие самые различные источники информации.

В данном сборнике рукопись представлена в том виде, в каком ее автор передал в наш архив. Редактура практически не проводилась. В. А. Апраксин как автор стремится

ся к изложению материала в рамках литературной книжной речи. И это ему в целом удается, хотя, естественно, что отклонения от нее встречаются. Поэтому целесообразно только привести текст в соответствии с орфографическими и пунктуационными нормами литературного русского языка, сохранив самобытность речи автора.

Вениамин Александрович всю жизнь занимался самообразованием, много читал. В его стиле неразрывно переплелись элементы, принадлежащие ему как носителю устной повествовательной традиции, с элементами, сложившимися в книжной речи. Эффект разговорности, беседы с читателем часто создается им целенаправленно. Например, большое количество риторических вопросов, подача от первого лица, модальные выражения, обращение к читателю, объединение себя с ним:

«А ну-ка, заглянем в словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона...» (стр. 46).

С другой стороны, любимый знак препинания В. А. Апраксина — скобки. Возможно, потому, что устная природа его манеры изложения заставляет его все время контролировать свой текст с точки зрения коммуникативной ситуации. Ведя последовательный рассказ, Вениамин Александрович как будто все время прикидывает: поймет читатель, о чем идет речь или нет, и, когда считает нужным, дает необходимые уточнения, поясняет детали, необходимые для восприятия информации людьми, незнакомыми с местным бытом и традициями. Многие вещи, касающиеся местоположения описываемых объектов повторяются по ходу повествования, но читателю, никогда не бывавшему в тех местах, действительно трудно сразу запомнить их расположение. Таким образом, текст ориентирован на «внешнего пользователя».

Подобное построение характерно для произведений фольклорной сказочной прозы, создаваемой для собирателей. С этим даже связана серьезная методическая проблема расшифровки и публикации текстов, когда информация, объясняющая, например, сложные родственные отношения действующих лиц, естественно, неизвестные собирателю, занимает в повествовании объем больший, нежели изложение основного сюжета.

Автор использует элементы различных стилей: и художественного, и публицистического, и научного. В результате возникает самобытная манера рассказа, под обаянием которой, не смотря на некоторые издержки, невольно попадает читатель.

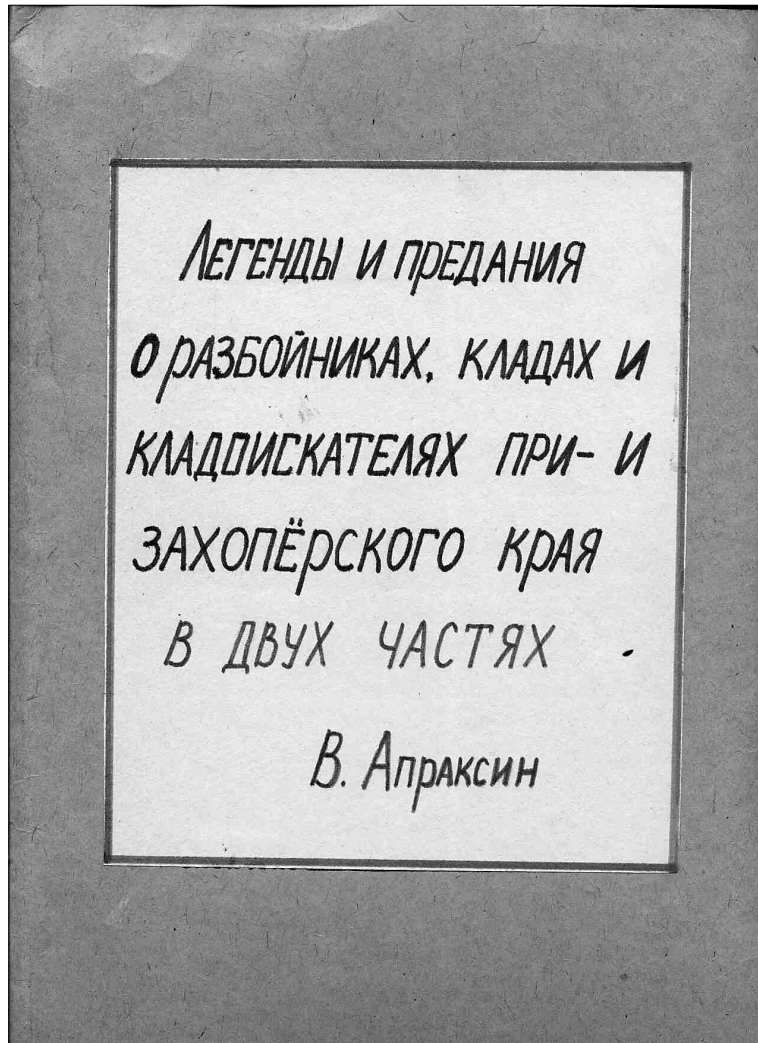
Самые различные источники служат вдохновению Вениамина Александровича: так, например, один эпиграф взят из произведения современного писателя и журналиста В. Поволяева, а другой — из Ф. М. Достоевского, и т. п.

В. А. Апраксин, не в пример многим современным авторам, очень четко отделяет свои собственные знания и рассуждения от чужих. Ощущается почти трепетное отношение его к интеллектуальной собственности. Он указывает от кого, а иногда и когда и как, он получил те или иные сведения. Это касается как бесед с местными жителями или специалистами, так и самого разного рода письменных источников.

Нами был составлен список литературы, использованной автором. Он прилагается к разделу.

Для удобства дальнейшего использования публикуемой рукописи как научного источника практически все сведения, полученные устным путем от местных жителей, были пронумерованы (сквозная нумерация по всему тексту, всего — 133). На этом основании был составлен указатель информантов В. А. Апраксина с перечислением номеров тех сведений, которые были от них получены.

Эта работа преследовала исключительно практическую цель — сделать более легкой ориентацию в большом по объему тексте рукописи. Пронумерованные тексты очень разнородны. Значительную их часть составляют тексты, которые взяты автором в кавычки. Многие из них — записи произведений, легко относимых к фольклорным. Ряд текстов представляют собой изложения каких-либо рассказов самим В. А. Апраксиным. Другие — краткие сведения о конкретных событиях или предметах, иногда в форме цитаты, иногда пересказа.

Обложка одной из тетрадей рукописного собрания В. А. Апраксина

Дорогой дочери Наташе посвящаю

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Наследие прошедших времен

Часть первая ПРО РАЗБОЙНИКОВ С БОЛЬШИХ ДОРОГ

- Глава 1.* Старинные дороги-шляхи
- Глава 2.* Сторожевые курганы
- Глава 3.* Предоставляется слово старожилам
- Глава 4.* Печатные сведения о разбойниках
- Глава 5.* Городище, или Лохматый курган (бугор)
- Глава 6.* Легенды про Лохматый курган (бугор)
- Глава 7.* Незванный гость хуже татарина
- Глава 8.* Легенды о татарских кладах
- Глава 9.* «Аллахов» народ — турки
- Глава 10.* На горизонте появляются калмыки
- Глава 11.* Сыны Кавказа — черкесы
- Глава 12.* Легенда о черкесах
- Глава 13.* Книжные источники о черкесских набегах
- Глава 14.* Исторические сведения о черкесах
- Глава 15.* «Злой чечен...»
- Глава 16.* В лабиринте вопросов
- Глава 17.* Свидетельствуют ученые и архивы

Часть вторая ПРО КУРГАНЫ, КЛАДЫ И «ОХОТНИКОВ» ЗА КЛАДАМИ

- Глава 1.* Курганы и кладоискательство
- Глава 2.* Тайна балки Гусынки
- Глава 3.* Раскопки древних могил
- Глава 4.* Кирюшкин бугор, Кривский байрак и другие места
- Глава 5.* Что нашли в кургане на «Маяке»
- Глава 6.* По следам черкесской легенды
- Глава 7.* При свете фонарей
- Глава 8.* «Авантюристы»
- Глава 9.* «Удостоверение выдано...»
- Глава 10.* В поисках золотого счастья
- Глава 11.* Легенды и предания о кладах
- Глава 12.* Кому «улыбнулась» фортуна?
- Глава 13.* В мире загадочного свечения
- Глава 14.* Вместо послесловия: верить ли — не верить легендам?

ВВЕДЕНИЕ

Наследие прошедших времен

«Возврат в прошлое обязательно вызывает прилив благодарности, душевного щемления и одновременно неверия — неужели все это действительно было?»

Журналист и писатель Валерий Поволяев

Кумылженский и Алексеевский районы Волгоградской области. До революции, как известно, они входили в Хоперский округ Всевожского Войска Донского, который в свою очередь некогда являлся частью Дикого поля. Тысячелетиями лежали здесь нетронутые богатейшие черноземные степи, только буйствующее разнотравье да перистые ковыли колыхались на этих необозримых холмистых просторах. Займище, байраки, Дубрава¹ создавали в них живописную красоту, а обилие природных богатств, дикого зверя, промысловой птицы, рыбы в реках и пойменных озерах, лес, камень, глины и пески издавна манили к себе древнего человека. Когда появились тут первые люди, откуда пришли, кто они были? Точно пока не установлено, но имеющиеся сведения позволяют установить, что наши места во все эпохи человеческой истории не были безлюдными. Рост населения неизбежно приводил к миграции, вот почему с незапамятных времен, сменяя друг друга, сюда, в Великую степь, двигались разноплеменные народы. Так было в эпоху бронзы, в железный век, так продолжалось и в средневековье. Часть пришедшего сюда народа кочевали дальше, часть, ассимилируясь с местным населением или изгоняя, уничтожая его, оседали на широких пространствах и в долинах степных речек, занимаясь как присваивающим хозяйством (собирательство, охота и рыбная ловля), так и производящим хозяйством (земледелие и скотоводство), плюс различными ремеслами.

Вся история Донщины, Дикого поля — это бесконечная череда племенных миграций, бесконечная борьба за лучшие земли, бесконечные столкновения христианского и мусульманского (магометанского) миров, сопровождающиеся, как правило, бесконечными стычками, налетами, грабежами, поединками, битвами, взлетами одних народов и трагедией других. Иными словами, каждому народу — кто бы ни был тут — судьба уготовила свою дорогу и место в истории. Прорва сведений о той прошлой жизни безвозвратно и навсегда канула в Лету. Но немало

¹ Займище — это леса в хопёрской и донской поймах (от моей Ольховки Хопер примерно километрах в 20, Дон примерно километров 60). Байраки (так по-научному, а у нас их зовут просто «байраками») — это покрытые лесом степные балки и яры, площадь некоторых бывает значительной. Дубрава — это громадный (около 10 тысяч гектар) лесной массив с преобладанием дуба в Захоперском крае (от меня примерно в 15 км). Ее еще называют Шакинская Дубрава, потому что возле нее раскинулся старинный казачий хутор Шакин (в просторечии Шайкин — якобы в прошлом там находили убежище шайки разбойников). — *Прим. автора.*

свидетельств пребывания древних народов продолжает хранить земля названных районов. Это и бесчисленное множество курганов, рассеянных по всему краю. Это и каменные бабы, которые некогда стояли над могилами знатных воинов и которых еще захватили в степи старожилы рубежа XIX и XX веков. К свидетельству былой жизни можно отнести остатки древних и не очень старых безымянных поселений, месторасположения первых казачьих городков, опоясанных следами рвов и валов.

А кто станет оспаривать древность сохранившихся до наших дней случайных находок, каменных, бронзовых и железных, оружия и орудий труда? А разве не из прошлого дошли до нас географические названия, многие слова казачьего лексикона, остатки старинных дорог — шляхов?

Помимо зримых доказательств старины у истории есть еще, выражаясь образным языком, и великая память. К чему я веду разговор? Да к тому, что к богатому историческому наследию При- и Захоперского края следует отнести и такой незаметный на первый взгляд раздел, как фольклор. Что это такое? Фольклор — это сохранившиеся в народной памяти легенды, предания, сказки, песни, частушки, былины, поговорки, загадки, наговоры (или заговоры), плачи-причёты и различного рода сказания и были.

В наше время, когда самобытная казачья культура быстро меняется и исчезает, неоценимым кладом народной мудрости являются старики. Я не раз поражаюсь, как много разнообразного фольклора донесла их память. Их знания о прошлом своего народа и его жизни, быте, обычаях, вере взяты не из научных трудов и пересказов проезжих странников, а почерпнуты из одного животворящего источника — глубин народных традиций, в которых старинная жизнь тесно переплелась с реальной действительностью, были с небылью, историческая правда соседствует со сказкой и фантастикой.

В то же время не надо забывать, что огромная масса изустных сведений канули в небытие вместе с отошедшими на покой стариками. Это невозполнимая утрата! И сегодня нам остается только сожалеть, что в наше просвещенное, кичившееся своей 100% грамотностью советское время не нашлось летописцев достойным образом зафиксировать хотя бы часть старинного многообразия казачьего фольклора. В то же время я прекрасно понимаю, что весь мною собранный материал не претендует на всеобъемлющий охват — это сотая часть, верхушка айсберга, осколки исчезнувшей, былой жизни, а следовательно, и воспоминаний про нее.

Ныне трудно найти непревзойденных знатоков казачьей старины, в том числе легенд и преданий. Но мне в свое время посчастливилось захватить и беседовать с такими казаками-старожилами захоперского края (увы, ныне тоже покойных), как: И. В. Апраксин, Т. У. Блинков, С. Н. Свинухов, И. М. Филин, П. Е. Пономарёв.

Их имена, а также имена других рассказчиков я с благодарностью отмечаю, и читатель не раз встретит их на страницах этой рукописи.

Теперь станет понятно, почему я обратился к теме исторического фольклора, а если точнее — к легендам, преданиям о разбойниках, татарских и черкесских сокровищах,кладах и кладоискателях. Стоит со старожилами завести разговор на эту тему, как непременно услышишь какой-нибудь захватывающий рассказ об этом. Удивляться тут нечему: легенды и предания несут в себе колорит прошлого, прошедших времен, и вполне возможно, что многие из них своими корнями уходят в глубину веков. Я, конечно, понимаю, что фольклор подобного рода далек от исторической хроники, действительности, но в то же время надо признать, что легенды и предания как бы аккумулируют в себе память о каких-то исторических событиях. И пусть невероятными они кажутся на первый взгляд, пусть человеческая фантазия не знает границ, но все равно в каждой из фантазий есть зерно истины.

Мой первоначальный замысел данной рукописи сводился к простому перечислению легенд и преданий о разбойниках, кладах и кладоискателях и грабительских раскопках курганов в таком виде, в каком я услышал их из уст стариков, чтобы предоставить читателю самому все прочитанное принять за чистую монету, подвергнуть сомнению или просто-напросто посчитать за очередные байки казачьей «страны». Но потом я решил, что без привлечения исторического, литературного и архивного материала нельзя осветить всю глубину затронутой темы.

Насколько мне удалось обобщить, скомпоновать имеющийся в моем распоряжении материал — судить читателям, на чей интерес и великодушное снисхождение я рассчитываю.

Итак, дорогой читатель, давайте вместе почитаем легенды про лихих людей, мифические клады, про татарские, черкесские и иные сокровища, про раскопки кладоискателей и загадочное свечение — то есть про все то, что вызывает мистический трепет, потаенное любопытство, про все то, что в изобилии сохранила народная память и древняя земля При- и Захоперского края.

Часть первая ПРО РАЗБОЙНИКОВ С БОЛЬШИХ ДОРОГ

Глава 1

Старинные дороги-шляхи

Ксвидетельству ушедшей в предания жизни, как я упоминал, можно отнести и Старинные дороги-шляхи, или сакмы (так в XVI веке назывались дороги, ведущие на Русь), которые, несмотря на водные пути по Дону, Хопру, Медведице и Бузулуку, тянулись некогда по указанным районам. Так как разговор о шляхах по ходу нашего повествования будет вестись неоднократно, то я на них остановлюсь более подробно.

Самый известный — это Ногайский, или Астраханский, шлях Михайловский (что на Хопре). Краевед Борис Степанович Лашилин в своей книге «На родных просторах» (Ниже-Волжское книжное издательство, 1968 год) пишет: «Возник он, как считают теперь, очень давно: на рубеже 1-го и 2-го тысячелетия, то есть во времена появления в южно-русских степях хазар и половцев, и связывал Москву с Астраханью. Сперва он назывался Ордобазарной Большой дорогой, потом — Ногайским шляхом. Этот шлях был именно тем путем, по которому татары столетиями делали свои набеги на Русскую землю» — отсюда станет понятным его название: «Ордобазарная Большая дорога», «Ногайский шлях». Столетиями по нему передвигались войска, послы, торговцы, всякие курьеры и просто охочие до чужих стран путешественники, гнали скот, катили всевозможные экипажи и брели караваны. Свое последнее наименование шлях получил в первой половине XVIII-го века по указанию Петра I, когда между Москвой и Астраханью была налажена конно-почтовая служба. Во второй половине XIX-го века, с появлением на юго-востоке России железной дороги, Астраханский шлях теряет свое значение, превращается в обыкновенную дорогу, которая в наше время местами была переделана в прекрасное асфальтированное полотно.

Где же тянулся Астраханский шлях? Историк С. И. Рябов в своей книге «История родного края» (Ниже-Волжское кн. изд-во, 1989 г.) об этом пишет так: «Из Астрахани одна ветвь Астраханского шляха шла на Саратов, на Симбирск, через все крупные населенные пункты правобережья Волги. Другая — вдоль сторожевой линии, через Грачевскую крепость (на Царицынскую сторожевую линию), на Сиротинскую станицу, от нее через Усть-Медведицу, Урюпинскую станицу в Новохоперскую крепость (Воронежской губернии) и далее на Тамбов, Ряжск и на Москву».

Как видим, по Волгоградской области Астраханский шлях тянулся через ее северо-западные окраины, точнее через Серафимовический, Кумылженский, Алексеевский и Урюпинский районы.

Сохранились изустные сведения многих старожилов, которые помнят Астраханский шлях и его направление непосредственно по территории Кумылженского и Алексеевского районов. Приводить сведения всех старожилов я считаю, не стоит, ограничусь лишь воспоминаниями уроженца и жителя хут. Ольховки, Саломатина Ивана Трофимовича, 1921 года рождения, который, на мой взгляд, дает наиболее достоверные сведения: «1» «Астраханский шлях, — рассказывает он, — по нашему краю тянулся с юго-востока, то есть со стороны Астрахани, на станицу Усть-Медведицкую, от нее через р. Дон на ст. Арчедимскую и далее на хутор Колодзин (Кумылженского р-на), выше (правее) ст. Кумылженской (расстояние между ними тут 21,5-22 км), над “Песками”, мимо хх. Сарыча, Кучуры (по прямой расстояние между ними 10-12 км; замечу, что это наикратчайшее расстояние до низовой Едовли), через р. Бузулук (так наз. Русскую гору км в шести левее ст. Алексеевской), отсюда на хут. Самолшин — мимо хут. Попово-Тишанского, х. Дубовского, х. Акчерина — мимо или прямо на ст. Урюпинскую и далее на северо-запад: на г. Тамбов, в сторону Москвы».

Помимо Астраханского шляха по захоперскому региону память народа сохранила сведения, по крайней мере, еще о трех шляхах. Так как в нашем рассказе они тоже будут упоминаться, то я вкратце расскажу о каждом из них.

Откуда начинался первый шлях, точно не знаю, но, по-видимому, после Усть-Медведицкой переправы через Дон, где-то в районе Хоперско-Медведицкого междуречья от Астраханского шляха в западном направлении ответвлялась новая дорога. Она вела на хут. Дундуков, где была переправа через Хопер, и выходила в нижнее Захоперье. Далее, на захоперской стороне, через хут. Шакни она тянулась на водораздел Едовля — Раствердяевка (Растверяевка). Хутора Шилин, Косо-Ключанский, ст-ца Слащевская, хутора Крутой, Подок, Евсеев, Глухов остались справа, ст-ца Остроуховская, хх. Шакши, Шакинская Дубрава, х. Калинин — слева. По степному междуречью (водоразделу) Едовля — Ср. Еланка дорога-шлях поворачивает на северо-запад и мимо левосторонних хуторов Белогорский, Ежовка, Малая Андреяиовка и правосторонних Рябова, Политова уходила в соседнюю Воронежскую область.

Следует обратить внимание, что многие захоперские старожилы зовут эту дорогу просто «шлях», однако есть и такие, которые называют ее по-другому — «Астраханский шлях». Например, об этом я слышал от уроженца хут. Луткова (в прошлом Федосеевской ст-цы, ныне — Подтелковский район) Блинкова Терентия Устимовича, 1987 года рождения. По словам жителя хут. Рябов Сафронова Виктора Михайловича, 1934 года рождения, «2» «рябовские и белогорские жители эту дорогу тоже зовут Астраханским шляхом». И, наконец, последнее сообщение зафиксированное мною. Совсем недавно (в середине августа 1996 года) по просьбе волгоградских археологов (Гуренко Л. В., Ситникова А. В. и студента истфака Антюфеева О. В.)

шакинский лесник Сиськов Георгий Иванович возил их в окрестности хут. Краснополовский (Подт. р-н), в местечко «Каменные бабы». Цель поездки — осмотр того места на предмет соответствия действительности названия.

3» «От х. Краснополовского, — рассказывали ребята, — мы ехали на юг, к границе Ростовской области где-то минут двадцать. Вскоре по дороге мы приехала к двум лесополосам, с ростовской стороны насаждения березовые, с нашей, волгоградской, — сосновые. В этом месте цепочкой находилось три кургана. Самый крайний, с юга, виднелся прямо в березовой посадке, он был большого размера, не распахан, на вершине торчал деревянный репер (тригоцункт). Напротив него, через дорогу и за сосновой посадкой (то есть в нашу сторону), прямо на брошенном поле высился другой нераспаханный курган, тоже с остатками репера на вершине. За ним, севернее, соседствовал последний когда-то паханный, а оттого может быть и несколько расплющенный третий курган среднего размера.

Сколько мы ни осматривали те курганы, сколько ни ходили вокруг и поблизости — никаких каменных баб мы не нашли. После этого мы пришли к выводу, что они всё же когда-то были на курганах, но впоследствии бесследно исчезли, а название местности осталось до сих пор.

Хорошо помним, что шакинский лесник еще говорил, будто через эти Каменные бабы, а точнее между двумя большими курганами когда-то пролегал Астраханский шлях, который тянулся дальше, к Дону. Куда он тянулся от Каменных баб в противоположную сторону, мы не спросили, но, скорее всего, судя по направлению, он шел куда-то в вашу, захоперскую сторону».

Вышеприведенные сведения не давали мне покоя: что это правда или ошибка рассказчиков? Я терялся в догадках, долгое время искал ответ, пока мне в руки не попала книга советского историка В. В. Каргалова: «Свержение татаро-монгольского ига» (Москва, Просвещение, 1973 год). В этой книге есть рисунок-карта Ногайской дороги (т. е. Астраханского шляха), и его направление показано несколько иначе, по иному, чем писал Б. С. Лашалин и сообщали некоторые информаторы: с юго-востока Ногайская дорога — как видно на карте — шла не через Усть-Медведицкую станицу, а подходила к Дону в окрестностях ст. Букановской, а точнее ниже устья Хопра, где выходила на левую сторону Дона и далее захоперской стороной, междуречьем (водоразделом) Раствердяевка — Ср. Еланка (Шакинская Дубрава остается вправо) где-то в районе Лохматого кургана выходила на вышеописанный Шлях, тянувшийся на Тамбов. Иными словами, рисунок Ногайского шляха повторяет ориентацию вышеописанного захоперского Шляха.

Я мало склонен считать рисунок неправильным или опечаткой, казусом мелкого масштаба. И если он действительно отражает подлинную информацию, тогда выходит память народная действительно донесла до нас отголоски подлинного названия Астраханского шляха.

Но оставим эти умозаключения будущим исследователям и перейдем ко второму шляху, находящемуся севернее вышеописанного. Начинался он в едовленских хуторах, выходил в хут. Ольховка на водораздел Едовли и ее левобережного притока Третий лог, какое-то время под названием Шлях, или Метровка, тянулся степью по ее левой стороне (можно сказать параллельно южному шляху — Астраханскому), поворачивал на северо-запад на Ольховский тракторный культстан, далее по Алексеевской земле тянулся между х. Рябовым и бывшим хут. Саломатиным и хут. Малиновым, мимо огромного Городского кургана на г. Калач, то есть выходил на предыдущий (Астраханский) шлях.

И третий, так называемый Гетманский шлях начинался еще севернее — в районе Усть-Бузулукской станицы, по водоразделу Едовля — Сухая Речка тянулся мимо

Городского кургана, соединялся с Ольховским шляхом (Метровкой) и далее одним путем уходил в Воронежскую область, где соединялся с первым (Астраханским) Шляхом.

Почему Гетманский шлях так называется, старожилы ответить не смогли. Не смогли ответить мне про него и волгоградский историк Евгений Александрович Чемякин, и областной председатель по делам казачества Павел Миронович Блинков, и историк (ныне председатель областной Думы) Сергей Иванович Рябов. Не смогли ответить также Волгоградский госуд. архив, Ростовский госуд. архив. Последний переадресовал меня в Москву, в Центральный госуд. архив древних актов. Оттуда 11.06.96 года получил такой ответ:

«... При просмотре описей ф. 210 “Разрядного приказа и ф. 111. Донские дела” документов о Гетманском шляхе не обнаружено. Как показано в монографии А. П. Пронштейна “Земля Донская в XVIII веке (Ростов-на-Дону, 1961 год), бассейн Северного Донца, Среднего Дона, Хопра, Бузулука и Медведицы были районом наиболее ранней сельскохозяйственной колонизации на земле Войска Донского, начинавшейся в конце XVII века (с. 28). Вместе с тем, с конца XVII века на этих землях началось расселение слободских казаков Изюмского полка (29). Можно предположить, что образование топонима “Гетманский шлях” связано с колонизацией указанной территории слободским казачеством, которое в целом управлялось выборной администрацией во главе с гетманом (См.: Советская историческая энциклопедия, т. 4, М., 1963, с. 427 и т. 13, М., 1971, с. 43). “Гетманским шляхом” (шлях — тракт, дорога, путь, см.: В. Даль, Толковый словарь, т. 4. М., 1995, с. 640) назывался путь, по которому шла миграция слободских казаков.

Заведующая отделом использования документов
С. Р. Долгова».

Для пояснения к написанному добавлю: в «Казачьем словаре-справочнике», т. 1, стр. 131 (Клавлейд, Охайо, США, 1966 г.), читаем: «Гетман — принятый у поляков в старину титул главнокомандующего». Они считают, что это слово произошло от германского *hauptmann*. Должность гетмана как постоянного командующего шляхотской милицией (посполитым рушением) и наемными войсками учреждена в Польше в конце XV в. В 1521 году учрежден пост его заместителя, гетмана «надворного», или «польного» (полевого). Такие же два гетмана существовали в Великом Княжестве Литовском. По их примеру Запорожские казаки, проживавшие в Поросье и в Посулье, на окраинах речи Посполитой, от 1576 года стали набирать и своего Г-на, военного вождя и представителя казачьих интересов у Польско-Литовского короля. Ригельман говорит насчет его полного титула: «Гетман малороссийский пишет себя “обеих сторон Днепра Войска Запорожского”, а не пишется — низового, а кошевые пишутся “славного Войска Запорожского низового”». На портрете Богдана Хмельницкого, написанном в XVII веке, подпись: «Зиновий Богдан Хмельницкий — Гетман Войска Запорожского и обеих сторон Днепра».

От 1654 г., после Переяславского договора, гетманы Днепровских Казаков подчинялись московским царям непосредственно. Должность и звание гетмана в России упразднены указом от 10 ноября 1764 года.

Понятно написали из Московского архива, понятно написано в словаре, только непонятно: как на нашей казачьей земле возник Гетманский шлях, почему гора (бугор) у бывшего хут. Дундукова доньне носит название Кошав-гора? (от слова «КОШЕВОЙ»? Или от слова «КОШ», означающее «СТАН», «ОБОЗ»?).

Объяснить названия этих топонимов (названий мест) среди старожиллов я так и не смог, остается искать ответ у специалистов-лингвистов.

Глава 2

Сторожевые курганы

Как видим, все старинные захоперские шляхи тянулись в основном по водоразделам, по ним же сосредоточено подавляющее большинство больших курганов. Такие курганы, как правило, нераспаханы, многие имеют в народе названия, до сих пор увенчаны деревянной или железной треногой или четырехногой вышкой — это триангуляционный знак, тригоцункт, служащий в геодезических и топографических целях для определения высоты местности над уровнем моря.

Все эти знаки появились при Советской власти. Об этом старожилы помнят. Например, уроженец и житель х. Сарычи Макаров Евгений Иосифович, 1939 г. р., (по профессии учитель) рассказывает так:

1. «4» «В 1930—33 гг. началось составление подробнейших карт нашего края. Большинство курганов, находящихся на водоразделах в Прихоперье, стали использоваться для определения съемки местности. Вот тут-то на них и появились триангуляционные знаки — трехногие или четырехногие деревянные или железные вышки, реперы».

2. Такая же картина не миновала и наш Захоперский край. По словам поповского жителя Рошина Н., примерно 1935 г. р., «5» «вышки развозили на лошадях и ставили на буграх, в основном на курганы, с войны, в 1948 г.».

Еще недавно карты с записями таких высот в военных целях строго были засекречены и хранились, как правило, в военкоматах. В период демократии и гласности такая секретность снята, мне довелось видеть эти карты у кумылженских жителей — Агапова Е. В. и Фирсова Ю. И., а также у старшего научного сотрудника Волгоградского института почвоведения и агрометеорологии — Олега Анатольевича...

Ниже я расскажу вкратце о местонахождении больших курганов, их названии (если есть), высоту местности, где они находятся и другие особенности.

Начну с (Астраханского?) Шляха. На пути его следования или поблизости находятся:

- Курган выше (севернее) ст. Букановской. Высота бугра под ним 147 м (для сравнения скажу, что сама ст-ца и рядом лежащий х. Заольховский расположены на высоте 55 м, а сама пойма Хопра — 16 м);

- Курганы на буграх в окрестностях х. Остроухова; высота местности тут 137 и 199 м;

- Кошав-гора (возле дундуковской переправы) — 108 м, далее на запад, в окрестностях бывшего х. Шакина — 148 м;

- Курганы на буграх севернее х. Шакина и Шакинской Дубравы — 206 м;

- Курган на водоразделе, возле угла поворота автогрейдера Слещевская — Подок — 201 м;

- Белый курган. По словам уроженца х. Луткова (Фед. ст.), Блинкова Терентия Устиновича, 1897 г. р., «6» этот курган находится выше (южнее) бывшего х. Луткова, на месте бывшего Астраханского шляха. Свое название он получил от растущего на нем ковыля. Высота водораздела 189,8 м;

- Сиволобов курган — находится выше Евсеевской балки и юго-восточнее бывшего х. Глухова (территория Попов. с. с.). По словам урож. х. Глухова, Филина Ивана Митрофановича, 1907 г. р., «7» «свое название курган получил оттого, что возле было поле каких-то Сиволобовых». Высота водораздела тут впечатляющая — 227,9 м;

- Лохматый курган — о нем впереди будет специальная глава;
- Калининский бугор с курганами — высота 209 м;
- Донской курган — находится между бывшим х. Глуховым и х. Белогорским (Кум. района), на т. н. Песчаном бугре, на земле к-за им. Кирова. По словам уроженца х. Глухова, Свинухова С. Н., 1892 г. р., «8» «Донской курган называется так потому, что в хорошую погоду с него виден Дон и меловые горы над ним, а расстояние до реки приблизительно 40-50 км». В статье Т. Васильева из х. Шакина «Как жили казаки в хуторах» (р. г. Победа, за 14 окт. 1993 г.) я прочел другое объяснение: «...говорят, что шли после похода казаки донские и шапками насыпали этот курган, назвав его Донским». Высота водораздела под ним 196 м (по другим картам — 215,8);
- Бабий курган — находится за х. Рябовским (ранее Зот. ст., ныне Алексеевский район), напротив хх. Андреяковского и Куличков. По словам уроженца и жителя х. Ольховки, Апраксина И. В., 1896 г. р., «9» «Курган получил свое название оттого, что на вершине его некогда стоял (но когда я видел — это примерно в 1915 году лежала) осколок каменной бабы, груди у которой кто-то вымазал дегтем». Высота водораздела здесь 240 м — это самая большая высота в нашем Захоперье.

В окрестностях и на пути следования Едовленского шляха (Метровки), начиная от Хопра, находятся:

- Федосеевские бугры с курганами на них, высота тут 153 м;
- Майоршины, или Матвеевы, курганы (два), которые находятся в восточном конце х. Ольховки, на начинающемся водоразделе между этим хутором и Третьим логом. «10» Название «Майоршины» — по словам Апраксина И. В. — происходит по одноименному названию рядом находящейся балочки, ниже которой (на поместье Седова Ф. И.) до коллективизации жила семья Попова Петра Яковлевича, по-уличному Майоршины. А название «Матвеевы», по словам поповской жительницы Фроловой Клавдии Васильевны, 1903 г. р., «11» «происходит от того, что возле курганов когда-то в праздник молния вдарила в воз с хлебом. Хлеб вместе с арбой сгорели. Пепелище объезжали, а через год на этом месте образовались курганы, и хуторяне стали называть их по имени хозяина Матвеевыми. Высота местности тут 148 м;
- Бугры с курганами есть в окрестностях бывшего хутора Грушева (в прошлом Фед. ст., ныне Кумылж. р-н). Высоту местности на картах не нашел, но примерно около 200 м;
- Городской курган, находится км в 2-3 сев.-восточнее х. Рябова и примерно на таком же расстоянии — только на юго-восток — от бывшего х. Малинова, на земле с-за «Дальний», Алекс. р-на. Название кургана выяснить не удалось. Высота местности здесь внушительная — 222 м.

В окрестностях и на пути следования Гетманского шляха находится:

- Усть-Бузулукская гора с курганами (где течет Хопер, Алекс. р-н), высота 160 метров;
- Зотовские бугры с курганами на них (возле Хопра, Алекс. р-н). Высота местности тут 206 м;
- Хут. Два Дерева и Двухдеревской курган (что в верховьях второго — Лутковского Лога, Алекс. р-н). Высота местности здесь — 228 м (по другим картам 229 м);
- Чурекский курган (западнее бывших хх. Голенков и Чуреков, Алекс. р-н). Высота бугра здесь 214 м;
- Бугор с курганами выше (сев.-западнее) х. Скулябного, Алекс. р-н. Высота местности 218 м.

Как видим, большие курганы в наше время, как говорится, «при деле». Еще большую роль они выполняли в старину — об этом моя следующая глава.

Глава 3

Представляется слово старожилам

По легендам старожилов, большие курганы по берегам Хопра и его притокам (Едовли, Раствердяевки, Сухой Речки и др.) некогда служили караульными, наблюдательными сторожевыми вышками всякого рода разбойничьим шайкам, в том числе и казакам.

И, как ни странно, предания, связанные с большими курганами, их ролью в разбойном мире и в период возникновения казачьих хуторов и станиц, дошли в народе до наших дней.

1. Вспоминает Свинухов С. Н., 1892 г. р., уроженец и житель х. Глухова, а потом доживал в х. Ольховке: <12> «Говорят, что (кроме глуховского Лохматого кургана) еще жили разбойники возле большого кургана и в х. Два Дерева».

2. Говорит уроженка и жительница х. Ольховки Попова Ольга Федор., 1900 г. р.: <13> «Моя бабушка сказывала нам, что раньше на больших курганах жили разбойники. Откуда опасность появится или еды кто добудет — так зажигали огонь (столбы, облитые смолой). Дым старались делать такой, как из котла ведьмы. Замеченный дым и огонь и был сигналом для других разбойников, живших на других курганах».

3. Рассказывает уроженец и житель х. Скулябинский (Зот. ст., Алек. р-н) Рвачев Василий Васильевич, 1930 г. р.: <14> «От старых людей я слышал, что когда-то казаки или разбойники день и ночь стояли караулом на буграх-возвышенностях, где зачастую находились большие курганы. Таковыми наблюдательными пунктами старики называли: Зотовский бугор — Двухдеревской курган — Чуракский курган — Грушский бугор — Рябовский бугор — Лохматый курган (бугор) — Калининский бугор и так далее, на юг. В случае опасности на этих буграх-курганах зажигали костры. Днем — дым, а ночью огонь были сигналом к тревоге».

Слово Макарову Е. И.:

4. <15> «Моя прабабушка — Кондрашова Ефросинья Максимовна родилась в х. Крутом (Слащ. ст.), по ее словам, вместе с Лениным (значит в 1870 г.), всю жизнь прожила в х. Сарычи, где и умерла в 1975 г. Бабушка за свой век многое повидала, многое помнила, от нее многое запомнил и я. Например, от старых людей она слышала, а потом и рассказывала нам, что курганы в нашем крае — это сторожевые посты, через которые шло быстрое сообщение о нападении неприятеля, крымских татар и других разбойников. С одного поста было видно два других. Например, у Сарычей (напомню, что от него до Астраханского шляха 10-12 км. — А. В.) на бугре был курган (на нем стоял геодезический знак, ныне насыпь сравнята пахотой), с которого был виден курган у ст. Слащевской и на Зотовской горе. С тех видны другие курганы и так далее. На курганах были поделаны вышки, с которых, подменяя друг друга, всегда дежурили два казака: один стоял на дозоре, другой отдыхал. Внизу, у вышки стояли наготове поседланные лошади. Через сутки казаки менялись. Дозоры наряжал хуторской и станичный атаманы. В случае войны или появления разбойничьей орды зажигали ночью соломенный факел, днем смоляной (дегтевой) факел. Дым и огонь были сигналом сбора казаков. По этому сигналу все военнопособное население хуторов и станиц бросали все дела, седлали коней, брали оружие, походную амуницию (шинель и пр.), харчевой припас, для лошадей овес в торбе (все это в доме казака всегда было наготове) и скакали в свою станицу, оттуда походным порядком шли на Урюпин. Говорят, Федосеевская станица выставляла полк, а в Урюпинске уже набиралась дивизия.

Такой порядок охраны хуторов и станиц велся примерно до 1876-77 гг., т. е. до Русско-турецкой войны. Потом этого не стало.

Еще прабабушка рассказывала, что раньше казаки селились по лесам, в ярах и неприметных местах. Например, таковыми являются: х. Кривский, х. Остроухов, Сарычи, х. Шакин, х. Рябов и др. Помню, после войны ехали мы с прабабушкой на быках откуда-то в х. Сарычи. Подъезжаем уже к хутору, а домов почти не видать. «Вот видишь, внучек, — говорит она, — как раньше селились казаки, хоронились от разбойников». Я пригляделся и правда: вроде небольшие складки местности, а под садами, каким леском — все скрывалось, и с бугра никаких признаков строений не было видать».

Слова Макарова Е. И. (точнее — его прабабушки) касательно других поселений подтверждают и многие старожилы. По их словам, все нижнеприхоперские станицы не всегда были на теперешнем месте. Так, Усть-Бузулукская станица первоначально была в устье р. Бузулука, в местечке, которое и донныне зовется Старый Городок. Станицы Аржановская (или Зотовская) — в урочище Затон, где находится так называемая Зуевская крепость. Станица Федосеевская — в семи км на юго-запад, в низовьях Едовли. Станица Слащевская — на другом (левом) берегу Хопра, напротив устья Едовли, в лесу, где расположен так наз. Арсяпин, или Арсяпин бугор. Станица Кумылженская — в урочище Лука. Ст. Букановская — ее первоначальное местопоселение, находящееся в нынешнем лесхозе, так и называется — урочище Городки. То же самое можно сказать и про некоторые хутора: так, в Алексеевском р-не, на р. Бузулук есть хутор Яминский — в двух км от него есть местечко под названием Старый Городок. В Кумылженском р-не, в окрестностях хут. Глухова его первоначальное поселение называлось Городище.

Характерно, что первые хутора в пределах своих станичных юртов (земельных наделов) в целях безопасности тоже строились в глубоких, сильно заросших лесом балках, например: х. Глухов (Фед. ст.), бывший х. Шалкашевский (Кум. ст.), Два Деревя (Арж. ст.), х. Рябов (Зот. ст.) и др.

Степь всегда была беспокойной. И кто знает, не со времен ли возникновения станиц, а может быть первых хуторов — когда поселения приходилось не только защищать, но и охранять, — появились и благодаря памяти старожил дожили до нашего времени ничего не значащие ныне для нас названия ряда бугров по Едовле. Так одна из местных правобережных лесистых балок Первого (Филинского) лога, выходящая на Кирюшкин бугор (что выше Белой горки), почему-то называется Маячень. Один из левобережных бугров Третьего (Ольховского) лога имеет название «Маяк». Такое же название — «Маяк» — носит бугор в устье Глуховской балки, что находится в х. Поповом, выше государственной электроподстанции. И наконец, самый большой левобережный Едовленский бугор в х. Рябовом местные жители до сих пор зовут Маяцкая гора.

Теперь достоверно известно, что все старожилы говорили истинную правду. Специально селиться в укрытии, в укромных, не бросающихся в глаза постороннему взгляду местах, нести охрану поселений была не какая-то прихоть наших предков-казачков, а заставляла, даже более того — вынуждала, сама жизнь. Водные, речные пути и сеть дорог-шляхов, наверное, способствовали тому, что в крае издавна обретались разбойники.

Глава 4

Печатные сведения о разбойниках

Дошедшие до нас легенды о курганах, разбойничьих нападениях на казацкие поселения подтверждает и ряд печатных изданий. Так, известный советский историк В. Каргалов в своей книге «На степной границе» (Изд-во «Наука», 1974 год) пишет:

1. «Курганы занимали господствующее положение на местности и имели световую (визуальную, с помощью костров) связь с соседними курганами, т. е. средством оповещения являлись дымные костры».

Другой автор, известный михайловский (на Хопре) краевед Б. С. Лащилин в своей книге «Хороша река Хопер» (Нижнее-Волжское изд-во, 1962 г., 8 стр.) пишет:

«...Путешествия из Астрахани в Москву вплоть до XVIII столетия были затруднительны и опасны. На всем протяжении этой пустынной дороги путешественники не могли найти ни продовольствия, ни укрытия от дождя и зноя. Причем на каждом шагу их подстерегала опасность. Разбойничали шайки грабителей и орды кочевников. Поэтому в дальнюю дорогу по Ногайскому шляху путники отправлялись большими караванами в сопровождении хорошо вооруженной охраны. На ночь разбивали лагерь, огораживая его со всех сторон повозками и выставя часовых. В различных актах XVIII столетия, которые направлялись царицынскими воеводами, очень часто давались советы и указания, чтобы путники в дороге держали “великое бережение”, высылая вперед себя разъезды, а ночью на станах оставляли бы зоркие и чуткие караулы...»

2. Небезынтересен и рассказ преподавателя истории одного из ленинградских ВУЗов, нашего земляка — Николая Васильевича Мальцева. В архивах он отыскал материалы об истории станицы Кумылженской. Выдержку из этой статьи «Как возник Кумылженский городок» (напечатан в р. г. «Победа» за 6 октября 1977 г.) я привожу ниже:

«...Кумылженский городок впервые поселился в дремучем лесу, в урочище Лука, на правом берегу Хопра, против устья небольшой речки Кумылки...»

Первое местопоселение Кумылженского городка было очень удобным во многих житейских делах: дремучий лес укрывал их от разбойничьих шаек татар, калмыков и другой вольницы, наличие рыбных запасов в речках и озерах, множество дичи и пушного зверя в лесах, население городка постепенно росло.

В 1682 г. в городке было уже 70 дворов, что вызвало уже некоторые затруднения в размещении вновь прибывавших жителей. Самостоятельно и по общему согласию городок переселился на другое место. Он спустился ниже по течению Хопра и выбрал более высокое место, чтобы избежать затопления во время весеннего разлива рек. С переселением городка на новое место жители его избавились от весеннего затопления, но зато сильно возросла угроза нападения разбойничьих шаек. Новое место городка находилось недалеко от Астраханского шляха, хоперских дорог и песчаных бурунов, которые были убежищем разбойников, особенно в ночное время. В целях защиты от набегов жители городка вырыли около деревянной церкви ров и насыпали большой вал, построив тем самым убежище, которое они называли крепостью. Находящийся неподалеку от этой “крепости” курган был приспособлен для совместного ночлега во время полевых работ. На этом кургане был установлен высокий маяк, с которого круглосуточно велось наблюдение за приближением врага.

С этого маяка в случае опасности передавались сигналы — ночью зажигали пук соломы, днем посылали коннонарочного или вывешивали определенный сигнал. Получив сигнал с маяка, старики и дети спешили укрыться в “крепости”, а мужчины выходили на их защиту...»

Следы разбойничьих притонов известны и в захоперских краях.

3. Так, у сталинградских краеведов А. Ильиной и П. Шишкина в их книге «Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского округа Нижнее-Волжского края» (издана в Сталинграде, Сталинградским областным обществом краеведения в 1929 г.) упоминание о них в Кумылженском и Алексеевском районах мы находим, по крайней мере, в трех местах.

Первое: «Хоперский округ.

№ 3. Ст-ца Арженевская, Алексеевский р-н.

В 3,5-4 км от ст-цы, близ дороги в ст-цу Зотовскую, в урочище Затон, на берегу старого Хопра, имеется городок, носящий название “Зуевская крепость”. Городок, имеющий форму неправильного четырехугольника, ограничен с восточной стороны берегом старого Хопра, с севера — балочкой и с двух остальных сторон — валом и рвом. Вся поверхность изрыта кладоискателями. При этом последними были находимы, по сведениям Леонова Н. Я., кусочки золотоордынских глазурованных плиток и осколки расписной посуды. При посещении городка краеведческой экспедицией 1927 года никаких бытовых остатков на его поверхности обнаружить не удалось. По сведениям местного гражданина Швецова М. С., при размывании городка водой из берега выпадают большие камни.

(Сведения краеведческой экспедиции 1927 г.)»

Более подробное описание этого разбойничьего притона я приведу в соответствующем месте моего повествования.

Второе: «№ 64. Хутор Шилов, Кум. р-н (Скорее всего здесь описка или опечатка: на картах района есть х. Шикин, находится недалеко от х. Остроухова и бывшего х. Дундукова. — А. В.).

Близ хутора на р. Хопре, на высокой горе имеется завалившаяся избушка. По преданию это остатки разбойничьего стана (свед. Мельникова, 1924 г.)».

Третий разбойничий стан находился на знаменитом в Захоперье Лохматом кургане. Рассказ об этом посвящена моя следующая глава.

Глава 5

Городище, или Лохматый курган (бугор)

Кто из окрестных захоперских хуторов не знает в срединном течении Едовли Кее правобережный приток — Глуховскую балку, а в ней — бывший хутор Глухов, который в прошлом входил в Федосеевский юрт, а ныне находится на территории Поповского с/с. Кумылженского района? Кто из окрестных жителей не знает огромный бугор, возвышающийся юго-восточнее этого хутора? Местные жители издавна зовут его Лохматый курган (или бугор), но в прошлом он звался Городище. Упоминание о нем есть в «Донских епархиальных ведомостях» за 1894 г. (Новочеркасск, стр. 704—706). Упоминается Лохматый курган и в «Материалах...» А. Ильиной и П. Шишкина: «Близ хутора Глухова расположено Городище, на поверхности которого имеются бытовые предметы (свед. Попова И. Н., 1927 г.)».

После литературного знакомства Лохматый курган заинтриговал меня всерьез (ибо любопытство краеведа входит в привычку), и я стал собирать о нем любые сведения. Первым делом я побывал на нем. В результате личного осмотра я пришел к выводу, что бугор — хотя и зовется курганом — никакого отношения к искусственно возведенной насыпи не имеет; своим происхождением он обязан или деятельности древнего ледника (что мало вероятно) или же это, скорее всего, степной «останец», образовавшийся в результате многовековой эрозионной деятельности окружающих балок. Кстати, высота этого «останца»-бугра по военным картам 187 м. Расположенный в низине Лохматый курган, тем не менее, среди окружающих водоразделов (правда, не со всех сторон) выделяется своей величиной (отчего народ и зовет его курганом), издали он похож на мохнатую шапку. От чего мохнатую? Вся площадь бугра — а диаметром он метров 150 на 200, — начиная от вершины и по склону (за исключением наиболее крутого — восточного) поросла довольно густым дубняком, среди которого можно встретить оплывшие ямы и россыпь мелкого камня-песчаника удивительно красного цвета. После осмотра я пришел к выводу, что если название «Городище», по всей вероятности, связано с первыми жителями х. Глухова, то название «Лохматый» указывает на большую облесённость бугра в прошлом.

Самое главное — с бугра открывается замечательный вид на окрестности. До сих пор помню, как члены археологической экспедиции ВГПИ поднялись на бугор — все в оцепенении, пораженные открывшимся видом, застыли, замерли, а руководитель отряда, 60-ти летний профессор Владислав Иванович Мамонтов не удержался и воскликнул: «Какое красивое место, какой обзор и вид!».

Ничего удивительного нет, что Лохматый курган, точнее этот огромный, когда-то сильно облесенный бугор, по рассказам старожилов облюбовали вольные люди — разбойники. Здесь будто бы был их сторожевой пост, стан, отсюда они держали в поле зрения окрестности, вели наблюдение за дорогами, в частности — за Шляхом (Астраханским?).

Самое интересное — среди старожилов окрестных хуторов ходят легенды и предания, что в Лохматом кургане скрыты награбленные разбойниками ценности. Одни говорят, что в нем, в потаенных местах — ходах-пещерах — закопана лодка, в которой в лошадиных шкурах завернуты деньги и золотые слитки; другие утверждают, что в кургане якобы зарыт конь, отлитый из чистого золота, третьи уверяют... Впрочем, предания и легенды самые разные. Лучше всего, мне кажется, предоставить слово самым старожилам, и пусть они сами расскажут все, что они слышали (или видели) про Лохматый курган и разбойников.

Сведения Филина Ивана Митрофановича, 1907 г. р., уроженца и жителя х. Глухова, а потом перешел в х. Попов:

«16» «Первые жители, по словам моего деда, жили в Старом хуторе, у Лохматого кургана — сейчас там того поселения и признака нет: потом там был летний лагерь СТФ. С водой там было плохо, и люди помаленьку перешли вниз по теклине балки и новое поселение назвали х. Глухов.

Одновременно со Старым хутором на Лохматом кургане жили разбойники, они население не трогали, а грабили Шлях (что тянулся южнее Лохматого кургана, так и назывался — Шлях). Шлях этот тянулся через хут. Шакин промеж хут. Глухова-Калинин, Глухов-Белогорский, мимо хут. Ермилов, а дальше не знаю куда — вроде в Воронежскую область. Говорят, что разбойничьи посты были по всем большим курганам, находящимся в окрестностях этого Шляха: на Сиволобовом, что выше евсеевской балки, на Донском (в сторону хут. Белогорского). А главный штаб у разбойников был на Лохматом кургане, или Городище — это одно

Жил в ст. Федосеевской дьякон Зимовнов Константин, который успешно соединял в одном лице служение Господу Богу и Мамону (духу стяжательства, денег). Так вот этот Зимовнов приезжал с товарищами из станицы, они рылись в Лохматом кургане и близлежащих байраках, но нашли что или нет — никто не знает».

Сведения Саломатиной М. Ф. (дев. фам. Сафронова), 1904 г. р., урож. х. Глухова, после замужества жила на х. Ольховке:

«20» «На Лохматом кургане жили татары, грабили людей».

Сведения Круглякова Матвея Никиф., 1914 г. р., уроженец и житель х. Кузнечинского (Фед. ст., Кум. р-н), по профессии учитель:

«21» «Что я знаю про Лохматый курган? Ходят легенды, что Лохматый курган был “городом кочевников”, отсюда и его другое название — Городище. Если зажечь на Лохматом кургане факел, то в окрестностях его далеко видно будет.

В кургане, говорят, зарыта бычья кожа, набитая золотом. Еще говорят, что на Лохматом кургане был дуб, из-под которого тек родник.

В 1934 г. учителем истории в х. Поповом работал Котляров Василий Петрович. Он хотел предпринять на бугре большие раскопки. С этой целью сделал запрос в Москву на раскопки Лохматого кургана. Оттуда пришел категорический ответ: “Лохматый курган охраняется государством. Копать нельзя”.

Несмотря на это (или, скорее всего, не зная этого) в 60-х годах в бугре рылся поповский житель Мартынюк Вячеслав — результат неизвестен».

Древняя латинская поговорка гласит: «Хмель открывает правду». И, правда, летом 1995 г. во время небольшого застолья, будучи под хмельком А. С. И., 1957 г. р. житель х. Попова, проговорился, что на годах он побывал на Лохматом кургане. Пройдясь по нему, наткнулся в траве на замшелую плиту, на которой проступала какая-то надпись. Валявшейся жердиной С. вывернул плиту — под ней вроде бы начинался узкий лаз. Лезть туда он побоялся и, недолго думая, столкнул плиту вниз. В облаке пыли, ломая кусты, поднимая траву, плита покатила и рухнула куда-то в байрак. Впоследствии я так и не смог уговорить С. съездить на Лохматый курган. По какой-то личной причине он не захотел объяснить не только месторасположение каменной плиты, но и место ее сброса. А я, будучи на Лохматом кургане, несмотря на поиски, так и не сумел найти ни лаз, ни самой плиты.

И, наконец, нельзя не упомянуть и про такое сообщение. В августе 1995 г. мы втроем — житель Москвы Алексей, мой шуринок, житель ст. Федосеевской — Александр Попов, 195? г. р., и я — биолокационным способом (с помощью простой алюминиевой проволоки) провели глубинную разведку Лохматого бугра. Эффект был потрясающий. Конец самодельного «индикатора» четко показывал в лесу, под ногами невидимый контур, похожий на разветвленное дерево. Неужели это остатки подземных ходов!? Пока это загадка, но я думаю, что рано или поздно ученые доберутся сюда и, если наши догадки подтвердятся, то это будет сенсационное событие районного и даже, может быть, областного масштаба.

Глава 6

Легенды про Лохматный курган (бугор)

До настоящего времени Лохматый курган окутан тайной, про него в народе дошли и передаются легенды. Три из них я записал и привожу дословно.

1. Первую легенду я записал со слов уроженца и жителя х. Попова — Шапрова Валерия Георг., 1948 г. р., учителя. «22» «После разгрома деникинской армии казак

х. Глухова ... жил с краю от х. Попова (по словам глуховского жителя Сысоева Николая, “в Гражданскую войну эмигрировал за границу житель х. Глухова Пономарев Василий Иванович” — А. В.), вместе с эмигрантами попал в Турцию. Однажды на одном из базаров встретил нищего старика, который просил милостыню. Обличье и разговор выдавали в нем русского. Казак дал ему что мог, и тот поинтересовался, “откуда он родом”. Казак ответил, что “он с Хоперского округа, ст. Федосеевской, х. Глухова”. Старик спросил: “Ты, сынок, наверное, знаешь Лохматый курган?” Получив утвердительный ответ, нищий сказал: “За твое доброе ко мне отношение я осчастливлю тебя на всю жизнь. Слушай, сынок, внимательно”, — и он поведал ему следующую историю:

“Я помню места, про которые ты говоришь. Не знаю, как сейчас, но в мое время это был лесистый край. В первой половине XIX-го в. в р-не Лохматого кургана располагалась ватага разбойных людей, вместе с ними был и я. Мы обирали купцов, которые ездили по Астраханскому шляху — это км 20-25 восточнее кургана. Частые грабежи беспокоили правительство. Против нас посылались карательные войска, но долгое время мы были неуловимы, так как случайно обнаруженные нами укрытия в Лохматом кургане, позволяли нам надежно скрываться вместе с лошадьми. Кто сделал укрытия и когда — неизвестно, но я хорошо знаю, что тщательно замаскированный вход в курган был только в одном месте — в находящемся поблизости овраге, возле большого дуба.

Войска не переставали нас тревожить, и мы были вынуждены уйти оттуда. Награбленное богатство мы взять с собой не могли, поэтому все лишнее спрятали в одном из тайников кургана. С большими потерями мы вырвались с тех мест, и лишь немногие из нас пробились за границу. Я вот доживаю свой век тут, назад, в Россию, мне уж не вернуться, а ты еще молод и, может быть, удастся вернуться домой. Попробуй, поищи клад. А для того, чтобы легче отыскать его, дай я тебе нарисую план...”

Но под рукой бумаги не оказалось, и за неимением ее была использована 250-рублевая ассигнация, бывшая у казака. На ней старик иголкой выколол местоположение входа в овраге, укрытия в кургане, особо выделил место тайника. Прощаясь с казаком, предупредил: “Передвигаясь в кургане, надо держаться правой стенки, так как в середине некоторых переходов могут сохраниться ловчие ямы-колодцы, на дне которых песок-зыбин и заостренно вбитые колья. Опасайся этого: сорвешься вниз — считай, пропал, а если и живой останешься, то все равно одному не выбраться оттуда”.

Через некоторое время казак вернулся из эмиграции. По плану на купюре он не раз пробовал искать клад на кургане, но все попытки оказались тщетными. Крупный лес в овраге был вырублен на постройки и топливо, и на каком месте стоял большой дуб — неизвестно. Овраг же тянется на добрых полкилометра, и где находится в нем вход в укрытия Лохматого кургана — он так и не смог отыскать.

По слухам 250-рублевую ассигнацию с планом казак хранил в псалтыре, но в 1976 г., когда у него побывал Шапров В. Г., тот не нашел деньги. В настоящее время казака в живых нет».

2. Вторую легенду я услышал от урож. х. Глухова Свинухова С. Н., 1892 г. р.: <23> «В 1906-7 гг. в Польше в г. Бендене в 14-м полку служил глуховский казак Каехтин Григорий. Попался ему там старичок и спросил: “Откуда ты?” Каехтин ответил. “Ты должен знать Лохматый курган. Мы жили там и занимались грабежом. На кургане рос толстый дуб, а под ним зарыто золото”.

Я сам слышал от него этот рассказ, но искал ли Каехтин золото — не знаю. Умер он перед Отечественной войной».

Третью легенду, чтобы не повторяться, я приведу дословно в 12 главе. А далее расскажу, какие народы посягали на земли донских, хоперских, медведицких, бузулукских казаков, какие народы разбойничали в этом крае.

Глава 7

Незванный гость хуже татарина

Известно, что первоначально земледелия на Дону в казачестве не было, более того, оно даже преследовалось российским законом, дабы не отвлекать казаков от их прямой обязанности — военной службы. Помимо военной службы, охраны границ Войска, охраны своих станиц и хуторов, охоты за «зипунами», чем же они занимались? Волгоградский историк С. И. Рябов в своей книге «История родного края» (Ниже-Волжское книжное издательство, 1989 г.) пишет так: «Основными отраслями хозяйства донских казаков в XVII — первой четверти XVIII вв., как и прежде, было скотоводство и рыболовство. Рыболовство получило наибольшее развитие в низовьях Дона, скотоводство — на среднем Дону. Но постоянные опустошительные набеги неприятеля сдерживали развитие скотоводства, и казаки вынуждены были пасти скот между лесом и болотом. Большие трудности испытывали казаки и в обеспечении скота кормом на зиму...»

Какого же «неприятеля» имел автор в виду? Ниже я расскажу, какие же народы посягали на земли донских, хоперских, медведицких, бузулукских казаков, какие народы разбойничали в этом крае. А начну я с татар, которые испокон веку были основным неприятелем не только Дону, но и всей Руси.

История татар теряется в веках, от них, как считают ученые, произошли половцы, болгары.

Вкратце их история такова. Ссылаясь на историческую литературу, в XIII-м веке из степей Азии появляются кочевники-татары — народ магометанского вероисповедования, говорящий на нескольких тюркоязычных диалектах. В 1223 г. татаро-монголы пришли на Русь. В 1242 г. в низовьях Волги и Дона — на р. Ахтубе, в Астраханской области они основали государство Золотой орды. Столицей Золотоордынской империи стал Старый Сарай, или Сарай-Бату. В первой половине XIV столетия хан Узбек решает перенести столицу, но произошло это при следующем хане — Берке. Новая столица возводилась на той же реке, только в окрестностях села Царева Среднеахтубенского района Волгоградской области. И получает название Новый Сарай, или Сарай-Берке. Население его достигало 100 тысяч человек, там жили разные народы — татаро-монголы, ясы, половцы, черкесы, византийцы, русские и др.

В XIV-м столетии Хопер служил границей владений татарского Ордынского ханства и Руси, в частности, Рязанского княжества.

В первой половине XV-го в. Золотоордынское ханство фактически распалось на ряд самостоятельных ханств-«осколков»: Астраханское, Казанское, Крымское, Ногайскую Орду и Большую Орду (последняя занимала территорию Нижнего Поволжья), существовавших, правда, недолго.

1480 год считался окончательным годом освобождения Руси от власти золотоордынских ханов. Ненавистное татаро-монгольское иго, длившееся почти 240 лет, было свергнуто. Но война русских с татарами на этом не закончилась. Распавшиеся от Золотой Орды ханства-государства и обосновавшиеся на южных и юго-восточных рубежах от Руси были еще сильны. Начиная с 1502 г. они про-

Яковлевича, 1907 г. р.: <24> «Население близлежащих хуторов этот водоем называли то Полынная музга, то Татарским, или Разбойничьим, озером. Диаметр этот водоем был метров сто, берега несколько крутые, кругом росла сплошная полынь. До революции (да и после) ребятишками мы часто ходили купаться туда, воды там было в колено, местами — в пояс. А старики нам говорили, что раньше воды в этой музге было столько, что дна не доставали. Возле водоема хуторяне сажали огороды, конопли. С коллективизации в результате распашки к-зами степей Полынную музгу начало затягивать землей с ближних полей и она стала пересыхать. Ныне от нее осталась падина м 1,5 глубиной, в которой растут две большие, уже обомшелые вербы. С весны в падине еще стоит паводковая вода, а летом все пересыхает». Эти сведения — повторяю — записаны мною от рассказчика Кузьмина В. Я. «Название музги “Полынная” — понятно, а вот что значит два других названия: “Татарское” или “Рабойничье?”» — поинтересовался я. На это Кузьмин В. Я. ответил так:

<25> «От стариков я слышал, что на дне той музги лежит бочонок с деньгами, который бросили туда разбойники, жившие здесь и обиравшие людей. Мой дед — Кузьмин Григорий Васильевич (умер в революцию 70 лет) с местными жителями пробовал искать шупом, копать на берегу и на мелководье, но ничего не нашел».

Вторую легенду про эту же музгу — в частности, про название «Разбойничья» — мне поведал другой голенский уроженец, а ныне житель х. Скулябный (Трехлож. с/с, Алекс. р-н) Чуреков Алексей Тимофеевич, 1904 г. р. Вот его рассказ: <26> «У нас в семье часто рассказывали, да и я сам помню такой случай. Примерно в 1910 г. заехали в х. Голенков и попросились ночевать к нам два татарина. Поговорили с моим отцом, а потом и спрашивают: “В вашем Логу, ниже хутора Лобачи, Полынная музга цела?” — и точно объяснил ее местонахождение. Дед говорит: “Цела, а что такое?” — “Я от своих дедов слышал, — начал один татарин, — что давным-давно наши предки шли военным обозом, нагруженные ценным добром. (Чем именно — не сказали, но намекали, что добра много было) В ваших местах татар стал нагонять неприятель, и, чтобы облегчить себя, они весь обоз сгрузили в эту музгу. Мы хотели покопаться в ней, но начальство не разрешило”».

Характерно, что про клад в этой музге сохранилась еще одна легенда, правда, к татарам не относящаяся. О ней мне рассказал уроженец и житель х. Блинковского (Попов. с/с, Кум. р-н) — Дьяконов Иван Александрович, 1929 г. р.: <27> «По словам уроженца бывшего х. Кривского (хутор находится тоже во 2-м логу, недалеко от х. Лобачи), а ныне жителя х. Кузнечинского (Попов. с/с, Кум. р-на) — Спиридонова Митрофана Илларионовича, примерно 1910 г. р., в хуторе Кривском жила богатая семья по фамилии Махалины. В Гражданскую войну, отступая от красных, они (или их сын-офицер) бросили в Разбойничий водоем бочонок или с деньгами, или с золотом. После люди пробовали искать эти богатства, но безрезультатно».

Тот же рассказчик — Чуреков А. Т. — помнит еще один случай, происшедший в вышеупомянутом бывшем хуторе Лобачи. Этот рассказ я тоже записал и ниже привожу его полностью.

<28> «Хутор Лобачи находился выше упомянутой Полынной, или Разбойничьей, музги, на левобережье Второго (Лутковского) лога.

Приблизительно летом 1916 г. на поместье Привалова, расположенном на косогоре, сделался провал земли. Провалья имела диаметр метров шесть, а глубину — дна не видать было. Мы, ребятишки, сбросили туда со стены-огорожи штук 50 камней (иные с ведро), и ни одного не слышали стука падения. Яму тут же хуторяне обгородили и вызвали с Хоперского округа ученого чиновника. Он приехал, помню,

был в форме, на фуражке кокарда и какая-то эмблема. По веревочной лестнице он спускался вниз, но достал ли дна или нет — не знаю. Выбравшись наверх, он сказал, что это ствол шахты, а может быть вход в подземное убежище. А вырыли его ранее жившие тут татары. Они чего-то добывали под землей (может руду какую, может серебро, а скорее всего что-то прятали там). Вход, по-видимому, был заложен дубовыми слегами. Как только они сгнили, так сразу же обрушились. “Ничего опасного нет, но чтоб люди и скот не срывались и не падали в яму — завалите ее”, — сказал так чиновник и укатил.

По указанию хуторского атамана четыре хутора — Лобачи, Кривский, Голенков и Безымянка (ныне их нет) — в ближайших байраках срубили, подвезли и спустили в яму возов 30 (тридцать) леса, вдобавок сверху забутили ее навозом. В настоящее время на месте этой Провальи неглубокая ямка».

Хутор Лобачи, как я писал, расположен на правом берегу Второго (Лутковского) лога. Но вот что интересно: аналогичный случай произошел ниже этого хутора, а точнее на левобережье этого Лога, возле Заичкина оврага. Название оврага неясно, в нем есть хороший родник, в верховьях расположен летний лагерь КРС Филинского колхоза “России”. Но дело не в этом. Самое главное — с левой стороны Заичкина оврага примерно, посередине, в 70-х годах произошел еще один провал земли, в результате чего образовалась яма длиной до 10 и глубиной до 15 м. <29> «Смотреть туда было жутковато, — вспоминает житель хутора Сомский, Филинского с/с Дегтярев К. Ф., 1921 г. р. — По-моему, провал этот — не что иное, как карст, т. е. пустота, возникшая в результате действия грунтовых вод на залегающие породы. А основными породами здесь — судя по выходу в Заичкином овраге — являются меловые известняки. Общает на себя внимание тот факт, что, когда едешь по дороге, то примерно напротив карста под колесами создается такой глухой звук: “бу-ум”. Неужели под дорогой есть пустота?»

Как видим, провалы в Лобачах и возле Заичкина оврага засвидетельствованы в народе, но вот имеют ли эти явления какое отношение к татарам или они обязаны своим происхождением природным процессам — вопрос спорный, и ответить на него могут только будущие научные исследования.

Глава 9

«Аллахов» народ — турки

Разбойничьи шайки татар были не одиноки. Помимо них нападения на Донщину, Запорожскую сечь (т. е. на южные окраины России) совершали другие известные враги христиан — турки. Что это за народ? Вот что об этом пишут «Казачий словарь-справочник», т. 2, стр. 179 (Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1969 г.):

«Турки — народ, начавший движение из-за Каспийского моря в Малую Азию и Аравию в конце XI в. Вначале европейцы знали его под именем Сельджуков, именем же Т. безраздельно наделяли Угро-Финнов, которых и скандинавские саги называли Торкьярами и Торжытами. Город Або сами Финны называли именем Турку. У Константина Багрянородного Т. те же Угро-финны, Мадыяры. Сельджуков начинают называть Турками, очевидно, во времена Крестовых походов. С этим новым именем в 1356 г. Т. утверждаются в Галлиполи; в 1389 г. они подчиняют себе Сербию; в 1453 г. занимают Константинополь. После этого образуется Турецкая империя, раскинувшаяся от Ирана и Малой Азии и по всему Балканскому полуострову до границ Австрии и Венгрии.

В 1475 г. Т. появляются на Сев. Кавказе, а в 1492 г. торжествуют в Крыму и на всем Черноморском побережье. В нижнем течении Дона и Днепра их власть формально сохраняется до 1774 г. Эти земли они потеряли по мировому договору с Россией в Кчук-Кайнарджи.

Будучи магометанами, Т. воспитывались в ненависти к каждому “неверному”, и поэтому их продвижение повсюду сопровождалось насилиями и резней инаковерующих. От турецкой армии и следующих за ней фанатичных толп в 1486 г. сильно пострадал Сев. Кавказ и казачье население. Ордынские казаки уходили от ханов, как только те признавали власть или покровительство турецкого султана, они присоединялись к вольным казачьим общинам и всеми силами вредили Туркам. Так разорвали служилые отношения с татарскими владельцами Перекопские и Белгородские Казаки. Они ушли от хана Мегли Гирея сразу после того, как он примирился с властью султана. Это и были первые Запорожцы. Началась долгая эпоха их кровавой борьбы с Турками. Много бед нанесли магометанам и Донцы. Все это было результатом ненависти, возникшей после первой встречи с фанатичными мусульманами в стране Черкасии. И, несмотря на это, султан принимал в свои границы всех Казаков, которые по политическим или религиозным причинам должны были покинуть родную землю. Казаки пользовались этим неоднократно, жили в Задунайской Сечи и Добрудже, и на озере Майнос».

К сожалению, материалы о турецких разбойных нападениях на земли донских казаков, и в частности, на хоперских, — в моем распоряжении отсутствуют. Единственное, чем я располагаю, это сведения профессора А. Н. Скрипова.

В своей книге «На просторах Дикого поля» (издательство Ростовского университета, 1973 г., 42 страница) он пишет:

«В XV—XVII веках русское государство подвергалось постоянным нападениям со стороны многочисленных врагов. Самыми непримиримыми и опасными из них были крымские татары и турки. Они систематически совершали набеги на окраины русских земель, грабили и уводили в плен население этих районов. Особенно часто разбойничьи орды кочевников появлялись на просторах донских степей. Но здесь они встречали всегда сокрушительный отпор со стороны казачьей вольницы». И далее, на 62 странице автор пишет:

«8 сентября 1684 г. турки проникли на Хопер и разорили три казачьих города. Женщин и детей увели в плен. В погоню за турками были посланы два казачьих отряда, которые настигли неприятеля между реками Торсью и Еланью. Произошел бой. Убитых и раненых турок оказалось 260 человек, в плен попало 48. У казаков раненых и убитых было 9 человек».

В настоящее время на территории Кумылженского и Алексеевского районов всякая память о разбойных нападениях турок, легенды, слова, пословицы, географические названия, связанные с ними, а также намеки на клады (если они были) начисто выветрились из памяти народа. Единственное, где я нашел упоминание о них, — это три старинных казачьих песни, записанные мною на территории Захоперья. Ниже я привожу их дословно.

«30» № 64. (Нумерация здесь и далее приведена с оригинала моей рукописи «Стариныне казачьи песни Захоперья»).

Под местечком было Журжею.
Ярославской было земле,
Там стояла Шат-высокая гора,
Еще дюжая гора.
Как под этой горою

Долинушка широкая,
 Как на этой на долинке
 Березочка стояла,
 Как под этой под березкой
 Могилушка глубокая.
 Как во этой во могилке
 Там сосновый гроб стоял,
 Как во этом во гробке
 Тело белое лежало,
 Тело белое, нетленное,
 Дундукова казака.
 Он не убит, не зарезан,
 А свинцовой пулей скрозь прострелен.
 Его верная берданка
 При боку лежит,
 Его добрый конь
 В головах стоит:
 «Вставай, вставай, мой хозяин,
 Из турецкой земли
 Все наши товарищи
 На Дон тихий поушли,
 Отцу-матери родным
 Печаль-горе понесли».

Песня записана от Сиволобова М. И., 1904 г. р., х. Ольховка, 14.3.78 г.
 (Постскриптум: турецкая крепость Журжа на Дунае взята русскими войсками
 4 февраля 1770 г. под командованием генерал-поручика Штофельна).

⟨31⟩ № 69

Просветил месяц
 Долго с вечера до полуночи,
 С полуночи до белой зари,
 Со белой зари до красна солнышка.
 Не дает мне, младу,
 Коня оседлать
 И из плена убежать,
 Из ТУРЕТЧИНЫ.

Песня записана от Чурекова Алекс. Тим., 1904 г. р., Алексеевский р-н, х. Ску-
 лябный, 15.6.81 г.

⟨32⟩ № 86

Погиб, погиб аул Кавказа,
 Погибли два брата родных.
 Мой лук тугой,
 Мой конь — орел крылатый.
 Один, один, остался я,
 Один остался я на древе,
 Как будто серый воробей.
 Там хищный сокол летал над полями,
 Как будто стая сизых голубей.
 Не раз, не два в боях случалось

Стрелял в меня донец,
 Колол копьем —
 Древко его ломалось.
 Не раз пушал он свой злой свинец:
 «Скажи, султан, где панцирь делся?
 Его ведь снял с меня донец,
 А панцирь был на нем он заговоренный,
 Да ничей булат его не брал.
 Насечка его была золотая,
 А булат блестел как в море волна».

Песня записана от Патрина И. Т., 1907 г. р., х. Попов, 26.3.78 г., Ульянова А. А., 1908 г. р., Петровой А. И., 1899 г. р., х. Филяты (Фед. ст.) 3.1.78. г. — все жители Кумылженского района.

Приведенные старинные казачьи песни, мне кажется, никакого отношения к разбойным турецким нападением на наши края не имеют, и своей родословной также обязаны временам Русско-турецких баталий, в которых всегда участвовали и казаки.

После некоторых раздумий я решил включить в эту главу и одно предание, которое поведал мне уроженец х. Блинкова, а ныне житель х. Попова — Ульянов Александр Иванович, 1936 г. р., 26 августа 2005 года:

«33» «Такое предание я слышал от своего дяди — Ульянова Антона Федоровича, примерно 1914 года рождения, когда он жил на восточной окраине х. Попова; умер года 4-5 назад у дочери Валентины, в г. Харькове. Дядя рассказывал это предание про своего прапрадеда, который слышал его от своего прапрадеда — так что, это было давно, лет 200-300 назад, когда казаки несли дозоры, заслоны на южных границах Донской области. Ко всему прочему казаки тогда занимались разбоем: лошадей, скот угоняли один у одного (кавказцы — у нас, мы — у кавказцев), жен воровали. Того первого прапрадеда звали вроде бы Федор Ульянов, родом он был с нынешней Ольховки, жил примерно на поместье Черкесова Ивана Тихоновича.

Так вот, когда этот прапрадед ехал с нарядом казаков по границе, то за границей (в районе Кавказа) шла в ауле турчанка с кувшином на голове. Федор-черкес схватил ее, посадил с собой на коня и привез в свою Ольховку. Турчанка была очень красивая, но русский язык не знала. Всем хутором ходили ее учить русскому языку и разговаривать — она быстро схватывала. Федор взял ее в жены, у них пошли дети, в хуторе он с ней и умер. С тех времен от того брака и пошел весь род Ульяновых. Их много потом по хуторам Кузнецы, Попов, Ольховка жило — все трудолюбивые, поэтому и зажиточно жили».

Глава 10

На горизонте появляются калмыки

В моем повествовании нельзя не рассказать и еще об одной народности позднего Средневековья — калмыках. Что это был за народ, откуда он взялся на территории Всевеликого войска Донского?

Об этом заглянем во 2-й том «Казачьего словаря-справочника» (Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968 г., стр. 50—51):

«Калмыки — народ монгольского племени, буддисты; до недавнего времени кочевые скотоводы; из них несколько десятков тысяч проживало в станицах Сальского округа; занимались хлебопашеством и скотоводством, выращивая ценные породы степной лошади и красного калмыцкого скота. Калмыки пришли из Азии и распространились по свободным северокаспийским равнинам в 1632 г. Через полвека они находились уже в подданстве Русского Царя. Во время Булавина калмыки были противниками восставших казаков и помогли “усмирению” мятежного Дона. От 1884 г. Донские и Астраханские калмыки уравнины с казаками в правах и обязанностях и подчинены Войсковым правлениям. Они служили в полках совместно с казаками. В годы борьбы за Казачий Присуд многие из них пополнили партизанские отряды походного атамана П. Х. Попова и потом вместе с казаками бились против красных, посылая своих всадников в полки Дзюнгарский и 3-й Калмыцкий. В 1920 г., отступая всем народом к Черному морю, они много пострадали от зверств победителей-большевиков. Часть из них оказалась в эмиграции, где они создали очаги калмыцкой культуры и построили на окраине г. Белграда первый в Европе буддийский храм.

Во время Второй мировой войны калмыки снова выступали отдельным корпусом против советской власти. После поражения Германии их выдали вместе с казаками Сталину: оставшиеся на родине подверглись новым репрессиям, а уцелевшие от выдачи в своем большинстве приняты в США, где живут обособленной религиозной и культурной жизнью».

Из 1 тома того же «Казачьего словаря-справочника» можно добавить следующие фрагменты:

«В 1729 г. 18 июля донские калмыки переданы в ведение донского атамана и Войскового правления (стр. 2041)».

«В 1799 г. Большая Дербетовская Калмыцкая Орда подчинена Донскому атаману (стр. 206)».

Считаю уместным привести также выдержки из книги профессора А. Н. Скрипова «На просторах Дикого поля» (издательство Ростовского университета, 1973 г.):

«Калмыки были кочевниками. История калмыцкого народа начинается в начале XVI века из западной части Монголии. Они перешли в Сибирь, где летом 1608 г. входят добровольно в состав Русского государства. Весной 1633 г. начинают овладевать степями Поволжья и после упорной многолетней борьбы вытеснили оттуда и с левобережья Волги ногайских татар.

Правительство России видело, что калмыки являются большой силой, способной охранять рубежи Русского государства.

В 1661 г. в Черкасск прибыл от главного калмыцкого предводителя Дайчинтайши посол Батарша Янгильдеев. Между казаками и калмыками был заключен договор о том, что калмыцкий народ готов своими войсками помогать донским казакам в борьбе с общим неприятелем.

В середине 60-х годов XVII века калмыки получают право кочевать по левому берегу Волги. Новый хан Дайчин, сын Хо-Урлюка (что пришел с территории Монголии) принимает русское подданство и заверяет царское правительство служить верой и правдой России.

И в последующие времена во всех войнах, в которых участвовала Россия (с татарами и шведами), везде участвовали калмыки».

Однако ни «Казачий словарь-справочник», ни Скрипов нигде не обмолвились, что первоначально калмыки были отнюдь не мирным народом. Об этом, в частности, волгоградский историк С. И. Рябов в своей книге «История родного края» (Нижне-Волжское книжное издательство, 1989 г.) пишет так:

«...В середине XVII века перекочевали на правый берег Волги и на Дон калмыки, а в 1669-70 гг. появились первые поселения их и в бассейне Дона. В 1690 г. прикочевал к верховым казачьим городкам Батыр-Черкес со своим улусом, а несколько раньше — Сенд-Мурза со своими улусными людьми...»

Калмыки были отнюдь не мирными соседями. «...Небольшие отряды татар (азовцев, крымцев) да и калмыков, — читаем далее, — постоянно нападали на казачьи поселения, жгли строения, посеы (хлебопашество только начало входить. — А. В.), убивали и угоняли людей и скот...»

В частности, калмыками «...зимой 1673—1674 гг. были подвергнуты нападению десятки казачьих городов. Так, у Сиротина Городка (что на Медведице. — А. В.) они отогнали 200 коней и 300 коров, у Казаков Григорьевского Городка (что на Хопре. — А. В.) — 210 коней и коров, у казаков Усть-Хопра — 315 коней и 1000 коров, в 1691 г. калмыки совершили набеги на верховые казачьи городки, разорили многие из них и взяли в плен “многое число казаков” и отогнали всякого скоту тысяч с 20 и больше...»

В то же время выходцы из калмыков оседали и в городках, и хуторах. «...И, несмотря на многочисленные указы и требования калмыцких феодалов не принимать у себя калмыцких выходцев, — пишет далее Рябов, — казаки не выдали ни одного беглого. В середине 90-х годов XVII века калмыков, состоящих и несших казачью службу, насчитывалось около 600 человек...»

Приведенные выдержки из книги являются документированными, и оспаривать их не приходится. Но те же источники умалчивают, а были ли калмыки в нашем — При- и Захоперском краях. И если были, то какую память — мирную или разбойничью — о себе оставили в народе?

Сразу скажем, что калмыки — так же как турки и черкесы (о последних — следующая глава) — в нашем крае ныне не живут. Отсутствуют песни, пословицы, легенды окладах, более того, никто из старожилов — с кем мне приходилось беседовать на эту тему — почти ничего о калмыках не знают, отсюда даже затрудняются сказать, кто же они были в прошлом — разбойным, оседлым или кочевым народом?

Только со временем, проанализировав собранный мною печатный и изустный материал тех же старожилов, я все же пришел к выводу, что калмыки — кто бы они ни были — побывали в нашем крае. Иначе чем же можно объяснить найденные мною печатные источники, встречающиеся географические названия различных мест и некоторые намеки, явно тяготеющие к калмыцкому происхождению.

Начнем с литературных источников. Первое. О том, что в Хоперском округе, и в частности, в Алексеевском районе калмыки кочевали даже в первой половине XIX века говорится в статье Н. Бичехвоста «Ст-ца Алексеевская» (см. газету «Казачий круг», № 12, 23 марта 1995 г.):

«...Бравый хорунжий ст. Алексеевской Андреев после 1815 г. облюбовал местечко на Черной речке и на свой страх и риск заложил там хутор. Вокруг расстилалась дикая, нетронутая человеком степь да кочевали калмыки. Они и подарили ему на новоселье отару в 30 овец...»

Второе — это отрывок вышеприведенной статьи Н. В. Мыльцева «Как возник Кумылженский городок». В статье, напомним, есть такие строки:

«...Первое местоположение Кумылженского городка было очень удобным во многих житейских делах: дремучий лес укрывал их от разбойничьих шаек татар, калмыков и другой вольницы...»

Перейдем к географическим названиям. В Захоперье сохранилось немало топонимов (т. е. названий мест) с упоминанием о калмыках или явно калмыцкого происхождения. Так, возле хутора Остроухова (Кумылженского района), на правом

берегу Хопра был хутор Дундуков, кстати о названии хутора Дундукова мне известно две легенды.

Первая. В одной районной газете (не помню автора и за какое число) я вычитал, что название хутора будто бы произошло от какого-то калмыцкого хана по фамилии Дундуков.

Вторую легенду мне рассказал уроженец х. Филина (Кум. р-на), а потом и житель г. Михайловки — Чекменев Е. И., 1908 г. р.:

«34» «В 30-х годах, после армии, я работал в ст. Букановской весовщиком и парторгом, а потом продавцом в Слашевском кагизе. Вот тогда-то от местных старожилов я узнал, что ниже х. Шилинского (вспомним, ссылаясь на А. Ильину и П. Шишкина, «там был разбойный стан») был х. Дундуков (обоих хуторов ныне нет). В последнем всегда была переправа в разлив. Наспротив так наз. Дундуковской ямы на Хопре, с правобережья вздымаются вверх три огромных Дундуковских бугра, похожих на верблюжьи горбы. С этими названиями бугров связано такое предание. Когда Петр I во время азовских походов спускался по Хопру к Дону, напротив этих бугров раскинули лагерь. Леса, говорят, тут, в хоперской пойме, были страшные, дремучие, непроходимые, но ниже бугров уже было Остроуховское поселение. Во время ночевки у Петра I кто-то из жителей поселения украл мольку (трубку). Обнаружив пропажу, царь сказал страже: «Не будем отсюда отплывать, будем тут «дундукать» до тех пор, пока не сыщется моя молька. Если не найдется моя молька, охранщики будут казнены на колу». Но неизвестный вор подслушал или кто сказал ему, из-за жалости, чтобы не было казни, подкинул мольку. С тех пор появившийся хутор стали называть Дундуков, яму на Хопре и бугры спроть нее — Дундуковскими, ниже лежащее поселение-городок, возле которого было совершено воровство, и царь велел держать «ухо остро», — Остроуховский».

Кто всему сказанному добавлю, ныне вряд ли кто помнит, что словом «дундук» казаки в прошлом презрительно называли калмыков. Да и хутора Дундукова уже нет, Дундуковская яма сохранилась только в памяти последних старожилов, а Дундуковские горы сплошь и рядом ныне называют Кошав-горой.

Далее. В низовьях Едовли, в займище, возле тешенного озера находится музга «Калмычка». По словам того же Чекменева Е. И., «35» «название свое она будто бы получила оттого, что возле нее когда-то стояли или разбойничали калмыки».

Еще. Если старой хуторской дорогой ехать с х. Филинского на ст. Усть-Бузулукскую, то на горе, не доезжая Заичкина оврага, высится Солонцовский курган, а напротив (через дорогу-шлях) еще один, так называемый Калмыцкий курган. По словам Чекменева Е. И., «название оттого, что на этом кургане когда-то стояли калмыки».

Про эту же местность несколько иначе говорит житель х. Сомовский Филинского с/совета — Дегтярев Константин Федотович, 1921 г. р.: «36» «На левобережье Второго (Лутковского) лога, что с левой стороны впадает в Едовлю, есть балка Кузнечикова. Овраг в ней сложен из мелового известняка. Растительность дрянная, но есть родник. Возле балки — Солонцовский курган. По преданию здесь жили калмыки — мастера кузнечного дела — отсюда и название балки — Кузнечикова».

Стоит отметить, что по сведениям скулябинского старожила Рвачева В. В., 1930 г. р., «37» с правой стороны Второго (Лутковского) лога одна из ближайших к хут. Скулябному балок (выше Кривеньского байрака и Тоненькой балки) называется Калмыцкая балка.

И наконец, последнее. В западном конце х. Ольховки, над левой стороной Едовли возвышается т. н. Калмыцкий бугор. На нем есть Калмыцкий курган (ко-

торый, ссылаясь на Круглякова М. Н., копал в 20-х годах Сиволобов Г. С.). Почему бугор и курган так зовутся — никто не знает.

А что я имею в виду, сказав про сохранившиеся намеки, связанные с калмыками? Прежде всего, это сведения уроженца х. Луткова, а ныне жителя х. Блинковского (оба в прошлом Фед. ст., ныне Кум. р-на) — Луткова Ефима Ивановича, 1909 г. р.: «38» «Жившие у нас в х. Лутковском Храповы по родословной были калмыками».

Другой старожил — Апраксин Иван Викторович, 1896 г. р., о возникновении своей (кстати и моей) фамилии вспоминает такую притчу, предание, слышанное им от старых людей: «39» «Будто бы давным-давно, — говорил он, — жила женщина-калмычка по имени Апраксея. У ней были дети, и если кто спрашивал, чьи они — отвечали: “Апраксеины”. Со временем фамилия эта немного видоизменилась и стала нынешней — Апраксин».

Кстати сказать, непосредственно в наших краях встречается фамилия Калмыков, но вот кто в действительности были их прапредками — носители этой фамилии и сами не знают.

Неизвестно также, каким путем проникли, остались и ныне бьются в народе калмыцкий суп — шулюм, калмыцкий узел; красной масти скот называется не иначе как калмыцкий.

Так что вопрос, кто были калмыками на территории нашего края в прошлом, остается открытым, так сказать, на совести предков калмыцкого народа, если и разбойничали, то мертвые, как говорится, хотя сраму и не имут, но в анналах истории останутся навечно.

Все вышеприведенные сведения, я уверен, сохранились в народе и в соседних с Кумылженским и Алексеевским районами местах, только вряд ли кто целенаправленно занимался ими. Собрать бы их, пока не поздно, — посильная и благородная задача всех, кому небезразлична история, кто хочет приоткрыть завесу над прошлым родного края.

Глава 11

Быны Кавказа — черкесы

Слегенд, записанных мною во время сбора материала по древним и средневековым народам, оставивших свои следы на территории бывшего Хоперского округа и, в частности, Кумылженского и Алексеевского р-нов, я столкнулся с пребыванием на нашей казачьей земле одного из кавказских народов — черкесов. (Не следует путать со словом «черкасы», которым донские казаки называли украинских — запорожских — казаков и с которыми дружили.)

«Позвольте, — скажет иной осведомленный читатель, — быть того не может: черкесы и Захоперский край? Какая связь? Какая историческая линия? Не фантазирует ли автор?»

Действительно, я долгое время задавал себе подобные вопросы, терялся в их разгадках и, словно витязь на распутье, не знал чему — правде или народной фантазии — отнести их. Книг на тему «черкесы и Захоперский край» я не видел (по крайней мере, мне они неизвестны). Эпиграфического материала (так же как и памятников), т. е. соответствующих надписей, сделанных на камне, дереве, металле и других твердых предметах, — я не встречал. Так что же — предать эту тему огласке или поставить крест и забыть? Я уже хотел принять последнее решение,

но какой-то внутренний голос твердил: если я так сделаю, выберу этот вариант, то я вступлю в противоречие со своей совестью и она не даст мне покоя. С годами, когда факты множились, гипотезы и предположения подтверждались историческими материалами, тот внутренний голос пересилил и в конце концов я принял твердое решение: нет, вымысла в словосочетании «черкесы и Захоперский край» я не допускаю. В моем распоряжении — подчеркну — такой распространенный вид народной информации, как изустный фольклор. Из старины до наших дней казачья (да и не казачья) память донесла несколько легенд, в которых говорится, что в нашем крае, и в частности, в Захоперском крае, черкесы все же побывали. И что любопытно: пребывание их здесь связано со спрятанными кладками, сокровищами, само слово «черкес» в народной памяти ассоциируется с синонимом «разбойник», «черт». Кстати, этнографическое название «черкесы» по-тюркски обозначает «головорезы».

Глава 12

Легенда о черкесах

В настоящее время мне известно четыре легенды, где упоминаются черкесы. Ареал распространения их — в основном Едовля и ее окрестности.

Первая легенда записана мною в х. Филинском (в прошлом — Фед. ст. — до нее 6—7 км, ныне Кум. р-на) от уроженца и жителя этого хутора — Чикова Виктора, 1947 г. р.

«40» «Летом 1962 г. филинский старик Чекменев у себя на огороде нашел бронзовый пенал... В этом пенале лежал бумажный лист... На одной стороне листа на старославянском языке был написан текст. Вкратце смысл его таков: “Выше садов, сбочь Ковалева прогона должен быть курган, обложенный камнем и толстым сломом дуба. При отступлении черкесы зарыли в нем посуду, бочки с вином, оружие, обмундирование. Вход находится с той стороны, откуда встает солнце, выход — с противоположной стороны...”».

Раскопки названного кургана см. во второй части, во второй главе «По следам черкесской легенды».

Вторую легенду мне рассказал уроженец и житель х. Луткова, потом житель х. Блинкова (в прошлом оба хутора Фед. ст., а ныне Кумылженский район) Блинков Терентий Устинович, 1897 г. р., по профессии учитель. Место действия этой легенды — вышеупомянутый Лохматый курган (бугор), или Городище.

«41» «В XIX веке с хутора Лутковского служил в Грузии казак Ларивон Николаевич Швецов. Ему там встретился спокойный адатом черкес, которому было уже более ста лет. Узнав, что перед ним казак с Области войска Донского, черкес спросил: “Если ты знаешь реку Хопер, то должен знать приток Едовлю, овраг Глухов?” Швецов ответил, что знает. Тогда черкес поведал следующее: “В этом овраге есть огромная яма (ныне она известна как Петрова яма — А. В.), а возле нее — высокий бугор — у нас он звался Черкесское урочище. На нем некогда жили черкесы — джигиты в том числе и я” (замечу, что слово “джигиты” тоже кавказское, означавшее ловкого, искусного в джигитовке наездника. — А. В.). Швецов сразу догадался, что он говорит про Петрову яму и Лохматый курган или, как зовут его старожилы, Городище (интересно, что на одной из военных карт я прочел: «Урочище Лохматый курган». — А. В.). “Так вот, — продолжал черкес, — с полуночной (т. е. с северной) стороны на этом бугре рос огромный дуб в три обхвата. От этого дуба, на растяжку человека

с руками, должна сохраниться впадина — это забитый нами подземный ход. В нем мы спрятали золотые слитки, завернутые в лошадиную шкуру, и золотого коня в натуральную величину — у нас он считался божеством и почитался. При Петре I нас потеснили из тех мест, вот почему нам пришлось все это спрятать. Надеялись вернуться во второй раз, но это нам не удалось, и все наши ценности так и остались в том бугре”.

Вернувшись домой, Ларион Швецов рассказал обо всем мне. Я хорошо знал Лохматый курган, так как возле него была наша наделенная земля. И однажды я осмотрел бугор. Никакого крупного дуба уже не было: толстый лес давно был сведен местными жителями. Все же после тщательных поисков с северной стороны, среди зарослей дубового молодняка, я обнаружил какую-то впадину, которая при ударе в нее дрючком издавала звук похожий на пустоту. Раскапывать в одиночку я не рискнул, собраться же многим ребятам не было никакой возможности: отвлекали хозяйственные дела; к тому же этот бугор был далеко от нашего хутора. И я не слышал, чтобы кто-нибудь что-либо находил в нем».

Третью легенду 16 июля 1982 г. поведал мне уроженец х. Подок, потом житель хх. Рябов, Скулябный, Попов — Пономарев Петр Егорович, 1906 г. р. Место действия этой легенды — верховья Едовли, х. Рябов:

«42» «От рябовской жительницы — Мурзиной бабки — я слышал такую бль-небыль, она же, в свою очередь слышала ее от своего деда, который служил в Польше. Он рассказывал, что в х. Рябовом (в прошлом Зот. ст., ныне Алекс. р-н), в сторону бывшего х. Малинова есть байрак Чечеры. В этом байраке (или окрестностях) росло два дуба. Возле них (или под ними) был вырыт погреб, по преданию, черкесами. В этом погребе был подвешен на цепях бочонок с награбленным золотом. В настоящее время этих дубов в байраке нет. Мурзина бабка умерла до колхозов лет 80-90, а ее правнук — Мурзин Илья, 1906 г. р., живет в х. Рябовском.

Четвертая легенда записана мною в х. Ольховке (в прошлом Фед. ст., ныне Поповский с/совет, Кум. р-н), от уроженца и жителя этого хутора — Апраксина Ивана Викторовича, 1896 г. р. Место действия ее тоже верховья Едовли, точнее окраин Федосеевского юрта и соседней Ростовской области. Х. Шумилинский, балка Гусынка.

«43» Смысл этой легенды таков. Федосеевский казак — Попов Иван Петрович — в первой половине XIX в. служил на Кавказе и там встретил черкеса, который поведал ему такую историю:

«В вашей местности есть балка Гусынка, проходящая через Шумилинский хутор. Там, где растет куст (или кусты) ивы, была кузница. В этой кузнице закопан клад. Если копать, сперва обнаружится наковальная и молоток, а под ними лежит бочонок с золотом...»

(О раскопках этого места смотри во второй части, в 7-й главе «Тайна балки Гусынка».)

Глава 13

Книжные источники о черкесских набегах

Черкесские клады, набеги, легенды. Я сначала было усомнился: а может, напрасно наши казацки старожилы связывают черкесов с разбойниками, так сказать, чернят их доброе имя. А ну, проверим, что пишут о них разные авторы в своих публикациях?

Василий Никитович Татишев «История Российская с древнейших времён...»: «...в XIV столетии, когда в Российские места из Кабарды Черкесы пришли и в княжестве Курском, под властью тогда татар, собравши множество сброда, слободы населили и воровством промышляли, для многих на них из того жалоб Татарских, Баскаком (губернатором) на Днепр переведены и город Черкас построили, и там пребывание свое иметь стали».

А. И. Скрипов «На просторах Дикого поля» (издательство Ростов. универ., 1973 г.) стр. 621: «Несмотря на мир, заключенный в 1680 г., азовские турки, поддерживаемые крымцами, ногайцами и черкесами, часто совершали набеги на пограничные русские области и донские городки».

Там же: «Через некоторое время (с августа 1694 г.) отряд донских казаков в главе с Козьмой Заворухиным напал на отряд ногайцев и черкесов, которых было около 300 человек. Ногайцы и черкесы бежали в степь».

А. П. Пронштейн «Земля Донская в XVIII веке» (Ростов. университет, 1961 г.): «В 1713 г. турки, ногайцы, астраханские калмыки и черкесы совершили объединенные набеги на русские земли».

Донской писатель Владимир Моложавенко «Тайны донских курганов» (Ростов-на-Дону кн. издательство, 1967 г., стр. 57):

«В середине XVIII столетия, во времена строительства Ростова-на-Дону, «тревожили строителей набеги крымских татар и черкесов».

П. Краснов «Иллюстрированная история казачества», стр. 208. (Репринтное издание, Волгоград, «ВЕДО», 1994 г.):

«Казачьи полки остались на Кубанской линии... Казачьи полки в 1777 г. приходили и уходили, сменяясь чуть ли не ежегодно. И каждому полку приходилось сразиться хотя раз с черкесами и татарами, которые не оставляли в покое нашей линии. Особенно усилили они свои нападения в 1777 г. Тогда линию охраняли 2 казачьих полка: Кульбакова и Вуколова, 6 июня 1777 г., ночью... 500 черкесов напали на сонный бивак Кульбакова, но с потерями с обеих сторон были отброшены. Такое же нападение было в октябре месяце.

Иногда татары собирались большими толпами и, прорвав линию застав, устремлялись на Дон. Так, в 1782 г. ногайцы громадною толпою бросились за Кубань и вошли в Задонскую степь...»

Тот же автор, в той же книге (только стр. 302), описывая времена войны с французами в 1812 г., восклицает: «О! Казаки знали, как делать набеги. Их учили этому черкесы и татары, и набег казачий был быстр и внезапен».

Историк Михаил Страхов, казак. Статья «Русских страшат по ибрагам-бейльски» (Казачий круг, № 39, 22.10.94 г.): «...Набеги горцев приносили ущерб и обезлюдивание...»

И, наконец, последнее сообщение появилось в районной газете «Победа» в статье Г. И. Маноцкова «Живем ли мы по заповедям предков своих» буквально на день завершения рукописи — 1 октября 1996 г. Ниже приводимый отрывок из статьи относится непосредственно к бывшему Хоперскому округу, а точнее к соседнему с Алексеевским районом — Анненскому району:

«...В 1866 году Харитон Иванович Попов записал рассказ казака Анненской станицы Павла Федоровича Данилина, которому в то время было 80 лет. Его прадед Григорий Савельевич Данилин, умерший 57 лет тому назад (до 1866 г.) и имевший от роду 85 лет, более помнил набеги черкесов. Выше станицы, версты за три, на курганах Зубревым и Шевыревым был маяк-шест, обитый соломой, ко-

торый зажигался во время тревоги. В то же время близ городка сламывался мост и запирались задвижками окна в избах. Эти события происходили около 140 лет назад, и люди о них помнили...»

Глава 14

Исторические сведения о черкесах

Аинтересно, что пишут о черкесах и черкесских набегах, а заодно их быте, вере и обычаях словари?

Листаем Большую советскую энциклопедию (Москва, издательство «Советская литература», 1978 г.).

«Черкесы — общее наименование адыгов, появившееся в письменных источниках в XIII веке и употреблявшееся в русской литературе вплоть до первых лет Советской власти.

Черкесами в СССР (39,8 тысяч человек, 1970 г. переписи) называется адыгское население Карачаево-Черкесской АО. Черкесы говорят на кабардино-черкесском языке, относящемся к абхазо-адыгской группе кавказских языков. В зарубежной литературе этноним *черкесы* до сих пор употребляется для обозначения всех адыгов».

Как видим, ни о каких набегах — ни слова. И совсем обратное нахожу в других словарях.

Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Энциклопедический словарь. Том 33а, СПб., 1903 г., стр. 580—582:

«Черкесы.

Черкесы жили на Кавказе почти с древнейших времен: первые исторические сведения о них восходят к началу VI века до Р. Хр. Название Ч-сов дано им окружающими их народами, сами же себя они всегда называли адиге. Клапрот выводит название ч-сов из тюркских слов: чер (дорога) и кесмек (отрезывать), так что ч-с — синоним разбойника.

...От XVI в. дошло до нас первое детальное описание быта ч-сов, сделанное генуэзцем Интериано. Он рисует конгломерат независимых племен, организованных на феодальных началах, общество, состоявшее из благородных, вассалов, крепостных и рабов. Последние служили предметом торговли даже с Каиром. Свободные знали только охоту и войну, предпринимали отделенные походы, даже на Херсонес, непрерывно воевали даже с соседними тюркскими племенами, а в промежутках резали друг друга или делали набеги на крестьян, укрывавшихся от них в горах и образовавших союзы для защиты. Их храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство так же славились, как красота и грация их мужчин и женщин. Но быт их был полон грубости и жестокости. Они считались христианами, но приносили жертвы языческим богам, их похоронные обряды часто были языческие; они придерживались многоженства; жизнь их до такой степени была полна кровопролития, что до 60-ти летнего возраста благородные не смели входить в церковь. Письменности они не знали. Единственной их монетой служили куски материи, хотя драгоценные металлы они ценили, употребляя во время пиршества огромные чаши из золота и серебра. В образе жизни (жилища, пища) они были просты: роскошь проявлялась только в оружии и отчасти в одежде...

...Костюм ч-сов состоит из бешмета или архалука, черкески, пуговиц, чувяк, бурки и папахи, обшитой галуном, с башлыком, напоминающим фригийскую

шапку. Оружие — шашка (название от черкесов, перешедшее к нам), ружье, кинжал и пистолеты. На черкесках по обеим сторонам кожаные гнезда для ружейных патронов, на поясе — жиринцы, отвертка и сумочка с принадлежностями для чистки оружия...

...Усадьба ч-сов обыкновенно расположена совершенно уединенно, состоит из сакли, построенной из турулка и крытой соломой, амбара на столбах и хлева, обнесенного плотным тыном, за которым тянутся огороды, засеянные преимущественно кукурузой и просом... Сакля состоит из нескольких комнат, с окнами без стекол. Вместо печи в земляном полу углубление для огня, с плетеной, обмазанной глиной трубой. Обстановка самая незатейливая: полки по стенам, несколько столиков, кровать, застланная войлоком. Каменные постройки редкие и только в вершинах гор: воинственный черкес считал постыдным искать защиты за каменными оградами. В пище черкес очень нетребователен. Обыкновенная его еда: пшеничная похлебка, баранина, молоко, сыр, кукуруза, просяная каша (паста), буза или брага, свинины и вина не употребляют.

...Их религиозные обряды и воззрения — смесь язычества, христианства и магометанства... Л. Ш.»

Казачий словарь-справочник (Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1970 г., том 3, стр. 274—278):

«Черкесы.

По распространенным русским понятиям, разноплеменные, но родственные по языку и по быту западногорские народности Кавказа; из них так называет себя только одна небольшая племенная группа, остальные же пользуются своими особенными именами: Кабардинцы, Адыге, Абадзехи, Шапсуги, Натуйкайцы и другие.

Их древность связана с историей Скифии и царства Боспорского. Сами они с глубокой древности хранят предание о своем переселении из Шама (Сирия).

...Первым проповедником христианства у черкесов был апостол Симон Зилот, который погиб смертью мученика на Северном Кавказе.

...Распространение среди них христианства относится ко временам византийского императора Юстиниана (527—585 гг.). Когда же на берегах Черного моря появились победители Турки (конец XV в.), преследовавшие христиан, черкесы подверглись постепенной исламизации. Но и приняв магометанство, они еще долго праздновали Пасху, Троицу, дни Ивана Купалы и Ильи Пророка.

Живший среди них в XV в. генуэзец Георгий Интериано, писал в своих воспоминаниях:

Они исповедывают христианство и имеют священников греческого обряда.

...Знатные не входят в церковь, пока им не исполнится 60 лет. Каждый из них, как и все другие, живет и промышляет добычей, а потому они считают, что своим присутствием они осквернили бы храм. Поэтому они остаются у входа, обязательно верхом на лошади. Перестав же участвовать в набегах, приблизительно после достижения этого возраста, они начинают ходить в церковь и присутствуют при богослужениях.

Среди них различаются по положению благородные, их вассалы, слуги и рабы. Благородные большую часть времени проводят в седле.

Эти владетельные господа имеют много вассалов, не уважают друг друга и не признают над собой никакой власти, кроме власти Бога.

Интериано описывает их нравы и обычаи.

Благородные знали только охоту и войну. Вместе со своими вассалами — узденями — они предпринимали далекие походы на соседей, даже в глубину Крыма,

беспреданно воевали с Татарами, а между делом нападали на поселения свободных людей, укрывавшихся от них в Таманских плавнях или в горах...

Черкесы славились повсюду храбростью, величайшим великодушием, гостеприимством, красотой и грацией, как мужчины, так и женщины. Но вместе со всем этим их быт в то время был еще полон жестоких обычаев. Они вели простой образ жизни, а роскошь признавали только в оружии, ценных конях и конском снаряжении.

В XVII в. половина черкесов исповедовала уже магометанство, и в их жизнь благодаря этому начали проникать влияния турецкого языка и быта.

Больше полувека черкесы вели борьбу с Россией за полную независимость своего края. В 1861 г. они были принуждены склониться перед силой русского оружия, но большая часть из них отказалась покориться новой власти. Началось усиленное выселение их в Турцию.

После окончательного торжества ленинцев черкесы оказались под властью Советов. На их землях были образованы Кабардинская автономная ССР, Адыгейская и Карачаево-Черкесская автономные области, а также Шапсугский национальный район. Всем этим племенам пришлось перенести много страданий под диктаторской властью коммунистов наравне с другими группами нацменов. Во время Второй мировой войны многие черкесы оказались в рядах противников СССР, и после ее окончания на них обрушилась месть победителей».

Глава 15

«Злой чечен...»

Черкесы черкесами, однако мой рассказ будет неполным, если я умолчу еще об одних сынах кавказского народа — чеченцах. Помните замечательные и в то же время жутковатые строки М. Ю. Лермонтова из его «Колыбельной»:

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал.
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал...

Так что же это за народ чеченцы? Соответствуют ли слова великого русского поэта правде? Узнать о чеченцах, их прошлой жизни, вере и обычаях нам опять помогут словари, выдержки из которых я считаю уместным привести на страницах своей рукописи.

Большая Советская Энциклопедия (Москва, издательство «Советская литература», 1978 г.).

«Чеченцы (самоназвание нахчи) — народ живущий на Северном Кавказе, преимущественно в восточных районах Чечено-Ингушской АССР (около 48% населения республики) и в Хасавюртовском р-не Дагестанской АССР. Общая численность в СССР 613 тысяч человек (1970 г. перепись). Говорят на чеченском языке. Верующие — мусульмане-сунниты. Чеченцы, как и родственные им ингуши, относятся к коренному населению Северного Кавказа. Упоминаются в армянских источниках VII в. под именем Нахчаматъян. Первоначально жили в горах, разделяясь на отдельные территориальные группы. В XV—XVI вв. они начали переселяться на равнины, в долину Терека и его притоков Сунжи, Аргула. До Октябрьской революции 1917 г. по месту жительства чеченцы делились на две части: Большую и Малую Чечню. В равнинных районах основное занятие — земледелие, горных — ското-

водство, развиты домашние промыслы — производство бурок, выделка кожаных изделий, гончарство и другое».

Как видим — как и про черкесов — ни слова не сказано о чеченских набегах. Может об этом что сообщит все тот же «Казачий словарь-справочник»? И так — Казачий словарь-справочник (Сан-Ансельмо, Калифорния, США, Т. 3. стр. 293).

«Чеченцы — русское название кавказской народности, населявшей от скифских времен область, лежащую между Терекком, Кумыкской плоскостью и Андийским хребтом. Сами себя они называют именем “Нахчий”. Во время борьбы за независимость Кавказа свободолюбивые и воинственные чеченцы вместе с соседними ингушами были наиболее преданными сторонниками имама Шамиля; после покорения выселены к горам, а их равнинные земли заняты под казачьи и русские поселения. Когда совершилась русская революция 1917 г., чеченцы участвовали в создании «Союза горцев Северного Кавказа», через год ликвидированного войсками Деникина. В СССР на их земле была образована Чечено-Ингушская автономная ССР, ставшая очагом постоянного противодействия советской власти. Во время Второй мировой войны за открытые восстания все Чеченцы и Ингуши объявлены изменниками и “врагами социалистической родины”. В конце февраля 1944 г. они все без исключения выселены в Среднюю Азию. После смерти Сталина реабилитированы; в 1957 г. их остаткам разрешено возвратиться в прежнюю область на Кавказе, где была номинально возрождена Чечено-Ингушская АССР».

И опять — ни слова о набегах. А ну-ка заглянем в словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Энциклопедический словарь, том 38а, СПб., 1903 г., стр. 785—786.

«Чеченцы — кавказская народность восточно-горской группы, занимавшая до войны территорию между реками Аксаем, Сунжей и Кавказским хребтом.

...Название “чеченец” ведет свое начало от названия аула Большой Чечен (на Аргуни), служившего некогда центральным пунктом для всех собраний, на которых обсуждались военные планы против России. Сами чеченцы себя называют *нахчой* (люди, народ). О древнейших судьбах чеченского племени не имеется никаких данных, кроме фантастических легенд о чужеземцах (арабах), основателях этого народа. Начиная с XVI в. чеченцы последовательно вели борьбу с ногайцами, калмыками, кабардинцами, кумуками и, наконец, с русскими (с начала XVII ст.). В наших исторических актах имя «чеченцы» встречается впервые в договоре калмыцкого хана Аюки с Астраханским губернатором Апраксиным (1708)...

...Чеченцы считаются людьми веселыми, остроумными (“французы Кавказа”), впечатлительными, но пользуются меньшими симпатиями, чем черкесы, вследствие их подозрительности, склонности к коварству и суровости, выработавшихся, вероятно, во время вековой борьбы. Неукротимость, храбрость, ловкость, выносливость, спокойствие в борьбе — черты Чеченцев, давно признанные всеми, даже их врагами. В обыкновенное время идеал Чеченцев — грабеж. Угнать скот, увести женщин и детей, хотя бы для этого пришлось ползти по земле десятки верст и при нападении рисковать своей жизнью, — любимое дело чеченца. Самый ужасный упрек, который может сделать девушка молодому человеку, это сказать ему: “Убирайся, ты даже не способен угнать барана!”

...Трогательно глубокая привязанность чеченцев к родине...

Одежда мужчин — обычная одежда горцев Кавказа: чекмень из желтого или серого сукна домашнего приготовления, бешметы или архалуки разных цветов, летом преимущественно белого, суконные ноговицы и чирики (род башмаков без

подошв). Нарядное платье обшивается позументом. Женский костюм ничем не отличается от живописного костюма татарок. Оружие — то же, что и у черкесов, на украшение его обращается особое внимание. В противоположность черкесам, живущим изолированно, чеченцы живут селениями — аулами. Дома — турлучные, внутри опрятные и светлые, у горных чеченцев дома каменные и менее опрятные. Окна без рам, но со ставнями от холода и ветра. Для отопления — каминь...»

Как видим, в этом словаре сведения о набегах чеченцев на соседние земли есть. Как ни странно, но сохранились они также и в памяти чеченского народа, и не считаться с ними мы не имеем права.

«Память чеченского народа» всегда с ними, где бы они не жили. А живут они ныне повсюду. По сведениям радио России, на 01.01.1997 г. за пределами Чечни живет 350 тыс. человек. Волгоградская область не исключение: 13 декабря 1994 г. Волгоградское радио сообщило, что на ее территории проживает 20 тысяч чеченцев. Лица чеченской национальности живут, разумеется, и по колхозам-совхозам Кумылженского и Алексеевского районов. Один из них — Муртаев Мухмад Каимович, 1958 г. р., долгое время со своей большой семьей живет в х. Поповом Кумылженского района. 29 ноября 1994 г. я с ним разговаривал и попросил рассказать, что это за народ — чеченцы и черкесы, про их веру, обычаи и самое главное — сохранилось ли что в их народе про давние набеги, и вот что Мухмад Каимович поведал мне:

«44» «Родом я с Чеченской Республики (где столица г. Грозный) Введенского района, село Махкеты (в самом районе Веденеев крепость, где в прошлом веке во время Русско-Кавказской войны пленили предводителя чеченского народа — Шамиля). Слышал, что древнее название чеченцев — войнахи. Знаю, что чеченцев и черкесов у вас звали “иноверцы”, знаю, что чеченцы, черкесы, дагестанцы — это хотя и кавказские, но разные народы, с разными языками; единственные, кто подходит по языку к чеченцам — это ингуши. Черкесы, не знаю кто, а чеченцы — мусульмане. Мусульмане, в отличие от других народов — немусульман, молятся (творят так называемый намаз), повернувшись лицом к священному городу всех мусульман — Мекке. Где бы мусульманин ни находился, он знает приблизительно в какой стороне Мекка и творит намаз. Кроме того, надо отметить, что у мусульман луны нет — есть только полумесяц, он основа основ жизни, в нем, а не в луне заключен символ веры. У всех мусульман мужского пола с трех лет — обязательный обряд обрезания всех детей, с семи лет обязательно приучали пять раз в сутки молиться. Слышал, что черкесы раньше шли служить в царскую армию в телохранители, ординарцы и очень преданно служили русскому царю. Чеченцы же не шли служить в царскую армию, избегали ее. Во время русско-кавказских войн прошлого века именно чеченцы так мужественно, с фанатической храбростью отстаивали свою родину, что генерал Ермолов вынужден был сказать так: “Сия нация воспитанию не подлежит, токмо уничтожению”. Единственное, общее у черкесов и чеченцев — они брили голову наголо, кроме усов и бороды — это была их национальная гордость.

Знаю также, что мои предки-чеченцы жили раньше в горах. По Тереку располагались казачьи станицы: Ассинская, Червленая, Гребенская, Петропавловская и др. Занимались чеченцы скотоводством (крупный рогатый скот), овцеводством, коневодством (свиней не держали будто бы за то, что они сожрали “отходы” обрезания). Занимались также земледелием: выращивали кукурузу, фасоль, виноград. Хлеб был кукурузный, из которого выпекали чуреки, лепешки.

По рассказам стариков моей родины, давным-давно чеченцы делали на Кавказе набеги. Подбирался отряд мужественных, удалых и храбрых молодцов-удальцов —

их звали абреками. (Характерно, что русские люди придают слову «абрек» значение «разбойник», «налетчик». — *А. В.*). Само собой разумеется, чтобы была добрая лошадь, желательно — иноходцы (действительно, где-то я прочел, что «иноходь» — это разновидность бега коня, встречающийся у кавказских горцев. — *А. В.*). Вооруженные винтовками и кинжалами (а до огнестрельного оружия — саблями и кинжалами) отряды абреков отправлялись в поход. Набеги совершали на соседние народы — окраины России, в том числе и на кавказские народы и в Грузию. Набеги были связаны с похищением красивых женщин, угоном хороших скакунов — женщин брали в жены, на лошадях ездили. Разбойничали и на дорогах — останавливали богатые обозы (часто и почтовые). Для этого на выгодных позициях делали засады. Главное в этом деле — осторожность: не зря горцы мудро считали, что осторожность — это составная часть мужества, которая даже украшает джигита. Но все равно, жертвы были и с той и с другой стороны. При погонях, преследования часто были вынуждены прятаться в тайники. Когда заходили в них, для безопасности одевались в лошадиные шкуры — змеи очень боятся, не переносят лошадиного запаха.

Были набеги и у черкесов, но не в таком массовом количестве, как у чечен. Старики говорят, что отряды чеченцев совместно с черкесами и другими кавказскими народами уходили за добычей даже за большую реку Волгу (они называли ее Идель) и в направлении на земли донских казаков.

Убитых в набегах чеченцев товарищи хоронили так же, как и дома, на родине — по мусульманскому обычаю. (Обряд похорон черкесов не знаю.) Покойника просто заворачивали в саван, в прямой могиле делали сбоку подкоп в длину роста человека. Кладли головой на восток, но чтобы головой глядел на звезду (забыл, как звать), а также приблизительно чтобы глядел в сторону направления погребения пророка Мухаммеда. Так же — мордой на звезду — резали скотину и птицу».

Легенд, повествующих о набегах чечен или их кладах на землях Кумылженского и Алексеевского районов я не слышал, но вот что настораживает. В прошлом вышеупомянутый (кстати считавшийся одним из старинных казачьих поселений) х. Глухов, по словам стариков, подразделялся на четыре «улуса» (термин тюркский, зачастую употреблявшийся в казачестве): Васинский, Луговской, Низовской и Чеченский. Чеченский «улус» находился со стороны Лохматого кургана. Кроме того глуховских жителей совсем недавно звали «чеченами». Почему? Ответить никто не смог.

Загадок — много. Например, попробуй теперь докажи, что в народной памяти фигурирует под словом «черкесы»? Может, таким собирательным словом звали сподряд всех кавказцев, то есть не только черкесов, но и чечен? Если такой вариант приемлем, тогда станет понятно отсутствие легенд о чеченцах. Может, это были осетины или их предки — аланы (исторические сведения об их жительстве на Донщине тоже есть)? Кроме того, не следует забывать, что Чечня к рубежу XVII—XIX вв. была большая, в состав которой входили Кабарда, Осетия, Ингушетия. Даже в 1912 г., как сообщает Большой энциклопедический словарь, Чечню населяло 86 национальностей. Так что, не исключено — может, чеченцы и были у нас, да их всех сподряд звали черкесами. Кто знает. Главное, из всего сказанного можно сделать вывод: разбойничьи шайки кавказцев (как впрочем и татар, калмыков, турок и др. разбойников) побывали в Захоперье: собранный мною фольклорный материал об их набегах, их кладах можно считать неопровержимым фактом, и его нельзя сбрасывать со счетов истории.

Глава 16

В лабиринте вопросов

Повторяю: специальной литературы на тему «Черкесы, чечены в Нижне-, При- и Захоперском краях» я не встречал (по крайней мере, мне она неизвестна). Поэтому, чем больше я собирал материала об этих народах, тем больше возникало новых вопросов, которые буквально ставили меня в тупик. Ну, например, как по легендам и преданиям разграничить, где действительно побывали татары, где черкесы (может, и чеченцы), а где прочие разбойники, если казачьи легенды вкладывают в них и в их деяния одинаковый смысл — «разбойники»? Да и не только казачьи легенды. Вышеприведенный рассказ Муртаева М. К., книжные публикации, «Казачий словарь-справочник», сведения Скворцова тоже отзываются о черкесах (чеченцах) как о разбойниках. Сразу возникает очередной вопрос: пусть эти разбойники побывали тут, но когда это было? Уроженец и житель ст. Федосеевской — Сеимов М. П., 1898 г. р., на этот счет так и говорит: <45> «Черкесы сюда (т. е. к нам) делали набеги после изгнания татар. Они обирали живших тут людей, но главным местом нападения разбойничьих шаек черкесов был Астраханский шлях, где они грабили, обирали и убивали людей. Не отсюда ли получилось выражение: “Разбойники с большой дороги”».

Подчеркну слова Сеимова — «делали набеги», но вот тут-то и получается неувязочка: совсем иное говорят другие старожилы. Например, Свинухов С. Н.: <46> «Если татары, говорят, набеги сюда (т. е. к нам) делали, то черкесы, говорят, жили тут».

Той же точки зрения, вспомним, придерживается и Блинков Т. У., рассказывая легенду от имени столетнего черкеса: «На Лохматом кургане (Черкесское урочище) некогда жили черкесы, в том числе и я».

К нему можно добавить, повторяю, и сведения Апраксина И. В.: <47> «А еще другие люди говорили, что когда черкесы жили тут, в России золота не было — были будто бы кожаные деньги». (Слова старого казака — истинная правда: зимой 1995—96 гг. я, в обедах, сам слышал, что кожаные деньги в России были. Когда появились — прослушал, но хорошо запомнил, что при Петре I «еще ходили».)

Все эти «неувязочки» кажутся странными, но еще удивительнее то, что эти сведения как бы перекликаются со словами нынешних черкесов, а в основном чеченцев, живших или работавших по наймам в захоперских колхозах и совхозах. Лично мне приходилось слышать, что всю территорию Донщины (в том числе и наш Захоперский край) они почему-то считают своей землей. Местным жителям они так и говорят: «Это наша земля, а ваша земля за Иртышом, в Сибири» (т. е. подразумевают завоевания Ермака).

В доказательство своих слов они приводят такие «факты»: и фамилия Черкесов у вас распространена, и слова кавказские есть в вашей разговорной речи, и старинные песни про черкесов казаки поют, и даже х. Черкесовский (что близ х. Шарашкинского, ныне Алексеевский р-н) есть.

Слушая это, я терялся в догадках: неужели память черкесского и чеченского народа сохранила отголоски каких-то действительных событий — в данном случае память не только былых походов (набегов), но и какой-то оседлой жизни на нашей территории? Неужели их слова имеют под собой реальную основу? Вопрос, поверьте, простой, но это меня не обескуражило, и ответ на него я начал искать опять в книгах.

Слабую зацепку нахожу все в том же вышеупомянутом «Казачьем словаре-справочнике» (том 3, стр. 96): «Казачи считаются славянским народом, хотя их предки произошли от слияния северо-кавказских славян со скифо-туранцами».

Ага, у В. Н. Татищева, в его «Истории Российской» уже написано более подробно: «В XVI столетии, в царствование Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, из-за Днепра с Князем Вишневецким черкасы на Дон перешли и, там поселившись, город Черкасской построили» (А. И. Ригельман «История о донских казаках» (Ростов-на-Дону, Ростовское книжное издательство, 1992, с. 22—23).

«С сих-то времен и помянутым порядком Донские Козаки от Украинских Черкасских Казаков действительно начало свое возымели на Дону. И первенствою город свой выше Азова в 50-ти верстах, на правой стороне реки Дона, на острове, по имени прежнего своего города Черкассы, Черкасский же построили, а по реке Дону, Донскими Козаками (а Малороссийские от города Черкасс — Черкассами) проименовались, а не так как они о себе баснословят...»

А вот опять в том же «Казачьем словаре-справочник» (только том 1, стр. 196) читаю как бы продолжение: «Несмотря на то, что многие Донские Казаки еще не так давно возвратились на реку из окраинных областей Московии, несмотря на то, что они пробыли там около полутора века, никто из них не считал себя ни Русским по крови, ни московитом по подданству. Еще в половине XVIII столетия русский генерал А. И. Ригельман слышал, что Казака “мнят о себе из народов Роксолянских, Донцы же от Черкес. Прочие же от древних некаких вольных людей, кои якобы не принадлежали ни к какому владению...”».

С Татищевым и Ригельманом не согласен А. И. Козлов в своей статье «Откуда пошли и кто такие казаки» («Проблемы истории казачества». Издательство: Волгоградский государственный университет, 1985 г.): «Одна из самых существенных составных проблем — посылка об автохтонном, или коренном, происхождении казачества и времени его возникновения. Основу сформировавшихся гипотез составляет признание двух начал — славянско-русского и тюркского. Как правило, обе эти гипотезы относят казачество к числу древнейших народов, а появление его связывается с Тмутараканским княжеством. По мнению одних, оно существовало в X—XII вв. на Таманском полуострове, другие считают, что оно охватывало более широкие географические реалии — Приазовье и западную часть Северного Кавказа. Этому соответствуют и представления о составе его населения. В одних случаях его считают древнерусским, в других — смешанным, в частности, указывается на косогор как на значительный его массив. Полагаю, что пестрый характер населения предопределял базу формирования казачества. Указывается, что уже в X в. оно обитало на территории Кабарды. По В. Н. Татищеву, именно кавказские черкесы (черкаси) и стали прародителями запорожских казаков, а последние, в свою очередь, донских. Но такое утверждение невольно вызывает сомнение, ибо по логике вещей, дело должно было обстоять как раз наоборот, так как последние, донцы, географически, что очень немаловажно, располагались куда ближе к черкесам (черкасам), чем к запорожцам и, следовательно, можно предполагать, находились под куда большим влиянием с их стороны».

Какой же можно сделать вывод из приведенных источников? Согласимся, что какая-то часть запорожских черкесов пришли из Запорожья на Дон и построили город Черкас (потом ставший Казачьей столицей — Старочеркасском). Но, судя по историческим документам, основную часть донского (в том числе и Хоперского, Медведицкого, Иловлинского, Бузулукского и др.) казачества (донские казаки) в период его формирования (XIII—XVII вв.) составляли отнюдь не одни они, а и представители других народов:

- крымские татары и турки;
- калмыки;
- московские беглые холопы;
- польско-литовские выходцы;
- служилые люди засечных черт;
- христианские выходцы Сарской епархии.

Перейдем к разборке следующего «веского» аргумента, выдвигаемого кавказцами — фамилия Черкесов. Действительно, в Кумылженском и Алексеевском районах она довольно распространенная, но, на мой взгляд, к черкесам (будь то их разбойничьи шайки или тем более, оседлым, черкесским аулом) она никакого отношения не имеет. Почему я так утверждаю? В мае 1995 г. мне посчастливилось встретиться с уроженцем и жителем станицы Слащевской, директором ДК — Михиным Александром Александровичем, 1951 г. р., который и рассказал предание, откуда в нашем крае взялась и пошла фамилия Черкесов. Чтобы понять, свой рассказ он начал небольшим экскурсом в историю Русско-Кавказской войны:

«48» «К берегам Терека и Кубани близко подходят грозные Кавказские горы. Эти горы испокон веков были населены воинственными племенами горцев: чеченцев, ингушей, черкесов, кабардинцев, лезгин, кумыков, осетин и др. Племена отличались храбростью в бою: по отзывам русских, сотня черкесов стоила тысячи татар. Жадные до крови и до грабежа, горцы любили войну больше всего на свете. Казачьи удалцы не упускали случая на враждебном берегу подстеречь и подстрелить черкеса или кабардина, ходившего около русской границы. В этой тревожной военной обстановке казаки вырастали прирожденными воинами, ни в чем не уступавшим их вечным врагам-горцам. Казаки, знакомясь с горной природой, перенимали себе зоркость и ловкость горцев, «учились» их военным приемам и умению владеть оружием. Для сторожевой службы и мелкой пограничной войны казаки были неоценимы. Никакое регулярное войско не могло их заменить. Один за другим горцы Кавказа покорились русским войскам. Таким образом, завершилась беспримерная по трудности и упорству полувековая Кавказская война, длившаяся с 1813 г. (по другим источникам с 1801 г.) по 1864 г.

Та война имела интересные последствия и вот какие. Моя двоюродная бабушка — Сазонова Анисия Филипповна, уроженная Гришина, родилась 25 декабря 1885 г., умерла в мае 1982 г., т. е. прожила 97 лет. Она-то в 60-х годах рассказывала (я еще учеником лет 14 был) такой рассказ, который запомнился мне до сих пор.

До самой революции, по словам бабушки, она была старшей горничной у слащевского полковника в отставке Никулина Митрофана Петровича. Или от этого полковника, или от своего отца, казака-вахмистра, участника войны с турками и кавказцами, она слышала такую бль.

Когда закончилась война на Кавказе, в это время казаки привезли оттуда всевозможные бытовые трофеи, а также пять пленных черкесов. Привезли их в ст. Кумылженскую. Пригласили на совет туда всех станичных и хуторских атаманов, стариков на станичный майдан — церковная площадь, где раньше стояла Церковь Святой Троицы (на ее месте ныне ДК стоит). Первым делом казаки сделали доклад: сообщили о своих военных путях-дорогах, своих победах, поражениях и потерях — потери были большие. «Много казаков сложили свои головы от рук басурман, горцев, головорезов, — говорили они, — но победа осталась за нами, Россией. Многие из них нашли казачьи пули и сабли и многие попали в плен. Несклько пленных мы привели».

Тут же под охраной вывели, показали народу пленных и назвали их черкесами. Были они, по словам бабушки, — рослые, молодые, стройные, чернявые, подтя-

нутые и красивые. Одеты они были в свои национальные костюмы — черкески; оружия не имели.

Кумылженский атаман задал в толпу такой вопрос: “Что мы будем делать с этими пленными черкесами?” Послышались выкрики из толпы: “Предать смерти!” и другие. Вдруг из толпы вышел старый казак и говорит: “У нас есть красивые казачки на выданье — поженить их с черкесами, смешать казачью и басурманскую кровь”. Многие поддержали. И начали называть, у кого в хуторах и станицах есть красивые девчата-казачки. Многие отцы стали возмущаться: “Как так — на кону что ль досталось за черкеса-басурмана идти замуж, с черкесом породниться!” Но слово большинства казаков было законом: черкесов разобрали.

По словам бабушки, один черкес остался в ст. Кумылженской, один попал на Пески (х. Сиськовский), третий — в х. Суляевский. В Захоперье — в ст. Слащевской, ст. Букановской, — не помню, кажется, ни один не попал.

Дома, матеря выбранных девушек, оплакали несчастную судьбу своих дочерей и смирились. Всем пяти ихним мужьям дали фамилию Черкесовы, с них вроде бы пошла и распространилась в нашем крае фамилия Черкесов. Девчата были богаты, приданое за ними большое дали, так что пленные черкесы зажили среди казаков и, по слухам, на Кавказ, на родину больше не вернулись. Жили у нас черкесы мирно, без унижений со стороны казаков, взаимных распрей, короче, не обзывали, не притесняли их, более того, из станичных и хуторских наделов нарезали им паи».

В заключении Михин А. А. добавил, что «наша родословная происходит от черкесов, может быть от тех же пленных черкесов».

Как ни странно, такие же утверждения (о принадлежности к кавказцам) мне довелось слышать и от других старожилов.

Так, уроженец х. Филина — Чекменев Емельян Иосифович, 1908 г. р., заявляет: <49> «В народе говорят, что какие-то черкесы остались жить в х. Филинском — от них будто бы ведут свой корень Поляковы».

<50> «Говорят, — вспоминает уроженец и житель х. Скулябного Алекс. р-на Рвачев В. В., 1930 г. р., — Черкесовы в хуторе ведут свой род от черкесов (кавказских горцев) — вроде селились эти народы тут и жили».

По словам бывшего уроженца х. Луткова, а ныне жителя х. Блинковского — Луткова Ефима Ивановича, 1907 г. р., <51> «лутковский житель, казак Блинков Устин Павлович тоже происходит из черкесов» (замечу, что его сын — Блинков Терентий Устинович — фигурирует в этой рукописи).

И еще. Уроженка бывшего х. Грушева а ныне жительница х. Ольховки Апраксина Мария Александровна, 1927 г. р., вспоминает: <52> «моя бабушка — Апраксина Федосья Андреевна, 1862 г. р. и наш сосед — Апраксин Григорий Андреевич говорили, что “мы перешли в хутор Грушев с хутора Филина, что наша фамилия произошла от каких-то черкесов”».

Соответствуют ли все выше приведенные сведения действительности — я сказать затрудняюсь. Также затруднительно сказать, откуда в нашем крае взялись хутора под названием «Черкесов» — можно предположить, что на этой территории когда-то произошло какое-то событие, может быть, связанное с разбойниками-черкесами; может, хутора имеют какое-то отношение к вышеописанным пленным черкесам; не исключено также, что их первопоселенцами стали какие-то казаки с такой — не казачьей — фамилией. Предположений, как видим, несколько, ну а какое из них соответствует действительности — никто из старожилов ответить мне не смог.

Далее, ссылка чеченцев на «кавказские» слова, сохранившиеся в казачьем лексиконе, то надо признать, что они — хоть в не большом количестве — а действительно есть. Например:

бусурман — разбойник;

адат — у нас характер, норов; между тем это слово кавказское и означает обычное право у кавказцев: адат имел ту же силу, что и писанный закон — шариат (арабское законодательство);

джигит — ловкий, искусный в джигитовке наездник;

кубанка — зимняя шапка-папаха с курпийчатым отворотом и суконным верхом;

шашка — как я упоминал, название сабли, перешедшее к нам от черкесов;

чурек — у кавказцев — кукурузный хлеб, у нас, в казачестве, пренебрежительное название плохого хлеба;

кумган (кумыкс) — высокий медный кувшин с отливным носиком и крышкой; у нас таким словом иногда старики зовут глиняные горшки.

На мой взгляд, эти слова позаимствованы казаками от кавказцев во время русско-кавказских войн, прижились в казачьей среде и ходят в просторечии наравне с другими словами.

Что касается песен о черкесах... Нечего напоминать, что песня является тоже одним из видов народного фольклора, из которых как говорится «слова не выкинешь». Действительно из 266 старинных казачьих песен, собранных мною на территории Кумылженского и Алексеевского районов о татарах (как я писал) — нет ни одной, и, по крайней мере, в пяти упоминаются черкесы. Слова этих песен приведу полностью. Нумерация приводится с оригинала моей отдельной рукописи «Казачьи песни Захоперья».

<53> № 41

Орел Кавказа не имел крику.

Старый казак пожилой,

Прислонясь казак на лику,

Один стоял во тьме ночной.

Глухая тьма вокруг аула,

На кровле филин прокричал.

Три раза кричал караула —

Черкес промчался на коне,

Казак службу свою знает,

Он взвел свой меткий пистолет.

Взвилася пуля роковая,

И черкеса уже в живых нет.

<54> № 69. 2 вариант

Просветил месяц / Долго с вечера до полуночи, / С полуночи до белой зари, /
Со белой зари до красна солнца. / И чтобы видно было мне, молодцу, / Коня сед-
лать, из плена убежать. / Вот бежит-то, бежит коник, спотыкается, / А казак к зем-
ле прислухается: / Да не гонит ли за ним легкая партия, / Партия все черкесская.

Сиволобов Михаил Иванович, 1904 г. р., х. Ольховка. 14.3.78 г.

Песню под номером 86 «Погиб, погиб аул Кавказа...» я уже приводил в главе о турках.

<55> № 112

Утром рано весной

На ряду крепостном,

Расподнявши, пушкарь поседелый,

Он на пушечке сидел,
 Сам на крепость глядел
 Сквозь прозрачные волны-туманы.
 Дал он выстрел порой,
 Дым раздался волной,
 По крепости звон прокатился.
 Живо шашка на ремень,
 И фуражки набекрень.
 Мы на площадь бегом побежали:
 У нас кони резвы,
 У нас шашки востры,
 Наши ружья в мишень попадали.
 Из симбирских краев
 Приезжал атаман,
 А за ним есаулы лихие.
 Он на сером на коне,
 Грудь горела в серебре,
 По бокам револьверы двойные.
 Он к казакам подскочил,
 Черны усы закрутил
 И сказал нам: «Здорово, ребята,
 Завтра солнце на восход,
 Убираемся в доход,
 У степных дикарей жечь аулы».
 Я на Бога роптал,
 Свою долю проклинал:
 Не жениться бы мне, молодому,
 Я бы рад на войну —
 Жаль покинуть жену
 С голубыми, как небо, очами.
 Значит быть потому,
 Я покину жену,
 Сам пойду наперед с казаками.

а) Храпова Елена Тихоновна 1898 г. р., х. Попов, 16.04.1978 г., б) Сеимов Михаил Павлович 1899 г. р., ст. Федосеевская, 28.05. 1978 г., в) Молоканцев Андрей Васильевич 1892 г. р., х. Попов, 03.10.1978 г.

〈56〉 № 124

Из-за леса, из-за гор
 Едет сотня казаков-усачей,
 Перед сотней командир молодой,
 Ведет сотню казаков за собой:
 «Вы, казаки-усачи, усачи,
 Пики в руки и за горцами скачи!
 Вы, казаки, не робей, не робей,
 На завалы поживей, поживей!»
 На завалах мы стояли, как стена,
 Пули сыпались, журчали, как пчела.
 Кто на завалах устоял,
 Крест серебряный в награду получал.

а) Ульянов Арсений Александрович, 1908 г. р. б) Петрова А. И., 1899 г. р. — оба с х. Филяты, Федосеевской ст. 03.01.1978 г.

Мне кажется, эти вышеприведенные песни сложены казаками во время Русско-Кавказской войны 1817—1864 гг. и никакого отношения к шайкам черкесов и их деятельности (будь то разбой или оседлое жительство) не имеют.

И, наконец, мы подошли к последнему, не менее сложному вопросу: до каких пор черкесы и прочие разбойники разбойничали в крае? Воспоминания старожил на этот счет не дают ничего определенного, однозначного. Вспомним отрывок из легенды, рассказанной вышеупомянутым Блинковым Т. У.:

«При Петре I нас (т. е. черкесов. — А. В.) потеснили с тех мест» (т. е. с Лохматого кургана и его окрестностей. — А. В.)

Другой старожил, Пономарев П. Е., приводит иную легенду:

«57» «Мы слышали, что когда за большие заслуги царь наградил Ермака Доном и его притоками, то Ермак первым делом начал разгонять отсюда шайки татар и черкесов».

Последние сведения опять заставляют вспомнить историю. Итак, дарил ли царь атаману Дон с его притоками? Действительно, в книгах я читал, что существует предание: после взятия Казани в 1552 г. царь Иван 4 (Иоанн) Васильевич Грозный (а именно он царствовал при жизни Ермака) пожаловал Войско Донское первой своей грамотой, которую закрепил все земли, занятые казаками, за донскими казаками. Об этом П. Краснов в своей книге «Иллюстрированная история казачества» (Волгоград, Веда, 1994 г.) так пишет: «Первою по времени считается грамота царя и Великого князя Иоанна IV Васильевича о пожаловании казакам реки Дон с его притоками, за участие их при покорении Казани (в 1552 г.). Но об этой грамоте сохранилось только одно предание, в достоверности которого нельзя сомневаться. А в преданиях народа, в память о том событии можно было слышать песню, где воспевались подвиги донского атамана Ермака Тимофеевича, взявшего Казань и подарившего ее царю».

Таким образом, если принять за правду слова предания Пономарева: «первым делом Ермак начал разгонять отсюда шайки татар и черкесов», — то обратимся опять к фактам. Ныне доподлинно известно, что казакование Ермака в Диком поле совпало с периодом формирования вольного казачества на Волге и Дону: это вторая половина XVI века, т. е. время после покорения Казани. Доподлинно также известно, что Ермак погиб при покорении Сибири в 1583 г. Много лет с тех пор прошло, но, как видим, имя на Донщине популярно до сих пор.

Как видим, столетиями государство боролось с разбойниками и разбоями, чинимыми ими. Кто они были те разбойники и грабители: черкесы, чеченцы, татары, калмыки или сами же казаки (вспомним словосочетание «казаки-разбойники») — поди теперь узнай, но из вышеприведенных воспоминаний старожил ясно одно: разбой был веками и он дожил до прошлого века.

На мой взгляд, во второй половине XVIII века, в связи с повсеместным возникновением хуторов, принятие российским правительством, округами и станицами энергичных мер по их ликвидации, а также окончанием Русско-Кавказской войны и последовательным присоединением Кавказа к России деятельность разбойников постепенно уменьшается и, по-видимому, в прошлом — XIX веке — с территории При- и Захоперского края исчезает навсегда. Целая эпоха, связанная с налетами, разбоями, грабежами, навсегда канула в вечность.

Глава 17

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ УЧЕНЫЕ И АРХИВЫ

Большая советская энциклопедия, словарь Брокгауза—Ефрона и другие печатные издания так и не дали ответ: жили ли черкесы и чеченцы в нашем крае, как о том утверждают нынешние их потомки-шабашники? Чтобы окончательно выяснить этот вопрос, я решаюсь обратиться к ученым.

Профессор, преподаватель кафедры истории ВГПИ Владислав Иванович Мамонтов ответить на этот вопрос не смог. По его совету, я отсылаю с ним письмо историку-краеведу (так написал безымянный внештатный корреспондент) Евгению Александровичу Чемякину, о котором узнал из статьи «Наши в Ейске» (газета «Казачий круг» за 29.7.95 г.).

Коллега Мамонтова, руководитель археологической экспедиции 1995 г., старший научный сотрудник археологической лаборатории ВГПИ и заведующий археологическим кабинетом исторического факультета, Николай Борисович Скворцов ответил кратко: «Черкесы и чеченцы тут не жили, а делали набеги».

Расспросил у археологов и про историка Сергея Ивановича Рябова, хорошо мне знакомая книга которого так и озаглавлена: «История родного края» (Н. В. кн. изд-во, 1989 г.). Мне также было известно, что С. И. в прошлом был преподавателем кафедры, историк ВОЛГУ, теперь же занял ответственный пост в Областной думе. Я долго колебался, писать не писать в этот представительный орган, но, в конце концов, решил: попытка — не пытка, а вдруг бывший историк знает что, гляди, своими знаниями и поможет мне. И я, не откладывая дела в долгий ящик, пишу письмо след. содержания:

«Уважаемый Сергей Иванович! Памятуя Вашу работу и занятость, я не хотел беспокоить Вас, но потом все же решился, ибо не знаю, куда дальше обращаться. Немножко о себе. Потомственный казак, всю жизнь я прожил на селе, среди наплыва переселенцев и оставшегося казачества и, чтобы окончательно не выветрилась память о казаках, не остались от них память и кресты на кладбищах, занимаюсь краеведческой деятельностью на территории бывшего Хоперского округа и, в частности, Захоперского края. Недавно Кумылженский отдел культуры по этому профилю принял меня на работу. В результате моей деятельности (а теперь можно считать и работы) у меня давно возник вопрос, связанный с историческим прошлым нашего края, ответить на который я не могу — нужен специалист или документальные источники. А так как Вы являетесь специалистом по истории и автором ряда книг, я и решил обратиться к Вам, что и делаю.

Суть моего вопроса такова. Мы живем от Черкес и Чечни далеко, но ряд легенд и преданий о кладах и сокровищах нашего края связан с этими народами, в основном с черкесами; в памяти народа они фигурируют обычно как разбойники. Так вот, вопрос таков: имеют ли эти легенды и предания под собой реальную основу, т. е. действительно ли тут, у нас жили эти народы или же они делали набеги? И когда это было?

Я был бы весьма признателен, если бы Вы, Сергей Иванович, помогли мне ответом на интересующие меня вопросы. В крайнем случае, если ответить затрудняетесь, передайте мое письмо кому следует или подскажите, к кому мне обратиться. С нетерпением буду ждать ответ. Март 1985 г.»

8 июня 1985 г. получаю письмо из Волгоградской областной думы и аналогичное письмо в комитет по управлению архивами т. Иноземцеву Н. И. № 18 (2731).

«Направляем Вам на рассмотрение заявление гр. Апраксина В. А., поступившее в Областную думу с резолюцией зам. председателя Областной думы т. Рябова С. И.

В результате рассмотрения просьба сообщить заявителю, администрации области. К 10.07.95 заявление подлежит возврату.

Зав. сектором писем
(роспись) Н. В. Соколова
11.06.95 г.».

Ровно через месяц (8 июля) получил другое письмо, в котором было два ответа. Первое непосредственно от Рябова С. И.:

«Волгоградская Областная дума. Заместитель председателя. От 12.07.95 г. № 18 (2731).

Апраксину В. А.

Направляем Вам копию ответа Государственного архива Волгоградской области по поводу Вашего заявления в Волгоградскую областную думу.

Зам. председателя (роспись)
Областной думы С. И. Рябов».

Вложенная в это письмо копия Волгоградского государственного архива гласила:

«Государственный архив Волгоградской области сообщает, что документы по истории 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов хранятся в архиве с 1918-1919 гг., то есть с момента их передачи в состав Царицынской губернии (до указанного времени документы хранятся в Ростовском областном государственном архиве). Ввиду чего не представляется возможным проверить с помощью документальных источников версии о проживании на р. Хопер чеченцев и черкесов и их набегах на эти места.

Одновременно сообщаем, что такие печатные источники:

1. А. П. Пронштейн «Земля Донская в XVII веке». Изд-во Ростов. университета. 1961 г.;

2. История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права), Изд-во Ростов. унив., 1973 г.;

3. Труды Волго-Донской экспедиции в 3-х томах. Изд-во Академии Наук СССР, 1958 г.

содержат подробные сведения о народностях, проживавших на территории Обл. В. Донского (начиная с каменного века).

На этих землях проживали кочевые племена киммерийцев, скифов, савроматов, сарматов, аланов, хазаров, половцев, ногайцев.

Во второй половине I-го тысячелетия нашей эры появляются славяне.

Монголо-татарское нашествие превратило эти земли в часть Дикого поля, где кочевали ногайцы и калмыки.

С конца XV века начался процесс образования донского казачества. Таким образом, сведений о проживании в этих местах чеченцев и черкесов и о их набегах на земли казаков в вышеуказанных трудах не имеется.

Другими источниками архив не располагает.

Рекомендуем обратиться в Ростовский областной государственный архив.

Директор архива Н. Н. Смирнов.

Исполнитель Т. А. Савина». *P. S.* Письмо с копией такого содержания я получил и непосредственно из Волгоградского государственного архива.

Очень жаль было, что мои вопросы остались без ответа, но я был премного благодарен С. И. Рябову и Областному архиву за то, что они откликнулись и сде-

дали все, что было возможно в их силах и даже более того — дали дельный совет. Конечно, не воспользоваться этим советом было не в моем характере, и я посылаю письмо-запрос в Ростовский областной государственный архив.

В сентябре получаю долгожданное письмо со штампом Ростов. обл. гос. архива за № 20-352:

«В Госуд. архиве Ростовской обл. хранятся документы по истории бывшей Обл. войска Донского с середины XVIII века. На более ранний период документы отсутствуют. В книге профессора Ростов. гос. универ. А. П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке» и в каталогах госархива сведений о проживании чеченцев и черкесов на территории Войска Донского не обнаружено.

Рекомендуем обратиться по интересующим Вас вопросам в Центральный Государственный архив древних актов (119817, Москва, Б. Пироговская, 17).

Зам. директора Госархива С. Д. Дудник;

Зав. сектором Е. В. Еремина

28.08.95.».

Разумеется, я написал в Москву. Ответ получил только через полгода — 11.6.96 г.

«Государственная архивная служба России. Российский государственный архив древних актов ЦГАДА (адрес)

21.03.96, № 153, на письмо х. Ольховка от 01.10.95 г. Апраксину В. А.

Уважаемый Вениамин Александрович! Сообщаем, что в бассейне рек Хопра, Бузулука и Медведицы черкесы и чеченцы не проживали, но чеченцы совершали в эту область набеги с целью грабежа (см. Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859 г.; Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. 33а СПб., 1903 г. стр. 785—786; Исаева Т. А. Социально-экономическое положение Чечено-Ингушетии в 18 в. М., 1976 г.

Просим извинения за задержку с ответом.

Заведующая отделом

использования документов (роспись) С. Р. Долгова

Кононова 245-81-35

ДЗ 18.03.96 г.».

Книг Берже А. П. и Исаевой Т. А. ни в нашей, ни в районной (Кумылженской) библиотеках не оказалось, но я был рад этому письму: набеги чеченцев в наши края подтвердились. А как же быть тогда с черкесами? Не могли же многие старожилы говорить про них неправду? Может, (как я отмечал ранее) слово «чеченцы» в народной памяти ассоциировалось со словом «черкесы» и стало доминирующим? И так сказать, собирательным синонимом дошло до нас? Кто знает. Как бы то ни было — вопросы остаются открытыми, ибо подтверждающих документов в архивах не оказалось, а ответного письма от волгоградского историка-краеведа Чемакина Е. А., так же как и от заместителя председателя Областной ассоциации но делам казачества — Блинкова Павла Мироновича, я так и не дождался. Я не обижаюсь на них — чего ж писать, если мои вопросы захлестнула текучка других более важных дел или — предчувствую — оказались... как говорится «не по зубам».

Конец первой части

Часть вторая

ПРО КУРГАНЫ, КЛАДЫ И ОХОТНИКОВ ЗА КЛАДАМИ

Глава 1

Курганы и кладискательство

Все древние вещи, всякая старина невольно привлекает и волнует нашего современника, но ни что так не возбуждает нас, не вызывает таких глубоких эмоций и чувств, как курганы. В первой части я уже писал, что курганы в наших степных местах являются свидетелями былой жизни, отошедших в небытие народов. Вглядитесь в окрестности, и вы непременно увидите, что курганы — эти вечные, своеобразные «степные пирамиды» — и сейчас стоят, мрачные, величественные и молчаливые памятники седой старины, при взгляде на которые чувствуешь бесконечность истории. Какой величины и где только не встретишь их! Большие и маленькие, круглые и вытянутые (или вообще удлиненные), поодиночке, цепочкой и вразброс, бесконечной чередой тянутся они по-над поймой Хопра и лугом Едовли (иные прямо у дворов, а то и подворья стоят на них), кучеются на краю кругосклонных бугров Хопра и Едовли, горбятся на водоразделах и уходят далее за горизонт. При этом не надо забывать, что в результате интенсивных сельхозработ подавляющее большинство курганов в наше время сильно распаханы, многие находятся на грани исчезновения, а некоторые стёрты с лица земли. Но все равно, Захоперский край буквально насыщен курганами. Почти любой житель нашего края знаком с ними, но мало кто знает и задумывался над тем, кто их воздвигал, с какой целью и что скрыто в них. Ореол таинственности и загадочности окутывает их и по сей день. И немудрено, чего только не услышишь про них в народе. Одни говорят, что их горстями насыпали; другие — ссылаясь на их величину — замечают, что и раньше техника была; третьи делают предположение, что это древние жилища типа землянок; четвертые утверждают, что это сторожевые вышки татар, черкесов, казаков, а то и просто разбойных людей; пятые уверяют, что это братские могилы, причем ходит такая притча: часто встречающиеся парные курганы — один из которых побольше, а другой поменьше — насыпаны якобы один перед боем, а другой — оставшимися в живых; шестые все без исключения насыпи приписывают татарам; седьмые — казакам (вспомним старинную песню, где умирающий казак просит насыпать ему в головах большой курган земли); восьмые — ассоциируют их со сказочными богатствами и сокровищами; девятые... да мало ли чего ни говорят про них, и просто удивляешься, до чего живучими оказываются порой народные, традиционные оценки и предания.

А что говорят на этот счет разведчики истории — ученые-археологи?

Далеко не всем известно, что курганы — это искусственные земляные холмы, насыпанные вручную над древними могилами. Курган — это своего рода памятник, предназначенный увековечить останки и память погребенного под ним человека. Чем богаче и знатнее был человек, тем и курган был ему больше, простому человеку возводили небольшой холмик.

А что же может быть в самих могилах? Древние люди представляли себе смерть — нечто вроде сна и считали, что после смерти — в загробном, потустороннем мире — ему потребуются все то, чем он пользовался на земле при жизни. Умершего одевали в лучшие одежды и украшения, снабжали оружием, едой и питьем, а вождей — нередко лошадьми, слугами и любимой женой. Обряд захоронения наглядно ха-

рактизовал первобытные верования, связанные с погребальным культом, представлением о переходящей в иной мир душе покойника. «Языческие обычаи, — пишет по этому поводу Плетнева С. А. в книге «Половецкие каменные изваяния», — класть вещи, принадлежащие покойнику или вообще используемые при жизни, трактуется по-разному. Объясняют этой верой в загробную жизнь, аналогичную земной. Покойника как бы собирают в дорогу, отправляют с ним самые необходимые вещи».

И вот мы подошли к главному: не все курганы дошли до нас в непо потревоженном (*in suti*) виде, т. е. сохранили те вещи, которые так заботливо были положены родственниками в могилу вместе с покойником. Даже более того, науке известно немало случаев, когда последние были бесцеремонно разрушены и их содержимое выкинуто за пределы могилы. Почему? Множество курганов при раскопках оказываются ограбленными — судя по археологическим изысканиям, воровство, ограбление могил было широко распространено с древних времен. Давно известно, что на протяжении человеческой истории были разные охотники: за зверем, птицей, «черепами», марками, микробами, минералами и тому подобными предметами. Но мало кто знает, что были еще охотники и за кладами, сокровищами. В течение многих тысячелетий курганы своим внешним загадочным видом и своим сокровенным содержимым привлекали к себе жадные взоры любителей легкой наживы и не раз становились объектами хищнической деятельности разного рода кладоискателей.

С древнейших времен известно, что в курганных могилах иногда обнаруживают ценные предметы и даже золотые изделия, и так как золото — это благородный металл, который не окисляется, то есть не вступает в соединение с кислородом, то оно практически может сохраняться в земле вечно, иными словами, золото было, есть и, наверное, всегда будет в цене. Хроники и старожилы свидетельствуют: движимые жаждой обогащения, страстью к желтому металлу, охотники за сокровищами и кладами пытались найти в курганах — этих своеобразных кладовых — не принадлежащие им богатства. И никто не задумывался, что курганы — это неисчерпаемый источник сведений о жизни исчезнувших народов. Никому в голову не приходило, что каждый непо потревоженный курган раскрывает перед нами картины древней жизни, воссоздает образы древней жизни и обычаи наших далеких предков. Никто не отдаст себе отчета, что каждая вещь в нем — не только свидетельство обыденной жизни, но и нередко результат неповторимого творческого мастерства и даже шедевр безымянного мастера. Увы, до такого самосознания, ведущего к самосовершенствованию, было далеко. Таковы были времена и нравы, такова была жизнь и ее законы.

Ныне самовольные раскопки в нашей стране строго караются законом: за разрушение памятников, будь то «псевдоученые» или обыкновенные кладоискатели, привлекаются к уголовной ответственности сроком до пяти лет и немалому денежному штрафу. Ведь раскапывая тот или иной древний памятник, мы в то же время и разрушаем его, поэтому в археологии не столь важно, если мы найдем ценности — с научной точки зрения любая древняя вещь имеет ценность, важно то, чтобы раскапываемый объект был всесторонне и тщательно изучен: вот почему при раскопках участвуют специалисты или люди, знакомые с методами раскопок.

Обилие курганов в нашем крае, естественно, не осталось без внимания в народе и с давних пор породило самую настоящую кладоискательскую лихорадку. Копать курганы до революции (считай до самой коллективизации) не воспрещалось. А так как про многие из них из поколения в поколение передавались легенды о якобы запрятанных в них кладах, сокровищах, оружии, то в поисках мифического золота,

они в первую очередь подверглись основательному разрушению. В свое время, собирая материал о прошлых любительских раскопках своих земляков, мне довелось беседовать с последними кладоискателями. Тогда про различные приборы, как-то: магнитометры, детекторы металлов, полупроводниковые электроразведчики, металлические индикаторы-рамки, фиксирующие неоднородность слоев земли и присутствие посторонних предметов в земле; как и про технику — бульдозеры, скрипера — и понятия не имели. Единственным средством раскопок была лопата. В погоне за мифическими кладами эти грабители могил, а проще говоря — авантюристы (каюсь, в этом грешен и я), обыкновенной простой лопатой раскопали десятки курганов, уничтожили, наверное, сотни могил. Их изустные сведения об их деятельности я скрупулезно зафиксировал, и теперь мне не составляет труда рассказать, где, кто и когда производил кладоискательские раскопки курганов и что нашли. На примере некоторых видно, соответствуют ли легенды о курганных кладах тому, что в действительности было найдено в них. В своем рассказе буду придерживаться некоторой хронологической последовательности.

Глава 2

Тайна балки Гусынки

(Раскопки братьев Поповых)

Рассказ записан мною 16 февраля 1988 г. в х. Ольховке от старейшего жителя — казака Апраксина Ивана Викторовича, 1896 г. р.

«58» «Зимой 1917 г., когда мне пошел 22-й год, меня провозжали на действительную службу в царскую армию. В это время в возрасте 87 лет умер мой прадед — Филин Фарафон Петрович, 1830 г. р., он не раз рассказывал в семье, что в станице Федосеевской жил его старший (на 15 лет) брат — Попов Иван Петрович. Служил он где-то на Кавказе (если не в Грузии) 25 лет, дослужился до чина сотника. После в станице Федосеевской был станичным атаманом. Жил зажиточно, про него в станице была и пословица сложена: «Как богатый — так Иван Петрович, как денег нет — так Кузька Ланин» (Кузьма Ланин — бедный человек в станине). Умер в 1910—11 гг. в возрасте 96 лет. Так вот, когда он был на Кавказе, он будто бы встретил там черкеса, который поведал ему такую историю: «В вашей местности, в верховьях Едовли, на окраине Федосеевского юрта есть балка Гусынка, проходящая через Шумилинский хутор (от х. Ежовки, Рябовского с/совета Алексеевского р-на Волгоградской обл. этот хутор расположен км в 3 на запад, в соседней Ростовской области). Там, где растет куст (или кусты) ивы, была кузница. В этой кузнице закопан клад. Если копать, сперва обнаружится наковальня и молоток, а под ними лежит бочонок с золотом».

Когда Иван Петрович отслужил и вернулся домой, в станицу Федосеевскую, он собрал братьев: Ефима Петровича с х. Глухова, Михаила Петровича с Песок, а точнее с х. Кучуровского, Фарафона Петровича, станичного дьякона, своего зятя — Зимовнова Родиона (его сын Константин впоследствии занимался кладоискательством в нашем крае) — и, рассказав им про встречу с черкесом, подговорил заняться поисками клада. Поля его братьев были как раз под х. Рябовым. Днем работали — пахали, а ночью за 30 км ездили верхами в балку Гусынку. Паши кузницу. Копали в ней несколько ночей. Тамошние пахари уже стали замечать их, но ночью не подходили — боялись. Вдобавок, Фарафон Петрович вырубил шельжи-ну, зашел сзади и с крепким словом распугал любопытных. Наконец, выкопали

наковальню и небольшой молоточек. А дальше сколько ни копали — ничего не нашли. Возможно, кто ранее откопал золото и унес (я уж прадеда не спросил: в потревоженном виде или нет лежали наковальня с молоточком). Возможно, к бочонку братья и подошли ночью, а днем кто-нибудь из тамошних пахарей откопал и унес его. А еще другие люди говорили, что когда черкесы жили тут, в России золота не было — были будто бы кожаные деньги.

Короче, не найдя ничего, братья рассорились; Фарафон Петрович все жалел, что день пахали, а ночью ездили копать. “Я то неграмотный, — ругался он на сочном русском языке — а вы-то, ученые, поверили в какой-то клад”.

А был ли в действительности тот клад в той кузнице или нет, так до сих пор никто и не знает».

Глава 3

Раскопки древних могил (Раскопки Сиволобова Г. С.)

В январе 1976 г., будучи в библиотеке Волгоградского областного краеведческого музея, мне неожиданно попала в единственном экземпляре книжка:

«Сталинградское областное общество краеведения.

А. Ильина, П. Шишкин «Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского округов Нижневолжского края. Сталинград, 1929 г.»

В этой книжке я нашел заметку следующего содержания:

«Хоперский округ. № 40. х. Попов. В 1924 или 25 гг. был разрыт курган, отстоящий от хутора в 3-х верстах. При вскрытии его был найден гроб, состоящий из деревянных пластин 1/4 аршина, окрашенных снаружи красной краской. В гробу находился скелет человека с прямыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками, головой, обращенной на север, и черепом на правой щеке.

Под костями правой руки — железный кинжал, около правой щеки — небольшой полированный каменный цилиндр. В ногах скелета и возле черепа — куча золы и угля. Здесь же стояли глиняные сосуды с каким-то беловатым веществом на дне. Дно могилы было усыпано тонким слоем желтого песка.

В окрестностях х. Попова были найдены обломки др. глиняных сосудов, каменный молоток, каменный топор, 1/2 медного браслета и два целых глиняных сосуда.

Все перечисленные предметы, кроме каменного топора, переданы в СОКМ (Сталинград. областной краев. музей).

(Свед. учителя х. Попова Сиволобова Григория Степановича. 1927 г.)».

Так как х. Попов соседствовал с моей Ольховкой, то эти сведения меня заинтересовали, и я, вернувшись домой, решил узнать, кто же такой был Сиволобов Григорий Степанович и о его раскопках.

В течение нескольких лет путем опроса населения мне довелось узнать об этом человеке много интересного. Начну с автобиографии. По словам уроженца и жителя х. Попова Патрина Николая Федоровича, 1904 г. р., «59» «Сиволобов Григорий Степанович, приблизительно 1882-63 г. р., уроженец х. Глуховского, происходил из небогатой семьи казака-середняка. Учился где-то на учителя в гимназии, но средств не хватило, и тогда он с расчетом, чтобы тесть помог учиться, выходит в зя-

тья в х. Попов к богатому казаку-купчишке Саломатину Андрею Романовичу за его дочь Акулину. С нею у него было две дочери: Антонина или Антонида — 1903 г. р. и Александра — 1906-7 г. р. После учебы его направляют учителем в х. Скулябный. Служил он на действительной службе или нет — неизвестно. В Первой мировой войне не участвовал — работал учителем. В 1917 г. его переводят в х. Попов вместо уехавшего учителя Столповского. В феврале 1917 г., когда власть в России взяло Временное правительство, его и федосеевского учителя Блинкова Федора Троф. («Гусунячий») взяли на краткосрочные курсы по подготовке офицерских кадров. Где он проходил их — тоже неизвестно, но скорее всего в Урюпинске, так как в то время это был центр Хоперского округа. Приезжал домой на побывку в военной форме, фуражке, шинели и сапогах. После шестимесячной учебы получает звание прапорщика и вновь учительствует в х. Поповом.

В апреле—мае 1918 г. (когда вешенский офицер Гаврилов 1-й раз привел отряд белоказакв человек в 50) Сиволобова Г. С. и Вялова Митрофана (у них жены — сестры) наши казаки командировали в Урюпинск с известием, что белые подняли в Вешенской восстание и с агитацией приезжали в х. Попов. Селиванов и др. руководители округа немедленно приняли меры: в низовья Хопра для установления Советской власти были посланы красногвардейские отряды Кузнецова и Васильева.

Когда отряд Гаврилова разбил Васильева и Кузнецова и оккупировал Прихоперье, Сиволобов с красными не пошел, и вешенцы назначили его комендантом перевалочного пункта в х. Поповом. В то же время он продолжает работать учителем.

В Гражданскую войну Сиволобов Г. С. ни с белыми, ни с красными не воевал; никаких активных действий — притеснений, наказаний — по отношению к населению во время комендантования не принимал.

В ноябре 1919 г. белых погнали с Донщины. Вместе с ними отступали к Дону и даже дальше, вплоть до Новороссийска, и те казаки, которые вообще не служили и не воевали. Вместе со свояком Вяловым Митроф. и со своей дочерью Антониной отступил на подводах и Сиволобов. Вялов с Антониной суток через 10 вернулись, а Сиволобов пошел дальше. Только в середине или к осени 1920 г. в нищенской одежде он вернулся из отступа домой.

В это время учительницу Поповской школы Елену Ивановну (фамилия не установлена) куда-то перевели, а вместо нее поставили Сиволобова. Так как жена его умерла в 1919 г., он женится вторично: берет жену дубровского лесничего, уроженку х. Скулябного, сестру Белоспинова Николая. Жили вместе недолго: или разошлись, или она умерла. В 1924 г. в х. Ольховке (возле Ермиловой Фаины) он покупает себе дом, точнее хату, и живет там с дочерьми. Одну из них — Александру — в той же Ольховке отдает замуж за Ульянова Александра Никандровича («Митрошин»). Другая — Антонина — учится в Урюпинске. Вскоре хату в Ольховке он продает и покупает в х. Поповом дом (где ныне живет Шамонаева Ал-дра), обдeldывает, перекрывает и переходит в него с Антониной, уже к этому времени выучившейся.

По отзывам бывших его учеников — это был умнейший человек, тихий, букварем, линейкой никогда не бил, в угол не ставил. Теоретические знания подкреплял практикой — вместе с учениками раскопал в нашем крае ряд курганов.

Учительствовал до конца 1929 года. В мае 1930 г. органы ГПУ забрали его и отправили в Сибирь. В его отсутствие в 1930-31 гг. умерла его дочь Александра. В 1935 г. в хорошей одежде приезжал домой в отпуск. По его словам работал он в тайге по изучению вечной мерзлоты. Уезжая назад, он забрал с собой и Антонину.

После Великой Отечественной войны был жив, умер приблизительно к 1937 г. Ныне в его дому проживает бывший заправщик Филин Александр Николаевич».

Помимо биографических сведений я выяснил, что начиная с 20-х годов Сиволобов Г. С. на территории Поповского с/совета предпринял любительские раскопки не одного, а ряда курганов — в них-то он нашел и описал упомянутые в «Материалах...» свои находки. Действительно ли раскопки курганов Сиволобов вел в школьно-познавательных целях или, маскируясь под этим, он преследовал личные, корыстные цели — кто теперь знает. Старожилы констатируют: Григорий Степанович был рискованный человек, неудачи не обескураживали его. Отсюда можно сделать вывод: имеющиеся знания плюс житейская мудрость интуитивно выработали в нем определенный «нюх», а со временем и опыт на улики сокровищ и их поиски. А они, эти сокровища, вполне могли быть. Хотя наш край в археологическом плане еще и теперь представляет собой своеобразное «белое пятно», все же в ходе нескольких археологических экспедиций установлено, что в нашем крае жили сарматы. Это был народ, который своих соплеменников хоронил в курганах, зачастую с набором ювелирных изделий. Некоторые намеки заставляют предполагать, что Сиволобову попадались сарматские захоронения. Иначе, чем же можно объяснить тот факт, что этого человека около 10 лет толкала страсть к раскопкам все новых курганов. Какие курганы подверглись вскрытию и что в них было найдено — об этом и рассказывают участники и очевидцы его раскопок.

1. Окрестности х. Попова, безымянный курган возле Ясеновеньких байрачков. О подробностях захоронения, приведенного Сиволобовым Г. С. в «Материалах...» А. Ильиной и П. Шишкина, рассказывает вышеупомянутый уроженец и житель х. Попова Патрин Николай Федорович, 1904 г. р.:

«60» «В одно из воскресений 1925 г., когда мошка кончилась, учитель начальных классов Сиволобов Г. С. организовал раскопки небольшого кургана в окрестностях х. Попова. Желание принять участие в этом изъявили многие: комсомольцы Котляров Г., Кузнечикова О., Скачков Я., Кузнечикова М. («Долгуна» дочь), Политов И., Попов Д., Багреев В., Глухов Н., я, некомсомолка Скорикова Шура и многие ученики старших классов.

Курган находился км в 1,5 южнее центра хутора, левее (юго-восточнее) Ясеновеньких байрачков, м в 150-200 на юго-востоке (через дорогу на х. Глухой) от Большого кургана (о нем — следующая страница). Земля, на котором он находился, была наделена моему отцу — Патрину Федору. При пахоте этого кургана плугом выпавались красные обожженные кирпичи, отличавшиеся от современных более крупными размерами.

В середине кургана, на глубине до 1,5 м наткнулись на обрушившийся накатник, представляющий собой нетолстый дубовый кругляк (только трухлявый). На накатнике лежала небольшая глиняная чашка, на дне — темные мелкие катышки — признаки зерна. Под накатником — могильная яма, снизу до колен она была обмазана желтой глиной; на дне обнаружили истлевший гроб, сделанный из обтесанных топором дубовых шах. Дерево в захоронении, по-видимому, из местных байраков. В гробу головой на север (а может, на юг — Патрин не помнит. — А. В.) во весь рост лежал человеческий скелет, сбоку скелета лежал железный, сильно поржавевший обоюдоострый кинжал четверти 1,5 длиной. Ручка его истлела, при прикосновении железо ломалось и отслаивалось.

Коленный сустав — после примерки — выше сустава Сиволобова. Этот сустав, череп, остатки кинжала и чашку Сиволобов забрал, оставшиеся кости остались в могильной яме».

В раскопках этого кургана принимал участие и житель х. Ольховки Апраксин Иван Викторович. По его словам, «могила была перекрыта бревнами, расколотыми

пополам (ясень или вяз), видел я и железный кинжал (брат приносил из школы) — он ломался от руки».

Когда 21 июня 1981 г. мы с Патриным Н. Ф. хотели посмотреть вышеописанный курган, то, несмотря на поиски, местонахождение его на поле мы так и не нашли. Многолетняя распашка уничтожила все следы.

Р. С. Заведующий отделом Археологии ВОКМ Владислав Иванович Мамонтов полагает, что вскрытое Сиволобовым погребение, судя по ориентировке его и железному кинжалу, находящемуся под рукой, относится приблизительно к поздним сарматам или поздним кочевникам (скорее всего).

Против сведений информаторов, датировки Мамонтова я ничего не имею. Неясность или, как говорится, комментарии у меня другого порядка. Некоторые детали этого захоронения (гроб из толстых плах, вытянутый на спине костяк, с головой обращенной на север, железный кинжал) наталкивают на мысль, что в «Материалах...» А. Ильиной и И. Шишкина описан Г. С. Сиволобовым именно этот безымянный курган. Однако у Сиволобова не упоминается кирпич и самое главное — не сходится расстояние. По Патрину, курган км в 1,5, а у Сиволобова «отстоящий от хутора в 3-х верстах» (верста — 1067 м). Кроме того, никто из нынешних старожилов — участников раскопок — не упоминает про «гроб, состоящий из пластин, окрашенных краевой краской», «кучу золы и угля», «полированный каменный цилиндр» и «глиняные сосуды». Я долго размышлял над этим несоответствием и пришел к выводу: старожилы рассказывают про безымянный курган и находки в нем, находящемся левее Ясеновских байрачков, а Сиволобов дал сведения в «Материалы...» совсем про другой курган. Я имею в виду так называемый Белый (от ковылей и солонцов) курган. Находится он южнее х. Попова, действительно примерно в 3-х верстах, а точнее на левобережной стороне Глуховской балки, на поле, расположенном между Ясеновским и Малиновым байрачками. Фактически здесь насыпаны треугольником три кургана, два из них распаханы, а вот восточный — Белый — нет; высота его м 1,5, диаметр м 20, в середине — ямища из красной глины. Кто копал Белый курган, когда — у меня сведений нет, но не исключено, что это раскопки Сиволобова, про которые нынешние старожилы или запомнили или скорее всего не принимали участия.

2. Окрестности х. Попова, безымянный курган у Лукичева ветряка.

С помощью местных жителей я установил, что на СВВ от «Маяка» (что южнее подстанции) или на ЮЗ от кладбища (через Красный яр) стоял когда-то ветряк иногороднего Попова Ивана Лукича, который так и называли Лукичев ветряк. Место, где он стоял, ныне распахивается, но до сих пор там валяются камни, видны рывины. Рядом с этим местом есть какая-то насыпь дм в 15-20 м. Какой была ее первоначальная высота, трудно определить, во-первых: насыпь расположена довольно-таки на пологом месте (склон Красного яра); во-вторых, половина ее распахивается и в-третьих — чуть севернее центра в ней зияет оплывшая яма м 2 глубиной с кучами земли вокруг — все это видоизменило насыпь до такой степени, что делает ее мало похожей на курган.

О раскопках этого кургана рассказывает уроженец и житель х. Кузнечинского (в прошлом Федос. ст., ныне Попов. сельсовет, Кум. р-н) Кругляков Матвей Никифорович, 1914 г. р.:

«61» «Учителем Поповской школы до 1930-го года был поповский житель Сиволобов Г. С. В 20-х годах он со школьниками по окрестностям раскопал много курганов. Так, где-то (не помню где) он раскопал курган и нашел золотой браслет, золотой перстень и золотые зубы — все забрал себе.

Я хорошо помню, как в 1927 г. учитель Поповской школы Сиволобов Г. С. организовал раскопки кургана у Лукичева ветряка (возле Красной балки). В этих раскопках участвовал и я, Кругляков Матвей Никифорович, ходивший в то время в четвертый класс. В центре вырыли погребом яму, примерно 2 м на 1,5 м и глубиной где-то в рост человека. На глубине 1,5 м встретился человеческий скелет. На одной руке был бронзовый браслет в полтора оборота, сделанный из проволоки.

На месте ушей лежали бронзовые серьги. Кроме того, в могиле было три глиняных горшка, а в них — древесный уголь. Ниже, под скелетом, лежала сплошная каменная плита красного цвета. Мы ее не стали пробовать пробивать, так как уже смеркалось; наступил вечер и Григорий Степанович сказал, что «завтра еле покопаем».

Когда наутро мы пришли, то обнаружили, что угол плиты был отколот. Толщиной она была где-то в четверть, даже менее, и на скеле она тоже была красной. Под плитой была пустота. Ребята залазили туда и убедились, что под ней пусто: ни скелета, ни оружия — за исключением единственного горшка, там ничего не было. Горшок был глиняный, четверти полторы высотой, ниже венчика — вкруговую — были два валика (или пояска), а между ними орнамент. Копать курган мы дальше не стали, бросили.

В настоящее время уже нет возможности установить, кто проник тогда ночью в курган. По моему мнению, не исключено, что это было делом рук самого Сиволобова. Вскоре после раскопок он покрыл цинком дом, купил лошадь, корову, сепаратор; по хутору шелестел одно время слушок, что у него появились серебряные вилки и ложки. Моей сестре (она с ним была в родстве) подарил серебряную тарелку и серебряную ложку (со временем они затерялись). Пошли слухи, что Григорий Степанович тарелку с ложкой и еще что-то нашел в Лукичевом и других раскопанных им курганах. Разговоры ходили всякие, да разве Григорий Степанович с Александрой и Антониной об этом кому скажут?»

Р. С. Судя по серьгам, валикам и орнаменту на горшке погребение могло быть эпохи срубной культуры.

В. И. Мамонтов

3. Окрестности х. Попова, Большой курган.

Приблизительно в полукилометре южнее подстанции или метрах в 300-400 на юго-запад от кладбища возле Ясеновских байрачков, на возвышенности, среди поля стоит одинокий распахиваемый курган под названием Большой. Высота его где-то 2,5 м, диаметр примерно 25-30 м.

В раскопках Большого кургана принимал участие бывший ученик Сиволобова Г. С. — Попов Дмитрий Михайлович, 1917 г. р., колхозник, ныне пенсионер и житель х. Попова. 28 августа 1977 г. он рассказал мне следующее:

«62» «Где-то в 1927 или 28 гг. этот курган пытался вскрыть со школьниками учитель Поповской школы Сиволобов Г. С. На глубине около 60 см (но не более метра) от вершины кургана была обнаружена могила, в которой находился человеческий скелет. Кроме него там были два разбитых горшка и два каменных топора. Топоры были серого цвета, плохо обтесанные, в длину четверть, а может чуть поболее и напоминали собою топоры-колуны или молотки. В одном была дыра, но не насквозь, другой без дыры, но на обушке была круговая канавка. Топоры Сиволобов Г. С. забрал в школу, и куда они потом делись — неизвестно».

Р. С. Судя по рисункам топоров погребение эпохи бронзы (срубной культуры?).

В. И. Мамонтов

7. Хутор Попов, курганы возле правобережного устья балки Тоненькой, восточнее сепараторного пункта; возле правобережного устья балки Тоненькой луг сразу

переходит в небольшую возвышенность. На ней с северо-запада на юго-восток вытянулся курганный могильник, в котором семнадцать различных по размеру курганов. Надо сказать, что на территории могильника находится длинное колхозное помещение с базами для скота, и вполне допустимо, что какое-то количество насыпей снесено во время постройки. Начинаются курганы буквально у дворов, захватывают вышеупомянутые постройки, пересекают грейдер с х. Попова на х. Подок и оканчиваются за ним на поле. В середине цепи возвышается самая большая насыпь высотой три метра и диаметром до 45 метров. Это Мартинов курган (уличное прозвище от жившего когда-то неподалеку первопоселенца хутора Попова Мартина Матвеевича). На вершине этого кургана — оплывшая и заросшая травой яма. Единственное, что мне известно о нем — это то, что в 1925 или 26 гг. его раскопал учитель поповской школы Сиволобов Г. С. с учениками. <63> «Во время раскопок был найден приблизительно двухведерный глиняный пустой горшок, который тут же разбили» (Это я слышал от поповской жительницы Евсеевой Раисы Андреевны, а ей рассказывал свидетель раскопок, ныне покойный житель того же хутора Евсеев Филипп Павлович 21.03.1978 г.; позже об этом же рассказывал и Раисин брат — Евсеев Иван Андреевич, 1912 г. р.)

Кроме того, Сиволобовым в том же году на западной окраине могильника, над ныне живущими Алешиными и Кудиновым Иваном Фомичем (а по словам Евсеева И. А. «к подворью Петрова Вениамина Митрофановича») был вскрыт другой, самый маленький, курган. По словам очевидца раскопок, жителя х. Попова Евсеева Ивана Андреевича (брат Раисы), 1912 г. р., в нем были найдены человеческий скелет и пустой глиняный горшочек, похожий на корчажку.

5. Хутор Ольховка, безмянный курган выше (севернее) центра хутора.

Выше колхозных амбаров (или местожительства Попова В. С.) на край бугра, по правую сторону дороги (что ведет в Метровке), среди полей стоит одинокий нераспаханный курган с оплывшей в середине ямой. Высота его примерно метр, диаметр — м 16.

Про этот курган уроженец и житель х. Ольховки, колхозник Апраксин Иван Викторович, 1896 г. р., рассказывает следующее:

<64> «Приблизительно в 1922 иди 23 гг. этот курган раскопал с учениками учитель Поповской школы Сиволобов Г. С. В центре, не доходя до материка, встречалась могила, а в ней человеческий скелет и необливной тонкостенный горшочек емкостью менее литра (похожий на чашечку), в котором была мелкие катышки зеленого цвета — признаки зерна. Сверху горшочек был накрыт плоским камнем».

6. Хутор Ольховка, Калмыцкий курган.

В западном конце хутора возвышается Калмыцкий бугор. На нем расположено второе кормовое поле, площадью 18 га. На этом поле насыпаны три кургана. Два из них малозаметны и пашутся, третий же можно видеть издали со всех сторон: находится он неподалеку от края бугра; диаметр имеет приблизительно 15 м, при высоте приблизительно 1,5 м. Он нераспахан, так как в Центре его оплывшая и заросшая травой яма, кроме того, вся насыпь изрыта лисьими норами и усеяна мелкими камнем-песчаником.

80-летний колхозник, уроженец х. Ольховского Кондрашов Арсентий Львович 17 июля 1977 г. рассказывал: <65> «Мне было лет 15, быков стерегли возле этого кургана, часто ночевали в его яме, а то и просто спасались от ветра. Кто копал этот курган — неизвестно, только в народе ходит молва, что в нем вырыли клад».

26 июля 1995 г. кузнецкий житель Кругляков Матвей Никифорович сказал мне, что «курган на Калмыцком бугре (что в западном конце х. Ольховки) до 1930 г. копал Сиволобов Григ. Ст. Что нашел — не знаю».

«Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского округов Нижневолжского края.»

Сталинград, 1929 г.»

В этой книге я нашел заметку следующего содержания:

«№ 26. Хут. Кузнечиков, Кумылж. р-н.

В окрестностях хутора был разрыт курган, в котором обнаружено погребение. (Свед. Потапова И. Н., 23.8.1927 г.)».

Коротко и неясно. Кто, где и когда копал курган? Кто такой «Потапов И. Н.»? Названный х. Кузнечиков я хорошо знаю: у нас его зовут больше Кузнеченский, а проще — Кузнецы. Начинается он сразу же от Гати и км 2,5 тянется на восток Лутковского лога. Но, насколько мне известно, возле названного хутора нет раскопанных курганов. А есть ли таковые в окрестностях хутора? Я начал наводить справки и узнал, что за х. Кузнеченским (через лог) был совсем недавно хутор Лутковский. Между хутором Лутковым и соседним (с востока) хут. Филинским расположена окрест известная Белая горка, где близлежащие хутора добывают для своих нужд белую глину. Выше этой горки возвышается вверх громадный Кирюшкин бугор. На нем, неподалеку от края, безо всякой ориентировки расположен курганный могильник, состоящий из 23 насыпей разного размера. Ближе к северной окраине могильника на самом высоком месте стоит несколько самых крупных курганов высотой от 1,5 до 3-х м и диаметром от 20 до 26 м. Эти курганы полусферической формы, у некоторых хорошо сохранился кольцевой ров. Самое главное — на вершине одного из них зияет оплывшая и заросшая травой воронка. Курган без сомнения копанный. Если взять во внимание, что находится он действительно «в окрестностях хут. Кузнечикова» (а до его восточного конца км 1,5), то уместно предположить, что именно про этот курган и давал сведения неизвестный для меня Потапов И. Н. и именно этот курган раскопал Блинков Терентий Установич. Предположение мое подтвердилось. Еще 8 июня 1975 г. я записал от него следующий рассказ:

«66» «Книга Г. Петерса “О чем говорят камни” вызвала во мне такой интерес к кладоискательству, что я решаю попытать счастья в своей местности. Для этой цели весной 1926 г. я сагитировал по х. Луткову человек 13 парней и учащихся и с этой группой возглавил любительские раскопки кургана над Белой горкой — на Кирюшкином бугре.

Раскопки производились в центре насыпи в виде погреба, размерами “три на три” на глубине 3-х аршин на всей площади раскопа оказалась сплошная каменная плита из песчаника. Когда пробрили ее ломками (толщиной она была четверти две), то под ней, на глубине 1,5 м, в чистом желтом песке оказалась могила, в которой находился сидячий скелет человека. Ноги его были согнуты по-цыгански, руки лежали на коленях, лицом глядел на восток. В вытянутом положении скелет был ростом около 2-х м, причем длина черепа — 10 1/2 вершка. Зубы все целые и хорошей сохранности. В междуглазье укладывалась ладонь, брови нависали над глазами, подбородок востроватый и к скулям шире. Судя по обличью черепа, погребенный человек был татарского происхождения.

В ногах на углях стоял кувшин с двумя ручками, высотой в полметра. У него было округло вытянутое тулово, высокое узкое горло с двумя высокими ручками и маленькая ножка. Вокруг шейки — три кантовочки (линии). Горло было такое узкое, что в него с трудом пролазил кулак. В кувшине на треть был зеленого цвета порошок, который при горении вонял рогом жжёным.

С левой стороны скелета в прелых ножнах лежал гнутый коромыслом палаши (сабля). Длина его от земли до подмышек на наш рост, причем конец был оторжа-

веший, над обухом заметна бороздка. От рукоятки уцелел один стержень; пыльная масса, собранная вокруг него, при горении тоже воняла рогом жженым.

Под скелетом лежали конский череп и кости. Кроме того, в некоторых местах могилы встретились угли, разложившиеся кирпичи, пресноводные раковины и кости мелкой птицы.

Человеческий череп, кувшин и сабля за отсутствием близкого музея долгое время хранились в моем доме. Затем я написал письмо в Новочеркасский музей, в котором описал свои раскопки, находки. Оттуда вскоре прислали открытку следующего содержания: «Раскопки прекратить, так как добытые Вами экспонаты остаются неизвестными для людей. Со временем за счет государства будут назначены специальные экспедиции, которые будут вскрывать курганы по всем правилам науки».

23 января 1978 г., просматривая подаренную мне Блинковым книгу Г. Петерса «Что говорят камни» (3-е издание, выпуска 1912 г.) на первой (чистой) странице к своему удивлению я обнаружил карандашный рисунок раскопанного кургана и записи, сделанные непосредственно рукой самого Терентия Устиновича. Сделаны они, по-видимому, по свежим следам раскопок, запись представляет определенный интерес, и я ее воспроизвожу полностью:

«66а» «В 1924 г. 22-го мая в России, Донской области Хоперского округа в нижнем течении р. Хопра по левую сторону, южнее на 8 верст в ст. Федосеевской на одностороннем расстоянии от х. Луткова произведена геологическая раскопка кургану группой любителей ископаемости и учащимися. По малосилию открытие произведено центровое в виде четырехугольной воронки. На глубине 3-х аршин воспрепятствовала выложенная руками человека песчаниковая плита. При усиленном вскрытии под ней оказался полный скелет человека с 10 1/2 вершк. черепом по своей форме, принадлежащий к татарскому происхождению. Похоронен по-первобытному, также обнаружены пресноводные раковины, остатки глиняной посуды, угли, разложившиеся кирпичи, кости мелкой птицы. Все это представлено довольно ярко по отложившемуся чернозему на насыпе. Период эпохи татарщины, почти три века назад — вот что говорят нам эти холмики, поросшие ковылом. Желательно, чтобы больше людей, проходя мимо их, задумывались над ихним тайным молчанием.

Открытые предметы за отсутствием близкого музея хранятся в х. Лутковом, в доме Блинкова Т. У.

Т. Блинков».

О раскопках кургана на Кирюшкином бугре я узнал неожиданно еще от очного информатора. Этому предшествовало следующее обстоятельство.

Уроженец х. Попова, а ныне житель и пенсионер г. Свердловска Багреев Евгений Яковлевич (1900 г. р., заместитель и главный редактор ряда газет, доцент факультета журналистики Уральского государственного университета) в начале 80-х годов по моей просьбе прислал воспоминания Сеницына Ивана Ивановича. По словам Багреева, Сеницын — казак, 1900-01 г. р., тоже уроженец х. Луткова, а потом житель г. Свердловска, где в 1976 г. после операции и умер. Помимо сведений о Гражданской и Отечественной войнах Сеницын описал раскопки кургана над Белой горкой. Эта статейка (особенно насчет находок) сильно разнится с воспоминаниями Блинкова Т. У. Может быть, сказалась разница в возрасте, может быть, какой день Сеницын отсутствовал на раскопках, а скорее всего он просто запомнил многое. Как бы то ни было, его рассказ я счел интересным и после небольшого редактирования привожу его полностью. Итак —

Воспоминания Сеницына Ивана Ивановича:

«67» «Письмо археологам.

Дорогие товарища археологи! Пишет Вам солдат двух войн: гражданской и Отечественной, которому от роду 70 лет. Прочитал я вашу статью в газете «Правда» за 25 октября 1959 г. по раскопкам курганов с большим интересом. Я всегда читаю такие статейки. Почему-то меня всегда интересует летопись курганов, как вы узнаете древнюю культуру скифов, прочих племен. Я малограмотный, но зайду в библиотеку и всегда подойду к полке истории древностей и племен. Все же малограмотному человеку трудно разбираться в таких делах, как происхождение племен и национальностей. Мое воспитание происходило в бедной семье семь лет, и на территории своего края нет такого кургана, чтобы я на нем не побывал. А в 1919 г. я добровольцем вступил в Красную Армию — в 5-ый заамурский кавполк и тем более повидал в степях много курганов. Меня интересовало: что это за курганы, каково их происхождение?

И вот с белой армией мы рассчитались у Новороссийска. Нашу часть с Краснодар перебрасывают во Владикавказ: тут пошла вроде мирная служба. Я начал через букву читать и писать. Наш батальон занял под казарму семинарское помещение, и в наследство нашей части попала библиотека духовной семинарии. Мало-помалу стал копаться в книгах. Библиотекарь был хороший, он спросил: «Что тебя интересует?» У меня автоматически выскочили слова: «Не науки, а просто происхождение человечества, нации». Он начал давать на эту тему книги, а книги писателя или археолога Николая Рубакина он подарил мне.

Начитавшись этих книг, я вернулся домой в х. Лутков (Фед. ст.). С интересом молодежь стала читать мои книги про скифов, сарматов, печенегов, казаков и про многие племена, про раскопки курганов и что в курганах есть захоронения. У молодежи возник вопрос: проверить книжную писанину.

Собрались в одно из летних воскресений, взяли инструмент — лопаты, ломы и пошли на гору напротив Белого родника (территория Филинского к-за и с/совета). Из трех курганов выбрали самый большой, обозначили середину — 4 на 4 м — и начали рыть. Вся молодежь работала три дня. Высотой курган был пять метров, вершина «вразноту» — в три отдельных слоя — была обложена очень большими камнями. Дорылись до дна. На дне этого кургана обнаружили человеческий скелет в сидячем положении; лицом он глядел на восток, в ту же сторону была откинута правая рука, а левая — заброшена за шею. Обрыли землю вокруг скелета, вынули кости, сохранились они хорошо, правда, лишь немного пожелтели; зубы оказались все здоровые, даже эмаль на них не разрушилась. Лоб над глазами был крутой, ничем не отличающийся от славян. Когда сложили скелет и смили метром, длина его, помнится мне, была 1 м 80 см.

На всем протяжении нашей работы никаких предметов не оказалось: ни каменных, ни железных, ни бронзовых, ни доспехов — ровным счетом ничего. Только вокруг скелета мы нагребли темно-коричневого седла или пыли. Эта пыль могла быть от пепла, а возможно, от какой-то одежды, бывшей на нем. Сама по себе эта пыль была до того легкая, что пустив по ветру, ее всю уносило без остатку.

И что получилось. Вырыли мы скелет этот и оставили лежать около кургана. Несколько лет верующие люди проклинали нас, называли «бусурманами» и ночью боялись ходить мимо этого места. С одной стороны, нас надо было назвать некультурнее: «темные невежды» — за то, что нарушили летопись курганов, просто ни за что ни про что вырвали листок из истории курганной книги. С другой стороны, у нас была цель: не поиск клада, а просто хотели проверить, правда ли, что в курганах есть захоронения. Правду узнали, но пользы от этого нет никому: ни людям, ни истории.

что находится он на сланцах, т. е. на солонцеватых землях, на которых от дождей и снега круглый год стояла вода. Чернобровкин Прокофий после войны плугом стянул с него часть земли, из которой обнажились человеческие кости».

3. Ст. Федосеевская.

28 сентября 1975 г. Блинков Т. У. рассказал мне следующее: <70> «В ... году в ст. Федосеевской при рытье могилы на новом кладбище («новое кладбище» — по словам жителя станицы Симонова Пимена Ионовича, 1908 г. р., — находится у бывшей церкви), на глубине полтора метра было вскрыто захоронение человека. Сверху никаких признаков креста или могилки не было. Скелет лежал на спине, головой на запад, обложен был меловыми плитками. В ногах на угольках стоял глиняный горшок, в котором на треть была молотая или резаная трава коричневого цвета».

Этот горшок Блинков Т. У. подарил мне. Вот его описание. Форма — баночная; горлышко узкое, края чуть-чуть оббиты. Шейка сравнительно невысокая. Дно из-под низу ровное. Окраска пепельно-голубоватая. Емкостью литров пять. Сделан на гончарном кругу. У края горлышка выделяется один пояс, у основания нижней шейки — два пояса, на верхней заплечине — три пояса. Столько же поясов (три) у нижней заплечины, расположены, можно сказать, на тулове. Между шейкой и туловом (т. е. между двумя и тремя поясами на верхней заплечине) по окружности нанесено семь елочкообразных рисунков. Само тулово испещрено изогнутыми линиями крест-накрест, в результате чего получилось множество ромбовидных квадратов. И елочки, и ромбы совсем не вдавлены в поверхность, а, можно предположить, что они нанесены уже на высушенной глине.

Размеры горшка:

Высота — 30 см.

Диаметр отверстия горла — 2 см.

Окружность посередине тулова — 73,5 см.

Диаметр дна — 14 см.

Р. С. Когда я повез рисунок горшка в Волгоград и показал Мамонтову В. И., он сказал, что «судя по горшку погребение средневекового периода». Когда же он (т. е. Мамонтов) 10 июня 1981 г. побывал у меня в гостях и воочию посмотрел горшок, то внес поправку: «Сосуд хазарский, приблизительно восьмой век нашей эры».

В 80-х годах этот горшок я подарил в организованный в ст. Кумылженской районный краеведческий музей.

4. Хутор Кривский, Кривский байрак (Кум. р-н)

Рассказ Блинкова Т. У., записанный от него 24 июня 1975 г.:

<71> «До 1945 г. я учительствовал в х. Девкином. В х. Остроуховском учительствовал Кругляков М. Н., проживающий ныне в х. Кузнеченском. Его пятиклассник Терентий Шашлов сказал ему однажды, что в хуторе Кривском, в байраке он с товарищами ходил дергать бересклет и вместе с корнями выдернул позеленевший котел, похожий на шлем. Он был без ушков, весом 8-8 кг, выбивной, сделанный из одного медного слитка.

Мы заинтересовались сообщением и вместе с ребятами, прихватив лопаты, сходили в Кривский байрак.

Поверхностный осмотр не дал ничего нового, тогда решили заложить раскопки. И вот что обнаружили. Неглубоко в земле, во весь рост, головой на юг лежал человеческий скелет. На нем была железная сетчатая кольчуга с ячейками не толще карандаша. Кольчуга частично истлела, но все же по обрывкам мы установили, что она была чуть пониже локтей и чуть повыше колен.

была метра полтора. Вместе с костями лежала длинная железная сабля, у которой обделка — если не золотая была. Я взял ее за рукоятку и поднял руку над собой — она упиралась в землю, причем, надо заметить, конец у ней был оторжавленный. В этой могиле был обнаружен также и конский череп. Саблю, человеческий и конский черепа — все забрал Сталинградский музей. Учетчику, припоминаю, было какое-то вознаграждение».

Воспоминания вышеупомянутого Шашлова Терентия Ивановича, 1929 г. р., жителя ст. Букановской, бывшего учителя, а ныне пенсионера, опубликованные в статье «Из глубины веков» (смотри р. г. «Победа» за 19.04.94 г.):

«...Расскажу о второй очень интересной находке. Дело было до войны. В 1938, 1939, 1940 гг. лесхозы заготавливали кору с корней бересклета. Говорили, что это сырье нужно было для оборонной промышленности. Драли кору бересклета (в большинстве случаев) мальчишки.

Выкапывали корни бересклета, очищали от почвы, сдирали кору. Потом сушили в тени. За сданное сырье платили деньгами. А в это время в колхозе денег не выдавали. На заработанные трудовни давали натурой (зерном). Так что, это был источник для получения хоть каких-нибудь денег. Помню, мы летом с братом Сергеем копали бересклет в балке, около х. Кривского, в Сурчинах. В зарослях осинника и бересклета обнаружили очень рыхлую зольную почву. Из этой почвы легко выдергивался бересклет.

Мы оставили лопату и стали дергать. На корнях этого растения я заметил ржавое колечко. Сомнений не было — от кольчуги. Стали копать на этом месте и обнаружили захоронение ратника. Нашли часть кольчуги (комки спекшихся ржавчиной колечек), кости человеческие, конские кости, довольно длинные. Этот свиток состоял из двух прутьев серебра. Длинной сантиметров 40, вес граммов 700. Каково назначение этого предмета? Видимо, он выступал в роли денег. А может быть, имел и другое назначение? Отличительная особенность в рангах ратников?

Можно предположить, что в далеком прошлом на этом месте было сражение. Кто он? Защитник земли русской, а может быть, захватчик?

О данной находке была написана статья одним из селькоров. Она была помещена в областной газете. Со статьей ознакомились сотрудники краеведческого музея. К нам приезжала молодая женщина из Сталинграда, из краеведческого музея. Она собрала все наши находки, побывала на месте, где мы их обнаружили, описала место захоронения, экспонаты увезла в г. Сталинград. Вознаграждение за ценную находку почему-то выслали селькору из х. Пустовского. Во время Сталинградской битвы, естественно, эти экспонаты пропали.

ст. Букановская, Т. Шашлов.»

Р. С. По Мамонтову: «Погребение позднекочевническое (?), возможно, полочецкое».

Находки в Кривском байраке и определение Мамонтова меня заинтересовали, и я в июне 1977 г. написал письмо в Волгоградский областной краеведческий музей с просьбой сообщить, «сохранилась ли в их фондах опись находок, поступивших в музей в довоенный период?» 29 июня того же года от сотрудницы музея Никитиной Любви Семеновны пришло письмо, что «довоенные архивы в ВОКМ не сохранились».

Глава 5

Что нашли в кургане на Маяке

(Раскопки братьев Патриных)

Окрестности хх. Блинковский, Ольховка (Кум. р-н) и х. Скулябный (Алекс. р-н), бугор Маяк.

Над левобережной стороной Третьего (Ольховского) лога тянется гряда бугров. Один из таких бугров, расположенный севернее хутора Ольховки, северо-западнее х. Блинковского и западнее хут. Скулябного в народе носит название «Маяк». На нем расположено первое кормовое поле Кузнечинской бригады № 4. На этом поле, неподалеку от края бугра, высится большой одиночный нераспаханный курган высотой до трех метров и диаметром приблизительно 30 м с большой оплывшей и заросшей травой ямой посередине.

О том, что этот курган раскапывался местными жителями, я впервые узнал от Блинкова Терентия Устиновича. 24 июня 1975 г. он поведал мне следующее:

«Курган на Маяке раскопан до революции Тимофеем Патриным и Козьмой Семеновичем Ульяновым. На небольшой глубине отрыли самородный гроб, без крышки. В гробу был скелет человека. Они хотели взять гроб домой для хозяйских нужд, но не могли сдвинуть его с места».

Я решил навести более подробные справки об этих раскопках. И мне повезло: два участника раскопок — братья Патрины — были живы. Но по разному роду обстоятельств только через два с лишним года — 16 ноября 1977 г. — мне довелось встретиться с одним из них — Тимофеем Сергеевичем.

Патрин Т. С., 1902 г. р., уроженец и житель х. Елинковский. Насколько я помнил, он работал от районной заготконторы заготовителем кожсырья — на лошадке ездил по окрестным хуторам и среди населения скупал кожи и овчины. В момент нашей встречи это был небольшого роста полуглухой старик, и мне стоило большого труда поговорить с ним. И вот что он рассказал мне о раскопках кургана на бугре Маяк:

«74» «В 30-х годах мы решили раскопать большой курган на Маяке. Нас было трое: я, мой брат Иоф (Ефан) — в настоящее время живет в х. Блинковском, у Гати и Запороцков Козьма — наш зять, погибший впоследствии в Великой Отечественной войне. Все мы были из одной семьи, все жители х. Блинковского. В один из летних дней мы запрягли лошадь, взяли инструмент и приехали на Маяк. Копать начали в середине кургана. Земля копалась хорошо. К вечеру, вырыв яму приблизительно в рост человека, мы наткнулись (как потом выяснилось) на перекрытие — несколько песчаниковых плит, менее четверти толщиной. Сняв их, мы увидели выложенный из камня-дикаря продолговатый ящик, в котором лежал скелет человека. Кости и череп — крупные. Вещей никаких не было. Потом камень из кургана люди перевозили домой на постройке».

К выше приведенным сведениям можно добавить, что когда я 22 июля 1978 г. вновь встретился с Патриным Тимофеем Сергеевичем и спросил его, правда ли, что в кургане на Маяке был найден кинжал?, он ответил: «Правда, и ручка от него валяется у меня дома где-то в сарае. Она роговая, состоит из двух половинок, взяты на клепки. Крестовина и темлячок — медные».

26 марта 1978 г. мне удалось встретиться и со старшим братом Тимофея Сергеевича — Ефаном (Иофом) Сергеевичем. Это был тоже небольшого роста

словоохотливый старик, 1900 г. р., уроженец и житель х. Блинковского, бывший простой колхозник. Раскопки кургана на Маяке Ефан Сергеевич помнит, и его рассказ я записал:

«75» «Мы жили в х. Блинковом. Из нашей хаты хорошо был виден курган на Маяке. Мать часто говорила, что в нем зарыт клад. Однажды — дело было до колхозов — мы втроем задумали попытаться счастья, раскопать его. Копать начали не с середины, а как бы сбоку кургана. Земля копалась хорошо. На глубине примерно 1,5 м встретили сложенную кучку камней, примерно 1 м на 1 м и высотой в пояс, накрытую несколькими плитами. Когда мы их сняли (разобрали), то под камнями оказалась пустота, а в ней как бы сидел скелет человека, головой на север. Кости гнилые: кинешь, а они рассыпаются. С левой стороны, вдоль скелета — ниже колен — лежал железный прямой кинжал, острием на юг. Кинжал был ржавый. Когда я взял его в руки, он рассыпался на куски. Длина его — более локтя, чуть ли не до подмышек взрослого человека. Кроме этого кинжала в могиле ничего не было. Больше копать курган мы не стали.

Камень в кургане был обыкновенный песчаник, выходы которого есть в близлежащих ярах. Разумеется, люди обратили внимание на этот бесхозный строительный материал и перевезли его домой для своих нужд».

Р. С. «Судя по ориентировке скелета и присутствию кинжала, погребение могло быть эпохи железа (?) сарматского периода или времени».

В. И. Мамонтов

Глава 6

По следам черкесской легенды

(Раскопки Чикова В.)

12 августа 1977 г. во время рыбалки на займищном озере Глинище случай свел меня с уроженцем и жителем х. Филинского (в прошлом относился к Фед. ст., ныне Кум. р-н) — Чиковым Виктором, 1947 г. р., тракторист к-за Россия, он и поведал мне рассказ об одном кургане, в раскопках которого он с хуторскими пацанами принимал участие:

«76» Летом 1962 г. старик Чекменев Иосиф Матвеевич, 1876 г. р., у себя на огороде нашел бронзовый пенал. Судя по рассказу Чикова Виктора, он состоял из двух половинок, тщательно входящих одна в другую; поверхность их была покрыта резьбой. В этом пенале лежал бумажный лист, свернутый в трубку, шириной в четверть и длиной см 50. Бумага сухая, толстая, цветом — темно-желтая. На одной стороне листа черными чернилами и буквами вразбивку был написан текст. По мнению сведущих людей, буквы в нем очень похожи на старославянский алфавит, однако отец Чикова, знавший старославянский язык, не сумел прочесть написанное. Тогда за чтение рукописи взялся сам Чекменев, малость понимавший толк в этом деле. Половина слов в тексте оказались непонятными, однако из того, что ему удалось разобрать, привлекло необычайностью содержания. Вот вкратце о чем говорилось в рукописи: «Выше садов, сбочь Ковалева прогона должен быть курган, обложенный камнем и толстым слоем дуба. При отступлении черкесы зарыли в нем посуду, бочки с вином, оружие, обмундирование. Вход находится с той стороны, откуда встает солнце, выход — с противоположной стороны. В конце — фамилия какой-то женщины, очевидно, писавшей рукопись». Будучи старожилом здешних мест, Чекменев обратил внимание, что упомянутые

в тексте места действительно существовали в х. Филинском. Например, еще мальчонкой он помнил, что выше МТФ, там, где ныне расположено колхозное поле, когда-то в самом деле росли хуторские сады, тянувшиеся в бугор на целых полкилометра. По левую сторону от них — где теперь местность рассекает овраг — шла в гору дорога, звавшаяся Ковалев прогон. И что самое главное — выше бывших садов и сбочь исчезнувшего прогона на склоне бугра действительно находился большой одиночный нераспаханный курган. Правда никакого камня и дуба на нем уже не было — их «прибрали» местные жители, — но с западной и восточной стороны у подошвы наблюдательный глаз мог заметить оплывшие, заросшие травой ямы. Своим месторасположением курган вроде бы соответствовал описанию в рукописи, и, разумеется, Чекменев заинтересовался им. Он подговорил хуторских ребят вскрыть его и воспользоваться черкесскими сокровищами. Однообразие жизни порождает скуку, поэтому от желающих принять участие в раскопках не было отбоя. И вот летом того же года начались раскопки. Если ныне курган распахали и длина его примерно 25 м, и высота примерно 1,5—2 м, то в описываемое время плуг не касался его и, по словам Чикова, он был выше. Чтобы скорее попасть внутрь кургана, некоторые ребята настаивали на месте оплывших ям сделать подкоп, но такой способ грозил обвалом земли, и Чекменев отговорил их от этой затеи.

Копать начали обычным способом — с вершины. До глубины 1,5 м земля хорошо поддавалась, а дальше стала такой твердой, что лопаты стали бесполезными. Но ребята нашли выход из создавшегося положения. По их просьбе в кузнице был изготовлен бур, навряде тех, что применяются для бурения скважин под воду. Для лучшей проходимости породы на конце ему наварили «долото» из тракторной оси. С помощью этого примитивного инструмента дела пошли быстрее, но, все равно, понадобилось несколько дней пока проббили затекшую глину. На глубине 4 м 20 см земля стала мягкой и серой, как зола, вместе с ней бур вынес на поверхность обломки костей и бронзовое кольцо, размером приблизительно на детскую руку; на кольце сквозь зеленый налет проступали какие-то знаки. При виде этого браслета у всех загорелись глаза и у каждого мелькнула мысль: «Не клад ли это?»

Ниже костей оказался деревянный настил, тронутый пальца на два гнильем, причем гнилушки светились ночью. Судя по кусочкам, извлеченным наверх, — это был неплохой сохранности дуб. Сколько не били по нему буром, долбить его так и не смогли; самое интересное — при ударе раздавался звук, похожий на пустоту.

Велик был соблазн проникнуть внутрь кургана, но непредвиденные обстоятельства заставили прекратить дальнейшие раскопки: в хуторе пошел слух, что под настилом лежат люди, умершие от чумы или холеры и вскрытие их могилы неизбежно повлечет за собой новую вспышку этих страшных болезней. Стоит заметить, что эпидемия холеры и чумы действительно «посещали» когда-то Захоперье. Например, рядом в ст. Федосеевской, старожилы покажут вам чумовое кладбище, где вместо крестов и бугров навалены каменные плиты. (Утверждение старжилов о том, что раскапывать холерные или чумовые кладбища нельзя, подтверждают и письменные источники. Так в журнале «Наука и религия» за № 10, 1989 г. на 35 стр. в статье «Энциклопедия ушедших и уходящих деревень» гр. Калюжный пишет:

«...старинные погосты... необходимо классифицировать — среди них есть холерные и чумные (возбудители болезней сохраняются там веками, их распахивать просто преступно...)

Так и остался нераскопанным этот курган. Что скрыто в нем? Черкесские богатства или жертвы чумы — никто толком не знает. ореол таинственности окутывает его по сей день. Да и вообще под вопросом — тот курган, что был упомянут в рукописи, раскапывали ребята?

Куда девался пенал с загадочной рукописью у Чекменева — также неизвестно, так как в 69-м году в возрасте 93-х лет он умер, и всякие попытки напасть на следы этих реликвий — увы! — пока не увенчались успехом.

11 октября 1988 г. я посетил в Михайловке сына Чекменева И. М. — Емельяна Иосифовича, 1908 г. р., уроженца х. Филина. Относительно найденного пенала и раскопок кургана он ничего не знал, потому что в хут. Филинском не живет с 1930 г. О том, что ему известно, он поведал мне:

<77> «Если старой дорогой ехать с х. Филина на ст. Усть-Бузулукскую, сбочь бывшего Ковалевского выгона (с левой стороны) на склоне бугра есть безымянный курган, на котором в прошлом стоял ветряк Сомова Китая Ивановича. Отец мой по наслышке говорил нам, что если на “поздний” завтрак (примерно часов десять) стать на этом кургане, то в ту сторону, куда показывает тень, отсчитать тридцать шагов, то на этом месте должны быть зарыты в земле черкесские ценности. Проверял ли кто эти слухи — мне неизвестно».

Современное месторасположение вышеописанного кургана таково. Находится на склоне бугра, м в 500 севернее МТФ и м в 100 налево от дороги, идущей из хутора в гору. Распахан. Диаметр приблизительно 25 м, высота приблизительно 1,5-2 м. «Когда копали его, — говорил Чиков, — он был выше».

Глава 7

При свете фонарей

(Раскопки братьев Шапровых)

Шапров Валерий Георгиевич, 1948 г. р., уроженец х. Попов, Кум. р-н. После окончания десятилетки и заочного исторического факультета ВГПИ работал в Поповской средней школе физруком и историком. В 1980 г. районо был переведен в хутор Белогорский, где в должности директора и историка местной школы плюс хуторским атаманом живет и работает до сих пор. С детства увлекается историей и краеведением, т. е. со всем тем, что связано с прошлым родного края. Заводит знакомство с интересными людьми, среди старожиллов записывает разного рода сведения о казачестве, собирает археологический материал (некоторые находки стали достоянием Районного краеведческого музея), участвовал в любительских раскопках Краснобаева С., археологической экспедиции Лисицина Иг. Павл. Под влиянием археологических раскопок В. Гуляева (это конец 60-х — начало 70-х годов), применив все имеющиеся знания, пытался раскапывать курганы. О раскопках одного кургана спустя семь лет — 28 августа 1977 г. — Валерий Георгиевич и поведал мне нижеследующий рассказ:

1. Окрестности х. Попов, Кум. р-н. Большой курган.

<78> «О раскопках Гуляева В. в окрестностях ст. Букановской и х. Андреяновского в конце 60-х — начале 70-х годов в Кумылженском р-не знали многие. Знал об этом и я. Но, не имея возможности попасть на раскопки известного археолога, я с целью изучения родного края в конце мая 1970 г. решаю предпринять самостоятельные раскопки одного из курганов. Выбор пал на курган под названием Большой. (Тот самый, что в 20-х годах раскапывал Сиволобов Г. С. — А. В.).

Находился он м в 300–400 южнее бугра Маяка, на возвышенности, среди озимого поля, и несмотря на то, что диаметр его был м 30, а в высоту достигал 2,5 м, он распахивался и в этот год был засеян озимым хлебом. Курган сторожил эту степь, наверное, не одну тысячу лет. Кто, когда насыпал его, что скрыто под его земляным холмом — вот что меня интересовала в ту пору.

Принять участие в раскопках Большого кургана изъявили желание шестеро хуторских ребят (Резниченко, Прокопов, мой брат Сергей и другие) — все учащиеся-старшеклассники. О том, что курган раскапывался моим земляком Сиволобовым Г. С., никто об этом не знал, так как насыпь к этому времени распахали и никаких следов бывших раскопок на нем не сохранилось. Чтобы не придавать задуманному делу слишком большой огласки и избежать толпы любопытных, разрыть курган решили тайком ночью, при свете фонарей. Чтобы лучше дело спорилось, я купил четыре 800-граммовых бутылки вина.

Помню, был конец мая 1970 г. В назначенный час все участники раскопок были на месте, и едва опустились сумерки — приступили к работе. Ночь, словно по заказу, выдалась тихая и теплая. Красная луна налила степь волшебной мглой, в ее призрачном свете знакомые очертания хутора, Ясеновенького и Малиновского байрачков, дальние и ближние бугры начали приобретать какой-то нереальный, фантастический вид. Это усиливалось еще тем, что на ближних горизонтах к х. Евсееву, за х. Глуховым загадочно вырисовывались черные горбы курганов, тысячи лет назад насыпанные полудикими кочевниками на могилах своих соплеменников. Ото всего этого веяло мистическим трепетом, все находились в состоянии того радостного приподнятого возбуждения, когда возможно близкое открытие или необычайная находка.

Романтически настроенные ребята, раздевшись до трусов, работали лопатами и шахтерками как одержимые. По мере того как углублялись в курган, в раскопе делалось сумрачно — пришлось зажечь принесенные два фонаря. К утру, когда ковш Большой Медведицы перевернулся к земле, через весь курган с запада на восток, по направлению к центру была просожена траншея. Но ни костей, ни керамики, никаких мало-мальских стоящих находок не попадалось.

Под утро в центре кургана, на глубине около двух метров дошли до деревянных гнилых плах. Они лежали по направлению с востока на запад. Я сразу догадался, что это не что иное, как надмогильное перекрытие. Когда мы разрушили этот ряд, под ним показался другой ряд плах, лежащих поперек верхних. В одном углу я увидел несколько концевых плах, и выяснилось, что под ними опять накрест виднелся еще один слой — и сколько там было рядов, перекрытий, я до сих пор не знаю.

Дальше копать не стали: наступало утро и все мы чертовски устали. Посоветовавшись, вскрытие могилы решили отложить до другой ночи. Прикидали землей гнилушки и разошлись по домам.

К вечеру, хорошо выспавшийся и отдохнувший, я хотел было уже идти собирать ребят, когда вернувшийся с работы отец (он работал в колхозе бригадиром) ошарашил меня «новостью»: объезжая утром поля, учетчик случайно наткнулся в озимых хлебах на сильно разрытый, точнее развороченный курган. Когда успели раскопать его ученые — никто из них не знал (отец имел в виду археологическую экспедицию Гуляева, как я упоминал, работавшую в это время в ст. Букановской). Кучи земли портили вид хлебного поля, яма-траншея во время полевых работ могла стать местом непредсказуемых аварий, и он, опасаясь всякого рода неприятностей, счел необходимым послать бульдозер и засыпать и сравнять траншею.

Можно представить себе мое состояние, когда я услышал это. Отец все наши грехи приписывал Гуляеву, а у меня рассказать ему правду не хватило смелости

ни в тот вечер, ни после. И до сего времени мой отец даже не подозревает, что зачинщиком вскрытия Большого кургана был его собственный сын. К чести ребят никто из них нигде тоже не проболтался о ночных делах.

Впоследствии я хотел раскопать этот курган вновь, но желающих для этого трудоемкого дела больше не нашлось. И что за тайна скрыта под его насыпью — никто не знает. Побывав на нем, вы не найдете никаких следов раскопок, хотя он — как мы знаем теперь — дважды подвергался вскрытию. Предположительная дата возведения кургана, по-моему, — эпоха бронзы».

28 августа 1977 года я с В. Г. побывал на Большом кургане, и на его распавшейся поверхности нашли один-единственный фрагмент тонкостенной лепной керамики, относящейся к эпохе бронзы.

Под статью брату был и Сергей Георгиевич Шапров. Он с 1925 г. (по другим сведениям с 1923 г.), тоже уроженец х. Попова, Кум. р-н. В колхозе работал трактористом. Лет 10 или более назад с семьей уехал куда-то на жительство. Знаю, что с детства увлекался историей, собирал старинные иконы, участвовал в любительских раскопках Краснобаева С., археологической экспедиции Игоря Павловича Лисицина. Кроме того, по прошествии времени Сергей Георгиевич признался, что лично предпринял раскопки нескольких курганов. Где — об этом рассказывают мои записи, сохранившиеся в дневниках.

1. х. Попов, Кум. р-н, Безымянный курган возле (южнее) хуторского кладбища.

«79» «С южной стороны кладбища, неподалеку от ограды, на возвышенности (там, где некогда стоял Скориков ветряк) находятся рядом два небольших кургана высотой 0,5 м, диаметром 8-10 м.

В конце августа 1968 г. мы, ребятами, один из них в поисках золота раскопали. Копали в середине насыпи, ночью, с фонарями. В центре, под насыпью нашли деревянное перекрытие, деревянные стены (все сгнившее) и в центре их — место от деревянного столба. В обвалившейся могиле на боку лежал человеческий скелет. Вещей не было.

Предположительная дата обнаруженного захоронения — эпоха бронзы, срубная культура».

Сведения записаны со слов

Шапрова С. Г., 13 ноября 1977 года.

2. Окрестности хх. Глуховский и Белогорский, Кум. р-н. Безымянная насыпь из свиты Донского кургана.

По рассказу самого Шапрова С. Г., «80» «в 70-х годах в поисках клада он снес скрепером небольшую насыпь из группы, окружающей Донской курган. Но кроме скорченного человеческого скелета с глиняным горшочком ничего не нашел».

3. Восточный конец х. Ольховки, Кум. р-н, Безымянный курган.

В восточном конце х. Ольховки, на начинающемся водоразделе, между левобережьем Едовли и впадающим в нее Третьим (Ольховским) логом раскинулся курганный могильник, в котором около двух десятков насыпей разной величины. Один из них, Безымянный, небольшого размера, находящийся м в 100 от дома автора этих строк, Шапров С. Г. примерно в 80-м году «продрал» скрепером с запада на восток. В середине кургана, под насыпью была обнаружена расплывчатая одиночная могила (ориентировку не помню) безо всяких следов покойника и погребального инвентаря. Типичная «грабежка».

Глава 8

«Авантюристы»

(Раскопки Краснобаева С. Г.)

Краснобаев Сергей Георгиевич. Что мне о нем известно? Он с 1942 г. р., уроженец и житель г. Волгограда. Впервые я с ним познакомился в августе 1968 г., когда он со своим земляком Ярковым Сашей через мою Ольховку держали путь в х. Малинов (Алекс. р-н), где местные жители обнаружили находки мамонтов. Сергей был небольшого роста, худощав, с зелеными глазами, нос с горбинкой, носил длинные волосы. По рассказу моих новых знакомых, оба с детства увлекались краеведением, но если Яркков тяготел больше к палеонтологии (миру вымерших животных), то Краснобаев до фанатизма увлекался археологией (историческим прошлым края). Взахлеб рассказывали о своих путешествиях и особенно о находках древних морских ящеров близ хутора Полунино (Дубовский р-н). Интересовались моими находками, историей наших мест; итоги такого знакомства не прошли бесследно — совместными усилиями мы частично раскопали в х. Ольховке Бочков курган. За время общения с Краснобаевым я воочию убедился, что это был не простой человек. Врожденная любознательность, глубокая и широкая эрудиция по палеонтологии и особенно археологии, фанатичная любовь к краеведению, тонкий анализ находок, интересные, часто неожиданные выводы сочетались в нем с блестящим, в меру эмоциональным изложением. Все это покоряло и завораживало не только меня, но и тех, кто встречался на его пути.

Еще раз мне довелось встретиться с Краснобаевым в 70-х годах во время моей поездки в г. Волгоград. У Краснобаева я с интересом познакомился с палеолитической коллекцией, кроме того, он любезно продемонстрировал мне древнюю технику обработки каменных орудий. Тогда же он охотно показал мне палеолитическую стоянку неандертальцев 70-тысячелетней давности, расположенной в трех км севернее г. Волгограда, между поселками Рынок и Спартановка, в балке Сухая Мечетка.

Больше я с Краснобаевым не встречался. Однако появлявшиеся в печати публикации говорили, что он проявлял бурную деятельность, по-прежнему занимался любимым увлечением, и, как говорится, «госпожа удача» не обошла его стороной.

Так, в ежегодном сборнике научных статей «Древности Волго-Донских степей» (1993 г., № 3) помещена статья С. О. Ремизова (Волгоград) «Палеолитическое местонахождение Пичуга», в которой начин так и начинается: «Палеолитическое местонахождение Пичуга (Дубовский р-н) был открыт Краснобаевым С. Г. в конце 60-х годов...»

На другой год в очередном сборнике «Древности Волго-Донских степей» (1994 г., № 4) помещена очередная статья того же С. О. Ремизова: «Палеолитическое местонахождение в Ерзовской балке». В ней автор в частности пишет: «В 1971 г. при участии С. Г. Краснобаева была собрана небольшая коллекция палеолитического подъемного материала в Ерзовской балке Городищенского р-на...».

В «Историко-краеведческих записках» (1975 г., № 3), в соавторстве с Ковалевым М. Ю. Краснобаев С. Г. печатает статью «Новые находки палеолита на территории Волгоградской области».

И опять те же «Древности Волго-Донских степей» (1993 г., № 3), начало статьи А. В. Кузнецова (Самара) «Раскопки палеолитического местонахождения Заикино пепелище» так и начинается: «Местонахождение Заикино пепелище было открыто краеведом С. Г. Краснобаевым в 1987 г. ...»

Доброе слово в адрес Краснобаева написал А. С. Скрипкин (Волгоград) в статье «Очерк по истории Волгоградской области (1970—1980 годы)», опубликованной в тех же «Древностях Волго-Донских степей» (1995 г., выпуск № 5):

«... В начале 70-х годов в Волгоградском краеведческом музее начинает работать выпускник исторического факультета Ленинградского университета В. И. Еремин, интересы которого относились к области новокаменного века. Ознакомившись с находками “самодеятельного краеведа” С. Г. Краснобаева, который в то время неумоимо совершал походы по окрестностям Волгограда и более отдаленным районам, он обратил внимание на керамику, у которой по орнаменту и фактуре имелись аналоги в памятниках неолитического времени. Осмотр мест, указанных С. Г. Краснобаевым, позволил ему выявить ряд неолитических местонахождений в Ерзовском овраге, балке Мокрая Мечетка и у х. Ляпичев, на которых были собраны каменные орудия труда и фрагменты керамики. В 1975 г. В. И. Ереминым проведены охранные раскопки остатков трех поселений в царицынской балке эпохи неолита и энеолита. Надо отметить, что период неолита — энеолита в то время в Поволжье был изучен крайне слабо, и появление новых памятников имело большое научное значение для изучения этих важных эпох в истории нашего края».

И далее автор в тот же адрес (и иже ему подобных) буквально обрушивает целый поток:

«Хотелось бы здесь сказать несколько слов и о “самодеятельной археологии”, которая ощутимо стала проявляться в нашем крае в 70-е годы, вместе с общим подъемом археологических исследований. Типичным представителем ее тогда был С. Г. Краснобаев, у него появились последователи, как в городе, так и в районных центрах. Речь здесь идет не просто о любительском краеведении. Проявляя большую активность в сборе археологических находок, а иногда прибегая к раскопкам, такие любители не соблюдали элементарных правил, необходимых при исследовании древнего памятника. Строгая фиксация археологических раскопок — одно, из основных требований. Раскопки без документации теряют свою научную ценность. Дилетантство, а в еще большей степени раскопки с целью обогащения, всегда приносили археологии только вред. С этим явлением трудно бороться, хотя кое-какие меры в этом плане нами предпринимались. Например, ограниченные деятельности любителей только разведками с составлением археологических карт, передача письменных сведений и фотоматериалов о памятниках археологии в музей. Направление энергии любителей в цивилизованное археологическое русло, как мне кажется, дало свои положительные результаты. К 80-м годам эта флибустьерская волна в археологии в нашей области сошла на нет...»

Чем же закончилась краеведческая деятельность Краснобаева? Я долго не знал об этом, пока в середине июля 1995 г. в нашем крае не появился Волго-Донской археологический отряд научно-исследовательского сектора ВГПУ, и от его участников — Гуренко Л. В. и Ситникова А. В. — узнал печальную весть: моего старого знакомого, краеведа Краснобаева Сергея Георгиевича больше в живых нет. По словам научных сотрудников, «он сильно пил, часто по краеведческим поискам исчезал из дома, а года 3-4 назад пропал совсем. Думали чеченцы взяли в плен, заставили где-нибудь работать (такое случалось не раз). Сын Сергея (а всего у него было четверо или пятеро детей, один умственно не развитый) стал разыскивать и нашел могилу отца в Астрахани или где-то в Астраханской области. Как он попал туда — неизвестно. Может, завербовался на заработки (допустим, на бахчу), может, в поисках следов древней жизни лазил по степям и натолкнулся на каких-то ухарей, может, скоропостижно умер — поди теперь узнай. Как бы то ни было, Сергей там, на чужбине, и покоится».

Аналогичное сообщение в августе того же года привез и другой мой старый знакомый — Ярков Александр Аркадьевич, — который благодаря целеустремленности (вот уж поистине талант всегда пробьет себе дорогу!) из бывшего рабочего-размольщика Волгоградского алюминиевого завода ныне стал заведующим отделом естественной истории сперва Волгоградского, а потом Волжского краеведческого музея и является членом Палеонтологического и Географического общества России. Встреча была радостной, но ощущение утраты не покидала нас, и во время застолья нашлась чарка помянуть нашего старого друга. Мы хорошо знали: каким бы «авантюристом», «флибустьером» он ни был в глазах отдельных личностей, какие бы у него ни были недостатки — он был настоящим краеведом, который своим подвижничеством внес посильную лепту в дело изучения родного края. Заслуги Сергея Георгиевича никуда не денешь. И пусть мой нижеследующий рассказ «Авантюристы» станет доброй памятью об этом интересном человеке.

«Вооружитесь воспоминаниями и вы будете спасены на всю жизнь».

Ф. М. Достоевский

ПЯТНИЦА, 10 АВГУСТА

10 августа 1968 г. ко мне неожиданно в обед приехали из г. Волгограда два парня: Ярков Саша и Краснобаев Сергей. Познакомились.

Ярков Саша в нынешнем году окончил 8 классов, интересуется археологией и палеонтологией (предпочтение отдает все же палеонтологии), и все свободное время он проводит в поисках окаменелостей. Из себя он — плотный, нос — курносый, волосы цвета спелой пшеницы, ходит без кепки, одет в безрукавку.

Краснобаев Сергей старше Саши, он с 1942 г., роста небольшого, худощав, глаза зеленые, нос с горбинкой, волосы под канадку опускаются на свитер. Я узнал от него, что он с восьмью лет страстно увлекается археологией (так же, как и я, свое увлечение древностью начал с палеонтологии), кроме того любит стихи. Два года участвовал в экспедициях, раскопал 35 захоронений. Весь Волгоград излазил вдоль и поперек. Открыл вторую за всю историю археологии стоянку эпохи неолита (6 тысячелетие до н. э.) и несколько стоянок срубной культуры. Иногда раскопки производит совместно с женой Раей. У них есть сын Юрик — ему 9-й месяц.

И Саша, и Сергей состоят в археологическом кружке, где во главе его стоит заведующий отделом археологии ВОКМ Владислав Иванович Мамонтов. От него они и узнали мой адрес. Владислав Иванович не раз рассказывал обо мне, моем увлечении палеонтологией. И вот они, выбрав свободное время, в любительских целях на свои средства приехали ко мне, чтобы посмотреть мои места и мои находки. Кроме того, у них была цель: добраться в х. Малинов Алексеевского района к Саломатину Сергею Петровичу, трактористу совхоза «Дальний». Этот человек на территории своего хутора обнаружил скопление костей вымерших животных четвертичного периода: мамонтов, быков-бизонов и др. Несколько посылок со своими находками он присылал в ВОКМ, и это, естественно, заинтересовало их. Для меня эта новость была ошеломляющей, и я, разумеется, сразу загорелся желанием посмотреть все своими глазами. Подвернувшийся случай упускать было нельзя, и я без долгих колебаний заверил своих новых знакомых, что упомянутый хутор

я знаю, и мы постараемся обязательно съездить туда и лично осмотреть древнее кладбище вымерших животных. Ребята остались довольны моим ответом.

Первым делом они показали мне привезенную с собой коллекцию, находившуюся в утробе рюкзака. Впервые я увидел каменные орудия древнего человека, найденные в окрестностях г. Волгограда и пригорода: наконечник копья, дротик, ножевидные пластинки и кусок нуклеуса — кремневого ядра, от которого откалывали пластинки. Были у них и черепки от сосудов, позвонки и зубы акулы, косточка и осколок зуба мамонта, медный крест-складень-асколпион, датированный Сергеем 11 веком.

Моя коллекция окаменелостей тоже удивила их своим разнообразием. Чтобы окончательно покорить их палеонтологическим богатством наших мест, я свозил их в Фарафонову балку, где верхнемеловой пласт известняка буквально переполнен всевозможными окаменелостями и отпечатками морских обитателей. После осмотра оба признались, что подобного обилия окаменелостей они нигде не встречали. Взять всего было невозможно, и мы ограничивались лишь осмотром палеонтологических сокровищ. Осмотрели мы также и Каменную балку, расположенную рядом. Она известна мне по многочисленным находкам известковых водорослей; именно в этой балке я когда-то нашел окаменевший кусок дерева. Так как эту балку я систематически осматривал, интересных находок в ней мы нашли мало.

Сергей попросил меня показать курганы, известные мне. Я согласился и Метровкой спустился к с детства знакомым мне двум большим курганам, насыпанным от моей хаты метрах в трехстах. Каково же было мое изумление, когда Сергей кроме них насчитал вокруг еще штук тринадцать курганов. До сих пор мне и в голову не приходило, что те самые бугорки на выгоне, на которых мы играли, ловили сусликов, пасли коз — есть могилы давно живших здесь людей, пусть размерами они небольшие, но все это курганы — творение человеческих рук. Я был потрясен. Я словно другими глазами взглянул на свою местность, на увлечение ребят, даже само слово «археология» уже не казалось мне чем-то отвлеченным, как раньше, а приобрело особый смысл и значимость.

Сергей осмотрел весь могильник. Внимание его привлек предпоследний от лога курган — у нас в хуторе он известен под названием Бочков курган (от живших здесь когда-то людей под такой фамилией). Курган этот отличался ото всех других своей странной формой. Насыпь его не круглая, как обычно, а длинная, ориентированная с северо-запада на юго-восток. Северо-западная часть была повыше, и создавалось впечатление, что тут был в свое время обособленный курган, а затем к нему подсыпали рядом еще земли, в результате чего и получился длинный курган. Наибольший его диаметр 30 метров, наименьший — 16 м, высота вершины с северо-запада побольше метра, тогда как высота остальной насыпи не превышает метра. Чем он заинтересовал Сергея, я затрудняюсь ответить, но именно его он и решил раскопать.

СУББОТА, 11 АВГУСТА

Накануне вечером мы допоздна вели разговоры про историю, палеонтологию, археологию. Чего я только не наслушался тогда! Буквально затаив дыхание, слушал я рассказы своих новых друзей о большом захоронении сухопутных и морских ящеров в Полунине, о раскопках и находках, совершенных ими. Осведомленность их в археологии, особенно Сергея, поражала меня. Впервые я услышал, что вся история человечества делится на век камня, бронзы и железа. От них я узнал, что

существуют культурные слои, из которых извлекают много интересных находок. Именно тогда я почерпнул первые сведения о народах, бывших некогда в нашей области.

В археологии я тогда был профан, зато про палеонтологию я мог рассказывать часами, так как ей я отдавал все свое свободное время.

С большим вниманием слушали ребята о моих похождениях за окаменелостями. Я рассказал про Кузнеченские и Лутковские яры, где собирал великолепной сохранности экземпляры меловых губок, про свои связи с людьми, интересующимися миром вымерших животных. Упомянул и про каменный топор, найденный на территории Филинского сельского совета и ныне хранящийся в местном школьном музее, которым заведует учитель истории Дегтярев Константин Федотович.

Сергей сильно заинтересовался последним сообщением и попросил обрисовать топор. Я рассказал все, что знал о нем, даже нарисовал его по памяти. Подумав, он сказал, что это, скорее всего, не топор, а орудие для долбления лодки — тесло. И в том месте, где он найден, надо обязательно побывать, может быть, даже покопаться.

Признаться мне не меньше Сергея хотелось побывать в тех местах, осмотреть незнакомые мне окрестности, и я, не раздумывая, согласился съездить в ст. Федосеевскую. Договорились съездить с Сергеем вдвоем. Сашок, больше рвавшийся на поиски окаменелостей, осмотрит в это время Кузнеченские и Лутковские яры: я проинструктировал его, как найти их, и для верности нарисовал карту.

Я с вечера заправился, уложили в Сергеев рюкзак продукты, воды, нож, бинокль и, едва рассвелось, мы Поповским грейдером тронулись в путь. Я неспроста выбрал этот маршрут: вдоль хутора я знал несколько курганов, даже один раскопанный. И я их решил все показать своему спутнику. Как я и ожидал, Сергей обнаружил их во много раз больше, чем знал я, причем большинство он отнес к эпохе бронзы, а поднявшись на большой давно раскопанный курган возле фермы, он сделал заключение: курган эпохи железа. Позже Мамонтов В. И. подтвердил тоже самое. (Имеется в виду Мартинов курган, раскопанный учителем Поповской начальной школы Сиволобовым Гр. Ст. в 1924 г.)

Сразу же после переезда через Гать, в хуторе Кузнеченском, возле дворов, Сергей обнаружил одинокий курган диаметром в 50 м при высоте в 1,5 м. Самое интересное то, что он был насыпан метрах в 100 от дома жившего здесь когда-то отца. Я не раз видел его, ходил через него, но предположить, что это искусственная насыпь, мне и в голову не приходило, по мнению Сергея, он также принадлежит к эпохе железа.

В х. Филинском учителя Дегтярева К. Ф. дома не оказалось, и посмотреть каменный топор нам не пришлось. От него мы хуторами доехали до ст. Федосеевской, нашли Алаторцева Василия и попросили показать нам место, где он нашел каменный топор. Мы представились как сотрудники археологической экспедиции, которая занимается осмотром За- и Прихоперья и, разумеется, Василий, не колеблясь, согласился помочь нам. Я по очереди переправил их в степь. Это примерно километра 3-4 от станичного тракторного отряда на северо-восток. Место, где Василий нашел свою находку, холмилось от курганов. Все они были распаханы, и во время нашего осмотра на поле было жнивье. На любой стерне вообще мало что заметишь; другое дело — если была бы пахота: на ней посторонние предметы сразу бросаются в глаза. Но в то время нам не повезло: сколько мы ни ходили, сколько Сергей ни ковырялся потом ножом — никаких находок нам не попало. Делать здесь было нечего. Мы поблагодарили Василия за услугу, и я отвез его домой.

Наскоро перекусив, мы осмотрели местность до хх. Филяты и Водяновского (они за ст. Федосеевской, возле Хопра), затем несколько часов колесили по выжженной солнцем степи. И всюду мы видели курганы и курганы. Большие и маленькие, то кучкой, то цепочкой, то в одиночку они маячили всюду, где местность имела маломальскую возвышенность. Очень много было их как на буграх по-над займищем, не меньше их было и в степи. Мы насчитали их с Сергеем где-то около 60 штук. Но должен заметить: когда я в последующее годы вел систематическое обследование этих мест, то обнаружил их гораздо больше.

Находки в тот день нам не улыбнулись: свежей пахоты было мало; всюду на полях было живье, нескошенная кукуруза и подсолнечник, а кое-где лежали даже валки хлебов. Немудрено, что на лице своего друга я видел подавленное состояние. Ведь словно сама история прошла нынче перед нашими, глазами, а мы и не догадываемся какие находки, а может быть и клады скрыты в этих таинственных безмолвных памятниках старины.

Между тем день подвигался к вечеру. Пора было думать и об обратном возвращении. Прежде чем спускаться в х. Филинский мы с полчаса лежали на большом одиноком кургане, насыпанном на краю бугра возле дороги. И пока остывал перегревшийся мотор, мы любовались открывшимся видом. Безмятежно раскинулись под буграми хутора. Беспорядочно разбросанные дома издали казались игрушечными белыми кубиками. Обилие зелени совсем скрывает их. Через луг — опять беспредельная холмистая степь, дрожавшая в трепетном мареве. Пение жаворонков, пересвист сусликов, парящий в голубом небе коршун — такой и запомнилась нам степь в тот день.

К вечеру мы добрались наконец до дому. На спидометре моего мотоцикла километраж прибавился за день более чем на 100 км. Сашок был уже дома. Собранная им коллекция окаменелостей говорила, что наш «палеонтолог» оказался удачнее нас.

Как мы ни устали в тот день, Сергей настоял начинать раскопки Бочкова кургана именно в этот вечер. Захватив лопаты и шахтерку, мы быстро дошли до него, благо от моей хаты он был метрах в 300. Прежде чем начинать копать, Сергей попросил меня произвести ориентировку сторон света, что я и сделал ямками вокруг кургана. Только после этого он разрешил копать, но не в центре, как я думал, а с северо-западной стороны.

Перед началом работы Сергей прочел мне небольшую лекцию.

Производить раскопки курганов в центре, объяснил он мне, не принято в современной археологии: такое ведение раскопок рассматривается как простое кладоискательство и по праву преследуется законом. Другое дело, когда насыпь сносятся вся: во-первых, при таком методе все находки в ней будут зафиксированы и, во-вторых, сняв насыпь, легче обнаружить захоронения, которых может быть несколько. Так как нам, продолжал он, не под силу снять всю насыпь, то ограничимся тем, что траншеей прорежем курган сколько сможем.

И вот лопаты врезались в курган. Столетия, а может быть и тысячелетия мои отдаленнейшие предки по обычаю заботливо возвели его в память своим умершим соплеменникам, и вот теперь мы взялись разрушить его, чтобы вскрыть частичку истории моего родного края.

Попеременно отдыхая, мы постепенно вгрызались саженной траншеей в насыпь. Чтобы быстрее обнаружить погребения, Сергей предложил копать на штык ниже материка (так называется нетронутая поверхность земли).

Мы с таким азартом прошли два метра, что не заметили, как село солнце. Пришлось нехотя прекращать раскопки. Но идти никуда не хотелось. Мы долго

отдыхали на кургане, чувствуя, как приятно расслабляются взвинченные нервы. Вечер принес с собой живительную прохладу. Любуясь закатом, мы не спеша вели разговоры с пришедшими к нам любопытными хуторянами, обсуждали между собой события дня, с юмором вспоминая что-нибудь забавное. Домой ко мне пришли часам к двенадцати.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 12 АВГУСТА

Кажется, только что легли спать, и вот уже надо вставать. Солнце еще не показалось, а мы были уже на кургане. Отдохнувшие, взбодренные утренней свежестью, с удвоенной энергией мы продолжали продвигаться к центру насыпи. Чтобы сильно не утомляться, мы решили поочередно отдыхать. И пока двое копали, третий, сидя на отвале, внимательно смотрел на выкидываемую землю, стараясь не пропустить мало-мальской находки. Каждые пройденные полметра Сергей выравнивал материк до идеальной плоскости, но заклепывая глина ясно подсказывала, что ее никогда не касалась рука человека. Правда, встречались места подававшие надежду на могилу, но по мере того, как дюйм за дюймом зачищался грунт, постепенно пропадали и темные пятна, оказавшиеся просто-напросто перекопами грызунов. Заслуживающего внимания не было пока и в самой насыпи; лишь ее цвет — темно-серый и сравнительно податливый, говорил, что земля насыпная.

Так мы прошли метра три. Неожиданно после очередной зачистки, Сергей обратил наше внимание на небольшое темно-серое пятно в желтой глине материка, овальной формы, диаметром в полметра. Даже после многократной зачистки пятно не исчезало и стало ясно, что здесь что-то есть, мы бросили все и, затаив дыхание, смотрели, как Сергей осторожно выбирал землю. Мало-помалу овальное пятно приняло некое подобие четырехугольника с ориентировкой северо-запад — юго-восток. На глубине примерно штыка завиднелись и трухлявые человеческие косточки странного желтого цвета. Сергей объяснил это действием охры, которой в свое время был посыпан труп. Между костями сохранились темно-коричневые гнилушки — следы бывшего могильного перекрытия, а может быть и гроба (что мало вероятно), кое-где попались кусочки белой глины. В разных местах могилы было обнаружено с десяток черепков темной керамики без орнамента. Приглядевшись, можно было заметить, что она двух сортов: с примесью толченой ракушки и без нее.

Немало пришлось попотеть Сергею, пока он расчистил скелет. Несмотря на то, что захоронение изрядно попортили грызуны — даже кое-где можно было заметить их косточки и черепа, — все же не представляло особого труда определить характер погребения. Перед нашими глазами в могильной яме в скорченном положении лежал детский скелет девочки лет одиннадцати (так определил Сергей), на правом боку, головой на северо-запад, с заведенными за нее кистями рук. Никакого погребального инвентаря не оказалось.

После некоторого размышления Сергей сказал, что перед нами впускное погребение срубной культуры эпохи бронзы (XV—XII вв. до нашей эры). По твердости кости походили на мел или истлевшую древесину — подобное состояние костей (как я узнал после) характерно почти для всех погребений бронзового века и является результатом «процесса минерализации». Для убедительности Сергей поскреб потом окрашенную кость — на ней осталась желтизна — как бы след от краски.

Взять из могилы было решительно нечего, и мы, насмотревшись вдоволь на скорченный скелетик, засыпали ямку землей.

Солнце стояло чуть ли не над головой, жара была невероятная. Ни ветерка, ни тучки. Все время хотелось пить, и я раза два ходил домой за водой. Раздевшись до пояса, обливаясь потом мы, не сбавляя темпов, вгрызались в курган. Боковые стенки делались все выше, выкидывать землю из раскопа стало тяжело, и мы кидали ее больше назад в траншею.

Существенных находок не было, если не считать нескольких черепков без рисунков.

Место нашего раскопа все время осаждали толпы любопытных. Так как курган находился на перекрестке дорог, то кто бы ни шел по ним, кто бы ни ехал, обязательно заворачивал к нам. Молва о наших делах докатилась и до представителей власти на селе. К обеду к нам приехали колхозный бригадир и председатель совета. «Что тут за «авантюристы», что тут за самодетельность?» — первым делом шутиливо осведомились они. Лицо мое не цветет от таких гостей, так что вести разговоры с ними само собой пришлось Сергею. Я вообще поражался научным разговорам Сергея, но на сей раз он, вероятно, превзошел себя. После показа документов он сумел так деловито и спокойно объяснить цель своего пребывания здесь, что гости остались довольны и вскоре укатили восвояси. С остальными любопытными он был весьма сдержан, не вдавался сильно в разговоры и объяснения. На традиционный вопрос, не золото ли мы ищем, он неизменно отвечал: «Золотом не интересуемся, копаем по заданию».

Под вечер мы вплотную подошли к центру. Саженой ширины и семиметровой длины траншея разрежала северо-западную часть кургана надвое. Уже ныла спина, ломило от земли руки, на ладонях у каждого чуть ли не кровавые мозоли, но мы словно не замечали этого: азарт раскопок захватил нас цельником. Каждый раз до боли в глазах мы вглядывались в зачищаемую поверхность, надеясь заметить долгожданную могилу, но пока ничего не было.

И вот мы начали снимать насыпь в центре. Сразу же лопаты обо что-то заскрежетали. Это оказался обычный бесформенный камень-песчаник, которого много по ярам и который используется у нас при строительстве. Потом выкопали другой, третий, десятый. Среди них оказалось несколько таких больших, что мне пришлось сходить домой за ломом и только с его помощью выворотить их. Лежали камни в земле безо всякого порядка, порознь один от одного, от самого верха насыпи и до самого материка. И что интересно, там и сям между ними начали попадаться черепки керамики (опять-таки голой), кусочки гнилого дерева и даже косточки человека. «Могилы под нами, но она ограблена, — заявил Сергей. — Все же будем копать до конца, посмотрим, что же наделали в ней воры». Наконец, вся земля и камни удалены, началась зачистка материка. Дрожа от волнения, мы видим, как из-под лопаты вырисовывается темное пятно, которое с каждым взмахом лопаты не исчезало, а наоборот, превращалось в более менее правильный контур с прямыми углами. Могилы! Ориентирована она была с востока на запад, и меня удивило вначале, что ее размеры явно не соответствовали росту человека: она была менее метра шириной и чуть более метра длиной. Я даже высказал мысль, не детское ли это погребение. Сергей сказал, что могилы эпохи бронзы именно такими и должны быть: покойников в то время хоронили в скорченном положении. Юго-восточный угол могилы заметно расширялся и был не прямоугольный, а полукруглый. Именно над этим местом нам и попадались камни. Нетрудно было догадаться, что здесь был грабительский ход.

И вот началась расчистка могилы. Всю лишнюю землю, которую Сергей прощупывал, мы с Сашком немедленно удаляли. Так прошли мы штыка два. Время от времени продолжали попадаться косточки, куски истлевшего дерева, черепки битой керамики, у которой внешняя сторона была закончена. Кое-где встречалась даже зола, а в ней черные древесные угольки, мажущие руки не хуже современных.

У меня аж в груди ёкнуло, когда показался из земли череп с оскаленными зубами. Череп был довольно крупный, и с первого взгляда Сергей определил, что это был мужчина. Толпа зевает, окружавшая раскоп, ахала, возбужденно переговаривалась, обменивалась мнениями. Сергей нет-нет да и бросал в их сторону совсем не недружественные взгляды, и мне стало понятно, что он начинает тяготиться таким обществом.

Чем дальше вели мы расчистку, тем все сильнее убеждались, что Сергей оказался прав: захоронение оказалось действительно разрушенным. Желтые от охры человеческие кости вперемешку с золой, деревом, керамикой, угольками лежали кучкой в противоположном от лаза конце могилы. Как был погребен покойник — на спине, на правом или левом боку — можно было лишь догадываться. Судя по костям, мужчина был высокий и пожилой.

Могилка была глубиной штыка три и кое-где мы уже доставали ее дно, но как на грех толпа любопытных все увеличивалась. Выглянув из раскопа, мы ужаснулись: человек 30 окружало нас, виднелись подвода, машины. Заканчивать раскопки было невозможно, и Сергей во всеуслышание заявил: захоронение разграблено и не представляет научного интереса. Для вида он закидал дно могилы вместе с костями немного землей и велел собирать инструмент. Отойдя немного в сторону, мы уселись на суслиный бугорок и закурили, не переставая наблюдать за курганом. Маленький обман удался не совсем. Рыться, правда, никто не пытался, но пока разошлись наиболее ретивые поклонники археологии, солнце село. Разумеется, рыться в сумерках мы тоже не стали, а належавшись вволю до глубокой темноты, договорились назавтра кончать с могилкой.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 13 АВГУСТА

Усталость, суматоха, тревожения последних дней оказали свое дело: я сразу забылся, но — странное дело — вслед за этим поток ужасных сновидений, подобно кадрам в кино, замелькал в моем возбужденном мозгу. Сны оказались страшнее действительности. Курган сменился кучей лопат и шахтерок, те — выцветшей степью, те — каменными изваяниями друзей. Потом, словно из тумана, прояснилось, что мы копаем большущую гору и углубились в нее, словно в колодезь. Грунт сыпется назад, нором похоронить нас, задыхаясь, мы до изнеможения кидаем его наверх — земля вдруг превращается в черную тучу, моментом рассыпавшуюся в стаю воронья, с карканьем бросившихся на нас. Мы отмахиваемся от них лопатами, наотмашь бьем их — носатые птицы вдруг оказались толпой орущих скелетов, все тянули костлявые, когтистые руки к нашим шеям, невесть откуда взявшемуся мешку с сокровищами. Мы пытались с ним убежать, выпрыгивали из ямы-раскопа, но какие-то бородатые скелеты длинными двухрожковыми вилами пытались догнать и подовздеть нас. С мычаньем я просыпался в холодном, липком поту, сухостью во рту, сердце, словно телячий хвост, учащенно билось. Какое-то время я бессмысленно, приходя в себя от погони, от кошмаров, лежал, хлопая глазами в потолок, но сон опять морил меня. Только перед рассветом я по-настоящему за-

снул. Спал я как убитый, и если бы жена не разбудила меня, неизвестно, сколько бы я еще нежился в постели.

Солнце всходило. Я разом вспомнил и вчерашний день, и уговор пораньше закончить раскопки. Я мигом вскочил и кинулся к ребятам, которые легли с вечера на полу. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил одного ставшего Сашка. Сергей исчез. Я осведомился о нем у жены, но она тоже не видела, куда он делся. В голове мелькнуло: неужели он на кургане? И почему он один ушел? Я растолкал храпевшего Сашка, и мы быстро тронулись к месту раскопок, но не прошли и половины пути, как увидели, что Сергей шел от кургана нам навстречу. Выражение его лица отнюдь не соответствовало прекрасному утру. «Зря топаете, — еще издали начал он. — Лучше б позоревали как следует. Мне-то уж так и быть: всю ночь не спал, ворочался с боку на бок, такая, понимаете, бессонница напала. Под утро решил: пусть ребята отоспят, а я тем временем кончу, пока людей нет. Но он махнул рукой — бесполезно. Могила ограблена вчистую; все до песчинки перебрал, ничего нет, кроме вот» — он показал в руке несколько угловатых черепков.

Вот так и закончились наши раскопки Бочкова кургана. Правду или нет сообщил нам тем утром Сергей до сих пор остается невыясненным. Нечего греха таить, мне иной раз закрадывается мысль, что он все же что-то обнаружил без нас. Правда, после я узнал, что захоронения эпохи бронзы срубной культуры никаких ювелирных ценностей вроде золотых и серебряных вещей не содержат. В могилах того времени могут находиться каменные орудия, горшки, бронзовое оружие. Бочков курган был вроде бы со всеми признаками ограбления, но ведь не исключено, что грабители могли что-то не заметить на дне могилы и даже потерять. Таких случаев в истории раскопок было немало.

Много лет спустя, анализируя раскопки тех лет, я уже в который раз осмысливал странное поведение нашего друга. Прежде всего, что заставило его в тот вечер (12 августа) так неожиданно прервать осмотр могилы? Собравшаяся толпа? И что толкнуло его в одиночку до света отправиться на курган? Бессонница ли? Эти вопросы ставят меня в тупик и сейчас. Но в ту пору мы поверили всему сказанному Сергеем, допытываться и тем более обыскивать его мы и не думали. Нас ждало другое не менее интересное дело: запланированная поездка в х. Малинов. Еще по дороге домой решаем: Сашок остается, а мы с Сергеем едем.

Двадцать минут ушло на сборы, и вот мой верный «Восход» берет курс на х. Рябов. Можно было ехать на Малинов и степью, но я точно не знал, где этот хутор, соответственно не знал туда и дороги. Оставалось одно: доехать до Рябовки и там расспросить про интересующий на хутор. Нам повезло: не доезжая до Рябовки, в Едовле, нам встрелся пастух, он рассказал нам, как попасть в Малинов. И действительно, поколесив по степи с полчаса, мы нашли его. Хутор представлял из себя десятка три домов, рассыпанных по-над балкой. Мы довольно быстро отыскали квартиру Саломатина Сергея Петровича, но его дома не оказалось, жена сказала, что если он не уехал в поле, то его можно найти на бригадном дворе. Так оно и оказалось: Сергей Петрович возился что-то у трактора. Мы поздоровались и представились как сотрудники археологического кружка из Волгограда. Признаться, внешний вид у нас походил больше на бродяг: оба волохатые, запыленные, с наколками, рубашки завязаны на животе узелком, на Сергее — дырявый рюкзак, на мне — мотоциклетные очки и биннокль. Но Сергей Петрович видимо остался доволен нами и к нашему счастью не потребовал документов. Узнав о цели нашего визита, он с радостью согласился помочь нам.

Из экономии бензина мотоцикл я вел в руках, и еще по дороге Сергей Петрович рассказал нам следующее. Знаком он с местонахождением останков вымерших животных несколько лет. Время от времени он посещает это место, подбирает вымытые половодьем кости и зубы, даже сам пробует доставать их из земли. Крепко заинтересованный столь удивительными в этих краях находками, он завязал переписку с ВОКМ, отослал туда несколько посылок. Музей определил, что останки принадлежат исчезнувшим в этих краях животным: быкам-бизонам, диким лошадям, а также вымершим повсеместно мамонтам. Особенно посчастливилось Сергею Петровичу на зубы последних — их он нашел несколько штук (позже я видел их в упомянутом музее). Вообще, заметил он, кости встречаются довольно редко, чаще всего после половодья или обвала стенки.

Вскоре мы подошли к балке — той, что тянется через хутор. На краю ее неподалеку от нас, высилось каменное строение — не то телятник, не то свиноферма. Но это нас мало интересовало. Мы смотрели на обнажение, видневшееся в балке, про которое Сергей Петрович кратко сказал: «Вон там то, что я собирал и что вас интересует». Здесь наш проводник, извинившись, распрощался с нами, сославшись на неотложные дела. Мы поблагодарили его за услугу, дали слово помнить друг друга и при случае писать один одному.

Не теряя времени, мы ринулись на дно балки, сплошь заросшее бурьяном. С трудом продравшись через него, мы наконец остановились перед выцветшей желтоватой стеной, к которой рвались с самого утра. С первого взгляда на нее мы поняли, что перед нами аллювиальные отложения древней речки, т. н. брекчия — раздробленная и вновь сцементированная порода. Песок, глина, галька, куски песчаника — все тут было хаотически и беспорядочно перемешано. Мы внимательно осмотрели обнажение: желаемых находок не было, если не считать несколько мелких раздробленных косточек, подобранных в осыпи. Мы взялись за нож и зубило, но вскоре убедились, то ими тут многого не сделаешь: порода была чрезвычайно крепкая, как бы сцементированная и по виду напоминала конгломерат. Помня совет Сергея Петровича, что кости встречаются в самом низу, — по водостоку — мы и направили туда все свои силы. Усердия и упорства нам было не занимать. Из-под наших инструментов летел кусочек за кусочком, и вот наш труд увенчался первым долгожданным успехом. Соединенными усилиями мы извлекли из земляного плена довольно массивную кость, которую Сергей определил как бычью. Мы воспрянули духом. Раздевшись по пояс, буквально вгрызлись в породу. Часа три долбили мы неподатливый грунт и не зря. Одна за другой появлялись на свет следующие находки: раздробленная и неполная лопатка мамонта, часть его зуба, лошадиная нижняя челюсть с несколькими зубами и много неопознаваемых косточек. На вес кости были тяжелые, чуть минерализованные, но, в общем, по виду мало отличались от современных. Учитывая их сохранность, можно предположить, что древняя речка размывала где-то костеносный слой и переложила их сюда. Чтобы убедиться, что это место единственное в балке, мы прошли по ней вверх и вниз и пришли к выводу, что не только костей, но и сопутствующей им породы больше нигде нет. Впрочем, следует заметить, что обнажениями балка бедна.

Какие еще палеонтологические богатства скрыты в ней, по сей день остается тайной. Когда в мае 1973 г. я посетил это место (со мной была тогда заведующая отделом палеонтологии ВОКМ Нумцева Галина Павловна), то я не узнал прежнего обнажения: все обвалилось, сам хутор почти разошелся, телятник увезли, Сергей Петрович куда-то уехал, и где он сейчас, я не знаю.

Возвращались через лог, и я к великому удивлению Сергея подъехал к х. Ольховке совершенно с другой стороны — из лога.

Сашок с нетерпением ждал нас: пора было трогаться им в обратный путь. Мы сердечно распрощались, обменялись адресами, кроме того, ребята подарили мне на память крест-экалпион, позвонок акулы, кое-что еще. Я со своей стороны тоже подарил им несколько окаменелостей и три тома «Основы палеонтологии». Расстались хорошими друзьями.

Декабрь — 7 февраля 1975 года

Глава 9.

«УДОСТОВЕРЕНИЕ ВЫДАНО...»

(Раскопки автора)

*«История предков всегда любопытна для тех,
кто желает иметь Отечество»*

(Русский историк Н. М. Карамзин)

В конце мая 1973 г., как раз в то время, когда у меня гостила сотрудница Волгоградского краеведческого музея Нумцева Галина Павловна, мне пришло письмо из Волгограда. В нем наконец-то была долгожданная справка-удостоверение из ВООПИК сроком на один год. В ней говорилось, что мне кроме сбора подъемного материала разрешается частичное вскрытие небольших курганов, интенсивно подвергавшихся разрушению во время полевых работ и грозящих в скором времени вообще исчезнуть с лица земли. В конце справки даже указывалось просьба к населению оказывать мне всяческую помощь.

Я ликовал. От радости я готов был петь, плясать, делать что угодно. Наконец-то представился случай самому проникнуть в глубь веков, самому приоткрыть завесу в прошлое, узнать, что же было на месте нашего края тысячи лет назад!

Я уже имел некоторое понятие, как вскрывать курганы. Этому немало способствовали раскопки с Краснобаевым С. в 1968 г. и книги, которые я успел к этому времени прочесть. Их я доставал откуда только можно. Кое-что нашел в своей сельской библиотеке, кое-что выписал почтой из Академии Наук СССР, но в основном интересующие меня литературу присылал Мамонтов Владислав Иванович, бывший в то время заведующим отделом археологии ВОКМ. Несмотря на занятость, он постарался сразу же вслед за отправкой удостоверения выслать письмом подробную инструкцию по современной методике раскопок.

Таким образом, к моменту вскрытия курганов я уже в какой-то мере был (если можно так выразиться) «теоретически натаскан».

Работал я в ту пору по состоянию здоровья ночным сторожем в бывшем х. Грушевском, времени свободного почти не было, так как разные хозяйственные дела — в основном сенокос — никак не позволяли отлучиться мне надолго из дому. Только спустя около месяца я смог, наконец, осуществить свои планы. Перед этим я досконально осмотрел всю местность, прилегающую к хутору. Мелких, разрушающихся курганов, соответствующих удостоверению, на целине я не нашел; подавляющая часть таких курганов находилась на полях, но копать там я не решился, так как последние в это время были заняты какой-нибудь сельхозкультурой. Но мое желание раскопать курган было так велико, что ждать месяц, а то и полтора окончания полевых работ я не мог. В ту пору я просто помешался на раскопках, они снились мне, ими я бредил. Разгоревшаяся во мне страсть «исследователя» не давала покоя моей душе. Я искал нужные мне кур-

ганы, не находил таких, но не падал духом. После безрезультатных скитаний по степи близ Ольховки я перенес свои поиски на соседние хутора. Правда, ездить я не стал. Я просто пересмотрел собранную мною домашнюю картотеку курганных групп и, действительно, нашел подходящие для меня курганы. Находились они в окрестностях х. Лутковского, километрах в тринадцати от моего дома. На дальность расстояния я просто не обратил внимания, главное, чем меня привлекли курганы, — это своим месторасположением в безлюдном месте и небольшими размерами, позволявшими вскрыть их в одиночку. Будучи от природы человеком замкнутым, я не считал нужным козырять удостоверением и набирать охотников на раскопки, так как не хотел, чтобы мое увлечение стало предметом всестороннего обсуждения хуторян.

К раскопкам я готовился тщательно; заранее подобрал все необходимое, что по моим расчетам могло понадобиться: саперная лопатка, нож, вместо кисточки — бритвенный помазок, бумага для завертки находок и две бутылки с водой — все это было наготове и ждало своего часа.

В воскресенье 18 июня совпали два больших праздника: День выборов в Верховный Совет СССР и широко распространенный среди казачества религиозный праздник — Троица, длившийся у нас три дня. Долгожданный момент для намеченных действий наступил.

Я упрямился ничего не знавшую о моих намерениях жену сходить пораньше в клуб, чтобы отдать там свои голоса. Без задержки мы вернулись домой; я уже пошел переодеваться, когда жена «ошарашила» меня новостью: «Идут гости, встречай». Я еле сдержал себя, чтобы не выругаться вслух. Еще бы. Тщательно выношенный план опять срывался. Делать было нечего. Чтобы не обидеть жену, и тем более родственников, пришлось скрепя сердце остаться дома. Но можете представить, какой это был для меня праздник!? Я через силу пел, шутил, смеялся, но мысли мои навязчиво переносили меня в полынное раздолье степей, витали вокруг курганов...

Я еле дождался другого дня. Едва приехав домой, как прямо с коня я кинулся к спрятанному накануне рюкзаку — неизменному спутнику всех своих путешествий, а с ним — к велосипеду, мне все казалось, что задержишься я дома, и опять случится какая-нибудь непредвиденная оказия. Жена, увидев, что я привязываю к «валику» лопату, видимо догадалась о цели моей поездки и сделала попытку отговорить меня, но я, махнув рукой, опрометью вынесся вон со двора и, только выехав, на дорогу, облегченно вздохнул. Путь вперед открыт! Скорей туда, где на горизонте маячит Белая горка!

Летнее погожее утро и хорошо накатанная дорога так гармонировала с моим настроением, что я готов был петь на все хутора. Впереди меня ждало какое-то новое, может быть, важное и интересное открытие, и я был полон этим ожиданием, полон нетерпением и радостным предчувствием. Не чувствуя усталости, я крутил и крутил педали, колеса «пожирали» километр за километром, с каждой минутой неумолимо приближая меня к заветной цели. Вряд ли хоть один встречный подразумевал истинную причину моей поездки; некоторым слишком любознательным знакомым, я ответил на ходу, что «стоять некогда и так опаздываю на утренний клев».

Я и не заметил, как оставил позади хх. Черныхин, Блинковский, миновал х. Кузнеценский, быстро проехал по логу, что возле СТФ, и вот, наконец, х. Лутковский. Между этим хуторишком и следующим за ним х. Филинским расположена окрест известная Белая горка, где население для своих нужд берет белую глину. Выше этой горки возвышается громадный, испещренный изви-

листыми оврагами Кирюшкин бугор, круто ниспадающий южным склоном к Едовленскому лугу. Именно на этом бугре и расположены курганы, к которым я стремлюсь.

От охватившего меня азарта я решил не тратить времени на многокилометровый объезд, а с ходу полез наверх, таща за собой велосипед. Ноги мои попирают валявшиеся на склоне остатки некогда морских организмов мелового периода: губки, белемниты («чертовы» пальцы), водоросли. В другой раз я бы занялся ими, но сейчас мне не до них. Лезу все выше и выше. Замечаю, что воздух тут насыщен таким полынным ароматом, что трудно дышать. Я не ошибся, имению «ароматом». Нигде до этого я не встречал такой пахучей полыни, как на этом склоне.

Подъем настолько тяжел, что я несколько раз останавливаюсь отдыхать. Вот наконец и гребень. Я переваливаю через него, и перед моим взором предстает курганная группа, воздвигнутая неизвестно когда и каким народом. Она взята мною на учет в августе 1969 года. Я знаю, что здесь 23 кургана разной величины, подавляющее большинство их насыпаны по всему бугру безо всякой ориентировки. Ближе к северной окраине группы на самом высоком месте стоят несколько крупных курганов. Они полусферической формы, у некоторых хорошо сохранился кольцевой ров. Самые мелкие интересующие меня насыпи, а их штук десять, сконцентрированы с западного конца группы. От прочих их отличает одна особенность: они насыпаны двумя параллельными цепочками, как бы опоясывая с юга один из 2 больших полураскопанных курганов (как я писал выше, один из них в 20-х годах раскопал Блинков Т. У.). С первого взгляда может показаться, что эти курганчики насыпаны — как и прочие — на целине, но, приглядевшись внимательнее, замечаешь, что некоторые из них когда-то распахивались — скорее всего под лесполосу, — и насыпки их почти совсем уничтожены. Те же, что не попали под плуг, имеют полусферическую форму — у некоторых даже есть кольцевые ровики — и хорошо сохранились. И у тех, и у других на вершине заметны неглубокие ямки. Я в начале принял их за оплывшие окопы; о том, что это могут быть обрушившиеся могилы или грабительские воронки, мне тогда и в голову не пришло.

После поверхностного осмотра я убеждаюсь, что с 1969 г. группа ничуть не изменилась. Я без труда нахожу в одной из цепочек самый маленький — крайний с запада — холмик, облюбованный мною еще дома по карте. Он до того сильно распахан, что похож на суслиный бугорок: диаметр его 5 м, высота — 30 см. В насыпи его еле заметная заросшая травой ямка.

Прежде чем браться за лопату, я скрупулезно обмерил его и тщательно перенес уменьшенный план в тетрадку. Я прекрасно понимал, что лежащий у моих ног курган уже нельзя будет раскопать дважды: достаточно будет моего вмешательства и навсегда нарушится вековой покой усыпальницы. Раскопать — значит уничтожить, такова истина. А что бы археологический памятник не пропал бесследно, зажил большой и содержательной жизнью в науке, от меня потребуются сейчас мои силы, знания и опыт.

Учитывая небольшие размеры кургана, я догадывался, что возводился он, по всей вероятности, для одного человека. Поэтому нет расчета сносить всю насыпь или прорезать ее траншеей, решил я, достаточно вскрыть вершину, и я должен попасть на могилку (если она там есть). Центр кургана у меня совпал как раз с упомянутой ямкой. Я вбил в нее припасенный из дома колышек и отмерил вокруг него площадь размерами два на два м. К раскопкам все было готово. Прежде чем начать их, я позволил себе немного отдохнуть, а заодно и подзакусить захваченными из дома харчишками. С утренней спешкой я ни разу и не вспомнил о еде, только сейчас желудок настойчиво стал просить себе работы.

Растянувшись на кургане, я неторопливо жевал, любясь раскинувшейся вокруг меня природой. Было, наверное, часов десять. От утренней прохлады не осталось и следа. Солнце поднялось уже довольно высоко, и по тому, как припекали его лучи, я понял, что день будет знойным. Прямо передо мной, невидимый из-за солнца, висел в поднебесье жаворонок. Трель его сыпалась беспрерывно — то снижаясь до самой земли, то затихая в недосыгаемой для взгляда выси. В траве — неумолчный стрекот кузнечиков. Заглушая их, свистят суслики. На пшеничном поле, начинающемуся сразу за курганами, зыбится струистое марево. Хоперское займище и извилистая пойма Едовленского луга с раскинувшимся по-над ним белыми, утопающими в зелени садов хатами — подернуты сизой дымкой. Какой восхитительный вид отсюда! Редкие облачка поднимаются из-за кромки горизонта и, не доплывая до меня, — тают в небесной глубине. Вокруг — ни души. Да и что делать тут людям в такой праздник и в такой глуши? Я знал, что дороги сюда нет, а лезть на бугор — вряд ли это кому доставит удовольствие. Более подходящего места для осуществления своей затеи и не стоило искать: мешать и подглядывать тут некому, а это то, что мне нужно.

Покончив с легким завтраком, поплевал на ладони и приступил к раскопкам. Так как курган был насыпан на так называемых солонцовых почвах, то чернозем на нем практически отсутствовал. Насыпь представляла из себя супесь: белый и желтый песок вперемежку с мелкими камешками, песчаником и желтой глиной. Пройдя вглубь см 20, под колышком мне встретилось резко выделяющееся овальное пятно из желтого песка; диаметр его с севера на юг — 70 см, с запада на восток — 60 см, толщиной до 12 см. Под ним оказалось несколько плоских камней-дикарей из песчаника.

Выкинув песок с камнями, я сразу же обнаружил темное пятно, вытянутое с севера на юг. Сомнений не было — это могила. Правда ее странные очертания несколько смутили меня: с южной стороны отчетливо выделялся прямоугольник шириной 80 см; к северному концу он постепенно расширялся и переходил в круговину, без каких-либо признаков углов. И что характерно, эта круговина была как раз под песчаной прослойкой с камнями, а прослойка, если вспомнить, залегала ниже ямки, что на поверхности кургана. Сопоставив все это, я догадался, что передо мною грабительский лаз! Погребение ограблено!

Открытие настолько охладило мой пыл, что я заколебался: стоит ли копать дальше? Стоит ли напрасно тратить силы и время, заведомо зная, что тебя ожидает пустая могила?

С подавленным настроением я сел на край ямы и закурил. Надо же! Потрачено столько усилий — и все бесполезно. Я смотрел на выкинутые кучи земли, четкий квадрат раскопа с извилистыми границами темного пятна в нем и чувствовал, как во мне закипает ненависть к безвестным грабителям, посмевающим вторгнуться в святая святых человека — в его могилу. Кто были эти люди? Очевидцы похорон, позарившиеся на вещи покойного? Бродячие кладоискатели, вскрывавшие все курганы подряд? Или хуторские «ученые» — любители старины, а может быть и легкой наживы? Кто знает...

Долго я сидел в нерешительности, не зная, что предпринять. Мне ничего не стоило перейти на соседний кургашек, но, подумав, я отказался от этой мысли: время близилось к обеду, да и где гарантия того, что и там не повторится подобный случай. Плюнуть на все и ехать домой было проще простого, но по своему характеру я знал: рано или поздно я начну сожалеть и каяться за такой поступок.

После некоторых колебаний я решил: нет, бросать не стоит. Будь что будет, а я доведу начатое дело до конца. Ведь пишут же в книгах, что в ограбленных курганах зачастую находят брошенные, а то и в спешке утерянные вещи. Может, на мое счастье и в «моей» могиле что осталось. Подбадривая себя таким образом, я вновь приступил к раскопкам, хотя признаться прежнего интереса к ним уже не испытывал.

Так как ясных могильных границ не было, то мне ничего не осталось делать, как вычищать всю землю из могилы и «лаза». Материк здесь представлял собой мелко-комковатый желтоватого цвета суглинок, заклепший так, что об него буквально звенела лопата. Каким инструментом долбили его в прошлом — я представить себе не мог. Грунт, который заполнял могилу и «лаз», был, наоборот, темно-серого цвета и сравнительно податливый. С напряженным вниманием я срывал эту землю, тщательно ее просматривал и, только убедившись, что в ней ничего нет, выкидывал наверх.

На глубине 80 см от поверхности кургана в северо-восточном углу «лаза», я наткнулся на россыпь древесных угольков, которых было приблизительно с горсть. Еще ниже, опять в «лазе», начали встречаться кусочки истлевшего дерева. Я было прибодрился, но ничего более существенного не попадалось.

Между тем жара усилилась. Дали потеряли прозрачность, лишь по ближнему горизонту без конца перекачивались волны. В застоявшемся воздухе — однообразный стрекот кузнечиков. Неподвижное солнце, казалось, повисло над самой головой, и укрыться от его беспощадных лучей на пустынном бугре абсолютно негде. Я снял рубаху и обмотал ей поверх матерчатой кепки голову. Обгореть я не боялся: по привычке дома я всегда ходил полуголым и шоколадный загар на коже свидетельствовал, что ожогов не должно быть. Все чаще хотелось пить. Иногда я экономно делал глоток-другой степлившейся воды из бутылки — жажда на немного заглушалась, чтобы возобновиться опять с новой силой.

В глубине раскопа нет никакого движения воздуха. Временами казалось, что сидишь в закрытой духовке. В висках стучало и, чувствуя, как начинает приливать кровь к голове, я вылазил наверх и жадно переводил дух. Но усидеть долго я не мог. Тайна могилы начала притягивать меня к себе все больше и больше. Особенно нетерпение мое возросло с полден, когда после нескольких часов адской работы под палящими лучами солнца, я углубился метра на полтора от поверхности кургана.

Где-то на этой глубине круговина грабительской воронки постепенно исчезла, т. е. съехала на нет, и теперь предо мной четко обозначились все четыре угла могилы, вытянутой с севера на юг в рост лежащего человека.

Немного погодя на глубине 1 м 60 см под «лазом» лопата обо что-то заскребла. Сердце мое екнуло, когда я увидел торчавшую из земли кость. С первого взгляда я понял, что это бедренная кость человека, которая — странное дело! — чуть ли не торчмя стояла у северной стенки и своим месторасположением она явно не соответствовала человеческому скелету.

Затаив дыхание, я стал осторожно откапывать землю вокруг нее и сразу в нескольких местах почувствовал характерный скрежет. Опять кости! Даже не верилось, неужели я вплотную подошел к разгадке этой могилы? Копать дальше лопатой было опасно, и ее пришлось отложить в сторону. Теперь предстояла более кропотливая работа, и я понял, что наиболее ответственный момент в моих раскопках наступил.

Вооружившись потом и «кистью», я принялся помаленьку вычищать сухую землю; чтобы она не мешала, я ее тут же, после просмотра, удалял вон. Скорчившись

в три погибели, обливаясь потом, забыв про усталость, жару и мозоли на руках, я скрупулезно вел расчистку костных остатков, стараясь при этом ничего не сдвинуть с места. По мере того, как из-под земляного плена появлялись одна кость за другой, я все сильнее убеждался, что в могиле — как я и предполагал — побывали грабители. И когда под вечер две третьих могильной ямы под лазом наконец были вскрыты до дна, моим глазам предстала довольно неприглядная картина. Позвонки, ключицы, ребра, лопатки, кости рук, тазовые и бедренные кости лежали все вместе в хаотическом беспорядке. Не составляло особого труда определить, что принадлежали они одному человеку, судя по костям, мужчине среднего роста. Сохранность костей — хорошая. Некоторые кости — ребра, таз — были разбиты; череп, берцовые кости и кости ног — отсутствовали. Вперемежку с костями лежали темно-коричневые куски истлевшего дерева, на мой взгляд — остатки гроба или перекрытия.

Самое существенное: в куче костей и гнилушек я обнаружил порознь четыре квадратных кусочка железа.

Длина самого большого — 6 см.

Длина самого малого — 15 мм.

Ширина самого большого — 24 мм.

Ширина самого малого — 2 см.

Толщина большого куска — 12 мм.

Толщина малого куска — 6 мм.

Характерно, что один край у всех кусочков сходит на лезвие. Судя по форме, это, по всей вероятности, остатки ножа или кинжала, распавшегося от времени на части или поломанного грабителями. Железо, из которого было сделано это оружие — светло-коричневого цвета, никаких следов коррозии на нем нет и, что самое интересное — оно сильно пачкало руки желтой пылью. (Позднее — а именно 22.2.76 г. — когда я рассказал об этом в Волгоградском пединституте, Лукашов сказал мне, что «моя» пыль — это следы от ножн.) Эти кусочки я тщательно запаковал в газету.

Кроме всего прочего среди костей я собрал с дюжину бесформенных комочков железа величиной с ноготок и менее. Металл до того окислился, что рассыпался от одного прикосновения как песок. Что это было — установить не удалось.

Зарисовывать ограбленное погребение не имело смысла, но я все же на всякий случай постарался сделать это. Потом, сдвинув кости в угол, я перекопал под ними материк, но в нем ничего не оказалось. Теперь оставался невскрытым южный конец могилы площадью менее одного квадратного метра. Велико было мое любопытство заглянуть туда, но я порядком устал и решил это дело отложить до следующего дня. Чтобы не возить лопату с собой, я прикопал ее вместе с костями и вылез из раскопа. Только тут я обратил внимание на себя: обгоревший от солнца, покрытый толстым слоем пыли, я походил на черта. В голове гудело, перед глазами маячили разноцветные круги, и в довершение всего страшно хотелось пить: обе бутылки давно валялись пустые. Да не так-то просто вырывать из земли тайну минувших времен.

Чтобы немного прийти в себя, я прилег на истомленную от дневной жары траву и с блаженством раскинул затекшие члены. Чувствуя, как спадает напряженность, я вместе с тем словно заново открывал для себя окружающий мир, который — как всегда — был полон вечными движениями жизни. Кувыркась в воздухе, на все лады пели жаворонки. Над пшеничным полем неведь откуда появился степной скиталец — коршун. Сделав круг, другой он камнем упал за ближайший пригорок

и больше не появлялся. Отовсюду несло непрерывное стрекотанье кузнечиков. Откуда-то издалека донеслись первые крики перепелки.

День близился к концу. Большое солнце клонилось к закату, и от него длинными нитями золотистой паутины расплзались лучи. Высоко-высоко в небе медлительно плыли в розовом сиянии перламутрово-невесомые облака, обрамленные со стороны солнца пурпурным оттенком. Вокруг по-прежнему было безлюдно, насколько хватало взгляда лежала волнистая, подернутая сизой дымкой степь, и казалось, что нет ей ни конца ни края. Вечерние тени протянулись от близлежащих холмов, от обрывистых краев оврагов, от горбатых курганов, толпящихся вокруг меня.

Необъяснимое чувство вдруг овладело мною при виде этих безмолвных памятников старины. Сколько веков стоят они тут? Что за народ оставил их? Какие особенности миропонимания были присущи этим людям в ту далекую эпоху? Что скрыто под большими курганами, расположенными на самом видном месте? Да и ради ли умерших возведены они? Может быть, это просто сторожевые курганы времен заселения Дикого поля? Степь отсюда просматривается на десятки километров и вполне допустимо, что здесь мог быть казачий наблюдательный пункт.

Вереница вопросов теснилась в голове, и я понимал: ответить на них можно только после планомерных раскопок всех курганов. Делать какие-то выводы и предположения по горстке угольков, остаткам гнилой трухи и кусочкам железа — это все равно, что гадать на кофейной гуще. Нужны новые находки, которые могли хотя бы частично пролить свет на историческое прошлое этих мест. Странно, но в тот вечер я словно предчувствовал, что назавтра меня ждет удача...

Я прервал свои размышления: пора было трогаться в обратный путь. Бросив последний взгляд на так и не открывшую мне своих тайн могилу, я покидаю курганный некрополь, надеясь завтра увидеть его вновь. Всего несколько минут потребовалось, чтобы сойти с бугра. И вот снова дорога, убегающая под колеса велосипеда.

Не доезжая х. Кузнеченского, из лога замечаю: неподалеку от дворов на бугорке играют детишки, на скамеечках у ворот сидят взрослые, поджидая пылившее из степи стадо коров и овец. Кое-где по случаю праздника слышны песни. Как не хотелось, но рубашку пришлось одеть; прекрасно зная хуторскую жизнь, я не хотел, чтобы мой чересчур грязный вид вызывал распросы, кривотолки, а то и подозрения у досужих людей.

Из первого огороженного за дорогой колодца, стоявшего как-то на отшибе за садом, я достал воды и с удовольствием напился.

Жажда была утолена, но необходимо было где-то обмыться, и в х. Блинковском я заворачиваю в луг, где расположена всем известная протока под интересным названием Рева, которая никогда не пересыхает, поэтому является излюбленным местом купания ребятишек из окрестных хуторов. Неважно, что на дне ее — по колено ил, а берега почти сплошь заросли осокой и камышом. Я испытал истинное блаженство, когда изнуренное усталостью и дневной жарой тело коснулось освежающе-прохладной воды. Вскоре от пота и пыли не осталось и следа, а еще немного погода я почувствовал себя точно заново родившимся на свет.

Домой я приехал еще засветло, в самом что ни на есть прекрасном настроении. Вышедшая встречать жена приготовилась было, как всегда, прочитать мне небольшую мораль за отлучку, но, посмотрев на мое улыбающееся лицо, она на этот раз только покачала головой и сказала:

- Сразу видно, что не зря таскался где-то весь день!
- Похвалиться пока даже нечем, но...
- Я поднял палец вверх и глубокомысленно изрек:
- Положимся на судьбу.

Нечего говорить, что ночь прошла опять в кошмарных сновидениях о раскопках, скелетах, могилах и пр. Еще не встало солнце, а я был уже на ногах. На скорую руку позавтракал, не забыв при этом захватить еды и воды с собой. Постарался убедить жену в необходимости моей поездки и, уложив рюкзак на багажник, — снова в путь.

Безо всяких происшествий я достиг кургана и облегченно вздохнул: на раскопе все было в порядке. С замирающим сердцем приступаю к исследованию оставшейся могильной насыпи.

На первых порах ничего подозрительного не нахожу, но потом — на подходе ко дну — впервые в этом конце могилы встречаю много кусков гнилого дерева, которое, на мой взгляд, принадлежало тополию или вербе. Цвет дерева — темно-коричневый, диаметр — толще человеческой руки, длина самого большого куска — 40 см. Обращаю внимание, что несколько кусков напоминают подобие доски, но, по-моему, это разъединенные волокна одного ствола. Переломанные на части бревнышки лежали под различным углом ко дну могилы, и я догадался, что такое могло случиться только в результате рухнувшего сверху перекрытия. Но где оно находилось? Кропотливо исследую длинные стенки могилы, но никаких маломальски признаков уступа не обнаруживаю — отсюда делаю вывод: накатник, по видимому, лежал на краях могильной ямы.

Под гнилушками нож натывается на что-то твердое, и мой обостренный слух улавливает скрежещущий звук. От волнения нервы напряжены до предела, я ощущаю, как тело пробирает дрожь. Со все возрастающим нетерпением я делаю пробную зачистку и... открытие превосходит все мои ожидания: на дне могильной ямы оказались не потревоженные грабителями кости в естественном сочленении, лежали остатки нижней части человека (так вот почему я их вчера не обнаружил) и — самое главное: с уцелевшими при них вещами! Вчерашнее предчувствие не обмануло меня: наконец-то мой труд увенчался успехом!

Забыв про все на свете, я терпеливо до самого обеда очищал находки, стараясь при этом не сдвинуть их с места. Наконец выборка грунта закончена, и я, замирая от удовольствия, самостоятельно приступил к описанию и зарисовке всего найденного.

Первым делом я тщательно замерил размеры могильной ямы, сохранившейся в этом конце в неприкосновенности. Глубина могилы от современной поверхности кургана оказалась здесь равной 1 м 70 см, ширина — 50 см. Стенки ее — вертикальные, оба угла внизу — полузакругленные, дно — плоское.

Кости, голени, лежали параллельно друг другу, ногами на юг, т. е. к лугу. Судя по анатомическому порядку ступней (пятки вместе, носки врозь), можно думать, что покойник был захоронен на спине по длинной оси ямы, головой на север.

Кости довольно хорошей сохранности. Черепа не было и здесь: скорее всего грабители выкинули его.

Погребальный инвентарь представлен следующими находками. С правой стороны возле колен лежала плоская, сильно сплюснутая берестяная сумка с полукруглыми углами, шириной 15 см. Я догадался, что это остатки колчана. Уцелело придонье, остальная часть, находившаяся на пути лаза, — отсутствовала. В колчане оказалось кучка сыпучей ржавчины и частично разрушенный грабителями сильно

окислившийся комок железа. Скорее всего, это слипшиеся стрелы. Едва я взял комок в руки, как он распался на несколько продолговатых бесформенных кусочков; длина их до 5 см.

Между колен, т. е. на границе лаза лежал плоский конец какого-то оружия, по-видимому, от сабли. Железо очень плохой сохранности, от давности само по себе распалось на два кусочка. О том, что это была сабля, свидетельствует еле заметное суженное лезвие одного края, небольшая изогнутость и сходящийся на закругленный конус острие. Ориентировка последнего — к стопам. Общая длина этой находки 9,5 см, наибольшая ширина — 3 см.

На середине левой голени лежали железные двусоставные удила с кольцами на концах. Металл очень сильно изъела коррозия, и они еще до расчистки представляли собой дюжину кусочков. В отличие от современных удил, мундштуки сделаны из более толстого железа и скреплялись между не сверлеными дырочками (как сейчас), а завернутыми колечками. Диаметр колец примерно 5 см; толщина от 10 до 13 мм; диаметр отверстий примерно 2,5 см; длина каждого мундштука примерно 10 см. Надо сказать, что по обеим сторонам мундштуков — у колец — прослеживались остатки железа, точнее железной трухи. На мой взгляд, это псалии (треньзеля) — металлические части удил, служащие для управления лошастью и удерживания мундштуков.

В конце левой стопы находились сильно поржавевшая пара стремян, лежащая одна на другой. Контур их — арочный, сделаны из круглого железа диаметром 2 см. Подножки дугообразные, длина каждой — 11 см, ширина — 52 мм. Верхние части дужек по отношению к подножке расположены немного ребром, но были ли в них отверстия для путалища или нет, мне не удалось установить, так как в этом месте от металла осталась лишь бурая россыпь ржавчины.

И, наконец, последнее, что я обнаружил: в юго-восточном углу могилы, а точнее возле пальцев левой ноги, лежала плоская костяная вещь. Длина ее 32 см (один конец обломан), наибольшая ширина — 27 мм. Судя по изогнутости — это ребро от какого-то животного: коровы (быка) или лошади, выточенное почему-то до пластины. С одной стороны видны даже следы пилящего орудия, с другой — понад краем — черта. Самое интересное — посередине всей пластины просверлено семь дырочек и в двух из них были костяные клепки.

Долго я ломал голову над этой находкой, но так ничего путного придумать не мог. Только позднее, когда я написал про нее Мамонтову, он ответил, что я нашел, по-видимому, накладку от седла или от лука.

Вид раскрытой могилы с сохранившимися в ней остатками погребального комплекса произвел на меня неопишное впечатление. Я был до такой степени переполнен чувством радости, так взбудоражен открытием, что мне казалось, будто я пребываю в каком-то полусне. Острота ощущения усиливалась, когда я — впервые в своей жизни — прикасался или брал в руки вещь, сделанную человеком много веков назад. И невольно на ум пришла где-то читанная фраза: «Нет забвения, если существуют эти предметы старины, несущие тревожный запах древности».

Кого же я раскопал?

Когда волнение немного улеглось, я на основе имеющихся у меня данных и известных мне фактов попытался проанализировать вскрытое мною захоронение. Судя по простой земляной яме и небольшому холмику — человек был рядовым, не наделенный властью. Конская сбруя — стремяна и удила, — несомненно, символизировали, собой заклание и погребение коня; отсюда значит, что человек был связан с лошастью. (Немаловажная деталь: анатомически сложенные бедренные и голенные кости у колен образуют просвет в 5,5 см, то есть ноги были, выра-

жаясь народным языком, — «колесом».) Положенное в могилу оружие — колчан со стрелами, часть кинжала и конец сабли — говорило, что всадник при жизни был еще и воином. В прочитанной мною литературе я неоднократно встречался с описаниями погребений вышеописанного рода. Все они относились ко временам поздних кочевников: салтово-маяцкой культуре, печенегам, хазарам, половцам и татаро-монгола (период Золотой орды). Последовательно сменяя друг друга они жили в наших краях с VII-го по XV век. Кому-то из этих народов, без сомнения, принадлежало и раскопанное мною захоронение. К такому же выводу пришел впоследствии и Владислав Иванович Мамонтов.

Позднее схожее описание позднего кочевника я нашел в «Историко-краеведческих записках» (1977 г., 4 выпуск, 137 стр.).

Еще позднее, а именно 12 июня 1995 г., Мамонтов В. И. и сотрудник археологической лаборатории НИИ ВГПУ Гуренко Л. В. ознакомились с находками из этого кургана и неожиданно для меня (в основном по сильно окислившейся ржавой пластинке, которую я до этого считал концом какого-то оружия (сабли?)) — сделали уточняющий вывод: «Стрела XIII—XIV вв. Захоронение — золотоордынское (половецкое?)».

Наконец все отмечено, записано, зарисовано. После этого, принимая все меры предосторожности, я вынул находки из могилы и хорошо запаковал их в бумагу. Им суждено зажечь второй жизнью, но теперь уже в науке.

Прежде чем покинуть бугор, окидываю прощальным взглядом курганный могильник. Отныне я уже с уверенностью могу сказать, что оставлен он поздними кочевниками. Тайна одного из них перестала быть для меня тайной. Что скрыто под остальными насыпями — дело будущего.

С чувством огромного удовлетворения возвращался я домой.

Январь-май 1978 года.

Глава 10

В поисках золотого счастья (Прочие раскопки)

Нынешняя статья 229 уголовного кодекса Российской Федерации гласит: «Надругательство над могилой, а равно похищение находящихся в могиле или на могиле предметов, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет». Я привел эту статью не зря. Подобного рода предупреждения могильным мародерам существовали в разное время у многих народов, однако, несмотря ни на что, ограбление могил — как я упоминал в первой главе — было довольно распространенным явлением, начиная с глубокой древности. Сообщения об этом встречаются в разных научно-популярных публикациях и археологических отчетах. В моем распоряжении тоже есть факты, свидетельствующие, с каким размахом велось кладоискательство на землях бывшего Хоперского округа, как много охотников за кладами, искателей золота пускалось на поиски «золотого счастья». Грабители оставили немало актов вандализма могил. Черные дела многих мородеров скрыты завесой времени. Кто они были, когда действовали — ничего не известно, но следы их деятельности неоднократно зафиксированы и в нашем Захоперском крае.

Вспомним: мои раскопки на Кирюшкином бугре — могила полуограблена. У рядом находящегося кургана в насыпи — «огромная ямища».

Курганный могильник в восточном конце хут. Ольховки, раскопки Краснобаева, Бочков курган — ограблен. Скреперные раскопки небольшого кургана Шапровым С. Г. — следы ограбления. В этом же могильнике археологическая экспедиция И. П. Лисицина летом 1975 года — из четырех раскопанных курганов три оказались ограбленными.

Археологическая экспедиция Гуляева В. И. в конце 60-х — начале 70-х годов исследовала большой курган близ ст. Букановской (Кум. р-н). В нем оказалось четыре разновременных погребения, в одном из них, находящемся на горизонте, под насыпью, были прослежены остатки разрушенного грабителями погребения скифской эпохи (VII—VI вв. до н. э.) с большой глиняной вазой. (См. р. г. «Победа» за октябрь 1971 г., статья В. Гуляева «Далекое прошлое Прихоперья».)

Археологическая экспедиция ВГПУ под руководством Скворцова Н. Б. летом 1995 года в окрестностях х. Кузнечикова, а точнее на правом берегу Едовли, севернее автодороги Попов — Кумылженская раскопала курган эпохи бронзы, итог тот же — «грабежка».

На другой год (летом 1996 года) ограбленный ранее сарматский курган с подбойной могилой зафиксировала археологическая экспедиция ВГПУ Гуренко Л. В. и Ситникова А. В. у ст. Глазуновской (Кум. р-н).

Наряду с этими сообщениями среди населения сохранилось немало воспоминаний о кладоискательской деятельности ихних земляков. Иногда это скудные сведения, иногда — подробные рассказы, но те и другие заслуживают того, чтобы сообщить о них на страницах этой главы.

Хутор Вершинный (Кум. р-н).

(Хутор расположен юго-восточнее ст. Слащевской, в верховьях Лога, что восточнее станицы впадает в Хопер.)

В 8 верстах от хутора, на правой стороне Хопра в насыпи одного кургана тов. Меньшиковым была вырыта яма аршина 1 1/2 глубиной и до 3/4 в поперечнике. На этой глубине были обнаружены очень мелкие кусочки обожженного кирпича, рассыпавшегося в порошок при малейшем надавливании пальцами. Кроме кирпича было много кусков стлелвшего дерева, вернее кустарника, так как кусочки эти напоминали обрезки ствола дерева толщиной в палец.

(Свед. Ф. А. Меньшикова, 1924 г. р., из книги А. Ильиной и П. Шишкина «Материалы...», Сталинград, 1929 г.)

Окрестности хут. Заталовского (Кум. р-н).

«81» В 1936 г. в окрестностях хут. Заталовского, против так назыв. Колока, на расстоянии от него 500–600 м, в степи, стоял безымянный курган. Житель х. Заталовского Киреев Ананий решил раскопать курган: в народе ходил слух, что в нем якобы зарыт клад. Киреев копал ночами. На глубине 1,5 м от вершины кургана он встретил кирпичную кладку, которая оказалась склепом с полукруглым верхом. В кладке кирпич был серо-пепельного цвета, размерами он отличался от современного: по толщине уже и тоньше, а в длину меньше. На следующую ночь Киреев принес лом. Им он продолбил сверху, через кирпич, дыру — лом упал, и слышно было, как он загремел внизу. Ананий с перепугу лишился рассудка и помешался умом. Больше он копать не стал. Но на голову потом так и жалился. Потом ушел на войну и не вернулся.

После войны местные жители (пришедшие с фронта молодые ребята лет 20—21) — Данилов Василий Иванович и Малахов Иван Григорьевич — подходили к склепу, заглядывали в него и видели наборную конскую шлею, кости и кривую (наподобие турецкой) шашку, но спуститься за ними побоялись.

ентировкой север-юг. Южнее этой траншеи, на краю бугра, высится небольшой курган, диаметр его приблизительно 15 м, высота приблизительно 2 м с грабительской ямой на вершинах. Это Сомов курган. Звался он так, потому что неподалеку от него во втором Грушевом жила семья Сомовых. Моя бабушка рассказывала мне, что «этот курган будто бы раскапывали до ее рождения и будто бы нашли в нем медную кружку».

(Моя бабушка по отцу — Апраксина Степанида Дмитриевна, ноября 1883 г. р., уроженка х. Грушевского, умерла в январе 1973 г.)

б) О том, что Сомов курган раскапывался, подтвердил и бывший житель х. Грушева Апраксин Иван Александрович, 1888 г. р. 12 мая 1976 г.

Окрестности х. Третий Лог (Алекс. р-н).

На окраине Алексеевского р-на, на земле колхоза им. Блинова, а точнее на краю бугра в Лог, по левую сторону байрака Малый Струбный, находится нераспаханный курган. Высота его до 1 м, диаметр — 16 м. В середине насыпи яма. Кто копал и когда — сведений не имею.

Окрестности хут. Скулябный (Алек. р-н), Второй (Лутковский) лог.

«86» «Купецкая балка находится за логом, там шел тракт на Бузулук — Филин. Пацаном помню: был он ровный, хотя и леса кругом были сплошные, оберегали старые люди — это сейчас дураки земли позахватили, попахали. И вот вроде бы когда-то давно ехал купец, и его банда, разбойники убили и там его с каретой зарыли. Карета, говорят, золотая была. Там и раскопки были, но не каждый клад отроешь — заколдованный, недоступен был, или наговор наложен был, или кто отвлекал, как бы и люди глупые делались. Там примерно сейчас заметны ямы заросшие».

(Сведения уроженца и жителя х. Скулябного Рвачева Василия Васильевича, 1930 г. рождения. Запись 29 октября 1994 г.)

Окрестности хх. Кузнечинского и Луткова (Кум. р-н), Удалов курган.

а) Напротив бывшего х. Кузнечинского и х. Луткова — через луг — на правом берегу Едовли стоят три нераспаханных кургана, с оплывшими насыпями. Время появления их, по всей вероятности, эпоха бронзы. Два из них больших размеров — у того, что расположен с западной стороны, видны большие заросшие травой ямы. По мнению Апраксина И. В., это и есть Удалов курган. Он, а также житель х. Ольховки Саломатин И. Т., помнят что Удаловы жили напротив — в х. Кузнечинском, там, где ныне проживает Зацепилин Петр. Вот что мне известно о появлении ям на кургане.

После Гражданской войны, а точнее в 1924 г., возле этих курганов возник хутор. Сами хуторяне звали его и Выселки и Ярским (берег Едовли здесь обрывается яром), а жители окрестных хуторов звали его Травянским (из-за густых и высоких трав). В хуторе было четыре двора: Арефьев Мирон Миронович, Трифонов Андрей, Плотников Андрей и Лутков Иван Павлович (мой дед, «по-уличному моего деда звали Шишкин — так звали и нас» — Лутков Ефим Иванович). Поселенцы жили там до коллективизации, обстроились на новом месте, развели, сады — особенно вишневые.

«87» Про Луткова И. П. говорили, что при рытье землянки или погреба в одном из курганов он будто бы нашел человеческий скелет и глиняный горшочек — кто говорит пустой, а кто говорит с золотом. На мой взгляд, встретить в курганах эпохи бронзы горшок — вещь обычная, но чтобы в то время хоронили с золотом — та-

кого неизвестно науке. Да и какое уж там золото, если, по словам современников, «Лутковы всю жизнь бедно жили».

(Сведения жителя х. Ольховки Апраксина Ивана Викторовича, 1896 г. р., колхозника, 24 января 1977 г., и жителя хут. Попова Патрина Николая Федоровича, 1904 г. р., служащего, конец марта 1982 г.)

б) Позднее, а именно 6 мая 1993 г., мне довелось встретиться и поговорить непосредственно с самим участником раскопок — Лутковым Ефимом Ивановичем, 1909 г. р., уроженец х. Луткова, а ныне житель х. Блинковского. Вот что он рассказал: «88» «Копали там в кургане погреб — Плотников А. и Мякишев Александр Филиппович (в другой раз Лутков Е. И. назвал отчество — Васильевич, уроженец х. Филинского, а жил на х. Лутковом. — А. В.). На глубине примерно по грудь (метра полтора) нашли два стоящих глиняных пустых (земля в них) одинаковых горшка — только один емкостью на литр, а другой литра на два. Ни ручек, ни рисунков на них не было. Кроме горшков нам попадались немного обожженные саманные кирпичи, размерами, как нынешние. Никаких костей не встретили».

Окрестности х. Красинский (Филинский с-с, Кум. р-н), Рытый курган.

«89» Если от филинского колхозного правления ехать бугром в ст. Федосеевскую, то км через 2-2,5 с правой стороны будет поле, а на нем в окружении более мелких распаханых насыпей, в углу лесной полосы высится большой нераспаханный курган под названием Рытый; свое название он получил от огромной, заросшей травой ямы на вершине, но кто рыл его, когда и что нашли — никто не помнит.

(Сведения дал. уроженец ст. Федосеевской, а ныне житель х. Сомский, Филинского с/с, учитель Дегтярев Константин Федотович, 1920 г. р.)

Ст. Федосеевская, Кум. р-н, Лысый курган.

Выше (севернее) ст. Федосеевской, на бугре среди поля тянется цепь распаханых курганов под названием Лысые. Среди них в середине высится один большой нераспаханный курган диаметром примерно 20-25 м, при высоте около трех метров, с большой, заросшей травой ямой на вершине насыпи. По словам уроженца и жителя ст. Федосеевской Сеимова Михаила Павловича, 1899 г. р., «90» «этот курган копали станичники до моего рождения и помимо костей, говорят, там нашли железные чугуны и тагань».

(Сведения записал 18 сентября 1983 года.)

Окрестности хх. Водяновский и Филяты (Филинский с/с, Кум.р-н).

Хутора находятся на правобережной пойме Хопра.

Выше (севернее) этих хуторов к пойме Хопра выпячивается крутосклонный бугор. На нем высится огромный одиночный курган. От него, опять на север, приблизительно в километре или полтора насыпаны три целых кургана, вытянутых цепочкой с севера-востока на юго-запад. Высотой они метра полтора. Средний из них Федосеевские жители и пастухи колхоза Россия — мой брат Апраксин Иван Александрович (1948 г. р.) и Хоршев Иван (приблизительно того же возраста) — в поисках клада в 1968 году пробовали раскопать. Колодцем (два на два метра) раскопали вершину, но по словам брата, «не дойдя до уровня горизонта и не попав на могилу, бросили копать: грунт был очень твердый и везде одинаковый».

Вскоре я с Краснобаевым Сергеем побывал на этом кургане. Мы пробовали зачистить дно раскопа, но вскоре действительно убедились: солончаковый материк расчистке абсолютно не поддавался, так что от дальнейших раскопок пришлось отказаться. Признаков могилы мы тоже не обнаружили. Лишь в отвалах выкинуто-

го грунта мне посчастливилось найти небольшой четырехгранный брусок. По нему Сергей высказал предположение, что этот и соседние с ним курганы — «по всей вероятности, поздних кочевников».

Август 1968 год.

Вышеприведенная подборка сведений о кладоискательской деятельности в Кумылженском и Алексеевском районах является в моем арсенале исчерпывающей. Их отсутствие связано еще и с тем, что к 80-м годам никаких любительских раскопок в наших краях уже не велось — по крайней мере, мне они неизвестны. Так что к словам А. С. Скрипкина, что «к 80-м годам флибустьерская волна в археологии в нашей области сошла на нет» я присоединяюсь полностью.

Однако — как ни странно — разрушение древних памятников, и в частности курганов, с этого времени не приостановилось. Беда над памятниками нависла совершенно с другой стороны и в еще больших масштабах, и началось все это после принятия райисполкома решения о строительстве асфальтированных дорог, связывающих райцентры со всеми внутрирайонными хозяйствами. На это потребовалось примерно лет десять. В 1996 году земляные работы с укладкой асфальтированного полотна в основном были выполнены: в Кумылженском и Алексеевском районах не осталось ни одного хозяйства с грунтовой дорогой. Это радует — ведь все-таки цивилизация, прогресс — и в то же время огорчает: ДСУ оказалось подлинный «бич божий» для археологии, самым настоящим глумлением над священной памятью предков. Сказать так я имею полное право. В течение многих лет я нагляделся, что никому не подчиняясь, не ставя в известность хуторские, станичные и районные администрации, музеи, отдел культуры, областные научные организации, даже более менее сведущих лиц (учителей, краеведов), имея в своем распоряжении мощное землеройное мотостадо, ДСУ ведет широкомаштабные работы по трассе будущих автодорог, не взирая ни на какие преграды. Встречающиеся на пути строительства курганы (я уж не говорю о грунтовых могильниках, древних стоянках), игнорируя действия 229 статьи УК, закон о научных исследованиях, рабочие автодорог безо всякой жалости загребают в тело дорожной насыпи или — чаще всего сносят подчистую. (Во-первых, ведь удобно же: в кургане гора готовой земли и главное под боком!) Хорошо еще ученые каким-то путем узнают об очередном строительстве отрезка дороги и успевают провести планомерные археологические раскопки, но чаще всего курганы уничтожаются без их ведома. Во-вторых, — а вдруг попадетесь клад, золото или что-то ценное! Сколько памятников старины погибло таким способом, сколько их числится на совести строителей — один Бог знает. Но подобного рода варварства просачиваются среди населения, о некоторых разрушениях я имею личные наблюдения — ниже сообщая о них.

Окрестности ст. Глазуновокой, Кум. р-н.

Если ехать автогрейдером из ст. Кумылженской на Себряково, начнется степной, сплошь распаханый водораздел. Справа от него будут бывший х. Колодзин, потом — Глазуновский поворот (до ст. Глазуновской км десять), лесистый байрак Ярки, Скуришенский поворот и другие. Слева от автогрейдера, за полями тянется Суходол, а по нему идут хутора: Потаповский, Никитинский, Жуковский и др. Примерно, в 21,5-22 км от ст. Кумылженской, примерно километрах в двух от Глазуновского поворота и не доезжая (примерно км 1,5) до Скуришенского поворота, примерно км в 1,5 от верховьев Ярков и метрах в 300 левее автогрейдера (за лесополосой), на поле, возле бывшего Астраханского шляха был насыпан огромный

безымянный курган. Этот курган был очень большой, по размеру я не встречал ему подобных: в высоту был примерно метров 15, диаметр метров 200. Он весь зарос степными травами, никогда не пахался, но несколько раз раскапывался, потому что на его маковочке (вершине) была большая ямища.

«91» Так как земли в кургане было страшно много, то на него в 70-х годах обратили внимание строители асфальтированной дороги Кумылженская — Себряково. Скреперами они срезали, снесли курган, в результате чего обнажился склеп из красного кирпича. Склеп будто бы оказался ограбленным — по крайней мере, скреперисты говорили «пустой», а может и нашли что, но молчали. В настоящее время этот курган сравнят с землей и пашется.

(Сведения жителя ст. Кумылженской — Косова Петра Арсентьевича, 1925 г. р.)

Окрестности ст. Слашевской и х. Шакина (Кум. р-н).

Там, где асфальтированное полотно дороги из хх. Попова и Падка выходит на трассу Белогорский — Кумылженская, по правую сторону находился большой курган. При строительстве дороги в конце 80-х — начале 90-х годов курган был уничтожен подчистую, даже следа не осталось.

Окрестности хх. Блинкова и Кузнеченского (Кум. р-н), местечко «Гать».

С левой стороны Евсеевской балки, недалеко от ее впадения в Едовленскую гать, возле (севернее) дороги Попов — Кумылженская и ответвления на хх. Блинков, Кузнецы расположено небольшое поле. На нем весной 1983 г. я открыл стоянку эпохи бронзы, которая, по определению В. И. Мамонтова, относится к третьей четверти 2-го тыс. до н. э.

«Метрах в ста южнее (через автогрейдер) от этой стоянки, у левобережного края Евсеевской балки начинается цепочка курганов, ориентированная с севера-запада на юго-восток. Если все курганы расположены на начинающемся поле и пашутся, то крайний с запада находится на целине, диаметр его м 20, высота 1 м. Колхоз им. Кирова много лет складировал возле кургана силос, потом дорожники для строящейся дороги насыпали возле гору щебня. Земля поблизости кургана перерыта, захламлена, и есть вероятность, что при погрузке щебня «проутюжат» и его, и курган исчезнет с поверхности земли».

Именно такое сообщение я послал весной 1995 года в ВГПИ на просьбу его сотрудников сообщить о местонахождении разрушающихся у нас курганов.

Увы! Археологи не успели. В середине июля, когда я с Мамонтовым и Гуренко посетили указанный мною курган, то ужаснулись «прыткости» дорожников: за день до нас они забрали почти всю насыпь — от нее осталась громадная воронка и небольшая боковая пола, в отвалах которой мы собрали несколько искромсанных человеческих костей.

Недели через две в том же отвале уже один я выкопал лопатой два — с ладонь — черепка без рисунка (боковинки с венчиками), с обильной примесью толченой ракушки и четкими следами заглаживания. Насколько я знал, толченая ракушка — характерный признак эпохи бронзы, ямной культуры. Но 16 августа 1995 г. побывавшие у меня Гуренко с Ситниковым высказали свое определение: «Черепки с разрушенного кургана у Гати (возле Евсеевской балки), судя по объему и широкому устью горла, скорее всего, относятся к эпохе бронзы, срубной культуры (?). Точнее не определишь: нет дна. У горшков ямной культуры горловина уже, битая ракушка в срубное время применялась редко — в основном шамот, песок, дрова, меловая крошка и вообще без примеси. То есть уничтоженное захоронение и открытая стоянка — одного времени и народа».

Окрестности х. Рябовского Алекс. р-н и бывшего хут. Новинского, Кум. р-н.

Хутор Рябовский, или Рябов, находится в верховьях Едовли, которая с правой стороны впадает в Хопер; бывший хутор Новинский находится в верховьях реки Еланки, которая с левой стороны впадает в Дон. Между этими хуторами, по водоразделу, доньне пролегает шлях, который рябовские и белогорские жители почему-то зовут Астраханским шляхом. На годах на этом шляху между названными хуторами дорожники разрыли, а точнее снесли, небольшой курган. Когда житель хутора Рябова Востриков Ю. А. побывал на нем, курган был уже разграблен. Гнилое дерево лежало в могиле вперемежку с человеческими костями, из них череп был массивный, скуластый, — по всей видимости, мужской. Еще Вострикову запомнилось, что среди могилы торчал трухлявый, изъеденный муравьями деревянный столб диаметром см 20, с наклоном в западную сторону.

Причиной ограбления могилы стали металлические бляшки. Две из них достались Вострикову. Я видел их. Внешний вид у них представляет собой желтовато-бурые, довольно легковесные пластинки, имеющие в изломе белый, крупитчатый отблеск (серебро?). Пластинки плоские, ромбической формы (два на два см), с петелькой-отверстием на одном из углов. Одна сторона бляшек гладкая, на обратной — рисунок: на одной два ромбических (друг в друге) валика, на другой наружный валик перекрещен внутри четырьмя валиками. Бляшки хранятся у Вострикова дома.

14 августа 1996 года научный сотрудник арх. лаборатории ВГПУ, руководитель археологического кружка Гуренко Леонид Валерьевич и сотрудник арх. и исторического отделов ВОКМ — Ситников Александр Владимирович по моему рисунку этих курганных находок высказали предположение, что «бляшки примерно или торчешские, или печенежские, или половецкие, применялись как нашивки к одежде, так и к конской сбруе. Время курганного захоронения X—XI вв.»

Хутор Попов, центр, Кум. р-н.

С левой стороны Глуховской балки, метрах в ста выше (южнее) государственной электроподстанции, недалеко от дворов был бугор, насыщенный в народе название Маяк. В начале 90-х годов колхоз им. Кирова сделал на бугре карьер для вывоза красной глины под полотно хуторской дороги. Грунт брали около десяти волгоградских «кировцев»-скреперов. В результате этих работ был уничтожен неизвестный старожилам грунтовый могильник (предположительно раннего казачества) и заодно с ним находящийся на вершине бугра курган среднего размера. Моими стараниями карьер был закрыт.

Хутор Попов, восточная окраина.

С северной стороны автодороги Попов — Кумылженская, неподалеку от местожительства Евсеевой Анны Андреевы, на целине расположен наполовину уничтоженный дорожниками курган, у которого середина насыпи была выбрана скреперами, а две противоположные половины остались. Основная — центральная — могила, предположительно, осталась цела, не исключено, что и в оставшихся двух крайних половинах тоже могли быть захоронения. Исходя из этих соображений, по моему сообщению в ВГПИ, а также после личного осмотра научным сотрудником арх. лаборатории института Гуренко Л. В., курган 12 июля 1995 года был учеными исследован до конца. В результате этого было выявлено две могилы: основная — женская, эпохи бронзы, ямной культуры (XXVII—XXI вв. до н. э.) и впускная — кенотав, так наз. андроновской культуры (XIX—XVIII вв. до н. э.).

Хутор Попов, восточный конец.

Метрах в 150-200 восточнее предыдущего кургана, возле северной стороны грейдера, на целине, метрах в 150 от начинающейся правобережной поймы Едовли и неподалеку (буквально в метрах 50) от дворов (в частности от местожительства Астахова В. Л.) находился небольшой, с изуродованной поверхностью курган, высотой до полметра. Изуродовали его на годах дорожники, еще чуть — и он исчез бы с лица земли, но археологи ВГПИ в середине июля 1995 года раскопали и его и обнаружили нетронутое сарматское диагональное женское захоронение с целым комплексом погребального инвентаря.

Окрестности хутора Подок, Кум. р-н.

Метрах в ста от начинающейся поймы Едовли и подковских дворов, рядом с левобережным устьем Ложковской балки, а точнее сбочь северного края грейдера, как раз на узком поле, что узкой ленточкой протянулся между грейдером и бывшим хутором Подок, находился полуразрушенный курган. Если высота его когда-то была 1,5-2 метра и диаметр в пределах метров 30, то теперь дорожники так «постарались», что от него осталось плешина 44 см высоты. Археологи ВГПИ летом 1995 года провели исследование оставшейся насыпи и выявили 6 погребений эпохи бронзы и сарматской культуры.

Последним трем курганам, как видим, повезло — они избежали полного уничтожения и стали достоянием науки, а, стало быть, и всех нас. Будем надеяться, что в ближайшем будущем ДСУ и археология найдут общий язык, взаимопонимание и — так во всем цивилизованном обществе — начнут уважать друг друга и вместе работать на благо нашей обновляющейся России.

Глава 11

Легенды и предания о кладах

Помимо легенд про татар, черкесов и прочих разбойников, помимо рассказов про кладоискательские раскопы, по Захоперскому и Прихоперскому краям бытует довольно много легенд и преданий о кладах. Клады, как трактуют словари, это сознательно сокрытые в земле от чужого глаза сокровища, которыми безвестный хозяин так и не смог воспользоваться. Правда, в данном случае сделаю оговорку: в одних случаях имя владельцев кладов бывает известно, в других — нет, и кто их оставил — местные жители, кочевники или разбойники — один Бог знает. По этому поводу работник Алексеевского районного краеведческого музея (студент, будущий кандидат исторических наук) — Игорь Николаевич Сафронов так прямо и сказал: «Набеги татар, черкесов и прочих разбойников в наши края были, но связанные с ними клады и сокровища — миф, легенды». Его слова не нуждаются в комментариях: насколько мне известно, никто никаких татарских, черкесских, чеченских, калмыцких (и прочих разбойничьих кладов) не находил. И, тем не менее, легенды о них существуют. Ниже я приведу перечень мест, связанных с кладами, которые я фиксировал на протяжении 30-летней краеведческой деятельности. Повторяю еще раз, я не претендую на достоверность нижеприведенных преданий и легенд, мой долг остается прежний — оставить для нынешнего и грядущего поколений изустные сведения такими, какими я их услышал из уст старожил.

Хутор Пустовский (Кум. р-н).

«92» В х. Остроуховском лет пять назад от Тереховой Тамары я слышал такую легенду. Выше хут. Пустовского, в Хомином байраке зарыт клад — золотая ладья, полная драгоценностей. Но взять их непросто: клад наговоренный так, что кто найдет его — этот человек, не зная заклинания, — умрет. Но, во-первых, надо знать это заклинание. Некоторые люди находили этот клад, но тут же забывали.

(Сведения уроженца и жителя х. Сарычи — Макарова Евгения Иосифовича, 1939 г. р., 7 июля 1996 г.)

Хутор Косов (Ключанский), Кум. р-н.

«93» Хутор Косов расположен на правом берегу Хопра, ниже ст. Слащевской. Старые люди говорили, что в р-не хут. Косова, посередине Хопра лежит огромный камень, скрытый водой. И будто бы под этим камнем лежат сокровища. Когда камень покажется полностью, тогда сокровища обнаружат, и кто найдет их — на берегу Хопра должен построить церковь. Говорят, что камень уже показывается из воды.

Пересказ этой легенды я услышал 30 мая 1996 г. от работника районного ДК — Фудько Юрия Ильича, 1958 г. р., он слышал ее от другого работника районного ДК — Никитиной Екатерины Григорьевны, а та — от своей матери, жительницы ст. Скуришенской, а в свою очередь последней рассказал какой-то дед (неизвестно, жив он сейчас или нет).

Окрестности ст. Слащевской (Кум. р-н).

«94» В окрестностях ст. Слащевской — ниже по течению Хопра — есть так наз. Белый бугор или Белая Логовская гора. На вершине бугра лежит многотонный камень, наполовину вросший в землю. В народе ходил слух, что под этим камнем зарыт клад Чингис-хана.

(Сведения уроженца и жителя ст. Слащевской — Михина А. А., 1951 г. р., заведующий Слащ. ДК, 26.12.93 г.)

Хутор Красный, Филинский с/совет.

(В прошлом — Фед. ст., ныне Кум. р-н.)

Хутор расположен на левостороннем низовье Едовли, на подходе ее к Хопру.

«95» Когда было мне лет 15, отец с матерью рассказывали, что в х. Красном (а мы жили через пойму Едовли напротив: в х. Долговском, относящегося в прошлом тоже к Федосеевской ст-це), жили «нация» молокане. Лет примерно сто назад их выселили всех на Кавказ, в Терскую область. Когда я после Гражданской войны был там, то встретил молоканов-стариков. Разговорились. Они рассказали, что сами с Хоперского округа, Федосеевской станицы, хут. Красного. По рассказу одного из них (жил, где ныне живет Степан Бочков), на ихнем подворье стояло два тополя, под которыми якобы зарыт горшок с деньгами. Взять их они не взяли — нужды не было. Тополя эти (может их отростки) растут и поныне по течению Кожевного яра, с правой стороны.

(Сведения дал житель х. Попов Молоканцев Андрей Васильевич, 1892 г. р., 4 мая 1979 г.)

Окрестности Арженовской ст-цы и Зотовской ст-цы (Алекс. р-н).

На 19 странице² я приводил копию из «Материалов...» Ильиной и Шишкина о Зуевской крепости, что расположена в окрестностях упомянутых станиц. Об этой

² В нашем издании — с. 223 (Прим. ред.).

крепости в народе бытуют легенды. Одну из таких легенд приводит в своих воспоминаниях Топилин Зиновий Федорович, 1899 г. р., казак, уроженец х. Дуплятского Новониколаевского р-на Волгоградской области. Воспоминания эти взяты из его рукописи, хранящейся в Усть-Бузулукском краеведческом музее:

«96» «В незапамятные времена жил в лесу над Хопром знаменитый разбойник Зуев. Зуев был грозой купцов, плававших по Хопру. Когда его с шайкой решили изловить, он укрепился в дикой местности неподалеку от Зотовского городка. Здесь Зуев со своими удалцами устроил крепость с тайными выходами и траншеями. Три года отбивался он и пускал на дно Хопра барки с царскими войсками. А затем, поймав своего главного врага, предателя Аржека, сбежавшего из его, Зуева, шайки, он в лунную ночь срубил ему голову и воткнул на пику, выставив на горе, а туловище велел привязать к дереву над крепостью. Все золото и драгоценности Зуев сложил в кованый сундук и, написав на нем по древнему обычаю: “Без ключа возьмешь, а с ключом — умрешь!”, зарыл сундук в одном из выходов.

И скрылся удалой разбойник неизвестно куда, шли годы, зарастали грозные траншеи Зуевской крепости. Страшные легенды ходили среди казаков Зотовской и Арженовской станиц о Зуевой горе.

Но она была безмолвна, и никому не удавалось ни проникнуть в тайны прошлого, ни найти сказочный сундук с богатствами Зуева».

Хутор Блинковский (В прошлом относился к Фед. ст., ныне к Поповскому с/совету, Кум. р-н).

Хутор находится на левобережье срединной части Едовли.

«97» Житель х. Блинковский — Залипаев Дмитрий Васильевич, примерно 1906 г. р., говорил, что «под домом, где он живет (от Гати второй дом налево или точнее — напротив местожительства Попова Н. П.), закопано золото.

(Сведения записал от самого рассказчика — Залипаева Д. В. — 1.6.80 г.)

Окрестности х. Третий Лог (или Трехложанский, или Ложанка), Алекс. р-н. Хутор расположен почти в верховьях Третьего (Ольховского) лога, который с левой стороны, между хх. Блинковским и Ольховкой, впадает в Едовлю.

«98» а) На дальнем Кузнеченском поле, за Федоровой балкой (что находится напротив Трехложанки) есть плешина опаханной целины, где валяется много камней-волунов. Среди них торчит из земли огромный гольш. Старожилы (в частности Ульянов И. Ф.) в апреле 1993 г. рассказывали, что в «народе ходил слух, будто под этим камнем спрятан клад. Чтобы достать его, после Отечественной войны работавшие на этом поле трактористы обрыли камень, опутляли его тросами и пробовали вытянуть, но сколько ни дергали двумя С-100³, даже сдвинуть с места не могли».

«99» б) Рассказывали, что в Кузнеченском первом поле (что напротив Малого Струбного байрака) опахивается плешина. На ней лежит, вернее торчит, из земли огромный камень-голыш. Под ним будто бы вырыт колодец, в котором золотой конь. Кто-то пробовал добраться до него, с одного бока камня была раскопана и обнаружена даже щебеночная забутовка, но дальше копать — из-за нависающего гольша — побоялись.

(Сведения дал житель х. Ольховки Чекмарев Василий Николаевич, 1933 г. р., 18.6.96 г.)

³ С-100 — Сталинец-100 — мощный гусеничный трактор (Прим. ред.).

Окрестности хут. Скулябный, первый Ольховский лог.

⟨100⟩ «Одна из балок Струбного байрака называется Лопатина балка. Над Лопатиной балкой лежит, точнее торчит из земли, тонны 3-4 камень-валун. Старики говорили, что под ним лежит клад».

(Сведения уроженца и жителя хут. Скулябного — Рвачева Василия Васильевича, 1930 г. р. Запись 6 сентября 2005 года.)

Хутор Ольховка. (В прошлом относился к Фед. ст., ныне — Поповскому с/совету Кум. р-на.)

Хутор расположен примерно в серединной части левобережья Едовли.

⟨101⟩ а) На поместье Апраксина Александра Степановича второго (мой дядя, т. е. моего отца брат) жил отец его жены — Ульяновой Марии Никандровны — Ульянов Никандр Петрович. В Гражданскую войну Никандр Петрович воевал на стороне белых. В 1919 г. перед отступом с Белой армией заезжал домой и сказал жене Евдокии (умерла в 1953 г.), что в передних воротах (а передних ворот на подворье было двое, а всего — тринадцать) у него зарыт кувшин с золотом. Домой Никандр больше не вернулся, а его дети (человек семь) после войны все перерыли, но ничего не нашли.

(Сведения записаны от уроженки и жительницы х. Ольховки, дочери Никандра и дядиной жены — Апраксиной (Ульяновой) Марии Никандровны, 1910 г. р., и ее родственницы — соседки Поповой (Ульяновой) Ольги Федоровны, 1900 г. р., 27 декабря 1976 г.)

⟨102⟩ б) На поместье, где ныне живет Седов Федор Иванович, жили раньше Поповы — Петро Яковлевич и Екатерина Филипповна, по-уличному Майоршины. Они жили богато, держали крепостных. После смерти мужа Екатерина Филипповна зарыла в саду горшок с золотом или с золотыми деньгами. До самой смерти (умерла в начале 30-х годов) она так и не смогла вспомнить и найти место тайника, и, возможно, горшок до сих пор лежит где-то в саду. По другой версии во время ухорона за ней подглядывал, а впоследствии и откопал горшок один из крепостных.

(Сведения дали жители х. Ольховки Попова О. Ф., 1917 г. р., Зоткина В. Ф., 1913 г. р., 6 мая 1976 г.)

Окрестности х. Ольховки.

⟨103⟩ «В народе болтают, что на склоне Калмыцкого бугра (что возвышается над западным концом хутора), ниже раскопанного на бугре Калмыцкого кургана рос куст боярышника, а под ним что-то зарыто».

(Сведения жителя х. Ольховки Кондрашова Арсентия Львовича, 1897 г. р., 17 июля 1977 г.)

Окрестности х. Попова и х. Глухова (оба в прошлом относились к Фед. ст., а ныне Поповский с/совет, Кум. р-н).

Хутор Попов расположен примерно в средней части правобережья Едовли; про х. Глухов я уже писал.

⟨104⟩ Перед революцией и в революцию последним хуторским атаманом в х. Ольховке был ее уроженец и житель — Попов Василий Селиверстович, 1879 г. р. В 1919 г., при отступлении от красных войск, он отступил, и выше Каменного яра (находится западнее х. Поповки, а верховьями выходит к х. Глухову) закопал, в землю посеребрянную атаманскую насеку.

(Сведения дал житель х. Ольховки Кондрашов А. Л., 1898 г. р., 6 мая 1978 г.)

Хутор Грушев. (В прошлом относился к Фед. ст., потом входил в Поповский с/совет Кум. р-на, ныне этого хутора нет.)

«105» а) «У нашей бабушки — Кострюковой Александры Васильевны (она с Зотовской ст-цы, первый муж был купец, а наш дедушка — Данила Васильевич у ней был вторым) я видела коробочек, полный золотых денег. В раскулачку она пошла и куда-то (может, под каменную стену или на базы куда, а может, в сад) схоронила этот коробочек, а куда — никому не сказала, но намекнула, что про ее ухорон сам Господь Бог не догадался бы. Нас вскоре раскулачили. Данил Васильевич с высылки не вернулся, а бабушка пришла и ушла потом на родину. И забрала она коробочек с золотом, или он до сих пор лежит где-то на заброшенном подворье или одичавшем саду — я не знаю».

А жили они — Костюковы — с краю (с востока) второго Грушева, где неподалеку оплывшая яма и канава от колхозных силосных траншей.

(Сведения уроженки х. Грушева, потом жительницы х. Глухова, а ныне х. Попова Кострюковой Марии Ивановны, 1916 г. р., 13 июня 1995 г.)

«106» б) Наше старинное родовое подворье находилось западнее летнего лагеря Поповской МТФ, можно сказать рядом. Всяких ворот в усадьбе, помимо было больше десятка. Говорят, что под одной из вереи (столб у ворот) наш дед — Апраксин Петро Андреевич — закопал кувшин с золотом.

(Сведения записал от уроженца бывшего х. Грушева, а ныне жителя х. Попов Апраксина А. С. (2-го, или большого), 1907 г. р., 28 апреля 1983 г.)

Окрестности х. Рябова, Алекс. р-н (в прошлом — Зотов. ст.)

Хутор расположен почти в верховьях Едовли. В прошлом относился к Зотовской ст., ныне входит в Алексеевский р-н.

«107» а) В окрестностях х. Рябова (в северо-восточную сторону) есть большой курган, который окрестные жители издавна зовут Городской. В нем, говорят, похоронен князь или княжна. Еще рассказывают, что мимо этого кургана в сторону Усть-Бузулукской станицы пролегал когда-то Гетманский шлях.

(Сведения дал житель х. Ольховый Попов Д. М., 1917 г. р., 18 января 1976 г.)

«108» б) В х. Рябовском среди стариков были разговоры (я был мальчишкой лет 20), что возле кургана зарыта в земле золотая коляска.

(Сведения дал житель хх. Подок, Рябов, Скулябный, Попов Пономарев Петр Егорович, 1906 г. р., 16 июля 1982 г.)

Окрестности х. Рябова (Зот. ст.) и х. Политова (Фед. ст.), ныне — Алексеевский р-н.

А эту легенду рассказал мне 14 августа 1981 г. 85-летний Саломатин Сергей Капитонович, 1896 г. р., уроженец х. Попова, а ныне проживающий в ст. Букановской. А он слышал ее перед коллективизацией от своего отца — Саломатина Капитона Николаевича, который умер в 1936 г. 76-летним стариком:

«109» «Дед наш — Саломатин Николай — был уроженцем Зотовской станицы, а впоследствии перешел на жительство в х. Кузнецы, а потом в х. Попов (Фед. ст.). По его словам, к акишевским старикам попала опись про клад. Там говорилось, что “в Зотовском земельном юрту за хх. Рябовым и Политовым, находится балка, зарощенная кустарником. Возле этой балки была когда-то кузница — ее местонахождение можно обнаружить по кузнечной изгари. Против кузницы был колодец, в нем спрятан бочонок с серебром. Между кузницей и колодцем — на равном расстоянии зарыто два чайника с золотом; на возвышенности была канава, а в конце ее глубиной на десять лопаток без черенка зарыто десять чайников с золотом».

Акишевским старикам местность была незнакома, да и далеко. Они предложили зотовским старикам купить находящуюся у них опись. За два ведра самогона сделка была завершена.

Были дожди, когда зотовские старики поехали искать это место. С ними семнадцатилетним подростком увязался и мой отец — Капитон.

По указанным приметам в описи нашли предполагаемые местонахождения кладов. Один из них стали откапывать. После некоторого времени сели отдохнуть. К величайшему ужасу один из участников раскопок не смог подняться и онемел. Остальные сочли это божьим наказанием и, прекратив всякие раскопки, уехали с этого места домой».

Хутор Помалинский, Алекс. р-н.

«110» Недалеко от х. Помалинского (находящегося км в шести от центра — т. е. ст. Алексеевской — среди так наз. «подгорских» хуторов) есть гора Золотая. Население рассказывает про нее легенду, что там закопан золотой конь Батыея или Мамаея.

(Сведения записал от директора Алексеевского краеведческого музея Гавриловой Анны Геннадиевны, 22 мая 1996 г.)

Глава 12

Кому «улыбнулась» фортуна?

Мы все рассказываем про разбойников, спрятанные клады, раскопки былых кладоискателей и ни разу не обмолвились, а находил ли вообще кто-нибудь что-то ценное, что можно по праву назвать кладом? Улыбнулась ли кому, где и когда фортуна (богиня счастья)? Скажем сразу: да, находки денег и ценных предметов случались, и об этом эта глава. К сожалению, и здесь я должен сделать оговорку: ниже собранный мною материал на эту тему далек от полного перечня и тоже не претендует на достоверность, причин тут несколько: много с минувшими поколениями кануло в Лету, да и дошедшие легенды — в большинстве своем — не отражают действительной картины событий из-за простой причины: если кто, где, что и находил — предпочитали и предпочитают помалкивать. Как говорится, дело в этом вопросе ясное, что дело тонкое.

Для полноты темы приведу сведения А. Ильиной и П. Шишкина из их «Материалов...»:

№ 16 Хутор Зимник, Кум. р-н.

...На поверхности кургана близ хутора найдена пригоршня серебрянных монет и «слиток золота» (?)

...В 1922-23 гг. при постройке мельницы был найден клад серебрянных монет, взятых в сельсовет.

(Сведения Дашкова Л. Я., 1.9.1927 г.)

*№ 36 Хутор Мостовский, Кум. р-н.

На Горе, где ныне расположено христианское кладбище при развевании песка ветром обнажаются погребения. Среди костей одного скелета был найден золотой перстень, ныне утраченный.

(Сведения Рябова И. В.)

№ 41 Хутор Потапов, Кум. р-н.

В песках около хутора жители находят много древностей и среди них — золотые монеты.

(Сведения Потапова И. Н., 23.8.27 г.)

№ 63. Хутор Шашкин, Кум. р-н.

В 1923 г. в урочище Ендовка, в 1 1/2 в от хутора, гр. Вершинным М. С. на груди обнаженного при развевании песков человеческого скелета найдена серебряная вещь. Близ скелета были заметны следы гроба.

(Сведения Крюкова А., 28.6.27 г.)

№ 38. Хутор Остроуховский, Кум. р-н.

Между хх. Остроуховским и Пустовским, на берегу реки Хопра, на песках была найдены погребения и около них — бронзовые монеты.

(Сведения Дубова Г. Н., 13.8.27 г.)

№ 62. Хутор Шашкин, Кум. р-н.

В 1906-07 гг. в одном из оврагов объездчиком Шмагиным близ хутора найдено два серебряных золоченых круглых предмета в виде больших тарелок или щитов и серебряные сосуды в виде «полоскательной чашки», кубки. Один из них, с изображением дракона, имел отверстия, как бы пробитые стрелами. Кроме того, там же был найден чугунный сосуд, в кот. лежали удила и железные наконечники стрел.

Все предметы отосланы в Новочеркасский музей, кроме сосуда в виде полцы, который взят лесничим.

(Сведения Сурова П. П., 16.8.27 г., и Попова Б. А., 25.8.27 г.)

Далее перечисляю мною собранные сведения.

Алексеевский район.

Об этом рассказывала мне лет 20 с лишним назад женщина с х. Облива (Кум. р-на) — Никитина Любовь Ивановна. Хутор, где это случилось, — я забыл какой, кажется, за Суляевкой, но в Алексеевском р-не.

<111> Дело было так. Недалеко от правления к-за находился старый сарай, даже не сарай, а 3-4 сохи осталось — лошадей за них привязывали. Ходили и ездили мимо них сотни раз, но вот однажды, после сильного дождя возле этого старого сарая трактор забуксовал. Тракторист вылез, глядь, а на заднем колесе желтые монетки налипли, блестят. Золотые! Начали копать, даже колесо сняли. Тут еще люди подошли, тоже стали копать. Все перерыли, нашли остатки горшка и еще значительное количество золотых монет. Милиция их забрала. Говорят, один припрятал 13 монет, но их тоже забрала милиция. Только одну монетку трактористу удалось утаить — из нее он потом сумел зубы золотые сделать.

<112> Старые люди говорили, что этот сарай принадлежал богатому человеку, который по какой-то причине закопал в нем горшок с золотыми деньгами, но воспользоваться не смог. Если б на этом месте не забуксовал тракторист, так бы может она и лежала до сих пор.

(Сведения уроженца и жителя х. Сарычи, Красноармейского с/совета — Макарова Е. И., 1939 г. р., 7 июля 1996 г.)

Станица Букановская, Кум. р-н.

Случай был в ст. Букановской лет 5-6 назад, и о нем рассказал мне директор Букановской средней школы Скоморохов Юрий...

<113> В станице, возле школы, стали копать пруд, чтобы плантацию и школьный огород поливать. Проехал скрепер несколько раз, и за следом люди обнаружили цепочку (россыпь) золотых российских монет (десятирублевки), стали копать ру-

ками не только на месте будущего пруда, но и куда вывозили грунт. Все перерыли и нашли еще несколько десятков монет. Рядом был частный огород, на котором раньше стояла часовня. Перерыли все, и на нем и нашли еще несколько десятков монет. Все деньги сдали государству.

«114» Как клад золотых монет очутился здесь, никто не знает, но предполагают, что он был закопан каким-то местным богачом во время Гражданской войны или после. Куда делся хозяин клада, можно только догадываться, но скорее всего покинул этот бренный мир, так и не воспользовавшись накопленным богатством.

(Сведения записаны со слов уроженца и жителя х. Сарычи — Макарова Е. И., 1939 г. р., 7 июля 1996 г.)

Окрестности х. Остроухова (Кум. р-н).

«115» В окрестностях (выше по течению Хопра) х. Остроухова, а точнее между Становой и Кошав-горами есть Выходной байрак, представляющий собой меловые горы и лес. Напротив Выходного байрака Хопер в пойме делает громадную петлю длиной примерно 9 км и шириной примерно 1 км. Местность в этой пойме называется Зимовная. На этой местности лежат, точнее торчат, из травы камни — природные валуны не очень большого размера — со стол, с телевизор. Может показаться, что камни эти лежат в какой-то определенности. Старые люди говорят, что под ними был зарыт клад, кем, когда и что именно — неизвестно. Однажды один охотник возле них нашел железный штырь (как щуп) длиной 1,5 м и под одним камнем неизвестно кем раскопанную яму — ее, уже зарощенную я сам видел, а тот охотник говорил, что в земле были признаки, как будто отпечатки достатого сундука.

(Сведения Макарова В. Е., 1966 г. р., уроженца х. Сырычи, потом жителя хх. Остроухова и Ольховка. 7 июля 1996 г.)

Хутор Пустовский (Кум. р-н).

Ныне в нем живет человека три, хутор можно сказать исчезнувший. Про случай, происшедший там, рассказал мне остроуховский житель Терехов Иван.

«116» Лет 20 назад власти наняли в хуторе Пустовском каких-то шибает разбирать старый клуб, принадлежащий когда-то купцу. Дошли шабашники до низа и неожиданно убежали, да так, что и след простыл. Уж потом детвора обнаружила: под снятой штукатуркой, в нижнем венце (бревно-переруб) была выдолблена ямка, ниша, размерами под корчажку, кувшин. Ниша была пустая. Можно предположить, что там был спрятан какой-то клад, который нечаянно обнаружили и с которым тайком пропали нанятые рабочие.

(Сведения Макарова В. Е., 1966 г. р., уроженец х. Сарычи, потом житель хх. Остроухова и Ольховки. 7 июля 1996 г.)

Станица Слещевская (Кум. р-н).

«117» Во время прокладки водопровода на горе, у бывшей церкви было обнаружено человеческое захоронение (по-видимому, священнослужителя). В могиле нашли золотой крест, который изъехала милиция.

(Сведения Тарасенко Н. И., 1926 г. р., житель станицы Слещевской, январь-февраль 1985 г.)

Станица Федосеевская (Кум. р-н).

«118» а) Мне было лет пять, но я помню, как в церковной огороже — выше церкви, в простой могиле хоронили старого священника, у которого волос был белый — за это его так и звали — белый поп.

Через год (мне было лет семь) умер другой поп — я тоже не знаю его имени-отчества; похоронили его в великолепном церковном облачении также в церковной огороже, только ниже церкви. По отношению к этому захоронению вскоре было совершено кощунство — летней ночью кто-то (говорят, станичник Дутов Алексей) разрыл могилу и украл (снял с трупа) золотой крест.

(Сведения Рябиной (дев. фамилия Безверхова) М. П., 1915 г. р., уроженка ст. Федосеевской, потом жительница х. Попова. 19 января 1991 г.)

⟨119⟩ б) Тракторист Ерошенков Алексей ниже своего дома, на берегу реки Хопер, у переправы нашел старинную медную монету, которая в настоящее время утеряна. По его словам на этом месте люди часто находят старинные деньги (1737 г., 1822 г., 1846 г., 1881 г., 1908 г. выпуска).

3 января 1978 г.

Хутор Хлыстовка (в прошлом — Фед. ст., ныне Филинский с/совет, Кум. район).

Небольшой хутор находится рядом (западнее) ст. Федосеевской.

⟨120⟩ Метрах в ста от двора Сиволобова Павла Федоровича лет 25 тому назад при оползании песка с бугра люди находили золотые россыпи.

(Сведения дал уроженец и житель ст. Федосеевской — Сеимов М. П., 1899 г. р., 3 января 1978 г.)

Окрестности х. Филина и бывшего х. Луткова, карьер Белая горка. (Оба хутора находятся на левом берегу Едовли, в прошлом относились к Фед. станице, ныне Кум. р-н.)

⟨121⟩ «Я родом с Сибири, слышал, что там, где скрывается золото, растет изысканная трава — жимолость. Я приглядывался к вашим степным местам, но такого растения нигде не обнаружил. В нашем Захоперском крае я находил вот что. В 1976 г. при мазке дома в глине была обнаружена золотая монета размером с нашу двухкопеечную монету. С одной стороны ее русскими буквами написано: “пять рублей”, с другой — нарисован портрет царя Николая. Глину для мазки рыли в старинном карьере на Белой горке, с Филинской стороны, неподалеку от родника, над которым некогда была часовня.

(Сведения Кушарева Анатолия, житель х. Попова. 22.12.1977 г.)

Хутор Кузнечиков, Кузнецы. Хутор находится на левой стороне Едовли, в прошлом относился к Фед. ст., ныне Кум. р-н.

⟨122⟩ На горе есть распаханный курган, в котором, слышал, ценностей столько, что и себе, и внучатам хватит.

(Сведения дал житель х. Ольховки — Ульянов Илья Федорович; 1930 г. р., 28 апреля 1976 г.)

Хутор Блинков. (Хутор находится на левой стороне Едовли, в прошлом относился к Фед. ст., ныне Кум. р-н.)

⟨123⟩ Мать Привалова Виктора Георгиевича (по прозвищу Скачок, живут неподалеку от Гати), подбивая огород, нашла две большие медные монеты с двухглавыми орлами. На них год выпуска 1771 и 1776 гг.

(Сведения дал житель х. Блинков — Привалов Виктор Георгиевич, 1938 г. р., 22.6.78 г.)

Окрестности х. Ольховки или окрестности Третьего лога. (Хутор находится на левой стороне Едовли, в прошлом относился к Фед. ст., ныне Кум. р-н.)

«124» Весной 1967 г. кузнечинский тракторист Выскубин Анатолий, бороня или культивируя 7-е поле (это выше Малой Вязовенькой балки), метрах в тридцати на север от высоковольтного, углового (анкерного) столба выпал кусочек огородной кубышки. Возле нашел штук двадцать старинных двух- и пятикопеечных монет с двухглавыми орлами, приблизительно 1783 года. Нам захотелось сделать из них кольца на пальцы. Мы разрубили зубилом один пятак. Сделан он был из красной меди, но крошился и лопался на кусочки. Видя такое, все остальные монеты мы там же побросали. Что интересно, приглядевшись, увидели валявшиеся на пахоте раздробленные меловые камни, скотские кости и черепа и дубовые куски дерева, почему-то синего цвета. Все это напоминало брошенное жилище. Словно подтверждая это, внизу самой ражки балка до недавнего времени были признаки колодца и остатки дороги.

(Сведения жителя х. Блинкова Дьяконова Ивана Александровича, 1929 г. р., 19 августа 1983 г.)

Хутор Попов. (Хутор находится на правой стороне Едовли, в прошлом относился к Фед. ст., ныне Кум. р-н.)

«125» Первым священником в Поповской церкви был, по слухам, отец Петр. Ходили слухи, что в конце XIX века умер стариком и был похоронен в саду, восточнее алтаря. При захоронении в специально сделанном склепе отцу Петру положили в могилу Евангелие и золотой крест.

В начале XX века у нового священника — Попова Николая Капитоновича родилась дочь Тамара, которая умерла примерно в возрасте трех лет, похоронили в склепе, рядом с отцом Петром и в могилу положили золотой крестик.

Примерно в 1934 г. могильный склеп отца Петра и Тамары оказался вскрытым, обрушенным, и золотые кресты с Евангелием были похищены.

(Сведения дали старожилы Поповского с/совета, середина 80-х годов.)

Окрестности бывшего хутора Грушева.

«126» «Весной 1998 года я с зятем на гусеничном тракторе ездил рыбалить в Кудинов пруд. Возвращаясь оттуда, мы стали переезжать Змеевую балку (небольшая правобережная балочка между Каменной и Кудановой балками). Чтобы сбавить скорость, мы при спуске в балки опустили плуг. Оглянувшись, увидели, что на склоне в отвалах пахоты что-то блеснуло. Остановились и проверили. К нашему удивлению оказалось, что плуг вывернул ржавленную казачью шашку в истлевших ножнах, покрытых золотой обкладкой, и круглый металлический посеребренный шар с рельефным изображением двухглавого орла — шар этот с отходящей от него втулкой скорее всего был атаманской насекой. Место, где это мы все нашли, ничем не выделялось. И сколько мы ни копались там, больше ничего не нашли. Свои находки мы за 5 тысяч рублей продали подвернувшемуся цыганам из Ростовской области, и на эти деньги лечили заболевшего ребенка (внука)».

(Сведения Б. В. Н., 1949 г. р., хутор Попов, май 1998 год.)

Легенды о кладях отличаются разнообразием. Одни из них связаны с папоротником, другие — с косточками-невидимками, третьи — с курганным петухом.

Хутор Попов. (В прошлом Фед. ст., ныне Кум. р-н.)

«127» В народе ходит поверье, что в ночь на Ивана-Купала расцветает папоротник. Из ныне живущих старожилых никому не удавалось подглядеть, но им их старики говорили, что цветет он розовыми цветами и очень редко. Растет папо-

ротник у нас по садам, в байраках (особенно много его в Дл. Грушевом байраке), высотой он до одного метра. Чтобы подсмотреть как он цветет, надо было на ночь выехать на то место, где он растет, очертить там круг, расстелить скатерть или клеенку, садится на нее и читать в Евангелии то место, где написано о папоротнике. Черти, дескать, стараются помешать этому: лают по-собачьи или орут из кустов «дурным» голосом, стараются напустить ветер или дождь, т. е. хотят разогнать людей. Цветет папоротник вроде бы час-два, и тут же лепестки опадают. Если кому посчастливится собрать эти лепестки, то их высушивают, а, разрезав себе ладонь, залаживают их в рану. Человек тогда вроде бы становится знахарем, т. е. будет все знать: чужие тайны, секреты, где спрятаны клады и другое.

(Сведения записаны от уроженца и жителя х. Попова, Патрина И. Ф., 1904 г. р., в 80-х годах.)

По словам многих старожил, в старину каждая хоперская станица имела клички-прозвища. Так, станицу Усть-Бузулукскую звали — Камышовый чулан, ст. Аржановскую — Цыганы, Цыгане, ст. Зотовскую — Бугаи, ст. Слащевскую — Большая Сноха Ивановна, ст. Кумылженскую — Моська, ст. Остроуховскую — Ерши, ст. Букановскую — Руно, Руни. Не была исключением и наша — ст. Федосеевская, она имела прозвище Кошки. О происхождении такого названия есть несколько преданий. Для нас интерес представляет рассказ уроженца х. Филина, потом жителя г. Михайловки — иногороднего Чекменева Е. И., 1908 г. р., который в свою очередь слышал его от старых людей:

«128» «Ходит легенда, будто бы в Кошке есть какие-то кости-невидимки. Чтобы раскопать их, федосеевские знахари-суверы поступали следующим образом. В кипящий котел бросали живьем черную кошку. Вываривали ее в кипятке (тогда говорили “вар”) до тех пор, чтобы она разваривалась. Тогда брали поочередно ее кости, зажимали их зубами и глядели в зеркало или в подобие его. Как не видеть себя, значит, это и есть “кость-невидимка”. Человек с этой косточкой делался невидимый. Ее надо хранить где-нибудь с собой: она якобы помогала остаться живым на войне, проникнуть в чужие тайны, можно красть с ней, искать клады».

(Легенда записана в г. Михайловке, от уроженца х. Филина — Чекменева Е. И., 1908 г. р., осень 1990 г.)

Хутор Рок-Измайловский (Новоанненский р-н.)

А эта своеобразная легенда о кладах зафиксирована в соседнем с Алексеевским районом — Новоанненском районе. В феврале 1996 г. работник Кумылженского ДК Фудько Юрий Ильич, 1958 г. р., совместно с председателем Березовского центра казачьей культуры Лангустовым Евгением Анатольевичем побывали в хут. Рок-Измайловском названного района. Там от местного старика (имя-фамилию забыл) они услышали такую быль-небыль.

«129» Когда старик в детстве в степи рядом с большим курганом пас с отцом коз, то с кургана выбежал невесть откуда взявшийся большой разноцветный петух и стал как бы отводить. Побежит, пропадет и появляется уже в другом месте. И так несколько раз. Только мальчишка его догонит, а он пропадет, а потом и совсем исчез. Отец опять ему сказал, что петух связан с кладами и что тут (на кургане или возле) где-то есть клад и петух его отводит, а может, и кружит вокруг клада, а может, показать хотел, а мальчишка его не понял.

(Сведения записаны от работника Кумылженского районного работника ДК — Фудько Юрия Ильича, 1958 г. р., 2 сентября 1996 г.)

Глава 13

В мире загадочного свечения

Загадками, тайнами, мистическим трепетом веет от легенд и преданий казачьего края. А все непонятное и таинственное, как известно, всегда привлекает людей. Именно поэтому нельзя обойти вниманием не менее загадочное, таинственное явление, подмеченное в народе: свечение отдельных курганов, некоторых мест и связанные с этим явления клады. Чтобы не быть голословным, приведу воспоминания старожилов и очевидцев.

28 апреля 1976 г. житель х. Ольховки (в прошлом Фед. ст., ныне Кум. р-н) — Ульянов Илья Федорович, 1930 г. р., сообщил мне следующее:

«130» «По народу ходят слухи, что встречаются якобы такие курганы, которые обладают способностью светиться ночью. В частности, говорят, что курганы выше тебя (т. е. Майоршин или Матвеев курган. — А. В.) ночью светится и что будто бы в них зарыт клад».

О сказанном информатор посоветовал узнать поподробнее у Кузнечинского жителя Бочкова Сергея Акимовича, но когда я спохватился — Бочков уже покинул этот бренный мир.

Где-то в это время от трактористов или пастухов я узнал еще одну подобную новость: светящиеся огни, по слухам, видели на одиноком кургане у Рябовских байрачков.

Далее заслуживает внимания рассказ старейшего жителя х. Ольховки Апраксина Ивана Викторовича, 1896 г. р.

«131» «У моего прадеда — Филина Фарафона Петровича (умер в 1918 г. в возрасте 87 лет) на Песках, а точнее в хуторе Кучуровском жил брат — Михаил Петрович. Он приходил к Фарафону Петровичу и рассказывал, что с кучуровской горы он замечал, как на федосеевской стороне — где яр Кожевник (что в окрестностях х. Красного) — загораются ночью какие-то огни. А раньше он от кого-то слышал, что, где появляются внезапные огни, там схоронен клад. Михаил Петрович даже вешкой отмечал местонаправление ночного огня, но нашел он потом источник этого огня или нет и копал ли он там или нет — я не знаю».

К сказанному добавлю, что курганы в этой информации не упоминаются, но их вокруг Кожевникова яра, на буграх много, и не исключено, что виденный Михаилом Петровичем ночной огонь вполне мог быть на любом из них.

Информация этим не исчерпывается. Совсем недавно (2.9.96 г.) нечто подобное наблюдал уроженец и житель ст. Кумылженской — Фирсов Юрий Иванович, 1967 г. р. Вот его рассказ:

«132» «В ночь с 19 на 20-е августа 1996 г. (на Яблочный спас) мы рыбалили на левом берегу Хопра, возле х. Ключи, на так называемом Гремячем местечке. Со мной был товарищ — Семенов Алексей Егорович, 1967 г. р., житель г. Фролова. Ни луны, ни облаков не было, лишь звезды и тишина.

Полтретьего или, скорее, часа в три ночи по направлению на север или, точнее, на северо-запад, примерно по руслу верхнего течения Хопра (в сторону ст. Федосеевской) мы увидели какое-то свечение. С удивлением мы глядели, как на наших глазах в темной ночи за деревьями возник полушар светлого фона, из вершин которого вырывался чуть изогнутый в сторону белый конусовидный язык. На одном месте этот странный светящийся объект находился минут десять, а потом все исчезло. Никакого гула, ни самолета не слышали. С какого именно бока Хопра было это свечение — сказать трудно, на наш взгляд, примерно с нашей

стороны, хотя не исключено и с правой стороны. Знаю, по указанному направлению с левой стороны Хопра, между хх. Сиськовский и Сарычевский есть большой курган (на военной карте он имеет отметку — 119 м), есть большие курганы и на правобережных буграх возле ст. Федосеевской (на военной карте высота тут 153 м). Нам кажется, что свечение было на каком-то из указанных курганов».

Свечение отмечалось также и в соседнем с Алексеевским районом — Новоанненском. Сведения об этом мне поведал уже знакомый читателю работник Кум. ДК — Фудько Ю. И., 1958 г. р.:

«133» «В феврале 1996 г. я с директором Березовского центра казачьей культуры — Лангустовым Евгением Анатольевичем был в Новоанненском районе, хуторе Рог-Измайловский. Там от местного старика мы услышали происшедший с ним другой случай, о котором я и хочу рассказать.

По словам этого старика (забыл имя-фамилию) в конце 20-30-х годов он, будучи мальчиком, пас коз в степи, где расположены два больших кургана (в другом месте). Когда стемнело, над одним из курганов он увидел свечение, как бы в виде одной свечки. Этот огонь перемещался очень высоко по воздуху с одного кургана на другой. Потом огонь исчез. Что это было за свечение, я не знаю, но, как объяснил мне отец, — такой огонь будто бы показывает клад».

Интересно, что ранее упоминавшийся папоротник обладает чудодейственной силой свечения. Об этом 7 июля 1996 г. рассказал мне уроженец и житель х. Сарычи (расположен напротив, через Хопер, ст. Федосеевской, в прошлом относился к этой станице, ныне Кум. р-н) Макаров Е. И., 1939 г. р.:

«134» «Моя прабабушка — Кондрашова Ефросинья Максимовна (ранее упомянутая мною) рассказывала такую быль-небыль. Будто в ночь на Ивана Травного (Иван-Купала бывает летом, в числе — 7 июля) надо найти папоротник и дожждаться, когда он зацветет в полночь. Для этого надо очертить у папоротника круг и сесть с вечера в этот круг. В кругу надо молиться, причем молитву надо знать особую, говорить особые заклинания. Огненные шары летают и катаются, разная нечисть до полуночи рычать будут, могут звери выскакать и стараться разодрать. Человек от страха может умереть страшно, но все равно сидеть надо, молиться и твердить заклинание. Так будет продолжаться до 12 часов — в это время папоротник зацветет и все — шары, нечисть, звери — куда чего денется. Сорвать цветок, разрезать и заложить в рану — рана тут же затянется. Тогда у человека появляется способность открыть любой замок, взять или украсть нужную вещь, и на тебя не подумают. Но самое главное — тогда можно искать и обнаружить любой клад. Ходить надо с вытянутой рукой (ладонью вниз) и, где появится свечение, там и искать клад».

Как видим, все вышеприведенные сведения про ночных светящихся огней народ связывает с кладами. Но — увы! Нахождение каких бы то ни было кладов в светящихся курганах, светящихся местах, тем более с применением чудодейственного папоротника и кошачьих косточек в нашем крае пока нигде неизвестны и никем не отмечены. И если отбросить версию о кладах и сосредоточить внимание на ночном свечении, то должны признать, что такое странное явление — пусть не удивляется читатель — бывает. Виною тому — фосфор, тот самый, что заставляет светиться ночью гнилушки, гнилые коренья, стрелки часов, глаза кошек и некоторых жучков. Про это «чудо природы» писатели П. Р. Таубе и Е. И. Руденко в своей книге «От водорода до...» (стр. 127—128) пишут так понятно, что я не могу себе отказать в удовольствии процитировать отрывок:

«...Одним из интересных соединений фосфора является газообразный фосфористый водород, особенность которого состоит в том, что он легко воспламеняется на воздухе. Его поджигает самовоспламеняющийся жидкий водород, который

образуется обычно вместе с газообразным. Это свойство фосфористого водорода объясняет появление болотных, блуждающих или могильных огней. Огни на болотах и свежих могилах действительно бывают, это не фантазия и не выдумка. В теплые темные ночи на свежих могилах иногда наблюдается бледно-голубоватые, слабо мерцающие огоньки, это горит фосфористый водород. Образуется фосфористый водород при гниении отмерших растительных и животных организмов. Фосфорные соединения, входящие в состав трупов животных и человека, под действием грунтовых вод разлагаются с образованием фосфористого водорода. При рыхлой насыпи над могилой или небольшим слое воды в болоте, газ, выйдя на поверхность, воспламеняется от паров жидкого фосфористого водорода. Таким образом, огни на могилах и болотах не “чудо”, не приведения, не признак святости или греховности умершего, а результат химической реакции. Исследованием блуждающих огней занимались многие ученые. Их наблюдал известный немецкий астроном Фридрих Вильгельм Бессель. Их изучали киевский профессор Кнорре, австрийский исследователь Лист и др. И неслучайно мы задержали внимание читателя на блуждающих огнях. Слишком много легенд, предрассудков в прошлом, а кое-где в настоящем, с появлением огней над болотами и на кладбищах...».

Как видим, «блуждающие» огни бывают на болотах и на свежих могилах. Но может ли такое быть с курганами? С правдой или вымыслом мы имеем здесь дело? По идее, вроде бы не может такого быть: ведь труп в кургане сгнил, превратился в прах сотни, тысячи лет назад. Но если разобраться, ни с того, ни с сего такое утверждение не возникало в народе само собой — где-то, когда-то такие факты, наверное, имели место. К сожалению, подтвердить, где и на каком именно кургане было свечение — не представляется возможным, так как свидетелей этого явления нет в живых, а сведения нынешних информаторов туманны и расплывчаты.

Глава 14

Вместо послесловия: верить ли — не верить легендам?

Вот и подошло к концу наше повествование. И пусть читатель простит меня за утомительный перечень легенд и преданий про разбойников, всякие клады, грабительские раскопки курганов, таинственное свечение и прочие были-небыли. Уверен: подобного рода изустный фольклор сохранился и бытует в народе не только в Кумылженском и Алексеевском районах, но и в любом другом уголке нашего казачьего края и записать их при желании может любой небезразличный к своему Отечеству человек.

Но записать легенды, предания старины глубокой оказывается еще полдела. Другое дело — вникнуть в их суть, доказать первопричину смысла, увязать его с действительными историческими событиями. По ходу моего рассказа видно, что я неоднократно пытался делать это. Только от этого новых вопросов не стало меньше. Ну, например, как по дошедшим легендам и преданиям разграничить, где действовали татары, где черкесы (а может чеченцы), где калмыки, а где прочие разбойники? Сегодня не представляется возможным установить и доказать, когда именно и до каких пор разбойничали шайки этих народов. По той же причине неопределенно и туманно выглядит происхождение многих находок ценных вещей.

Так что же: верить или не верить легендам и преданиям? Соответствуют ли они действительности, что несут они в своей информации? Может, все сведения про разбойников, клады — всего-навсего байки, плод народного воображения и фантастики, как сказал Сафронов И. Н., «миф, легенды»? Не берусь судить за правдивость легенд и преданий о спрятанных татарских, черкесских, калмыцких и прочих разбойников баснословных сокровищах. Согласен, что легенды есть легенды, за их достоверность поручиться трудно — по крайней мере, многие компетентные лица, с кем мне приходилось вести беседу на эту тему, подтверждают это. Я тоже вроде бы придерживаюсь этой точки зрения и хорошо понимаю: там, где есть факт — бессмысленно любое объяснение и, наоборот, там, где нет точных данных, где в истории существуют «белые пятна» — именно в этих местах много места для вымысла, фантазии, вольного истолкования. Да и как этому не быть? Пройдя через призму времени и цепи поколений, подробности изустного фольклора, и тем более в легендах и преданиях, утратились, детали стерлись из памяти. Поди теперь, попробуй узнай, восстанови первоисточник того или иного события, разыщи подлинные следы упомянутых сведений, совершенных десятки, а то и сотни лет назад. Трудно воспринимать сведения, когда факты зачастую перемешались с полуправдой, слухи переплелись с домыслами, а достоверная информация граничит с дезинформацией. Разобраться во всем этом, докопаться до истины весьма трудно, даже более того — невозможно. И все же...

Пусть в изустном фольклоре наслаивались новые темы в элементы, совершенствовалась и видоизменялась форма изложения, вкладывались новые идеи и содержания, но все равно дошедшие до нас легенды и предания, несут в себе какое-то отражение действительно происшедших событий, скрытое зерно истины, частицу реальной основы, то есть ведут свое начало, рождение, происхождение от каких-то исторических фактов, порой, может быть нескольковековой давности.

Вот почему, на мой взгляд, к легендам и преданиям надо научиться относиться с уважением и вниманием, какими бы нелепыми и неправдоподобными они ни казались на первый взгляд. Отсюда делать какие-то поспешные выводы будет все же опрометчивым шагом, вспомним сказки: как говорится, в них ложь да с намеком. Дыма без огня не бывает: отголоски каких-то событий, канва подлинных фактов, какая-то доля правды, мне кажется, в легендах заложена — по крайней мере, в это сильно хочется верить.

Как бы то ни было, красивые легенды про разбойников и клады, курганы и загадочное свечение пришли к нам из старинной жизни, они ходят в народе ныне и, думаю, что еще и наши внуки и правнуки с трепетом будут слушать и, переиначивая на свой лад, передавать их дальше. Это, выходит, вечная тема, и вечно она будет волновать сердца, будоражить воображение, а предприимчивые умы толкать на авантюрные дела и поступки, достойные сюжета хорошего приключенческого романа.

Конец

Рукопись «Легенды и предания о разбойниках, кладах и кладискателях При- и Захоперского края» написана с 1 апреля 1996 года по 30 сентября 1996 года.

В. АПРАКСИН

Указатель информантов

- Апраксин А. С.**, 1907 г. р., уроженец бывшего х. Грушева, потом жителя х. Попова: 106.
- Апраксин Иван Викторович**, 1896 г. р., уроженец и житель х. Ольховки, колхозник: 9, 10, 39, 43, 47, 58, 60, 64, 83, 87, 131.
- Апраксина (Ульянова) Мария Никандровна**, 1910 г. р., уроженка и жительница х. Ольховки: 101.
- Апраксина Мария Александровна**, 1927 г. р., уроженка бывшего х. Грушева, потом жительница х. Ольховки: 52.
- Апраксина Степанида Дмитриевна**, 1883 г. р., уроженка х. Грушевского: 85.
- Блинков Терентия Устимович**, 1987 г. р., уроженец и житель х. Луткова, потом житель х. Блинковского, учитель: 2, 6, 41, 70, 71.
- Гаврилина Анна Геннадиевна**, директор Алексеевского Краеведческого музея: 110.
- Дегтярев Константин Федорович**, 1921 г. р., уроженец ст. Федосеевской, житель х. Сомский: 29, 36, 89.
- Дьяконов Иван Александрович**, 1929 г. р., уроженец и житель х. Блинковского: 27, 124.
- Евсеева Раиса Андреевна**, жительница х. Попова: 63.
- Ерошенков Алексей**, тракторист: 119.
- Залипаев Дмитрий Васильевич**, примерно 1906 г. р., житель х. Блинковского: 97.
- Зоткина В. Ф.**, 1913 г. р., жительница х. Ольховки: 102.
- Кондрашов Арсентий Львович**, 1897(8) г. р., житель х. Ольховки, колхозник: 65, 103, 104.
- Косов Петр Арсентьевич**, 1925 г. р., житель ст. Кумылженской: 91.
- Кострюкова Мария Ивновна**, 1916 г. р., уроженка х. Грушева, потом жительница х. Глухова, а ныне — х. Попова: 18, 105.
- Круляков Матвей Никифорович**, 1914 г. р., уроженец и житель х. Кузнечинского, учитель: 21, 61, 66, 72.
- Кузьмин Владимир Яковлевич**, 1907 г. р., уроженец бывшего х. Голенкова, потом житель х. Скулябного: 24, 25.
- Кушарев Анатолий**, 193? г. р., житель х. Попова: 121.
- Лутков Ефим Иванович**, 1909 г. р., уроженец х. Луткова, а ныне житель х. Блинковского: 38, 51, 68, 88.
- Макаров В. Е.**, 1966 г. р., уроженец х. Сырычи, потом житель х. Остроухова и Ольховки: 108, 115, 116.
- Макаров Евгений Иосифович**, 1939 г. р., уроженец и житель х. Сарычи: 4, 15, 92, 112, 114, 134.
- Михин Александр Александрович**, 1951 г. р., уроженец и житель ст. Слащевской, директор ДК: 48, 94.
- Молоканцев Андрей Васильевич**, 1892 г. р., житель х. Попова: 55, 95.
- Муртаев Мухмад Каимович**, 1958 г. р.: 44.
- Никитина Екатерина Григорьевна**: 86.
- Никитина Любовь Ивановна**, жительница х. Облива: 104, 111.
- Патрин Ефан /Иоф/ Сергеевич**, 1900 г. р., уроженец и житель х. Блинковского, колхозник: 75.
- Патрин И. Т.**, 1907 г. р., житель х. Попова: 32.
- Патрин Николай Федорович**, 1904 г. р., житель х. Попова, служащий: 59, 60, 87.
- Патрин Тимофей Сергеевич**, 1902 г. р., уроженец и житель х. Блинковского: 74.
- Патрина И. Ф.**, 1904 г. р., уроженец и житель х. Попова: 127.
- Петрова А. И.**, 1899 г. р., х. Филяты: 32, 56.
- Пономарев Петр Егорович**, 1906 г. р., уроженец х. Подок, потом житель х. Рябов, Скулябный, Попов: 42, 57, 84, 108.
- Попов Василий Селиверстович**, 1879 г. р., уроженец и житель х. Ольховки: 53.
- Попов Дмитрий Михайлович**, 1917 г. р., колхозник, житель х. Попова: 62, 107.

Попова (Ульянова) Ольга Федоровна, 1900 г. р., уроженка и жительница х. Ольховки: 13, 101.

Попова О. Ф., 1917 г. р., жительница х. Ольховки: 102.

Привалов Виктор Георгиевич, 1938 г. р., житель х. Блинкова: 123.

Рвачев Василий Васильевич, 1930 г. р., уроженец и житель х. Скулябинский: 14, 37, 50, 86, 100.

Рошин Н., примерно 1935 г. р., житель х. Попова: 5.

Рябинина (дев. фамилия Безверхова) М. П., 1915 г. р., уроженка ст. Федосеевской, потом жительница х. Попова: 118.

Саломатин Иван Трофимович, 1921 г. р., уроженец и житель х. Ольховки: 1.

Саломатин Сергей Капитонович, 1896 г. р., уроженец х. Попова, потом житель ст. Букановской: 109.

Саломатина М. Ф. (дев. фам. Сафронова), 1904 г. р., уроженка х. Глухова, после замужества жила на х. Ольховке: 20.

Сафронов Виктор Михайлович, 1934 г. р., житель х. Рябова: 2.

Свиных Сергей Николаевич, 1892 г. р., уроженец и житель х. Глухова, доживал на х. Ольховке: 8, 12, 19, 23, 46, 82.

Свиныхова Зоя Ивановна, 1945 г. р., уроженка х. Глухова, ныне жительница х. Попова: 17.

Сеимов Михаил Павлович, 1898(9) г. р., уроженец и житель ст. Федосеевской: 45, 55, 90, 120.

Сиволобов Михаил Иванович, 1904 г. р., житель х. Ольховки: 30, 54, 67.

Синицын Иван Иванович: 68.

Скоморохов Юрий, директор средней школы ст. Букановской: 113.

Спиридонов Митрофан Илларионович, примерно 1910 г. р., уроженец бывшего

х. Кривского, потом житель х. Кузнечинского: 27.

Тарасенко Н. И., 1926 г. р., житель ст. Слащевской: 117.

Топилин Зиновий Федорович, 1899 г. р., уроженец х. Дуплятского: 96.

Ульянов Александр Иванович, 1936 г. р., уроженец х. Блинкова, потом житель х. Попова: 33.

Ульянов Арсений Александрович, 1908 г. р., х. Филяты: 32, 56.

Ульянов Илья Федорович, 1930 г. р.: 98, 122, 130.

Филин Иван Митрофанович, 1907 г. р., уроженец х. Глухова, затем житель х. Попова: 7, 16.

Фирсов Юрий Иванович, 1967 г. р., уроженец и житель ст. Кумылженской: 132.

Фролова Клавдия Васильевна, 1903 г. р., жительница х. Попова: 11.

Фудько Юрий Ильич, 1958 г. р., работник районного ДК¹: 93, 129, 133.

Храпова Елена Тихоновна, 1898 г. р., жительница х. Попова: 55.

Чекмарев Василий Николаевич, 1933 г. р., житель х. Ольховки: 99.

Чекменев Емельян Иосифович, 1908 г. р., уроженец х. Филина, потом житель г. Михайловки: 34, 35, 49, 69, 73, 77, 128.

Чиков Виктор, 1947 г. р., уроженец и житель х. Филинского: 40, 76.

Чуреков Алексей Тимофеевич, 1904 г. р., урож. бывшего х. Голенкова, потом житель х. Скулябного: 26, 28, 31.

Шапров Валерий Георгиевич, 1948 г. р., уроженец х. Попова, историк: 78.

Шапров Иван Степанович, 1931 г. р., уроженец х. Заталовского: 81.

Шапров Сергей Георгиевич, уроженец х. Попова: 79, 80.

Литература

Бичехвост Н. Станица Алексеевская // Казачий круг. № 12. 23 марта 1995 г.

Васильев Т. Как жили казаки в хуторах // Победа, 14 октября 1993 г. С. 8.

Донские епархиальные ведомости за 1894 г. Новочеркасск. С. 704—706.

Ильина А., Шишкин П. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астра-

ханского округа Нижне-Волжского края. Сталинградское областное общество краеведения. Сталинград, 1929.

Казачий словарь-справочник. Т. 1. Клавлейд, Охайо, США, 1966.

Казачий словарь-справочник. Т. 2. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1969.

¹ Должность на момент написания рукописи. — *Прим. ред.*

Калужный Г. Энциклопедия ушедших и уходящих деревень // Наука и религия. 1989. № 10.

Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974.

Каргалов В. В. Свержение татаро-монгольского ига. М., 1973.

Ковалев М. Ю., Краснобаев С. Г. Новые находки палеолита на территории Волгоградской области // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1975. Вып. 3. С. 154—157.

Козлов А. И. Откуда пошли и кто такие казаки. Проблемы истории казачества. Волгоград, 1985.

Иллюстрированная история казачества. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. с рисунками. Волгоград, 1994.

Лащилин Б. С. На родных просторах. Записки краеведа. Волгоград, 1968.

Лащилин Б. С. Хороша река Хопер. Волгоград, 1962.

Мальцев Н. В. Как возник Кумылженский городок // Победа. 6 октября 1977 г.

Маноцкова Г. И. Живем ли мы по заповедям предков своих // Победа. 1 октября 1996 г.

Моложавенко В. Тайны донских курганов. Ростов-на-Дону, 1967.

Петерс Г. О чем говорят камни. 1912 г. (3-е издание)

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. Вып. Е4-2. М., 1974.

Пронштейн А. П. Земля Донская в VIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.

Ремизов С. О. Палеолитическое местонахождение Пичуга // Древности Волго-Донских степей: сб. научных ст. 1993. № 3.

Ремизов С. О. Палеолитическое местонахождение в Ерзовской балке // Древности Волго-Донских степей: сб. научных ст. 1994. № 4.

Ригельман А. И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону, 1992.

Рябов С. И. История родного края. Волгоград, 1989.

Рябов С. И. История родного края. Волгоград, 1989.

Скрипкин А. С. Очерк по истории Волгоградской области (1970—1980 годы) // Древности Волго-Донских степей: сб. научных ст. 1995. № 5.

Скрипов А. Н. На просторах Дикого поля. Ростов-на-Дону, 1973.

Энциклопедический словарь. Т. 33-А. Издательство Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1903.

Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 30.

Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М., 1961—1976.

Страхов М. Русских страшат по ибрагим-бейльски // Казачий круг. № 39, 22 октября 1994 г.

Таубе П. Р., Руденко Е. И. От водорода до... М., 1993.

Шашлов Т. И. Из глубины веков // Победа, 19 апреля 1994 г.

ЗАГОВОРЫ

Публикуемые «наговоры», «стихи», «заговоры», «молитвы» или «молитвы-наговоры»¹, записанные В. А. Апраксиным, дополняют известные нам, к сожалению, немногочисленные собрания донского казачьего заговорно-заклинательного фольклора². Тем они и интересны, в первую очередь, представляя один из локальных вариантов южно-русской традиции, а именно района Верхнего Хопра.

Все тексты раздела извлечены из тетради «Старинные казачьи наговоры Захопёрского края. Собрал В. Апраксин». Как пишет сам собиратель в письме в редколлегияу данного сборника, «Мои наговоры-заговоры или стихи-молитвы (я до сих пор сам не знаю, как их правильно называть) записаны среди простого населения на территории Кумылженского и Алексеевского районов и даже в соседнем с Кумылженским районом г. Серафимовиче Серафимовического района — в прошлом это окружная станица Усть-Медведицкая бывшей Области Войска Донского» (письма В. А. Апраксина хранятся в фольклорном архиве ГРЦРФ).

Самые ранние записи из собрания Вениамина Александровича относятся к 1976 г., последние датируются 2001. При этом, на первом листе его тетради стоит такая помета: «Рукопись: Старинные казачьи наговоры начал обрабатывать с декабря 1985 года». Под словом «обрабатывать» здесь, видимо, нужно понимать целенаправленное составление рукописи, их запись в конкретной тетради.

В своей совокупности тексты Апраксина свидетельствуют о функциональном разнообразии и довольно хорошей сохранности заговорного фольклора в бывших казачьих станицах на Дону. Вместе с тем, конечно, следует отметить, что характер записей носит любительский характер, особым образом продолжая традицию письменной фиксации текстов носителями народного магического знания «для памяти» в «волшебные тетрадки». На это указывает и отмеченное выше терминологическое разнообразие жанра, и скупость в описаниях обрядовых действий, которые должны сопровождать исполнение «магических» слов.

«По словам старожил, в старину, ввиду мизера врачей, «наговоры» были очень распространены, — сообщает нам Апраксин. — Как известно, советская власть этот вид народного целительства не приветствовала, но в полной мере искоренить она так и не смогла <...> Мне повезло, что судьба свела (а может, и мои целенаправленные поиски) с Сиськовым П. И., Дьяковым В. И. и др. С перестройки знахарство уже не стало преследоваться, и слава таких целителей, как Рябиной М. П., Гришиной А. А., Рыльшиковой Н. Н. и др., распространилась не только по месту проживания, но и за пределами районов».

О том, как происходила фиксация текстов, Апраксин пишет следующее: «По моей просьбе информанты рассказывали и показывали действия, а я записывал это слово в слово, за следом. Правда, есть и исключения — так Гришина А. А. помимо устной

¹ Эти термины употребляются самим собирателем, исходя, видимо, из местной традиции народного наименования текстов, а иногда и обрядов магического характера.

² См.: [Проценко 1998] и второе издание сборника с несколько измененным названием [Проценко 2010]. См. также рецензию на этот сборник [Кляус 1999].

информации передала мне в дар небольшую тетрадь со своими записями “наговоров” <...> В большинстве своем рассказчики охотно делились секретами целительства, хотя замечу, что некоторые избегали огласки — по их мнению, «наговоры» теряют силу, когда о них будут знать посторонние, кто моложе, кто неверующий или некрещеный. В единичных случаях какой-то “наговор” старался записать через жену, где-то подслушал, но все равно, улучив момент, тут же старался записать».

Краткая паспортизация текстов, попытки отражения фонетического облика отдельных слов, запись комментариев респондентов свидетельствует о стараниях автора придерживаться принятой в фольклористике методики фиксации заговорно-заклинательного фольклора. Показательно, что более поздние записи свидетельствуют о возрастающем уровне его мастерства как собирателя. При публикации нами сохранена орфография и пунктуация первоисточника, в том числе и в названиях текстов. Комментарии редактора-составителя раздела помещены в постраничные сноски.

«К сожалению, все мои информаторы “Заговоров...” были людьми уже пожилого возраста, — пишет Апраксин, — поэтому многих уже нет в живых, у некоторых детей нет, а у кого есть — целительством не занимаются. К слову сказать, и среди современного молодого поколения людей, склонных к этому виду лечения, нет — по крайней мере, мне таковые неизвестны. Так что, мои записи — это крохи, и остается только сожалеть, какой пласт фольклорного жанра безвозвратно потерян и для общества, и для науки».

Все заговоры, записанные Апраксиным, а их — 82, нами разделены на четыре группы: «лечебные», «хозяйственные», «на общественные отношения», «любовные».

Самая многочисленная группа, как и следовало ожидать, — это лечебные заговоры (№ 1—60). В ней мы находим образцы заговорных текстов лечения сглаза и порчи, «кылы», «волосня», а также кровотечения, зубной боли, золотухи, болей в спине и т. д. Особый интерес представляют заговоры от так называемого «нестояна», мужского полового бессилия. Апраксиным было записано четыре текста данной функциональной направленности — довольно большое количество для такого немногочисленного собрания (№ 21—24). Это свидетельствует, прежде всего, о доверии исполнителей к собирателю, и дает возможность рассмотреть особенности мужского заговорного репертуара, так как характер действий, которые сопровождали произнесение текста, указывают, что они могли исполняться только знахарями-мужчинами. Впрочем, и женщины владели подобного рода заговорами (см. № 24). Но на примере представленных в собрании записей прослеживаются явные отличия между текстами, которые использовались исполнителями разного пола. Еще одна особенность именно этих заговоров в том, что они произносились на водку, — довольно редкий элемент русской лечебной магии.

Следующая группа заговоров, также довольно многочисленная, — это хозяйственные (№ 61—70). В них отражается домашний быт и интересы верхнехоперских казаков. Один из текстов (№ 61) демонстрирует особую заботу о лошадях. Показательно, что это заговор не от какой-то реальной болезни, а от «сглазу». Действительно, от здоровья коня порой зависела жизнь казака и в бою, и в мирное время. Практически все остальные тексты этой группы относятся к женской сфере домашних занятий, главное из которых было связано с коровой, с заботой о ее здоровье. В собрании Апраксина представлено несколько заговоров, которые использовали при лечении домашней кормилицы, к примеру, если она теряла молоко (обычно это объяснялось порчей) или ее кусала змея. Интересно, что в этих заговорах явно прослеживается украинско-белорусское влияние.

Несколько текстов, включенных нами в раздел «на общественные отношения» (№ 71—77) показывают, что на Верхнем Хопре, как и в других российских регионах, бытовали заговоры «на суд», от воров, на благополучие в дороге. Здесь же представлен интересный текст «Стих от пуля, от меча, от копыя», отражающий воинский быт российского казачества.

Самая немногочисленная группа — это любовные заговоры (№ 78—81). Два текста из собрания Апраксина представляют собой типичные «присушки». С их помощью пытались возбудить к рабу Божьему, т. е. человеку произносящему текст, страсть со стороны особы противоположного пола. Любопытно, что, как и заговоры от «нестояна», любовные читались на водку, которую тот человек, на кого был направлен заговор, должен был бы выпить. В этом отношении верхнехоперская заговорно-заклинательная традиция сохраняет особенности русской любовной магии³. В эту же группу мы включили два заговора от тоски. Тоска, «напавшая» на человека, может быть следствием отсутствия взаимной любви или же горем по ушедшему любимому человеку. В какой ситуации использовались записанные Апраксиным тексты не совсем ясно. Но в любом случае своей образностью и мотивным составом они чрезвычайно близки к заговорной любовной поэзии.

Завершая это краткое предисловие к публикуемым текстам, записанным Апраксиным, хотелось бы обратить внимание на проблему действенности магического слова. Характеризуя этот чрезвычайно сложный аспект заговорно-заклинательного фольклора Верхнего Хопра собиратель пишет: «Лично я к услугам знахарей прибегал мало, поэтому даже не могу сказать, от их лечения поправился я или сам организм переборол болезнь. Но по многочисленным отзывам земляков, народные знахари своими наговорами (плюс действиями, манипуляциями) помогают — это бесспорный факт».

³ См. [Майков 1996: № 2].

ЛЕЧЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ

1. Наговор от переполоха (испуга)¹

Посадить дитя на порог, положить на головочку невлаканный² веничек. В одну руку взять чашку с топлёным жиром (подойдет любой, но лучше — бараний) в другую руку взять чашку со святой водой. В воду выливать жир и читать такой стих:

Выливаю я переполох
Из буйной головы
Из черной печени
Из жил-пажил
Из желтых костей
Из ногтей-паногтей
Выливаю
И за порог выметаю.

Застывающий жир на воде примет такую форму от чего испугался дите (человек, собака и др.).

Вышеописанный способ надо проделать три раза подряд. Когда дитё вылечится, жир отдать собачке.

2. Наговор от крика детей³

Считать сперва наперед до пяти — можно до десяти, — а потом назад.

Пример: Ни один, ни два, ни три...

Не пять, не четыре, не три...

После прочитав «Во имя отца и сына и святого духа... Аминь».

3. Наговор от крику⁴

Заря ты моя зарница
Заря красная девица
Заря утренняя
Заря полоутренняя
Заря полудонная
Заря полуночная

¹ Особенность данного заговорно-заклинательного обряда состоит в том, что в нем при «выливании» испуга используется животный жир, тогда как обычно для этой цели применяется растопленный воск или свинец. Указание на то, что лучше брать именно бараний жир, связано с тем его свойством, что он быстрее всего застывает.

² Невлаканный веник — новый веник, которым еще никогда не мели.

³ Текст в этом обряде лечения ребенка от бессонницы представляет собой типичный образец просто счетного заговора, широко распространенного в восточнославянских заговорно-заклинательных традициях. В этой записи он дан не в полном виде — см. «Наговор от сосков» настоящего сборника (№ 49).

⁴ Заговорный текст от бессонницы ребенка несколько испорчен: в нем отсутствует явное обращение к зорям забрать «крик и зык» от «рабы божьего».

Заря Дария, заря Мария
 Крик и зык
 Лох и пирполох
 Рабе божей (имя). Аминь
Прочеть и через левое плечо плюнуть три раза.

4. Молитва от переполоха

Переполох, переполох
 Иродов сын
 Выйди за порог
 Из белого тела
 Из горючей крови
 Из белых лёгких
 Из ретивого сердца
 Из буйной головы
 Как с гуся вода
 Так с раба божьей
 Великий переполох и тоска.

5. Сглазу⁵

Отче наш
 Да светится имя твоё
 Да придет царствие моё
 Воля твоя, яку на небеси
 Да придет на земле
 Хлеб наш насущный
 Днесь оставит долги наши
 Яко же мы должником нашим
 Не введи нас во искушение
 До царства моё
 Да будет присно во веки веков
 Аминь.

От черного глаза, от белого глаза, от девичьего, от молодичьего, от казачьего, от ребячьего ОТСТУПИ. Матушка-река текёшь сверху донизу. Омываешь коренья и камня, крутые берега, желтые пески. Омой раба ... скорбь и болезнь, тоску, испуг.

При лечении надо три раза прочеть про себя молитву («Отче наш») и наговор. Наговаривать можно на любой свежей воде, воду эту можно пить, умываться ей, обтираться нельзя. Наговаривать можно себе, детям, людям.

6. Наговор «сглазу»

«Отче наш»...

Господи помилуй (три раза)

⁵ Использование молитвы «Отче наш» — довольно частое явление в русской заговорной традиции. Записанный Апраксиным и приведенный здесь текст молитвы довольно близок к канону, хотя и имеет некоторые разночтения. Это единственный случай в рукописи собирателя, когда ее текст дается полностью. Обычно просто указывается — «Читать “Отче”». Собственно сам заговор приводится уже после молитвы. Исполнитель П. И. Сиськов, кроме того, видимо, сообщил Апраксину, что «От «сглазу» не надо переступать веник, всякую палку, пряжу; особенно опасна вода, которой мыли покойников», о чем стоит пометка в рукописи после текста.

Кто подумал в худой час —
 Тому соль в глаз
 Кто подумал в худой час —
 Головёшка в глаз
 Кто подумал в худой час —
 Жару в глаз
 Аминь, аминь, аминь.

7. Наговор «сглазу»

Сперва «Отче наш» три раза.

Текёт вода
 Выше заповоуду
 Заливает луга и болота
 И жилые колода
 Не я раб божий
 Умываю
 А умывает мать божия
 Пресвятая богородица
 На своем престоле
 Своей пеленою
 От черного глаза
 От серого глаза
 От белого глаза
 От желтого глаза
 Мать божия
 Помоги, пособи.

«Когда» наговариваешь (на человека, на молоко) нужно дуть после стиха и так три раза.

8. Наговор «сглазу»

От мужского,
 от женского,
 от ребячьего,
 от девчачьего,
 от серого,
 от тёмного
 от синего
 от голубого.
 Аминь, аминь, аминь.

Почерпнуть из колодца воды. Этой чистой непитой воды зачерпнуть кружкой. Во время наговора жечь над кружкой спички, бросать их в неё — в воду, а самому плевать в сторону.

9. Молитва сглазу⁶

Богослови меня ... (имя)
 Пресвятая богородица
 Ложила на престол в восьмом часу
 Спала, ночевала

⁶ Текст представляет собой вариант духовного стиха «Сон Пресвятой Богородицы», который в народной среде использовался в качестве заговора, помогающего от порчи, и, вообще, считался самым сильным оберегом от нечистой силы и злых людей.

Снился про тебя сон
 Вижу страшный пришел к ней сын
 Божий, спаситель
 Быть тебе быть на полном
 Быть тебе быть распятым
 На трёх деревьях кипарисных
 Руки, ноги пробьют
 Железными гвоздями
 Венок терновый на голову оденут
 Пробьют твои кости, ребра
 Поведут тебя по палаткам
 И пятистанами
 Потечет из тебя кровь ручьями
 Православным крестьянам
 Верам святая мать богородица.

10. Стих от придчинки

(когда ломает)

Во-первых, прочитать «Отче наш».

На молодом месяце
 На утренней заре
 Сидит Бог на пече
 Держит шашку на плече
 Хочет срубить игреца и мудреца
 Сама матушка
 Пресвятая Богородица
 Помогает, пособляет
 От глазовой причинки
 От черного глаза
 От казачьего глаза
 От простоволоски.
 Аминь.

Читать три раза. Наговаривать на бутылке с непитой водой или на человеке и сплевывать через левое плечо за каждым разом.

11. Наговор от придчинки⁷

(когда человека и животное ломает)

На молодом месяце, на утренней заре, сидит бог на пиче держит шашку на пliche, хочет срубить игреца и мудреца. Сама матушка просвятая богородица пособляит и помогаити от глазовой причинки, от черного глаза, от казачево глаза, от ребячьего глаза, от простоволоски. Аминь.

Наговаривать на человеке или животном, непитую воду, смачивать и поить.

⁷ Тексты № 10 и 11 записаны Апраксиным от одной исполнительницы — А. А. Гришиной. Вероятно, первый был зафиксирован непосредственно со слов, а второй взят собирателем из тетрадки, которую ему подарила знахарка (см. об этом в предисловии к разделу). Сравнение текстов показывает, что они представляют собой варианты одного заговора. Различия небольшие, но они все же показательны в том отношении, что в реальной практике заговорный текст при исполнении варьировался, несмотря на известное правило не менять в нем ни слова, так как это якобы влияет на его магическую силу. Пояснения, которые даны к обоим текстам, дополняют друг друга и дают более полное представление о самом заговорно-заклинательном обряде и сфере его применения.

12. Наговор от придчинки

«Отче» прочитаешь.

Издолика издолика едут три молоца Хрол Илазар и третий сам Иисус Христос вобивают из рабе божьей (имя) глас и причину спаси господи рабу от чирного глаза и ат белова глаза ат желтова глаза ат зарожонова глаза спаси господи сглазу и ат причины споси выйди и жил и патылков из головы из горячи крови. Спаси господи. Аминь. Аминь.

Наговаривать на бутылке непитой воды, смачивать и пить.

13. От порчи⁸

Воскресни бог,
Расточатся враги мои,
Отбегут от лица моего,
Ненавидящие меня.
Бог знаменующий
Со крестным знаменем,
Господи спаси меня, раба ...
От всех колдуниц, колдунов,
Эритников, от чертей всех мастей
Господи спаси меня
Своей чистой рукой;
Во имя отца и сына
И святого духа
Аминь!

Наговаривать надо три раза на речной воде. Для этого надо двенадцать раз наполнить трехлитровую банку. Наговаривать можно себе, детям и людям.

14. Чтобы Господь спасал от всякой беды, зла, нападения, перед сном и от ночной болезни

Николай святой угодник
Спаси моего сына ...
От ночной болезни
От всякого зла и нападения

15. Наговор от кил

На фондской горе
Ходит черничка
Она наша помочница
Ходит лечить килы
Колы каменные, наговорные
Бродные
Чтобы она не расходилась
Не стреляла, не порола
Не сербела
У рабы божьей ... (имя)
Килы колы
Поет слово поет
Аминь (3 раза).

⁸ Начало текста — перефразированное начало «Молитвы Кресту»: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящи Его...».

16. *Наговор от кил*

Богослови господи не я хожу, не я прошу. Просит матушка владычица просветая богородица своей правой рукой нетленной пеленой светой спаситель Иван креститель просветая троица, просветая богородица светой Николай угодник скорый помощник помощи рабе (...) от кил и килих, дым и дымих возьми эти килицы ветерные, глазные, ненасные, шишаштые, расыпные, гнилые, сухие, сербучие, болучие им тут не стоять, парус не пушать, черны крови не пить, желтых костей не ломить, ретивое сердце не сушить, от новорожденной молитвы вовеки веков. Аминь.

Три раза прочитать.

Если килы на лице — наг<оворить> на нем, а большинство наг<оварить> на детском невладаном⁹ белом креме и им мазать. Лечить три дня — утром, вечером, шесть зарей.

17. *Наговор от кил*¹⁰

На мори окияни на острове буяне там лежит белой камень белой белотелой на этом камне сидят две девицы родные сестрицы и одна держит иглу, другая шелковою нитку я к ним подошла (имя) красная девица приколите рабе божьей (имя) гаручи балучи находние набродние на дароги на пароги на ветру на веники вовеки веков аминь.

Наг<оворить> на невлад<аном> дет<ском> креме, на лице три раза, каждый раз дуть и сплев<ывать> через левое плечо.

18. *Наговор от кил*

Во имя отца и сына и святого духа благослови Господи полечит рабу Божию (имя) кила килистая железо ломовистое вот тебе кила бороновый крест¹¹ а тебя кила под корень снести с раба Божия (имя).

Наг<оворить> на креме и на человеке.

19. *Наговор от кил*

Бослови миня господи
 Делююца кили на дароги
 Делиююца килы на пороги
 Делююца килы на веники,
 Делаются килы на камне,
 Как камень окаменеет так у рабе божьего у (имя) кили на глазах окаменели колучие, болучие, гноучие, сербучие, так чтоб ни кололи, не пороли, не гнили тому стиху приговор. Аминь. Три раза.

Наг<оворить> на дет<ском> невлад<аном> креме и на человеке.

⁹ Невладаный крем — здесь, как и в тексте № 1, где говорится об использовании невладаного веника, означает крем, который никогда не был в употреблении. О том, что на невладаный крем произносится заговорный текст см. также № 19, 42, 57.

¹⁰ Сюжет этого заговорного текста от кил — на острове Буяне камень, на камне сидят девицы, которые шьют — в русской традиции чаще всего встречается в заговорах от кровотечения (см., к примеру, № 26 настоящего собрания). Но в данном тексте отражается, видимо, более ранняя эволюционная версия данного общеславянского сюжета, так как девицы зашивают не рану, а помогают от болезни (см.: [Кляус 2000: 57—58]).

¹¹ Бороновый крест — здесь неясно; бороновый — это значит относящийся к бороне (см. [Словарь 1789—1794, 1: 288]). Вероятнее всего, в заговорном тексте первоначально речь шла о бороновом зубе, которому приписывалась в русской традиции определенная магическая сила. В частности, на бороный зуб заговаривали зубную боль [Даль 1903—1909, 1: 286].

20. От нестояка

Для лечения нужны «майки» — майские зеленые жуки, количеством пять штук. Их надо высушить, помять, потолочь в порошок — чтобы их не видно было в воде.

В начале надо прочитать «Отче наш» три раза.

Затем поставить в чашке сердечник (от хода)¹² и перелить через него туда-сюда три раза поллитру водки. При этом надо сказать:

Как сердечник стоит, так чтобы у раба ... член стоял на всех, на жену.

После этого высыпать толченых жуков в водку и прочитать «Воскресни бог» три раза.

Пить это лекарство три раза в день по столовой ложке.

21. Наговор от нестояна

Суостав на суостав

Х.. диречку оставь

Пробой тверже притолоки

Так и х.. у раба ...

Амон, амон, амон.

Наговор читать три раза на водке, в водку дуть. Лекарь одной рукой держится за бутылку, а другой за «него» и заворачивает.

После наговора больной пьет три глотка и садится минут на 10—15. А потом брать больного за руку и подводить к притолоке. Пускай больной одной рукой возьмет за притолоку, а другой — за «него» (и «он» подымется).

Так проделать три раза.

22. Наговор от нестояна

На яру, на Тереке

На быстрине

Стоит Семён-дуб

У этого дуба корни

Зелены да тверды

Так и у раба ...

Подмудная жила

Завсегда была тверда.

Читать этот стих на водке три раза. В водку дуть. Во время наговора хватать рукой ниже члена и он враз поднимется.

23. Наговор мужчинам

Как у кочета кроф гарит

Ствол стоит

А кочит курей понимает

Не разбирает

И крофи горела

Ствол стоял

Чтобы девок и бап понимал

Не разобрал

Аминь.

До трех раз.

Купить бутылку, поймать кочета, проткнуть гребень, капнуть 3-4 капли крови в эту водку. Читать стих до трех раз и пить по норме.

¹² Сердечник от хода — здесь видимо стержень, на который насаживается какое-то колесо.

24. Наговор женщине от порчи

(кровотечения, а это может быть, если кто-то подлил тебе кровей, т. е. с помощью наговора, вредоносных действий вредит, портит тебе)

Прочсть «Отче наш». Далее, у глухой (без окон) стены жилого или нежилого дома, с восточной стороны вечером (чтоб никто не видел) выкопать наотмашь пятой девять ямок. Предварительно собранные в воду тряпочки, свою кровь лить в эти ямочки. В первую ямку льешь немножко и приговариваешь: «Это — моя». В две следующие льешь побольше и говоришь: «Это твоя, твоя». Опять в следующую одну льешь немножко и приговариваешь: «Это — моя». В две другие льешь побольше и говоришь: «Это твоя, твоя». И так через одну-две чередовать до конца все 9 ямок. Повторить это три раза. После чего сказать:

Зелень к зелени,
Корень в землю
Оберни своему господину.

25. Наговор от порезов, как заговаривать кровь

Ехал старик
на белой лошади
Лошадь остановилась
У старика кровь
Угомонилась.

26. Наговор «Как заговаривать кровь»

(Обрез, порез, а также женщинам)

На море-окияне
На острове Буяне
Сидят две девицы
Две родных сестрицы
Шьют-пошивают
Руду-шёлк.
Шелк рвется
Кровь у раба (е) ...
Уймётся.

Аминь, аминь, аминь.

За раз читать три раза. Если стало лучше — раз.

27. Стих как заговаривать кровь

Перекреститься:

Благослови меня господи.
Стоит дуб безверхий
На нем сидит птица безноса
Клюет мясо бескровное
У рабе (имя...) или у раба (имя...)
Не канула кровь
Не на траву
Не на землю
Не на воду.
Аминь.

Читать, пока кровь перестанет.

28. Наговор заговаривать кровь¹³

Стоит дуб безверхий
 На нем сидит птица безносая
 Клюет мясо бескровное
 Рабе божьему (имя)
 Кровь не капнула
 Не на траву, не на воду
 Не на землю. Аминь. Три раза.
Заговаривать на человеке до тех пор, пока перестанет кровь.

29. Наговор от волосеня

Во имя отца и сыну святому
 И сыну духу аминь.
 Вылийся волосень
 На тридевень
 Из раба ...
 С белой кости
 И с мягкого тела,
 С жил-пажелков
 С ретива сердца
 Тому стаху¹⁴
 Заговор-приговор
 Аминь, аминь.
 Отче наш...
 Во веки веков
 Аминь.
Читать округ раны три раза и в землю плевать.

30. Наговор от волосня

Во имя отца ... выди волос на колос, выди волос овечий, выйди волос чилочевий, выди волос скотиний, выйди волос лошадиный, выйди волос куриный, выди волос утиный, выди волос гусиный, выйди волос всякой твари ползущей и летущей твари. Аминь. 3 раза.

Кипеченая вода, в теплую воду ставить ногу или класть палец (на чем волосень), обкладывать житным колосом, наговаривать, дуть и сплевывать через левое плечо. Можно обкладывать и краснобылом.

31. Наговор от грудницы¹⁵

Наговаривать воду «воскресной» молитвой «Воскресни бог, расточатся вороги его, от лица его...»

¹³ Как и в случае с текстами №№ 10 и 11, тексты №№ 27 и 28 записаны Апраксиным от одной исполнительницы — А. А. Гришиной. Вероятнее всего, первый был зафиксирован при устном опросе, а второй взят собирателем из тетрадки знахарки. Данные заговоры от кровотечения являются вариантами, имеющими небольшие различия.

¹⁴ Стаху — здесь неясно. Возможно, испорченное «страху».

¹⁵ Данный «наговор от грудницы» не является заговорным текстом. Это описание обряда лечения, в котором используется «Молитва Кресту», называемая обычно в народе «Воскресной». Мы все же посчитали возможным разместить это описание в данном собрании, так как оно свидетельствует, во-первых, о достаточно широком понимании термина «наговоры» на Верхнем Хопре, а, во-вторых, о функциональной близости заговоров и молитв в лечебной практике донского казачества.

Этой водой мочить грудь, можно и обрызгать ею чистой рукой. Наговаривать за один раз три раза, а всего — утром, в обед и вечером. После каждого раза в сторону сдувать.

32. Молитва от золотухи

Благослови господи Петра, Павла наверх Апостолы строили Золотухе обед золотухе стол дубовый скатерть шелковая явство медовое Пошла золотуха в рабе ... (имя) в сук. Аминь.

33. Молитва от серботы¹⁶

Пойду во божью церковь
 Богу, господу помолюся
 Как вы Иисуса Христа почитаете, величаете
 Так рабу божью ... (имя) почитала
 Папу, маму почитает
 Чтобы горело, не сербела,
 Не колола
 Аминь.

34. От зубов

Прочитать «Отче наш» три раза. Обращаешься к молодому месяцу:

Месяц, месяц молодой! Ты родился, на том свете бывал? (надо говорить: «бывал»); мертвецов видал? (надо говорить: «видал»); у мертвецов зубы не болят? («не болят»); челюсти не болят («не болят»). И у раба ... зубы не болели бы и челюсти онемели.

Наговаривать можно на хлебе, на воде (умыться, в рот набрать и выпить).

35. Заговор от зубов¹⁷

Месяц родимый,
 Отец Владимир
 На том свете был? — был
 Упокойников видал? — видал
 У них зубы не болят? — нет, не болят
 Так и у раба (е) ...
 Не болели
 Не горели
 От ныне до веку
 Аминь, аминь, аминь.

Больного брать и выводить: утром рано зарей и вечером зарей, оба раза ему глядеть на небо. Рот у больного должен быть открытым. Лекарь, читая стих, должен водить пальцем кругом рта больного и отплёвывать.

36. Наговор от зубов самому себе

— Месяц молодой где был?
 — За горами.
 — Что видел?

¹⁶ Текст не совсем ясный. Его начала больше всего напоминает заговоры на уважение со стороны людей, на подход к властям с формулой сравнения «Как люди почитают Иисуса Христа, так пусть они почитают и Раба Божьего» (см.: [Майков 1996: №№ 338, 346]).

¹⁷ Схожий заговор см. [Проценко 2010: № 86].

— Мертвых людей.
 — У мертвых людей зубы не болят?
 — Нет, не болят.
 У рабе божей у (имя)
 Чтоб зубы не болели. Аминь. Три раза.

*Наговаривать» на молодой месяц сам себе. Читать три раза. Ни с места, пере-
 крись и читай. Каждый месяц.*

37. Наговор от зубов¹⁸

Благослови меня господи
 Месяц в небе
 Заяц в поле
 Щука в море
 Когда эти три брата
 Соберутся вместе обедать
 В это время (имя) будут зубы болеть.
 3 раза аминь.

*Взять 3 пиленых кусочка сахара, расколоть на три части, получится 9 кусочков.
 Брать в бумагу вместе, наговаривать каждый раз по 3 раза дуть на него сплевы-
 вать. Перекрестся. Всего 9 раз наговаривать. Дома класть по кусочку на больной зуб.
 Растает 2-ой, 3-ий и 9-ти пока уснешь лежать только в постели.*

38. Заговор от зубов¹⁹

Заговаривать надо на молодой месяц.

Выхожу я раба ...
 На молодой месяц
 Заговаривать зубы.
 Как три брата
 Один за одним гонят
 Век не догоняют
 Так чтобы у рабе (а) ...
 Зубы не болели,
 Не горели,
 Не пылали, не стреляли
 Аминь, аминь, аминь.

39. Наговор как лечить зубы²⁰

Святитель отчий Антипелъ зубам исцелитель Исцели зубы у рабе (-ы ... имя).
 Выгони зубную болезнь в чистое поле, с буйным ветром, тут тебе не бить, не в зу-
 бах, не в теле, не в диснах, не в крови, выгони зубную болезнь не в кровь, выгони
 зубную болезнь в чистое поле с буйным ветром.

Читать три раза.

¹⁸ Заговорные тексты с подобными мотивами встречаются и в сборнике [Проценко 2010: №№ 76, 77, 89 и др.].

¹⁹ Текст несколько испорчен, так как в нем отсутствует упоминание какие именно три брата не могут догнать друг друга, сойтись друг с другом. Обычно это месяц в небе, заяц в поле, щука в море, как в заговоре № 37 настоящего собрания, но могут быть и другие персонажи — месяц, рак, волк; месяц, червяк, медведь; дуб, звезды, камень (см.: [Кляус 1997: 229—231]).

²⁰ В заговоре обращаются к св. Антипию, который в русской православной традиции считался целителем разных недугов и особенно зубной боли.

40. Наговор от «камчуга»*(Когда болят дёсна, зубы)**Сперва три раза прочесть «Отче наш»*

Песивое поле

Песивый конь

Песивые зубы

Съешь камчуг

У раба (е) ...

Горючий,

Болючий, Сербучий,

Знобучий,

Болючий.

Мать божия

Помоги, пособи.

При наговоре больное место очерчивать или столовым ножом, или подмезенным²¹ пальцем. Стих прочесть до трех раз и три раза наотмашь (назад) плюнуть.

41. Молитва от камчуга²²

Как по городу солнце раскатилось

Бел-горюч камень рассыпается

Так ... (имя) раны рассыпаются

Камчуг жгучий

Чтоб не горело, не сербело

Не кололо, ни пороло

Ни в воде, ни в огне

Аминь.

42. Наговор от камчуха

Богослови господи, матушка просветая богородица своим крестом окрещает, своим духом обдувает, белой пеленой закрывает камчух, золотух и рожу, высылает из рабе божей (имя) из буйной головы, из ясных очей, из белого лица камчух золотух и рожу пойдя в быструю реку, в темной лес, в томном лесу стоит сучок, сухой, дубовый камчух, золотух и рожу быстрю на сухой сучок высылает у раба (имя) Аминь.

Нагов<орить> на рассоле — можно и пить его и без наг<овора>. Можно и на невладаном белом креме и им мазать. Нагов<аривать> до трех раз и сплев<ывать> в левую сторону.

43. Наговор «Если попала щепá»²³

Из луга, из луга

Щука-рыба выскочит

²¹ *Подмезенный палец* — здесь значит безымянный палец. Так как безымянный палец реже всего задействован в трудовых процессах, он считается самым чистым в русской традиции. Поэтому именно он обычно используется в магической ритуальной практике.

²² Заговорный текст построен на формуле сравнения. Интересным в нем представляется первая часть, в которой рассказывается о раскатившемся по городу солнце и о рассыпавшемся бел-горючем камне. Данный фрагмент имеет, вероятно, эпическую основу. Даже начало текста по своему строению напоминает былинный стих. Мотив рассыпавшегося, расколовшегося камня нередко встречается в славянских заговорно-заклинательных традициях (см.: [Кляус 1997: 210—211]).

²³ *От щепы* — здесь: от занозы. В более полном виде вариант этого заговора опубликован в сборнике [Проценко 2010: № 56, 59]

У раба (е) ...
Деревянная,
Железная,
Чугунная,
Стеклянная.
Аминь, аминь, аминь.

44. Наговор от перелома глаз

Бослови меня господи
Как щука рак
Глазами быстра и востра
Так чтобы раба (имя)
Правом и левом глазам
Была быстра и востра.
Аминь.

Наговаривать на человеке до тех пор пока вылечишь (один наговор читать беспрерывно).

45. Наговор от ячменя на глазу²⁴

Взять ячменное зернышко, прикасаются кончиком к болячке на глазу и приговаривать:

Ячмень, ячмень кукиш
Кого хочешь купим
Купи себе топорок
Секи себя поперек.
Прочесть три раза и сказать «аминь».

46. От ангины («соскѣ»)

Пить отвар из ромашки, париться над посудой, где отвариваются ромашки; после подойти к задрог (деревянная ухватка при залезании на печь) взяться за неё руками и тереться поочередно то левой стороной шеи, то правой (где «соски»), при этом приговаривая:

Жаба, жаба
Стань ко мне
Задницей.
Во имя отца и
Сына и святого
Духа. Аминь.

47. От ангины

Жаба не боли
листья не распускай
рабе божьей ... (имя)
не коли, не боли.

48. Наговор от сосков

*Нужна дубовая доска. Кладёшь её на стул, водишь пальцами по ней и читаешь:
Ключ на небе*

²⁴ Очень близкие по тексту варианты заговора см. [Проценко 2010: №№ 277-279].

Замок наземь
 Шли три бабы
 Давили соски и жабу
 Как дубовая доска онемела
 Так чтобы рабе (... называешь)
 соски-жаба(ы)
 онемела и не болела.

Когда прочтёшь, через плечо поплюёшь на сторону и подуешь на соски, после чего надо предмизинными пальцами обеих рук водить по соскам к горлу. Читать наговор на дубовой доске, дуть на соски и водить предмизинным пальцем надо три раза (т. е. 3 раза на доску, 3 раза на соски). Наговаривать надо утром и вечером. Можно наговаривать и себе.

№ 49. Наговор от сосков²⁵

Водить обеими руками по соскам и приговаривать:

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

От десяти — девять,

От девяти — восемь,

От восьми — семь,

От семи — шесть,

От шести — пять,

От пяти — четыре,

От четырех — три,

От трех — два,

От двух — один,

От одного — ни одно.

Плюнуть в сторону и подуть. Можно помазать соски солью — соли они боятся.

50. Наговор человеку от лишайёв²⁶

Водить наперекосяк пальцем или иглой по болячке и приговаривать:

Лишай, лишай

С свиньями ты водишься

Свинья тебе не мать

Молочка тебе не даст

Как ты сохнешь

Так ты и сдохнешь.

Прочитать три раза подряд.

51. Наговор от лишая

Бослови меня господи

Лиши лишай я табе

Я тебе не мешай

Боров не отец

Свинья не мать

Сиськи не даст

²⁵ Текст представляет собой типичный счетный заговор (см.: [Кляус 1997: 190—192]). В донских заговорах от ангины также встречаются тексты со счетом (см. [Проценко 2010: №№ 9, 11])

²⁶ Варианты этого заговора опубликованы в сборнике [Проценко 2010: №№ 122, 123].

А ты лишай сохни-посохни
 У рабе (имя) на скулу или на глазу слохни
 Аминь.

Читать 9 раз, водить вокруг лишая вторым пальцем от мизинца правой рукой. Три раза пройдешь, дунешь на лишай и плюнешь. Опять три раза и ещё три раза. Всего 9 раз.

52. Наговор если вывихнешь ногу или руку

Матушка просвятая богородица
 Скорая помощница
 Помолись Бога об рабе Божьей (имя) выбила руку в суставе.
 Сустав с суставом стыкается,
 Кровь с кровью сливается,
 Кость с костью срастается.
 Золотым серебром обливается
 Аминь, аминь, аминь.

Читать 27 раз. Берешь шерстяную белую несученую нитку и нужно 27 узелочков связать на ней и на каждом узелочке читать этот стих. Надо три нитки. На первой нитке наговоришь и чтоб туда-сюда (2 раза) обвязать напр<имер> ногу; и на второй эта же песня. И на 3-ей эта и каждый раз наговаривать.

53. Наговор от спины²⁷

(Радикулит)

Отче наш... <прочитать>.
 Не первый, не последний.

Зимой больного положить ничь на пороге (чтоб крест был) между комнат: ногами — в горнице, а головой — в хате; можно и на постель, головой от двери. В обоих случаях пятками не доставая до крестца. Лекарь водит рукой крестом по спине, наговаривает вышеприведенный стих и сдувает в сторону.

А когда тепло, больного ложить ничь на пороге по-другому: головой в чулане, а ногами в хате. Пятками также, чтоб не доставая крестца. Дальнейшее лечение, что и зимой.

54. От радикулита

Надо иметь топор находный и найденный сибирьковый веник (окамёлок). Больного человека уложить ничь на порог, положить на спину ему веник и рубить по нему топором крестом 12 (двенадцать) раз, приговаривая при этом:

Как пороги не болят, перерубы не болят, так у раба ... спина не болела.

55. Наговор от изжоги

Ехал старик на белой лошади
 Лошадь упала — изжога пропала.

²⁷ Данный «наговор» представляет собой описание обряда лечения радикулита. Самого текста в нем практически нет — лишь фрагмент так называемого счетного заговора (см.: №№ 2, 49), который необходимо произнести после молитвы «Отче наш». Тем не менее, мы публикуем эту запись Апраксина, так как в ней дается подробная характеристика обрядовых действий.

56. Наговор от ижоги²⁸

Бослови меня господи
Ижога ехала на серой кобыле
Кабыла упала ижога пропала
Аминь.

Читать и всё.

57. Наговор от сибирки²⁹

Господи Иисусе Христе сине божий помилуй меня. Встану я раба божия (имя) помолясь, пойду перкрестясь, светой водою умываясь, божей пеленой утираюсь. Выйду из дверей в двери, выйду на море сияное. На море сияном купоросное древо стоит, престол, на престоле мать моя матушка, пресвятая богородица спола почивала на господнем престоле. Я раба (имя) пращу матушку пресветую богородицу на помощь от язвы, моравьища ты будишь ходить и хоронить от язвы раба (имя). Аминь. Три раза.

Наговаривается на человеке, на креме (детский, невладаный) наг<оворить> и пить на рассоле. Каждый раз дуть и сплев<ывать> через левое плечо. Перекрестится и опять так 3 раза.

58. Наговор от «сибирки»³⁰

Благослови господи
Есть в тебе у рабе ... (имя)
Острая полицейская язва,
Нет ни грома,
Нет ни молоньи,
Нет в туче воды, проверить написание слова по рукописи!
В руках три овцы,
Меж ног ветру
И аминь.

Читать три раза, дуть и креститься перед началом чтения и после.

²⁸ Сюжет, в котором рассказывается о том, как какой-то персонаж (старик, мужик, царь и др.) едет на коне/кобыле и тот/та устаёт, останавливается, чаще всего встречается в заговорах от крови (см.: [Кляус 1997: 203—204]). Данный текст интересен тем, что он показывает, как сюжет, типичный для заговоров одной направленности, может использоваться в иной функциональной группе. Это говорит о продуктивности заговорной традиции, о ее творческом осмыслении исполнителями.

²⁹ Начало текста напоминает заговоры, построенные на основе духовного стиха «Сна Пресвятой Богородицы» (См. № 9 «Молитва сглазу» настоящего собрания). Интересным здесь представляется образ муравья, который «будет ходить и хоронить человека от язвы», достаточно редкого в русской заговорной традиции.

³⁰ Наговоры от «сибирки», т. е. от сибирской язвы в русской заговорной традиции занимают какое-то особое место. Судя по всему, они достаточно поздние по своему происхождению. Видимо, перед знахарями стояла задача создания заговора от этой страшной болезни, которая особое распространение в России получила после XVII века, когда Сибирь была присоединена к Европейской части страны. Из-за своего преимущественного распространения в Зауралье она и получила название «сибирка». Именно поэтому заговоры от «сибирки» чаще всего имеют сборные конструкции. Об этом же свидетельствуют записи Апраксина. Текст № 58 — это набор каких-то фрагментов, среди которых есть и молитвенная просьба к Господу благословить, и описание язвы через определение полицейская (т. е. очень злая), и, видимо, императивное обращение к болезни «не быть» у человека через отрицание ее ужасающей характеристики «нет ни грома, ни молнии, ни воды», так как она опасна, как гроза. В этом тексте неясен смысл выражений «в руках три овцы» и «меж ног ветру».

59. Молитва от сибирки³¹

Богослови меня господи
 Слава отцу и сыну и святому духу
 Как рабы божьей
 Как рабы божьей ... (имя)
 Надоездная язва есть и нету
 Не тучами, не молниями, не громом
 Не огнем
 От буйного ветра
 Нутряная, рассыпная, гнилая
 Чтоб не ломила, не сербела
 Не горела
 Помоги рабе ... (имя)
 На здоровье, а бабе пирожок
 Продави Михаила Сибирская язва
 Спаситель нес крест и всанг (как чирей)
 Прокальвать крестом желудок
 Рабу божью ... (имя)
 Вот тебе замок
 Вот тебе ключ
 Месяц на исходе
 Сила на замке
 Гнилая, нутряная, рассыпная
 Что б не ломила, не сербела
 Не горела
 ... (имя) на здоровье
 а бабе пирожок.

60. Наговор от спиртного

Иисус Христос
 Я иду за тобой
 Прости меня за мои грехи
 Возьми меня в число добрых
 Исцели беса
 Из рабе божьего сына ...
 Из глаз, из головы,
 Из мозгов, из костей
 Из крови, из сердца
 Из печени, из легких
 Из почек, из члена
 Из сустав

³¹ «Молитва от сибирки» имеет схожий характер с предыдущим текстом (№ 58). Она также начинается с просьбы благословить, здесь также в отрицательной конструкции упоминаются тучи, молнии, гром. Текст хотя и более пространственный, но столь же фрагментированный. В нем присутствует фрагмент заговорного «замка» («Вот тебе замок, вот тебе ключ...»), упоминается сюжетная ситуация со Спасителем, который несет крест. Особенно нетрадиционен для заговоров присутствующий здесь мотив одаривания, который дважды включен в эту «молитву» («Рабе (имя) здоровье, а бабе пирожок»). Вариант этого заговорного текста есть в сборнике [Проценко 2010: № 230].

Как тебе на кресте больно
 Так и моему сыну ... больно
 Его жизнь в твоих руках
 Аминь, аминь, аминь.

Хозяйственные заговоры

61. Наговор лошадям сглазу

(Болезнь, известная в простонародье под названием «ПРИДЧИНКА»)

Прочитать «Отче наш» три раза.

Святые Фрол и Лавра! Избавьте кобылицу (или жеребчика или мерина, как звать и какой масти) от ПРИДЧИНЫ, от корания, от ломания, от всяких напастев.

Наговор надо прочесть три раза под крышей. Наговаривать на соли. Затем через камышинку дуть соль в ноздри — лошадь должна пьрскаеть (если не пьрскает — то ей конец). Затем всыпать щепотку в уши, а на крестце и холке посыпать крестиком.

62. Наговор «Как лечить корову»³²

Во имя отца и сына
 Святого духа, аминь.
 Здорово, Иван-колодец,
 Земля Татьяна,
 Вода Ульяна.
 Я пришел к тебе Ваня
 Не за водой
 А за большим молоком
 За густым маслом
 И толстой сметаной
 Своей ... (масть — любая)
 Коровушке
 Молоко и сметану
 Дай, дай, дай
 Во веки веков
 Аминь, аминь, аминь.

Почерпнуть из колодца воды и тут же — у колодца — на чистой непитой воде прочитать наговор. Этой водой мочить корове уши, крестец, вымя — три раза.

63. Молитва сглазу корове

Мать пресвятая Богородица
 Чем пользовалась своим святым духом
 Прикрывала
 Святая вода Ульянова
 Святая земля Татьяна
 Помоги корове чалой
 Большого молока

³² Вариант этого заговорного текста см. в сборнике [Проценко 2010: № 155].

Густого сыма
 Спаси господи корову
 От всякого глаза
 Худого часа
 Черного, белого, желтого, карева
 От женского и от мужского
 От ребячьего и девичьего
 Мать Мария ходила
 Шла поливала
 Всем пресвятым жителям
 Пользы давала
 Господи прихожу я
 Со своей бедой
 Почерпну воды ключевой
 Помоги рабе божьей
 Корове молочком
 Отоприте, отомкните 12 ключей
 12 пучей
 господи, я к тебе прихожу
 почерпнуть ключевой воды
 помоги чалой коровочке
 большого молока, чистого сыма³³
 какой у ней был, какой бог дал
 господи я к тебе прихожу
 с молитвой
 и ты ко мне с рукой
 не я хожу лечу,
 а лечит сама божья мать
 коровочку от всякого глаза
 от худого часа
 ночной, денной, утренней
 мать пресвятая богородица
 аминь, аминь, аминь
 большого молочка
 густого сыма
 не мне вы платите
 а матери божьей.

64. Наговор как лечить корову

1 стих

Богослови меня господи походить, коровочку полечить, не я хожу, не я лечу, сама матушка пособляет, помогает, чего я ишу — таго я найду, чего я искала, того я нашла. Нашла, нашла коровочку, молочка и сметанки. Аминь. 3 раза.

2 стих

Как ведро опускаю, как ведро полно-переполно, так из моей коровочки молочко и сметанка исполнялась-переполнялась. Аминь.

³³ *Чистый, густой сым* — здесь это сливки (см.: [Даль 1903—1904: 678]).

Почерпнуть в колодце воды свежей молчком, ни звука. Корову привязать и кто стоит должен молчать. Идешь за водой и читаешь 1 стих; когда ведро вынимаешь — читаешь 2-ой стих. Когда идешь с ведром с колодца — читаешь 1 стих. Становишься с человеком по обе стороны привязанной коровы и, стараясь не расплескать, подаешь человеку со спины и из под пуза принимаешь, при этом читать 1 стих. И так три раза. Потом эту воду поставить в угольник или ясли, что б корова выпила воду.

65. Наговор от «придчинки»

(Когда ломает скотину, бывает и человека).

Сперва три раза «Отче наш».

Ехал лох

Через лог

На четырёх

Троицких колёсах

От четырех до трёх

От трёх до двух

От двух до одного

А от одного

Чтоб не было ни одного.

Когда наговаривают (допустим, на животном), то ломают на крестце животного крестом «троицкую» палочку и кидают наотмашь. («Троицкая» палочка — это оставшиеся от Троицы ветки, венки. Их прибирали, ими лечили).

66. Наговор чтоб корова гулялась

Бослови мне господи

К дубовой вирие

Кленовые ворота притворяюца

У красного бугая на

Красную корову

Грешное тело приподнимаеца

Семдесят жил

Семдесят поджилков

Аминь.

Когда поведешь корову и когда бугай будет поерывать, читать.

67. Наговор чтоб корова ходила домой

И ангел-архангел дневной и ночной

Спаси господи

Не подпусти господи к коровочке (как звать)

никаво

ни людей ни зверей

не воров не врагов

чтобы моя коровочка не ривела

не мичала на чужие дворы

не глядела

шла прямо домой.

Аминь.

Когда 1-ый раз выгоняешь корову, читаешь этот стих, костьль новый, ворочаешь-ся и затыкаешь его, затыкаешь в хлев и говоришь:

Коровочку прогоняешь
 Коровочку ожидаешь
 Коровочка немоя, не пойдет со двора проверить в рукописи
*Чтобы корову не испортили, положить косу в воротах, чтоб вострым была на баз,
 и провести на веревке туда-сюда три раза и читать «Отче...».*

68. Наговор если корову укусит змея

На мели на вострати там лежит белой каминь как под белым камнем нетлеет не болеит штоба никусала корову навьяма не змея не змионок, не уш не ужоннок, не боук не боучонок. Я лечу не сама собой а по милости божий лечу от змеи от змеенка, от ужа от ужонка от баука и баучонка от степной от ковыльной от луговой от лесной от болотной, от бозной от навозной от степной. А ты Матрена Кикица сокращай свою змею. Не будешь сокращать я её тебе убью, убью, убью.

Три раза надо перекрестясь наговаривать на молоке. Наговаривать или на негроле³⁴, или на стеченом молоке и мазать (от змеиноного укуса) Никто от змеи не спасает, только стих. Можно и прямо на корове.

69. Наговор от змеи

На горе горючей
 Лежит камень,
 А под камнем лежит
 Серая куделя,
 А под куделей лежит
 Серая змея Матрена
 Ты серая змея Матрена
 Уйми своих
 Змей, змеят и пауков
 И комаров
 Чтобы они не кусали,
 Вымя чтобы не колол, не порол
 Аминь (3 раза).

70. Наговор чтоб овца или коза любила своего ягнoka

Прочитать «Отче...»

Овцу, рядом егнока, подоить, ейным молоком помочи вперед накрест, намочи и пирот накреста.

Кака овца свои млако лубить так чтобо игнака лубила. Аминь.

71. Наговор от курей лечить

Бослови меня господи. Ангел-архангел дневной и ночной и все святые и полсвятые, святая божая маты споси моих курей, не спускай со двора, не к чужим рукам, пусть мои кури ходут в моем дворе. Спаси божия мать от коршунов, от естребов и от чужих дальних дворов и горудов, штобы каждый двор был колучим и летите не перелетайте. Спаси божия мать моих курей. Аминь.

В ведре, в посудине с зерном наговорить и сытать курам.

³⁴ Нигрол — сорт неочищенного смазочного масла.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

72. Стих от пуль, от меча, от копья

Сперва прочесть «Отче наш».

Благослови меня господи
Идти вперед по дороге, или по степи
Или по лесу
Мать пречистая Пресвятая Богородица
С золотым копьём
Золотое копьё
Держит над головой
Золотым копьём отгоняет от меня
Всех врагов и зверьёв и злых людей
По левую сторону Михаил-архангел
С золотым копьём.
Золотое копьё держит над головой
Золотым копьём отгоняет от меня
Всех врагов и зверьёв и злых людей
По правую сторону
Михаил-чудотворец
С золотым копьём
Золотое копьё держит над головой
Золотым копьём отгоняет от меня
Всех врагов и зверьёв и злых людей
Огораживает меня золотым тыном
Накрывает медным небом
От шашки вострой, от штыка
Булатного, от меча летучего,
От пуль свинчатной,
И ото всех скверностей.
Аминь, аминь, аминь.

Надо знать наизусть. Куда идешь-едешь читать — на службу, войну, в поездку и просто в путь-дорогу.

73. Наговор перед дорогой

Я в пути
Господь впереди
Спасители позади
Ангелы по бокам
Сомкни зубы и губы врагам.
Аминь, аминь, аминь.

74. Наговор от суда

Иду я в середу
Спаситель спереди
Судим-пересудим
Господи замкни
Им губы-зубы
Золотыми замками.
Брось ключи у моря на дно

Никто эти ключи не найдёт
 Никто меня на суд не поведёт
 Сам господь ключи найдет
 Сам господь судить
 Меня поведёт.
Идти и про себя читать.

75. Наговор от суда

Иду я на суд
 Иуда спит под столом
 Никто Иуду не разбудит
 Никто судить меня не будет
 Сам господь разбудит
 Господь судить меня будет.
Разворачивать головичку мака, в уме читать и впереди себя посыпать.

Также хвататься за притолоки, а в уме читать следующее:

Господь при мне
 Все судьи
 Все заседатели при мне.

76. Наговор чтоб воры к двору не подходили

Прочитать «Отче...»
 Дневной и ночной
 Ангел-архангел-спаситель
 Спаси господи мою скотиночку мою коровочку и овец
 Скотиночку и животиночку
 И не подпускай не людей
 не зверей не ведмей³⁵
 не воров не врагов
 к моему двору не подпусти
 к моему двору
 Аминь
Затворяешь на ночь ворота, ложишься спать и читай.

77. «На каждый день»

Утром встаю и чтобы днём ничего не болело, выхожу на крыльцо и читаю молитву, которую передала мне бабушка из Кумылги:

Мать Божия
 Спасибо тебе за ночь
 Благослови меня на день
Перекреститься и иди делай дело.

78. Молитва от злых духов³⁶

Отрицаюсь тебе сатана твоей гордыни и служению тебе и сочетаюсь тебе Христе во имя отца и сына и святого духа. Аминь, аминь, аминь.

При чтении этой молитвы не только злой человек, но и сам сатана не сможет сделать вреда.

³⁵ *Ведмей* — здесь, видимо, медведей, от ведмедь — медведь [Даль 1903—1909, 1: 428].

³⁶ Данный текст представляет собой фрагмент «Молитвы против антихриста», которая составлена оптинским старцем схииеромонахом Анатолием Потаповым.

ЛЮБОВНЫЕ ЗАГОВОРЫ

79. «Наговор на присуху»³⁷

Заря-Марья,
 заря утренняя
 заря полуденная
 заря вечерняя.
 Возьми терновую шельжину³⁸
 Изруби-секи раба (у) ...
 Не давай ему (ей) покоя
 Вступи ему (ей) в красную кровь,
 В русы волосы.
 Семьдесят семь жил,
 Семьдесят семь поджил,
 Семьдесят семь суставов,
 Семьдесят семь полусустав.
 Не давай ему (ей) покоя,
 Ни пить, ни есть,
 Ни спать, ни лежать,
 Пока раба(у) увидать
 Тогда пить-исть
 Покойно спать-лежать
 И покойным быть.
 Аминь, аминь, аминь.
Утром выходить и на белый свет читать-наговаривать на водке и в водку дуть.

80. Чтобы муж любил жену, а жена — мужа

Куда ветер, туда дым. С великой тоской на раба ... Чтобы раб ... спал — не заспал, по рабе ... тосковал, ходил — не заходил, по рабе ... тосковал. В кровя, мозги, в глаза, в уши, в нос, в рот, в живот, в кишки, в жилы, в суставы, в руки, в ноги, в голову, в печёнки, в селезёнки, в почки, в желчь, в губы, в зубы, в сердце, в тело. Чтобы всё тело по рабу ... тосковало. Спал — не заспал, ел — не заел, пил — не запил, по рабе ... тосковал.

При лечении этот стих прочитать три раза. Наговаривать можно на речной воде, на водке и на песке, взятом с двенадцати могил.

Водку пить три раза в день по железной ложке.

Воды два раза в день по ложке.

Песок подсыпать в обувку, на постель, под порог, на подушку.

81. Наговор от тоски

Сперва «Отче наш» три раза.

Куда дым и пыль
 Туда грусть-тоска-кручина
 С раба (е) ...
 Мать божия
 Помоги, пособи.

³⁷ В рукописи текст озаглавлен неверно — «Наговор от присухи».

³⁸ *Терновая шельжина* — здесь, терновая ветка, прут, от шалыга (см.: [Даль 1903—1909, 4: 1304]).

Наговаривать можно себе, а также кому-нибудь стоящему рядом. Наговаривать нужно под затопом³⁹ — возле грубки или печи, когда начнётся дымок.

82. Наговор от тоски⁴⁰

Земля Татьяна
Вода Ульяна
Бежит вода с востока
До запада
Обливает вода
Глубокие коренья
Желтые пески
Обмой реки и сердце
Тоску и печаль
Что б раба божия ... (имя)
Не тосковала
Ела заедала
Пила запивала
Спала засыпала
И горе своё забывала
Аминь (3 раза).

³⁹ *Затоп* — здесь, топка в печи, устье откуда она топиться [Даль 1903—1909, 1: 1021].

⁴⁰ Варианты этого заговора см. в сборнике [Проценко 2010: №№ 246, 251].

Примечания

ЛЕЧЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ

1. *Наговор от переполоха (испуга)*. «Тетрадь «Старинные казачьи наговоры Захопёрского края. Собрал В. Апраксин». Далее указываются только листы и номера из данной тетради.» Лист 5. № 10. Наговор записан от Блинковой Евдокии Антон^{овны}, 1919 г. р., жительницы х. Блинковский, 11 ноября 1978 г.

2. *Наговор от крика детей*. Лист 24. № 45. Записано 5 дек^{абря} 1990 г. со слов урожай. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

3. *Наговор от крику*. Лист б/н. № 76. Наговор записан от Гришиной А. А. 18.10.01.

4. *Молитва от переполоха*. Лист 19. № 36. Записано 5 дек^{абря} 1990 г. со слов урожай. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

5. *Сглазу*. Лист 1. № 1. Наговор записан в январе 1976 г. у Сиськова Петра Ивановича, 1894 г. р., жителя х. Поддубровки (что под ст^{аницей} Кумылженской). Умер зимой 1977 г.

6. *Наговор «сглазу»*. Лист 6. № 11. Наговор записан от Зоткиной Любови Никифоровны, 1919 г. р., жительницы х. Скулябный, 16 июля 1982 г.

7. *Наговор «сглазу»*. Лист 9. № 17. Наговор записан от Апраксиной Марии Никанд^{ровны}, 1910 г. р., жительницы х. Попов, 6 октября 1982 г.

8. *Наговор «сглазу»*. Лист 11. № 23. Наговор записан от Дьякова Владимира Ивановича, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

9. *Молитва сглазу*. Лист 23. № 42. Записано 5 дек^{абря} 1990 г. со слов урожай. ст. Федосеевской, а ныне жительницы

х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

10. *Стих от придчинки*. Лист 29. № 52. Стих записан от уроженки и жительницы х. Кузнецы Гришиной Анны Андреевны, 1914 г. р., 27 октября 2000 г.

11. *Наговор от придчинки*. Лист 33. № 62. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.01.

12. *Наговор от придчинки*. Лист 36. № 73. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.01.

13. *От порчи*. Лист 2. № 3. Наговор записан в январе 1976 г. у Сиськова Петра Ивановича, 1894 г. р., жителя х. Поддубровки (что под ст^{аницей} Кумылженской). Умер зимой 1977 г.

14. *Чтобы Господь спасал от всякой беды, зла, нападения, перед сном и от ночной болезни*. Лист б/н. № 82. Наговор записан 17.03.1997 г. от жительницы х. Ольховки Рыльщиковой Нины Ник^{олаевны}, 1942 г. р.

15. *Наговор от кил*. Лист 23. № 43. Записано 5 дек^{абря} 1990 г. со слов урожай. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

16. *Наговор от кил*. Лист б/н. № 53. Наговор записан от уроженки и жительницы х. Кузнечинского Гришиной Анны Андреевны, 1914 г. р., 18.10.2001 г.

17. *Наговор от кил*. Лист б/н. № 66. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

18. *Наговор от кил*. Лист б/н. № 69. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

19. *Наговор от кил*. Лист б/н. № 72. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

20. *От нестойка*. Лист 3. № 6. Наговор записан в январе 1976 г. у Сиськова Петра

Ивановича, 1894 г. р., жителя х. Поддубровки (что под станицей Кумылженской). Умер зимой 1977 г.

21. *Наговор от нестояна*. Лист 13. № 26. Наговор записан от Дьякова Владимира Ивановича, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

22. *Наговор от нестояна*. Лист 13. № 27. Наговор записан от Дьякова Владимира Ивановича, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

23. *Наговор мужчинам*. Лист 34. № 68. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.01.

24. *Наговор женщине от порчи*. Лист 27. № 48 Наговор записан в сентябре 1995 г. от Головачевой Евдокии, лет 70.

25. *Наговор от порезов, как заговаривать кровь*. Лист 9. № 19. Наговор записан от Зоткиной Любови Никифоровны, 1919 г. р., жительницы х. Скулябный, май 1984 г.

26. *Наговор «Как заговаривать кровь»*. Лист 14. № 29. Наговор записан от Дьякова Владимира Ивановича, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

27. *Стих как заговаривать кровь*. Лист б/н. № 50. Молитва записана от уроженки и жительницы х. Кузнечинского Гришиной Анны Андреевны, 1914 г. р., 27 октября 2000 г.

28. *Наговор заговаривать кровь*. Лист б/н. № 74. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.01.

29. *Наговор от волосеня*. Лист 12. № 24. Наговор записан от Дьякова Владимира Ивановича, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

30. *Наговор от волосня*. Лист б/н. № 56. Наговор записан от Гришиной А. А. 18.10.2001.

31. *Наговор от грудницы*. Лист 16. № 32. Наговор записан от Дьякова Владимира Ивановича, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

32. *Молитва от золотухи*. Лист 19. № 37. Записано 5 дек«абря» 1990 г. со слов урож. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

33. *Молитва от серботы*. Лист 20. № 38. Записано 5 дек«абря» 1990 г. со слов урож. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

34. *От зубов*. Лист 2. № 4. Наговор записан в январе 1976 года у Сиськова Петра

Ивановича, 1894 г. р., жителя х. Поддубровки (что под станицей Кумылженской). Умер зимой 1977 г.

35. *Заговор от зубов*. Лист 12. № 25. Наговор записан от Дьякова Владимира Ивановича, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 года.

36. *Наговор от зубов самому себе*. Лист 37. № 75. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

37. *Наговор от зубов*. Лист 40. № 80. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

38. *Заговор от зубов*. Лист 6. № 12. Наговор записан от Зоткиной Любови Никифоровны, 1919 г. р., жительницы х. Скулябный, 16 июля 1982 г.

39. *Наговор как лечить зубы*. Лист 39. № 79. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

40. *Наговор от «камчуга»*. Лист 8. № 16. Наговор записан от Апраксиной Марии Никандровны, 1910 г. р., жительницы х. Попов, 6 октября 1982 г.

41. *Молитва от камчуга*. Лист 20. № 39. Записано 5 дек«абря» 1990 г. со слов урож. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

42. *Наговор от камчуха*. Лист 30. № 54. Наговор записан от уроженки и жительницы х. Кузнечинского Гришиной Анны Андреевны, 1914 г. р., 18.10.2001 г.

43. *Наговор «Если попала щепá»*. Лист 14. № 28. Наговор записан от Дьякова Владимира Ивановича, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 года.

44. *Наговор от перелома глаз*. Лист б/н. № 67. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

45. *Наговор от ячменя на глазу*. Лист 18. № 34. Записано со слов Зоткиной Любови Никифоровны, 1919 г. р., 30 сентября 1986 г.

46. *От ангины («соскъ»)*. Лист 30б. Б/н. Наговор записан от Поповой Ольги Федоровны, 1900 г. р., жительницы х. Ольховки, 25 января 1976 г.

47. *От ангины*. Лист 4. № 7. Наговор записан от Давыдовой Федосьи Константиновны, 1919 г. р., жительницы х. Скулябный, 9 февраля 1977 г.

48. *Наговор от сосков*. Лист б/н. № 46. Наговор записан от уроженки и жительницы

х. Кучуры, Кумылжен. р^{ай}она — Обуховой Ефросиньи Арсентьевны, 1910 г. р., 1 июня 1995 г. По сообщению исполнительницы, этому «наговору» ее «научила одна кучуровская бабка».

49. *Наговор от сосков*. Лист б/н. № 47. Наговор записан от уроженки и жительницы х. Кучуры, Кумылженского р^{ай}она — Обуховой Ефросиньи Арсентьевны, 1910 г. р., 1 июня 1995 г. Как сообщила собирателю исполнительница: «У нас, в Кучурах, один дед лечил, я у него научилась».

50. *Наговор человеку от лишайёв*. Лист 5. № 9. Наговор записан от Блинковой Евдокии Антон^{овны}, 1919 г. р., жительницы х. Блинковский, 27 октября 1978 г.

51. *Наговор от лишая*. Лист б/н. № 78. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

52. *Наговор если вывихнешь ногу или руку*. Лист б/н. № 71. Наговор записан от Гришиной А. А. 18.10.2001.

53. *Наговор от стины*. Лист 10. № 21. Наговор записан от Дьякова Владимира Иван^{овича}, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

54. *От радикулита*. Лист 1. № 2. Наговор записан в январе 1976 г. у Сиськова Петра Ивановича, 1894 г. р., жителя х. Поддубровка (что под станицей Кумылженской). Умер зимой 1977 г.

55. *Наговор от изжоги*. Лист 18. № 35. Записано со слов Зоткиной Любви Никиф^{оровны}, 1919 г. р., 30 августа 1990 г.

56. *Наговор от изжоги*. Лист б/н. № 70. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

57. *Наговор от сибирки*. Лист б/н. № 60. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

58. *Наговор от «сибирки»*. Лист 7. № 13. Наговор записан от Филиной Анны Федоровны, 1919 г. р., жительницы х. Ольховка, 22 июля 1982 г.

59. *Молитва от сибирки*. Лист 22. № 41. Записано 5 дек^{абря} 1990 г. со слов урож. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

60. *Наговор от спиртного*. Лист б/н. № 81. Наговор записан 17.03.1997 г. от жительницы х. Ольховки Рыльщиковой Нины Ник^{олаевны}, 1942 г. р.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЫ

61. *Наговор лошадям сглазу*. Лист 4. № 8. Наговор записан от Свинухова Сергея Никол^{аевич}, 1892 г. р., жителя х. Ольховка. Август 1978 г.

62. *Наговор «Как лечить корову»*. Лист 11. № 22. Наговор записан от Дьякова Владимира Иван^{овича}, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

63. *Молитва сглазу корове*. Лист 21. № 40. Записано 5 дек^{абря} 1990 г. со слов урож. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

64. *Наговор как лечить корову*. Листы б/н. № 57, 58. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

65. *Наговор от «придички»*. Лист 8. № 15. Наговор записан от Апраксиной Марии Никанд^{ровны}, 1910 г. р., жительницы х. Попов, 6 октября 1982 г.

66. *Наговор чтоб корова гулялась*. Лист б/н. № 63. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

67. *Наговор чтоб корова ходила домой*. Лист б/н. № 65. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

68. *Наговор если корову укусит змея*. Лист б/н. № 77. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

69. *Наговор от змеи*. Лист 24. № 44. Записано 5 дек^{абря} 1990 г. со слов урож. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

70. *Наговор чтоб овца или коза любила своего ягнoka*. Лист б/н. № 59. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

71. *Наговор от курей лечить*. Лист б/н. № 61. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

72. *Стих от пultz, от меча, от конья*. Лист б/н. № 51. Молитва записана от уроженки и жительницы х. Кузнечинского Гришиной Анны Андреевны, 1914 г. р., 27 октября 2000 г.

73. *Наговор перед дорогой*. Лист б/н. № 83. Наговор записан 17.03.1997 г. от жительницы х. Ольховки Рыльщиковой Нины Ник^{олаевны}, 1942 г. р.

74. *Наговор от суда*. Лист 15. № 31. Наговор записан от Дьякова Владимира Иван<овича>, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

75. *Наговор от суда*. Лист 15. № 30. Наговор записан от Дьякова Владимира Иван<овича>, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

76. *Наговор чтоб воры к двору не подходили*. Лист б/н. № 64. Наговор записан от Гришиной А. А., 18.10.2001.

77. *«На каждый день»*. Лист б/н. № 84. Молитва-наговор записан 23.02.2004 г. от жительницы х. Блинковского Рыльщиковой Нины Ник<олаевны>, 1942 г. р.

78. *Молитва от злых духов*. Лист б/н. № 49. Молитва записана от уроженки и жительницы х. Кузнечинского Гришиной Анны Андреевны, 1914 г. р., 27 октября 2000 г.

ЛЮБОВНЫЕ ЗАГОВОРЫ

79. *«Наговор на присуху»*. Лист 16. № 33. Наговор записан от Дьякова Владимира Иван<овича>, под 70 лет, житель г. Серафимовича, 17 ноября 1985 г.

80. *Чтобы муж любил жену, а жена — мужа*. Лист 3. № 5. Наговор записан в январе 1976 года у Сиськова Петра Ивановича, 1894 г. р., жителя х. Поддубровки (что под станицей Кумылженской). Умер зимой 1977 г.

81. *Наговор от тоски*. Лист 7. № 14. Наговор записан от Апраксиной Марии Никанд<ровны>, 1910 г. р., жительницы х. Попов, 6 октября 1982 г.

82. *Наговор от тоски*. Лист 25. № 46. Записано 5 дек<абря> 1990 г. со слов урож. ст. Федосеевской, а ныне жительницы х. Попов Безверховой (Рябининой) Марии Петровны, 1915 г. р.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Апраксина Мария Никандровна, 1910 г. р., жительница х. Попов: 7, 40, 65, 81.

Безверхова (Рябинина) Мария Петровна, 1915 г. р., жительница х. Попов: 2, 4, 9, 15, 32, 33, 41, 59, 63, 69, 82.

Блинкова Евдокия Антоновна, 1919 г. р., жительница х. Блинковский: 1, 50.

Головачева Евдокия, лет 70: 24.

Гришина Анна Андреевна, 1914 г. р., жительница х. Кузнецы: 3, 10—12, 16—19, 23, 27, 28, 30, 36, 37, 39, 42, 44, 51, 52, 56, 57, 64, 66—68, 70—72, 76, 78.

Давыдова Федосья Константиновна, 1919 г. р., жительница х. Скулябный: 47.

Дьяков Владимир Иванович, под 70 лет, житель г. Серафимовича: 8, 21,

22, 26, 29, 31, 35, 43, 53, 62, 74, 75, 79.

Зоткина Любовь Никифоровна, 1919 г. р., жительница х. Скулябный: 6, 25, 38, 45, 55.

Обухова Ефросинья Арсентьевна, 1910 г. р., жительница х. Кучуры: 48, 49.

Попова Ольга Федоровна, 1900 г. р., жительница х. Ольховка: 46.

Рыльщикова Нина Николаевна, 1942 г. р., жительница х. Ольховка: 14, 60, 73, 77.

Свинухов Сергей Николаевич, 1892 г. р., житель х. Ольховка: 61.

Сиськов Петр Иванович, 1894 г. р., житель х. Поддубровки: 5, 13, 20, 34, 54, 80.

Филина Анна Федоровна, 1919 г. р., жительница х. Ольховка: 58.

Литература

Даль 1903—1909 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И. А. Бодуэна де Куртене: в 4 т. СПб.; М., 1903—1909.

Кляус 1997 — *Кляус В. Л.* Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.

Кляус 1999 — *Кляус В. Л.* Публикации русских заговоров 1997—1998 гг. // Живая старина. 1999. № 1. С. 54—55.

Кляус 2000 — *Кляус В. Л.* Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. М., 2000.

Майков 1996 — *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1996

Проценко 1998 — *Проценко Б. Н.* Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону, 1998.

Проценко 2010 — *Проценко Б. Н.* Заговоры, обереги, поверья, приметы. Духовная культура донских казаков. Ростов-на-Дону, 2010.

Словарь 1789—1794 — Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794.

*На древнем кургане вблизи хутора Ольховка
(слева направо: И. Е. Посоха, В. А. Апраксин, Ю. И. Фудько), 2006 г.
Фото А. Л. Переслегина*

*Анна Андреевна Гришина в своем доме, хутор Кузнецы, 2006 г.
Фото А. Л. Перслегина*

*Старый курень на территории усадьбы А. А. Гришиной, хутор Кузнецы Кумьлженского р-на, 2006 г.
Фото А. Л. Перслегина*

*Супруга В. А. Апраксина — Галина Трофимовна — за рукоделием, хутор Ольховка, 2006 г.
Фото А. Л. Переслегина*

*Традиционный казачий курень с «низами», т. е. с нижним полуэтажом, деревянными галерейками («балясами») по периметру дома, ст. Кумылженская, 2006 г.
Фото А. Л. Перселегина*

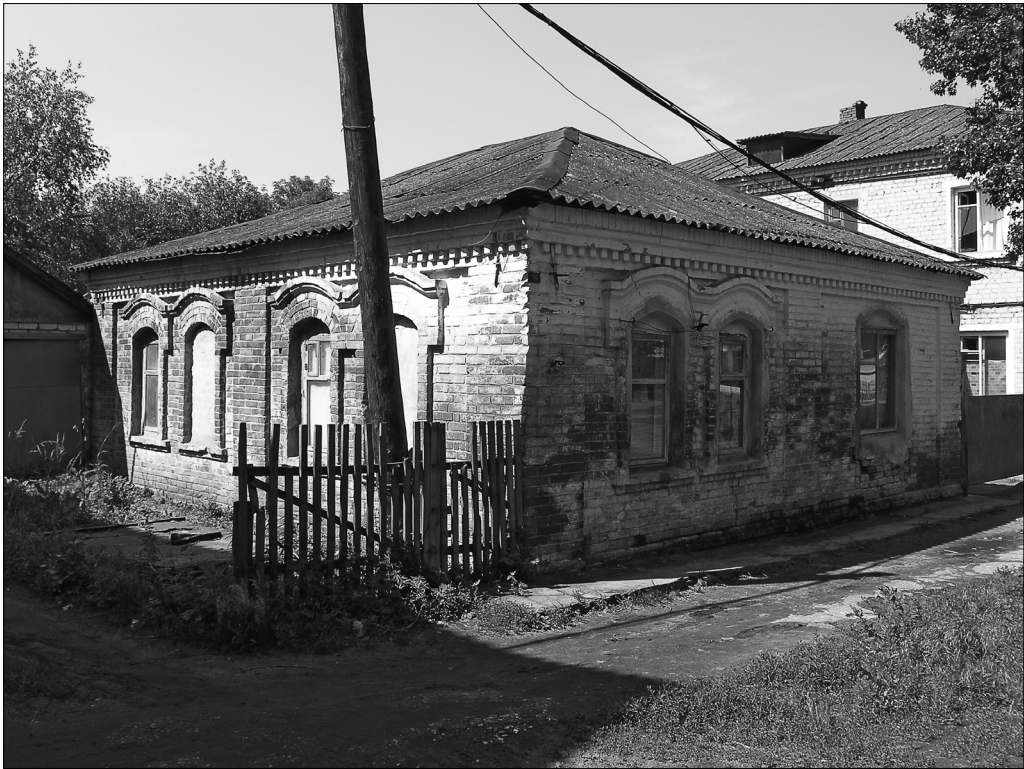
*Дом у дороги, ведущей в хутор Кузнецы, 2006 г.
Фото А. Л. Переслегина*

*Курень, крытый соломой, ст. Кумылженская, 2006 г.
Фото А. Л. Перслегина*

*Бывший магазин купца Ершова, сейчас — мастерские Этнокультурного казачьего центра
«Кошав-гора», ст. Кумылженская, 2006 г.
Фото А. Л. Перслегина*

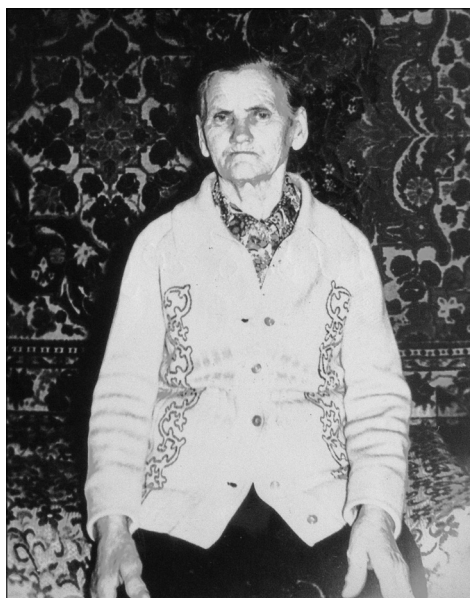

*Дымник на трубе дома, ст. Кумылженская, 2006 г.
Фото А. Л. Перслегина*

*Елена Тихоновна Храпова, уроженка хутора Попов.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Евдокия Ивановна Шумкова, хутор Блинков, 1987 г.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Мария Степановна Болдырева (слева) и ее дочь Анастасия Макарьевна Болдырева (справа),
хутор Попов, 1980-е гг.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Михаил Иванович Писарев, хутор Попов.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Наталья Ильинична Чекмарёва, хутор Скулябный Алексеевского р-на, конец 1970-х гг.
Фото из архива В. А. Апраксина*

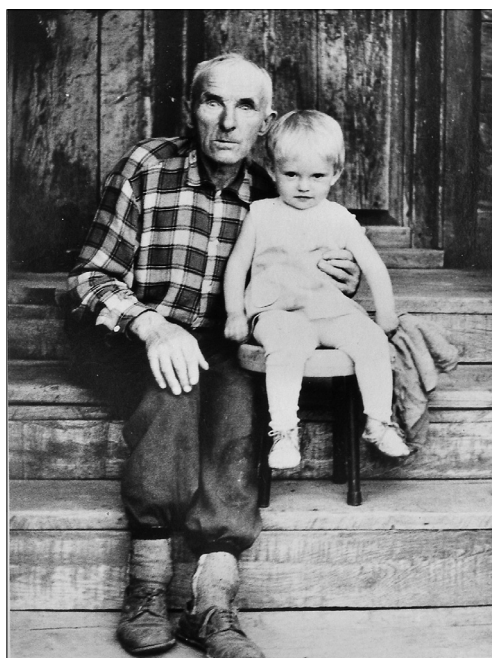

*Слева направо: Олимпиада Ивановна Панкова, Александра Дмитриевна Кузничикова,
Анна Андреевна Гришина, хутор Кузнецы, 1950-е гг.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Алексей Иванович и Мария Петровна Рябинины.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Филипп Федорович Ульянов с внучкой Аллой, хутор Попов, июль 1976 г.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Александр Степанович (Второй) и Мария Никандровна Апраксины, хутор Ольховка, 1980-е гг.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Иван Григорьевич Голиков с внучкой Наташей, хутор Попов, вторая половина 1960-х гг.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Зинаида Николаевна Симонова и Александр Иванович Попов,
хутор Филин, ст. Федосеевская, 1960—1970-е гг.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Евфросинья Арсентьевна и Александр Еремеевич Обуховы, хутор Кучуры, начало 1960-х гг.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Иван Тихонович Патрин.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Анна Титовна Шебунина, хутор Блинковский, ~ 2002 г.
Фото из архива В. А. Апраксина*

*Любовь Никифоровна Зоткина.
Фото из архива В. А. Апраксина*

ПАРЄМНИ

Враздел включены материалы из четырех тетрадей под единым названием «Пословицы, поговорки, выражения, бытующие в Захопёрье. Собрал В. Апраксин», которые оформляются собирателем с марта 1982 г. по настоящее время из разрозненных записей, сделанных в течение ряда лет во время поездок по району, в процессе общения с разными людьми в обычных бытовых ситуациях.

Редактор-составитель произвел классификацию всего массива текстов, в результате чего получились подразделы «Пословицы и поговорки», «Присловья», «Загадки», «Скороговорки», «Дразнилки», «Словарь разговорной и диалектной лексики», «Устойчивые образные выражения». Тексты внутри каждого подраздела расположены в алфавитном порядке в виде словаря. В конце каждой словарной статьи в круглых скобках приведены данные о местонахождении текста в тетрадях В. А. Апраксина: первая цифра соответствует номеру тетради, вторая — номеру листа. Толкование всех лексических единиц, включенных в основной корпус текстов, принадлежит собирателю и составляет часть словарной статьи. Пояснения редактора-составителя вынесены в постраничные сноски. Сведения об информантах в данном разделе отсутствуют, что обусловлено спонтанностью ситуаций записи приведенных текстов.

Пословицы и поговорки

Абы передняя часть принимала, а задняя — переработает (о еде) (1—11).

Баба — это кипучий горшок с молоком (2—35).

Баба, как чувал: что в неё положишь, то и несет (2—2).

Беда не ходит в одnorядку: пришла одна — жди другую, случилась вторая — жди третью... (3—10).

Беда простотой родится (3—45).

Беда-то — ведь она не лежит, а за следом бежит (1—18).

Без мудрости — ни на час (1—33).

Без настоящего хозяина и дом сирота (2—43).

Без отца дети половины сироты, а без матери — круглые (2—34).

Без ума — рай жить (2—45).

Без хлеба и без соли не наживёшь себе врагов (3—15).

Без хозяина и дом сирота (2—29).

Без хозяина и товар плачет (1—32).

Белый свет на волю дат <дан> (1—4).

Бензовоз свиней не кормит — в смысле: на бензовозе ничего не украдешь, не увезёшь, а вот на бортовой машине или тракторе с тележкой — другое дело (2—43).

Береженого бог бережет (2—33).

Берёшь чужие деньги на время, а отдаешь свои навсегда (3—46).

Бешеной собаке и сто верст не крюк.

Бешеной собаке круг не помеха (3—45; 4—2).

Близок локоть, да не укусишь (2—24).

Блюда хорошее сено не для подзимка, а для отзимка (т. е. приберегай хорошее сено к концу зимы) (1—42).

Бог всё может: накинёт рога, и никуда не денешься — будешь носить (2—43).

Бог дает купца, а черт — перебойщика (1—22).

Бог дает праздник, а черт — работы (2—32).

Бог навесит рога, и рога носить будешь (3—13).

Бог не даст смерти, не возьмут и черти (1—13).

Бог не Микишка — у него своя книжка (2—6).

Бог шельму на роду метит (2—37).

Богатые и быка женят (2—32; 2—47; 3—9).

Богатый похмеляется, а бедный и так перевалиется (3—45).

Богу помолиться — не лапоть снять (2—47).

Божье дело — не чёртова забота (2—33).

Брат-то мой, а ум у него свой (2—30).

Брехать — не пахать: спина не болит (3—23; 3—48).

Брехне да небылицам — короткий век (2—2).

Будет день — будет пища (2—9).

Будет дождь в маю — будет и в твою. Не будет дождь в маю — не будет и в твою — то есть будет дождь в мае, зародится <урожай> и для тебя, и в закрома (2—31).

Будешь возле власти потираться — не будешь побираться (3—1).

Будешь возле церкви потираться — не будешь побираться (2—29).

Бумага всему <всё> терпит (1—39).

Бывает плясь и свист, а бывает — нечего и съесть (3—7).

Быка привязывают за рога, а человека за язык (3—4; 3—5).

Был бы дождь да гром — не нужен и агроном (1—42).

Была бы спина — найдется дубина (1—35).

Была бы шея, а хомут найдется (1—35).

Было бы болото, а черти всегда найдутся (3—46).

Бычок помои пивал и гладок бывал (2—45).

В (из) <у> избитой коровы — не молоко (2—14; 2—36).

В доме гость за гостем — хозяину радость (1—45).

В колхозе нашем людей нет, так и пьяница в цене¹ (1—43).

В ком что есть — тот и будет (3—10).

В культуре много дури (2—3).

В ногах правды нет (2—7).

В поле и жук — мясо (2—10).

В пути и иголка тяжелая (2—28).

В себя — золотниками, а оттуда — пудовиками (т. е. болезни пристают не сразу, постепенно, а к старости — все дают о себе знать) (2—46).

В себя хворь золотничком заходит, а из себя и быками не вытащишь (3—6).

В снохах всегда мокрый кусок едят (2—28).

В тихом болоте черти водятся (1—13).

В уста не грех, из уст — грех. (В смысле: что съесть — не грех, а заругаешься — грех) (1—19).

В чужой монастырь со своим уставом не ходят (не лезут) (2—10).

В чужом глазу прошинку видит, а в своем бревно не замечает (1—3).

В чужую — как в мех, а свою пальцем — грех (3—1).

Вареное не варят, дареное не дарят (2—47).

Вата — к зиме плоховатка, нужны шуба да хатка (2—46).

Вдовец детям не отец, а сам круглый сирота (2—2).

Век живи, век учись — дураком слохнешь (2—29).

Век протянется — всему достанется: сладко не проишь, хорошо не проходишь, мягко не проспишь (2—46).

Весна холодная — не голодная (2—31).

Взад и хохол умен (2—15).

Вино портит всё, кроме посуды (1—42).

Водка без огня разум сжигает (2—7).

Воду толочь — вода и будет (3—3).

Волк и меченых овец крадет (2—29).

Волк собаку не боится, но не хочет, что она тьявкает (в смысле: муж жену не боится, но ...) (3—47).

Волк тянет, тянет, да и с него потянут (1—1).

Воля, воля — доведет она до горя (1—28; 2—9).

Вор ворует — стены остаются, а от пожара и стен нет (2—37).

¹ Ср.: На безрыбье и рак — рыба.

- Воровство с пяточка доходит до бычка (2—47).
 Вперед не суйся и сзади не оставайся (1—18).
 Всё надо делать с умом (1—45).
 Всё перемелется — мука будет (т. е. всё пройдет) (2—3).
 Всё прощается, да не всё забывается (3—47).
 Всё хорошее — в меру (1—44).
 Всегда так бывает: один паршивый солдат так замутит весь полк, что и дивизи-
 ей порядок не восстановишь (2—38).
 Всею своё время (1—46).
 Всех людей слушать — с ума сойдешь (1—42).
 Встречают по одежде, а провожают по уму (1—3).
 Всяк по-своему умён (2—24).
 Всяк по-своему сходит с ума (1—15).
 Всякая боль одинаково больна (2—37).
 Всякому делу свой черед (1—43).
 Втрескался, как черт в сухую грушу (3—3).
 Вырастет теленок, не схоронишь в овцах (2—47).
 Высоко не несись, а то на земле очутишься (3—3).
 Высоко несется, да как сядет (1—43).
- Где блат, там и клад (соврем.) (2—12).
 Где лад, там и клад (1—42).
 Где родился — там и содился (2—14; 2—27).
 Глаза страшатся, а руки делают (1—35; 1—42).
 Глухому две обедни не служат (2—5).
 Говорят, гроза счастливых только бьет (2—40).
 Говорят, сыны не люди в семье, дочери — это другое дело (1—30).
 Год на год не приходится (2—29).
 Гол да прав (1—2).
 Голодное брюхо к работе глухо (2—20).
 Гольми руками ежа не ухватишь (2—11).
 Голь на выдумки хитра — из блохи сделает голенище (4—2).
 Горе — негорь, абы боли не было (2—45).
 Гостем в семье не проживешь (1—1).
 Гости в дом — счастье в дом (2—43).
 Гость не мил и гостинец постыл (2—47).
 Гость хорош на одну ночь (1—21).
 Грибы-то вовремя рвут, а безо время ноги трут (бьют) (1—20).
 Губа не дура (2—19).
- Даешь руками — берешь ногами (1—1).
 Дай бог детей да дай бог и счастья (2—18; 3—7).
 Дай бог казаку хлеба, но не дай — ума (2—31).
 Дай бог, чтобы скотина водилась, но не дай бог за ней ходить (2—33).
 Дал бог хорошо, дай бог ещё лучше (2—36).
 Дал бог хорошо, подай ещё лучше (3—5).
 Дал промашку — держи ответ (1—47).
 Даренному коню в зубы не глядят (1—37).
 Дают — бери, бьют — беги (2—29).
 Два переезда равно пожару (1—19).

Две бабы — базар, а три — ярмарка (2—38).

Делай всё, что лучше, а хуже само придет (1—7).

Дела-то — божьи, а грехи — наши (2—45).

Детей воспитать — горькую осину глотать (3—3).

Дешевая рыбка — плохая юшка (1—15).

До Покрова: ведро воды — ложка грязи, с Покрова: ложка воды — ведро грязи (1—8).

Добрая слава на печи лежит, а худая — по селу бежит (1—10).

Доброго коня и под рогожкой видно (1—2).

Доброе — хорошее за плохим (1—17).

Доброе дело не держи (не таи) за пазухой (2—46).

Добрые молодцы вводят в отцы (2—46).

Дождь идет не тогда, когда просят, а когда — косят (1—14).

Долг отдачами красен (3—1).

Долгая разлука холодит старую дружбу (2—2).

Дом не велик, а сидеть не велит (1—1).

Дома и рука, и нога спит (3—14).

До́ма и стены помогают (2—9).

Дома на ножи́, а на людях — не кажи́ (1—15; 2—35).

Доносчику — первый кнут (2—44).

Дорога ложка к обеду (1—46).

Дорого, да мило, дешёво, но криво (1—41).

Дочки доведут до сорочки, а сыны обогатят отцов (2—25).

Дружба — дружбой, а табачок врозь (1—30).

Думал он игумен, а он простой монах (1—11).

Дурак — не дурак, и умного ничего нет (2—1).

Дурак не догадается, а умный догадается, да сам не скажет (1—17).

Дурака учить — время терять (2—6).

Дураки они не родом, а годом (3—1).

Дурачье дело — не хитрое (2—18).

Дурно скроен, да ладно сшит (2—8).

Дурные привычки — живучие (2—10).

Душа душу чует (3—48).

Дюже хорошо — тоже нехорошо (1—16).

Еврей долго плакал, когда хохол родился (2—33).

Его ж салом по его ж губам (2—40).

Его хочешь залить, а он пуще горит (2—28).

Едешь на день — бери на два дня (1—20, 1—33).

Её, беду, не ждешь, она сама за спиной ходит (3—22).

Ему (ей) кто ни поп — тот и батюшка (1—43).

Ему плюй в глаза — скажет: Божья роса (1—9).

Если бы был хорошим, то давно свиньи съели (1—15).

Если всё помнить, то и на свете б не жить (3—21).

Если хочешь быть здоров, поработай у коров (1—23).

Есть люди: на чужом несчастье своё счастье строят (2—33).

Жадности конца нет (2—42).

Жалей как душу, а верти как грушу (о жене, т. е. пьяный трясил жену, как грушу, трезвый — люби, как грушу) (1—39).

Жди бед, когда их нет (3—31).
 Жена — это трутень (1—6).
 Жена без мужа, что овцы без пастуха (3—1).
 Жена не любит, когда муж пьет, а «любит», когда везёт (и несёт) (1—42).
 Жена — это не родная мать (3—17).
 Жениться — не попасть «напасть», но как бы женатому не пропасть (1—36).
 Жениться или замуж — это кольцо на руку и хомут на шею (2—45).
 Живет — обзешь не крянешь (1—2).
 Живи — не тужи, помрешь — не убыток (1—38).
 Живи нелениво, проживешь счастливо (2—29).
 Живут, живут, да ум выживут (2—34).
 Жизнь коту и попу (2—38).
 Жизнь попу и коту (3—1).
 Жизнь протянется, всему достанется (1—41).
 Жизнь хужеет — юбка (штаны) ужеет (1—43).
 Жить надо спешить (1—4).

За ветром в поле не набегаешься (2—2).
 За глаза и царя ругают (2—47; 3—2).
 За доброй головой — сто рук (2—31).
 За забúвку бьют в макушку (2—37).
 За морем телушка полушка, да рубль перевоз (1—38).
 За нечаянно бьют отчаянно (1—32).
 За рублем погонишься и копейку потеряешь (1—6).
 За так и чирей не сядет (2—14).
 Заварил кашу — масла не жалей.
 Завтраками Соломон чертей кормил, а они все подошли (1—13; 3—14).
 Загад не бывает богат (3—41).
 Задница — не решето, брюхо — не зеркало (1—24).
 Задумал жениться — ночь коротка (1—29).
 Закон — дышло: куда повернул, туда и вышло (2—29).
 Замок да собака — на дурака (1—25).
 Захочет на гору вскочит, не захочет — под гору не столкнешь (1—29).
 Зачем дрова в лес везть, когда они там есть (1—17).
 Земля с годами выпашивается (1—7).
 Зима дружбу покажет (1—3).
 Знайки по судам ездют, а незнайки дома сидят (2—32).
 Знал бы, где упасть, — соломки подстелил бы (2—8).
 Золотая рюмочка доведет до сумочки (2—23).

И дурак знает, что в воскресенье праздник (1—35).
 И на старуху бывает проруха (1—40).
 И не дойдешь — плохо, и перейдешь — плохо (3—7).
 И петь не поет, и спать не дает (1—2).
 Из обих — один побег (2—27).
 Из одного кола плетень не сплетешь (1—36).
 Из плохого племени не жди доброго семени (2—28).
 Из спасибо мешки не шьют (3—1).
 Из спасибо шубу не выкroiшь (2—42).
 Из черта попа не сделаешь, а из попа черта — можно (1—16).
 Или пан, или пропал (1—40).

- К** добру не приводят водочка да глоточка (1—22).
 Каждому овощу своё время (2—7).
 Каждый хозяин свой расчёт ведёт (2—28).
 Как доить — так с баком, а как кормить — так шиш с маком (о некоторых хозяйках) 1—39).
 Как на охоту — так собак кормить (2—11).
 Как ручки свяжут, так ножки и износят (2—11).
 Какие сами — такие и сани (1—19).
 Каким зародился — таким и сгодился (1—15).
 Какой сам — по себе и дерево срубит (1—21).
 Какой шел, такой и встретился (2—32).
 Когда голова не работает, пусть работают руки и ноги (2—18).
 Когда дюже хорошо — тоже нехорошо (2—11).
 Когда есть корова и курочка, то и стряпуха будет не дурочка, а вот когда ни коровы, ни курочки, то и стряпуха дурочка (3—46).
 Когда кажется — надо креститься (2—15).
 Когда надо топор сулят, а сделаешь и топорище жалко: дать не хотят (1—18).
 Когда своими детьми раскидываешься — никогда счастья не будет (2—19).
 Когда сделаешь дело, то скажешь гоп (2—1); Когда выпляшешь, то скажешь гоп (2—17).
 Кого — мимо, а кого в рыло (2—48).
 Кого-нибудь мимо, а тебя — в рыло (2—43).
 Кому про что, а вшивому про баню (2—38).
 Кому тюрьма, а кому горница (3—44).
 Конец — делу венец (1—38).
 Конь конем, да черт на нём (3—41).
 Корми коня не кнутом, а овсом (2—2).
 Корова во дворе, а квас на столе (т. е. корова плохая к молоку) (3—4).
 Коровка черная, да молочко у ней белое (1—47).
 Корову ищут для молока, а жену — для кулака (т. е. гоую для хозяйства) (3—2; 3—4).
 Костыль об двух концах бывает (1—36).
 Красота до венца, а ум до конца (1—35).
 Красоту не купишь (2—44).
 Крепка тюрьма, да чёрт ей рад (1—45; 3—6).
 Круженой собаке круг не помеха (3—45).
 Кружка да вода — казачья еда (3—4).
 Кто бьет — тот жалеет (1—32); Кто кого не бьет, тот того и не любит (2—36).
 Кто дело пытается, а кто от дела лытает (3—14).
 Кто доброго клочка не видал и гнилой ветошке рад (2—42).
 Кто к завтраму оставляет, хозяином не бывает (3—21); Кто на завтра оставляет, хозяином не бывает (3—8).
 Кто много берет — тот не боится (2—38).
 Кто рано встает, тот всегда сухим полотенцем вытирается (2—28).
 Кто рано встает, тот жирные щи хлебает, а кто поздно встает, тот синие щи хлебает (2—42).
 Кто смел — тот два съел (2—6; 2—28).
 Кто тянет, того и погоняют (1—30).
 Куда водка входит, оттуда ум выходит (4—2).
 Куда конь с копытом — туда и рак с клешней (1—1).
 Купил бы волá, да задница голá (1—17).

- Ласковый теленок двух маток сосет (1—41).
 Лег — свернулся, встал — отряхнулся (у кого ни кола, ни двора) (2—48).
 Легко воровать, да тяжело ответ держать (3—12).
 Лежачего не бьют (2—8).
 Летом — дрова, зимой — трава (2—18).
 Летом каждый кустик ночевать пустит (1—13).
 Ломать — не строить (1—14).
 Ломать — не строить, душа не болит (3—46).
 Ломать — не делать, душа не болит (2—14).
 Лошадь не боится работы, лошадь боится ухода (2—25).
 Лучше десять раз поздороваться, чем один раз поругаться (2—39).
 Лучше каши не доложь, а на работу — не тревожь (1—18).
 Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой (2—40).
 Любишь сладко есть — жди горько (3—2).
 Любовь — не пожар, загорится — не потушишь (1—48).
 Любовь — не тюрьма, а сводит с ума (2—45).
 Любовь не зла, полюбишь и козла (1—40).
 Людей спрашивай, а про себя ум держи (2—46).
 Люди не свиньи — всё поедят (2—33).
 Людского разговору не переслухаешь (2—2).
- М**ал золотник да дорог, велика Федора да дура (3—36).
 Маленькая собака всегда щенок (1—4).
 Маленькая собачка вовек щенок (2—14).
 Маленькие дети — спать не дают, а от больших сам не уснешь (3—46).
 Маленький клоп, а вонюч (1—23).
 Маленький фершелишка, а помогает (2—28).
 Малым надо много, а большим — вдвое (1—22).
 Марток оставит без порток (1—18).
 Милиции абы за рубец зацепиться, тогда за всю штанину ухватятся (народ о милиции) (2—17).
 Милые бранятся — только тешатся (2—8).
 Молодой квас всегда играет (2—2).
 Молчание — золото (2—22).
 Муж жену любит здоровой, а брат сестру — богатой (1—5).
 Муж не уж, а кровь сосет (1—20).
 Мужик да свинья — одна семья (1—29).
 Мягко стелет, да жестко спать (1—39).
- Н**а весь мир не будешь мил (1—12).
 На весь чох не наздравствуешься (4—1); На каждый чих не наздоровкаешься (3—47).
 На вкус и цвет — товарища нет (2—4).
 На вольного — воля, на спасённого — рай (2—48).
 На два двора — не собака (2—12).
 На лето два лета и оба теплые (3—3).
 На леченом коне далеко не уедешь (1—45).
 На личико — яичко, а в середине — болтыш (1—30).
 На людей работать — лишь обрываться (2—10).
 На людей работать — нищим будешь (2—23).
 На месте камень обрастает (1—40).

- На може плохая надѣжа (1—31).
 На нет и суда нет (1—37).
 На работе — ангел, а дома — адел (2—11).
 На свет (электр.) надейся, но и сам не плошай (в смысле: на электричество надейся, но лампу с керосином всегда имей в доме) (2—33).
 На спасибо хлеба не купишь (3—7).
 На счастье верхом не сядешь (2—31; 3—6).
 На тебе, Боже, что нам негоже (2—32).
 На то и шука, чтоб карась не дремал (2—33).
 На халяву и уксус сладкий (4—2).
 На хитрую лису есть капкан (2—16).
 На хрена волку жилет: по кустам его носить? (1—25).
 На чужой роток не накинешь платок (1—46).
 На чужой стороне поклонись и бороне (2—48).
 Надо делать так, чтобы было меньше делов (2—31).
 Накормил господь ничем, аж хозяин замычел (2—45).
 Нанялся, что проданся (1—14).
 Народу много, а жена одна (3—48).
 Наряди пенек, и он будет хорош (2—32).
 Насильно мил не будешь (1—12).
 Наш Герасим на всё согласен (1—18).
 Не бойсь зверя, а бойсь живого человека (1—3).
 Не бойсь зимы, а бойсь подзимка (1—5).
 Не бойсь, кто в тебя стреляет, а бойсь, кого ты кормишь (1—1).
 Не брезгай пирожком, бог даст и хлебца (3—1).
 Не брезгуй хлебушком, бог даст и пирожка (2—38).
 Не был у попа, не знаешь ни клепа (3—22).
 Не было печали, так черти накачали (2—35).
 Не было счастья, так несчастье помогло (1—41).
 Не верь коню в дороге, а жене — за порогом (2—21).
 Не всё коту Масленица — наступит и Великий пост (2—33).
 Не всегда с мясом, бывает и с квасом (2—36).
 Не выкормишь врага — его не будет (2—27).
 Не гляди человека в деле, а гляди в отделе (3—11).
 Не давай простору рукам (1—3).
 Не дал бог сто рублей, и пятьдесят — не деньги (2—36).
 Не до жиру — быть бы живу (1—44).
 Не доверяй коню в поле, а жене — дома (1—12).
 Не дорог подарок — дорога любовь (3—47).
 Не дорога орешка, а дорога — притешка (1—13).
 Не дорого пѣто, а дорого добыто (1—30).
 Не единым хлебом сыт человек (1—39).
 Не жаль вина, а жаль ума (1—42).
 Не загадывай красть, а как Бог даст (1—41).
 Не из человека мудрость (1—16).
 Не ищи беду — она сама тебя найдет (2—16).
 Не можешь — научим, не хочешь — заставим (в армии) (1—39).
 Не надо большого спасибо, а хучь маленькие, но три рубля (2—42).
 Не надо радоваться чужой беде, она своя за спиной ходит (2—36); Не радуйся чужой беде — своя за спиной ходит (2—43).

- Не надо судить по сучку обо всем дереве (2—22).
 Не пей вина: в нем блуд и разврат (2—37).
 Не подмажешь — не поедешь (2—25).
 Не пойман — не вор (1—39).
 Не понос, так золотуха (2—37).
 Не пори одёжу, если шить не можешь (2—2).
 Не протягивай ручки, а то протянешь ножки.
 Не родись красивым, а родись счастливым (2—32).
 Не рой другому яму — сам в неё не попадешься (2—22).
 Не сразу на гору, а то брюки упадут (1—11).
 Не сули журавля в год, хоть синичку, да в рот (1—36).
 Не сучье вымя — так пороссячий хрен! (1—33).
 Не тот вор, кто ворует, а кто попался (2—18).
 Не тот дурак, кого называют дураком, а тот дурак, кто ругается с дураком (3—4).
 Не уживешься с первой женой — счастья не жди (2—11).
 Не унижайся перед низшими, не откровенничай с равными, будь осторожен со старшими (1—8).
 Не хвались травой в лугу, а хвались сеном в скирду (2—45).
 Незванный гость хуже татарина (1—1; 1—38).
 Нельзя на небо влезть, а на свете всё можно (2—37).
 Нельзя попов судить — на то архиерей есть (3—44).
 Нет детей — нет печали, есть дети, внуки — у того и мѹки (2—37).
 Нет черта в доме — возьми зятя, сноху (2—19).
 Никому не грози — сам не будешь бояться (2—45).
 Никто не знает, что найдет и где потеряет (1—9).
 Нищему пожар не страшен (2—43).
 Новая метла метет, пока не обломится (1—12).
 Нонче как-нибудь, а завтра — блины (1—31).
 Нужда закон пересилит (4—2).
 Нужда заставит и сопливого поцеловать (2—39).
 Нужда с хотьбой не считается (2—27).
- ◆ глупую голову горшки бьют (2—46).
 Обмараться, но не поддаться (1—26).
 Обогрей змею — она тебя укусит (3—22).
 Один везет, а всем тошно (говорят о наших дорогах) (1—24).
 Один раз на веку́ и то на боку́ (2—43).
 Одна курица от себя гребет, а то все к себе пригребают (1—37).
 Он и сбрешет — дорого не возьмет (1—32).
 Осень говорит: озимые осенью уклачу, а весна говорит: как хочю (1—15).
 От жара кости не ломит (2—25).
 От легкой жизни душа пустеет (2—4).
 От суммы да от тюрьмы — не отрекайся (1—18).
 Оттого и бык гла́док, что поел да набок (2—37).
 Отцов — как псов, а мать — одна (1—27; 2—10).
 Отчего казак гладок — поел да набок (3—2).
- Палку кинь — в машину попадешь (2—26).
 Паршивого кобеля дразнить — только бреха накличешь (3—47).
 Первого купца обойдешь, а второго не найдешь (2—43).

Первую жену бог дает, вторую жену люди находят, а третью — черт посылает (2—27).

Первый блин комом (1—40).

Первый год был ангел, а потом стал адел (2—34).

Песня до конца не доигрывается, а жене правда не говорится (2—6).

Пить надо с умом (2—30).

Пить-то пей, но ум не пропивай (2—26).

Плохому танцору всегда ботинки мешают (1—36).

Плохому танцору всегда ноги мешают (2—9).

Плохонький плетенишка, а за ним затишка (1—26).

По грехам — и му́ка (2—10; 3—2).

По Сеньке и шапка (1—44).

Под лежачий камень и вода не течёт (1—12).

Подальше положишь — поближе возьмёшь (3—5).

Поздно ложиться, рано вставать — будешь богатым (3—16).

Пока дитё не закричит — мать не догадается (о маленьких) (1—43).

Понравился сатана хуже ясного соко́ла (3—3).

Попытка — не убыток (1—35).

Порядок времени не портит, а счет дружбы не теряет (1—25).

Посеешь в грязь — будешь князь (1—17).

После поры не точат топоры (1—15).

Пост — прижмёт хвост (3—2).

Потерянное счастье по крохам собирают (2—25).

Похмелье — это та же пьянка, только пораньше с утра (2—11).

Почему мухи к осени злые? Потому что летом они работают на пана, а к зиме — на себя (2—44).

Правдой век не проживёшь (3—45).

Прежде чем сказать — надо пожевать, а лучше пожуй и проглоти (3—16).

При безрыбье и рак рыба (1—44).

При водке совесть теряется, а смелость прибавляется (2—27).

При деле и хохол танцует (3—44).

При статье и поп пляшет (2—4).

Приглядываешься, как слепой к тесту

Пришел июнь — хочешь сей, хочешь плюнь (2—4).

Про него речи, а он с печи (1—18).

Проделанная мельница назад не вернется (2—34).

Пройдоха: на семи сидел, а десять вывел (3—11).

Простота хуже воровства (2—26).

Прямо только сорока летает (2—42).

Пуганая ворона куста боится (2—5).

Пшеничка всех казаками сделала (1—5).

Пьяницами не родятся, пьяницами делаются (2—10).

Пьяный протрезвится, дурак — никогда (1—38).

Работа не бес, не уйдет в лес (1—16).

Работаем — сами себя через колено гнем (1—18).

Работает шажком и получает килограмм с мешком (2—48).

Работать — мужички, а исть — казачки (3—44).

Работать не ленись и воровать не боись — будешь жить хорошо (1—21).

- Работающие люди долго не спят (3—11).
 Рад бы в рай, да грехи не пускают (2—20).
 Ранняя пташка носик очищает, а поздняя — только глазки протирает (2—25).
 Раньше к реке селились, а теперь — к дороге (1—24).
 Ремесло карман не трёт (2—11).
 Родина у каждого одна, а дорог по жизни — много (1—47).
 Родник и то пересыхает (1—2).
 Родня с полдня, а к вечеру — нечего (1—39).
 Рост — дурак (2—14).
 Рука руку моет — обе чистые бывают (1—20).
 Руководитель или руками водитель? (2—33).
 Рупь-коп и черт в лоб (2—6).
 Рыба гниёт с головы (2—22).
 Рыбка да зайки заведут в попрошайки (3—48).
 Рыбка да зайцы заведут в старцы (3—48).
- Г** богом не будешь спорить (2—36).
 С богом нельзя судиться (3—21).
 С богом судиться не будешь (3—12).
 С глупой головой и ногам пагиба (1—1).
 С дураком свяжешься, сам дурак будешь (1—38).
 С жару камень лопается (1—36).
 С жары кости не ломит (1—32).
 С жиру собаки бесятся (2—30, 2—35).
 С кем поведешься, от того и наберешься (1—38).
 С красоты воды не пить, а ума не купить (2—27).
 С маленькими — горе, а с большими — вдвое (1—37).
 С миру по нитке — голому рубашку (2—9).
 С млада — хорошо и под старость — сладко (2—30).
 С попа сдачи не берут (2—35).
 С потравы не хлеб, с суда не деньги (3—4; 4—1).
 С руганья бока не болят (2—47).
 С умной головы волос сам лезет, а с дурной — колом не собьешь (1—14).
 С умным ругаться — ума набраться, а с дураком разговаривать — последний потеряешь (3—4; 3—5).
 С умом — сумку носить, а без ума её потеряешь (2—45).
 С чужого коня серед грязи долой (2—8).
 Сам — молодец, а голова — дурная (2—36).
 Сам не ам и другим не дам (1—20).
 Самая плохая гулянка лучше самой хорошей работы (1—11).
 Самая плохая зябь лучше ранней припашки (1—27).
 Сверху — лак, (а) под исподом — так (3—3; 3—4).
 Свинья грязи найдет (1—43).
 Свинья, не повалявши, не съест (2—28).
 Своё счастье и конем не объедешь (1—13); Свою судьбу и на коне не объедешь (2—11).
 Свой глазок — смотрок (1—14).
 Свой с своим бранись, а в чужое не вступай (1—15).
 Своя рука — владыка (1—35).
 Сейчас работают шажком, а получают — мешком (3—6).

- Семеро одного не ждут (1—44).
 Середка полна и краешки веселы (1—46).
 Сиди в гостях, распорядись дома (1—39).
 Силы много — ума не надо (1—22).
 Синица — не птица, а зять — не человек (1—4).
 Сказка — складка, песня — быль (2—2).
 Скотину гладь не рукой, а мукóй (1—28).
 Скрозь хорошо, где нас нет (2—26).
 Сладко — не проишь, хорошо — не проходишь (2—36).
 Слепой курице всё пшеничка (2—9).
 Слово к делу не пришьешь (2—34).
 Слово не воробей: выпустил — не поймает (1—41).
 Слышал звон, да не знает, где он (2—28).
 Смерть не красит человека (2—35).
 Смерть не с сладкими пирогами встречается (2—35).
 Смирному бог пошлет, трезвый сам налетит (2—39).
 Со второй женой жить — как огород пахать на складнях (1—36).
 Со своей грядки морковка всегда слаще (2—9).
 Собаке — собачья и честь (2—9).
 Собралась парочка — баран да ярочка (1—48).
 Собственный муж всегда в цене (3—41).
 Сор из угла не выметают (2—36).
 Сорную траву из поля вон (1—42).
 Старость — не радость (1—36).
 Старые мрут — молодым дорогу трут (2—46).
 Старый бык борозды не портит (2—10); Старый бык борозды не портит, но и мелко пашет (2—13).
 Старый друг милее новых двух (2—38).
 Старых кормить, как горькую осинушку глотать (1—4).
 Старых нет — купил бы, а есть — убил бы (2—36).
 Стоит корова на дворе, будут харчи на столе (1—28).
 Страшна не та собака, что гавкает, а та, что исподтишка норовит укусить (2—7).
 Стыд не дым, глаза не выест (1—45).
 Счастливому время не нужно (1—12).
 Счастье — оно иной раз по пяткам бьется, а в руки не дается (2—41); Счастье кому по пяткам бьется, а кому и в руки не дается (2—48).
 Счастье и в распахнутые ворота не войдет, а несчастье в любую дыру пролезет (2—19).
 Счастье не конь — хомут не наденешь (1—48).
 Счастья без горя не бывает (1—42).
 Сытого гостя хорошо потчевать (2—34).
 Сытый голодного не разумеет (2—20).
- Т**елка в овцах не схоронишь (1—4).
 Теперь не тот Федот (1—9).
 Тепло абы было не к Рождеству, а к Великому дню (т. е. к Пасхе) (2—44).
 Терпи казак — атаманом будешь (1—11).
 Тихого Бог накажет, а резвый сам налетит (1—38).
 Толкач муку покажет (1—12, 2—26).

Только и барыш, что в людях поишь (2—40; 3—3).
 Третьегоднее сено — как прокислые щи (3—11).
 Трудом праведным не наживешь палат каменных (2—37).
 Ты в каждой дыре гвоздь (1—23).
 Ты на гóру, а черт за нóгу (2—32).
 Ты спасайся, как можешь, а я — как хочу (1—13).
 Тюрьма — она на правого и на виноватого (3—45).
 Тянет мотивно, да слушать противно (1—10).

У баб — кривая душа (1—32).
 У Бога всего много (2—27).
 У Бога всего много, а у Христа за пазухой — ещё три ста (2—26).
 У Бога дней много (1—35; 2—27).
 У богатых деньги деньги куют, а у бедных деньги деньги едят (1—47).
 У швигого только и разговоров, что про баню (2—37).
 У голодной куме одно на уме: как бы поесть (1—30).
 У денег глаз нет (1—14; 1—44).
 У дурака мужа и жена дура, у хорошего — и жена хорошая (2—32); У мужа-дурака жена всегда дура (1—41).
 У дураков мысли сходятся (1—39).
 У кого транспорт, у того и праздник (1—16).
 У кого украдут — тот грешнее (1—14).
 У кого украли, у кого беда — тому грешнее (4—2).
 У плохого хозяина любая жена-хозяйка будет плохая, будь ты хоть семь пядей во лбу (3—12).
 У попа — попёнок, у чёрта — чертёнок (3—1).
 У семи нянек дитя без глазу (2—28).
 У старика на ручке полежишь, а молодому вслед поглядишь (1—21).
 У старца последнюю сумку отбили (2—29).
 У трезвого на уме, у пьяного на языке (1—45).
 У этого дитя нет пути (2—48).
 Ум — хорошо, а два — лучше (1—3).
 Ума нет — в заднице не займешь (1—29).
 Ума нет — считай калека (1—37).
 Умей быть умней вина (1—42).
 Умный любит учиться, а дурак учить (4—1).
 Ученик без двойки, что солдат без винтовки (1—23).
 Ученого учить, что мертвого лечить (1—41).
 Учи детей, когда поперек лавки лежат, а когда вдоль лежат — то уж поздно будет (В смысле: учи детей, когда маленькие, а когда подрастут — то уж поздно будет) (1—22).

Февраль говорит: «Вы не смотрите, что я маленький — я ещё быку-третьяку рога поломаю» (1—23).

Характер на характер не приходится (3—11).
 Хвались не в три дня, а в три года (1—17).
 Хила припрет — соловьём запоёшь (3—1).
 Хлеб за брюхом не ходит (1—13).
 Хлеба нет — пишишь в колхоз (1—19).

- Хозяин — барин (1—15).
 Хозяйство иметь — глаза большие надо (1—5).
 Хорошая жена плохому не научит (1—42).
 Хорошая мысль приходит опосля (2—43).
 Хорошая одёжа — хороша за плохой, а плохая — за хорошей (2—46).
 Хорошие игроки до трех раз дураки (2—27).
 Хороший сосед лучше дальней родни (2—35).
 Хорошо плохо не бывает (2—14).
 Хохол без лычки, что бумага без печати (из подслуш. разговора) (1—39).
 Хочешь жить — умей вертеться (1—46).
 Хрен не слаще редьки (2—7).
 Худа без добра не бывает (2—10).
 Хучь бы одна лычка, а другая — ремёшка была, а то обои лычки. (В смысле — не берегут ничего) (1—17).
 Хучь с кулачок, но казачок (2—40).

Цвет денежки любит (2—35).

Цена — не стена (1—25).

Чёго ж хвалиться, когда из рук всё валится (1—22).

Чего будешь знать — в пазухе не носить. (Раньше деньги носили в пазухе, отсюда: если знаешь какое ремесло, то нанимать не будешь) (2—48).

Чем водке остаться, лучше самому с собой расстаться (3—7).

Чем еде остаться — лучше с брюхом расстаться (3—1).

Чем н^{ки} богаче, тем жаднее (1—13).

Чем черт ни тешится, когда Бог спит (1—4).

Чему быть — того не миновать (1—46; 2—39).

Черного кобеля не отмоешь добелá (2—40; 2—47).

Черт выдумал моду и — в воду, а ты — мучайся (2—45); Черт придумал моду, а сам в воду (2—34).

Черт много мелет, да посыпать не может (3—45).

Чертям делать нечего, так они песок пересыпают (2—37).

Честь — не возом везть, абы в горсте донести (3—3).

Честь казачья, а жизнь собачья (1—47).

Чище воды не будешь (1—44).

Что берегёт, то и носит (1—11).

Что Бог дает — всё к лучшему (1—42).

Что легко наживается, легко и проживается (3—41).

Что ни шагнет, то сбрухнет (2—29).

Что ни год, то ворожейкам перевод (2—44).

Что потопаешь, то и полопаешь (1—11).

Что смолоду <не>вколотишь, то под старость не навестаешь (3—35).

Что упало, то пропало (2—11).

Чужая сторона и ума прибавит, и горя набавит.

Чужая шуба — не одежда, чужой муж — не надежда (2—46).

Чужая шуба не одёжа, чужой муж не надёжа (3—1).

Чужое добро впрок нейдёт (2—3).

Чужую беду руками разведу, а своей — ума не дам (2—10; 2—44).

Чья душа в грехах — та и в ответе (3—10).

Шей да пори — не будет пустой поры (3—4).
 Шелудивому поросёнку и в Петровку холодно (1—7).
 Шубу покупай шитую, а хату — крытую (1—16).

Это не сено, если под дождем не было (2—32).

Я думал из него прок, а из него — пропасть (3—7).
 Яблочко от яблоньки недалеко падает (1—35).
 Язык до Киева доведет (2—28).
 Язычку кашки давай (2—42).

Присловья

- (Когда человек чихнет):
 Будь здоров на сто годов.
 В год барыша, тогда из тебя душа (3—47).
- Быки-рогали — т. е. с большими рогами (1—29).
- Вот дурак: ты ему говоришь: «Лоб ксти», а он говорит: «Пусти» (1—1).
- Вот что говорят казаки про грех:
 «Грех — по дороге бег, в ямку упал, весь грех пропал!» (2—13).
- Всем богам по сапогам, а матери божьей — полботинки (3—2).
- Господь говорит дождю:
 «Иди туда, где жар и пыль (пыль)».
 А он идет туда, где был (говорят в казаках о надоевшем дожде) (3—46).
- Глаза — завидушие, руки — загребушие, в заднице — дна нет (говорят казаки о жадных людях) (1—45).
- Гроза не из тучи, а из навозной кучи (4—1).
- Грязь это не сало: помял и отстало (1—9).
- Дед шёл с горы,
 Бабка — из-под горы,
 Повстречались,
 На одной солнце стали рубахи сушить (т.е. родня наоборот, никакая) (3—5).
- Деньги это зло: чтобы избавиться от них, мы относим их поскорее в магазин (1—7).
- Дров нет — надо строиться — когда строятся, будут обрезки и щепки, годные на дрова (топку) (1—15).
- Дурак не дурак и ума нет (2—26).
- Душа болит о производстве, ноги тянут в магазин (2—25).
- Если вши не заедят, то в люди выйдет (1—7).
- Зароди, Бог, из мешка — полмешка (1—5).
- «Иде взять? Иде взять?» — «Куда деть? Куда деть?» (относится к женщинам) (1—33).
- Как не увижу — душа мрёт,
 Как увижу — из души прёт (1—35).
- Как говорится: за что купил, за то и продаю (4—2).
- (Когда поишь):
 «Спасибо богу, свету,
 Ещё ел бы, да нету» (3—47).

- Крещеный или так ташеный? (1—14).
- Куда тебе, рыжий, в космос с грыжей (1—2).
- Купил — нажил, продал — прожил — говорят о беззаботных, лодырях и пьяницах (1—25).
 - Лакеи в семнадцатом году отпали — когда просят что-нибудь принести, подать, сделать, то так говорят (2—30).
 - Лег — согнулся, встал — стряхнулся — о людях, у которых ничего нет (3—22).
 - Лоб кади да в гроб клади (2—34).
 - Люблю гроби и девок хороших (2—13).
 - Любопытство не порок, а большое свинство (1—3).
 - Малый — не дурак и дурак — немалый (1—22).
 - Мастер на все руки от скуки (2—29).
 - Мухи-говнопадки — есть вид мух, которые любят выводить свое потомство в скотском помете — они летом просто бросаются на него. Здесь сравнение с людьми, которые бросаются делать что-то из ряда вон выходящее. Например, у меня есть фрагмент рассказа о раскулачивании, когда активисты бросались требовать кулаков, как мухи-говнопадки (2—14).
 - На наших копейках люди золотые зубы вставляют (1—4).
 - Нас два Гурья: один одного дурее (1—9).
 - На три дуды и никуды (1—40).
 - Наш кут — весь тут — кут — это часть хутора (1—4).
 - Наша горница с Богом не спорится: во дворе тепло и у нас жарко (1—17).
 - Нашел — еле ушел,
Если бы догнали,
То ещё бы дали (1—29).
 - Не делай своё хорошее, а делай моё плохое. (Допустим, мастер кладет грубку и говорит: «Вот так будет хорошо». А хозяину это не нравится, он просит делать по-своему, по этому случаю так и говорит) (2—45).
 - Не думай, что такой жадный, как у твоего отца дети (1—4).
 - Не рукам цымбала — человек взялся не за свое дело (1—5).
 - Не так здорово, как дюже (1—4).
 - Не умер Данил, так кто-то задавил (3—3).
 - Не успею за порог, льются сливки и творог — говорит тот, кто любит ходить по гостям, кого угощают да еще дают с собой (1—16).
 - Не хватит силы — хватит зла, не хватит зла — хватит зубов... (1—6).
 - Нужду женим, горе замуж выдаем («говорят», когда родители мужа и невесты небогатые) (2—31); Нужда женилась, а горе замуж выходила (т. е. обои бедные были) (3—4);
Горе женится, нужда замуж отдает (2—32); Горе женилось, нужда замуж шла (3—3); Горе жёнится, нужда замуж шла (о бедных так говорят) (3—16).
 - Они оба — цоба — «Цоб-цобе!» — это крик-погонялка запряженных в ярмо быков: цоб запрягался с левой стороны, цобе — с правой. Ныне ничего этого нет, а присловье осталось: оба (напрмер, муж с женой) одинаковые характером и поступками (1—12).
 - Осталось, на чём моталось — говорят на пьяниц, кто не может с умом вести хозяйство, тратить деньги (1—3).
 - Охотнички! Ходят из ног глухоту выбивают (1—9).
 - Подумаешь, чача какая! — «чача» — в народном понимании это что-то вроде знатной персоны, только в пренебрежительном виде (1—3).

- Пойду отдам долг цыгану — то есть надо в туалет (1—4).
- Посеяла, полила и больше не была — говорят на нерадивую хозяйку, которая мало уделяет внимания огороду (1—25).
- Посидим рядком, потолкует ладком (2—1).
- «Последняя у попа попадья», — отвечают казаки собеседнику, если тот говорит в разговоре слово «последний (-яя)» (2—13).
- Похудала! Где надо оборваться — не обхватишь! (1—15).
- Прожил век за куриный «кек» — за куриное яйцо (1—2).
- Проработал я всё лето на туза и на валета — кто проработал за так, мизерную плату (1—20).
- Пушка-гриб мукой набит — грибы-пушки бывают с человеческую голову, при высыхании лопаются, и мучнистая пыль (споры) извергается облаком (3—17).
- Раз брешет — то правда (1—5).
- Расходился, как холодный самовар — говорят на тех, кто кипятится, доказывая свою точку зрения, хотя иной раз она противоречит здравому смыслу (1—5).
- Слепой сказал — посмотрим, глухой сказал — послушаем (2—39).
- Смешно дураку, что рот на боку (1—27; 1—41).
- С таким мужем на черт он нужен (4—1).
- Стану грудью за твоей спиной (1—4).
- Стыдно признаться, грех потаить — женщина на исповеди (1—10).
- С худом — худо и без худа ещё хуже (1—13).
- Та же Параша, только в другом сарафане (1—25).
- Тебя прокормить — легче похоронить: дешевле обойдется (1—16).
- Ты наговоришь три соли киселя и навильник шей (1—37).
- Ты наделаешь пыли, как воробей кобыле (1—12).
- Ты потише, а то сделаю мушку на заднице (1—2).
- У кошки — четыре ножки,
Хвост пятый.
Закуривай ребята...
- Каждый свой (пригудка) (1—28).
- Хорош! Ни родному батьке, ни за готовый грош — выражение тех, кто отрабатывает какую-то провинность (1—19).
- Хороша уха из петуха! (2—1).
- Хучь масло на голову лей, будет говорить: «Деготь» — говорят на тех, кто никогда ничем недоволен (1—6).
- Цыть, малявка, — жрать не дам! (1—3).
- Чего вытраскал глаза, как черт на образа?! (1—20).
- Что, зубы продаешь? (о тех, кто всегда смеётся) (1—3).
- Что ты бегаешь как вшивый по бане (1—40).
- Шел черт из неволи
Ташил шубу за рукав (2—34).
- Шик с отлётом: дунь — полетит (о тех, кто форсит) (3—13).
- Язык — мясо, что хочет, то и лопочет (1—1).
- Я — корова, я и бык, я — и баба, и мужик! (2—13).
- Як у нах, як у блах — это цитата, по-моему из Библии, в казачьей разговорной речи применяется в том случае, когда хотят подчеркнуть бедность, отсутствие любых материальных ценностей и достатка. <Ср.: Яко наг, яко благ, яко нет ничего> (2—26).
- Я эту куму приведу к уму (из казачьего разговора) (1—40).

Загадки

- Летят гуськи, дубовые носки, кожаные шейки.
Летят и говорят: «Тик-тик, так-так».
(Цеп) (1—14).

- Снаружи — черный, внутри — красный,
Как сунешь — так прекрасно.
(Калоши) (1—19).

- Росла, росла — выросла,
Из прорехи вылезла,
По краям волоса,
В середине — колбаса.
(Початок) (1—19).

- Четыре брата один за одним гонятся,
никак друг друга не догонят.
(Колёса) (2—12).

- Сивый крѣх черезо всё поле лёг.
(Туман) (2—12).

- Загадка, загадка
Закинь загадка
Закинь за грядку
Год годовать.
(Озимый хлеб) (2—41).

- Под ледком, ледком
Стоит чашечка с медком.
(Яичко) (2—41).

- Тень-потетень
Выше города плетень.
(Церковь) (2—41).

- Стоит дед на мосту
Кричит: «Всех об...су!»
(Самовар) (2—41).

- Висит корова —
Белоброва.
Пришёл бык —
В дирю — смык.
(Ключ с замком) (2—41).

- Черный кот
Матренку трет

Матренка хлехочет
И ещё хочет.
(подмазка и сковорода) (2—41).

- По краям — опушён,
А в середке — прокушён.
(Родник) (2—41).

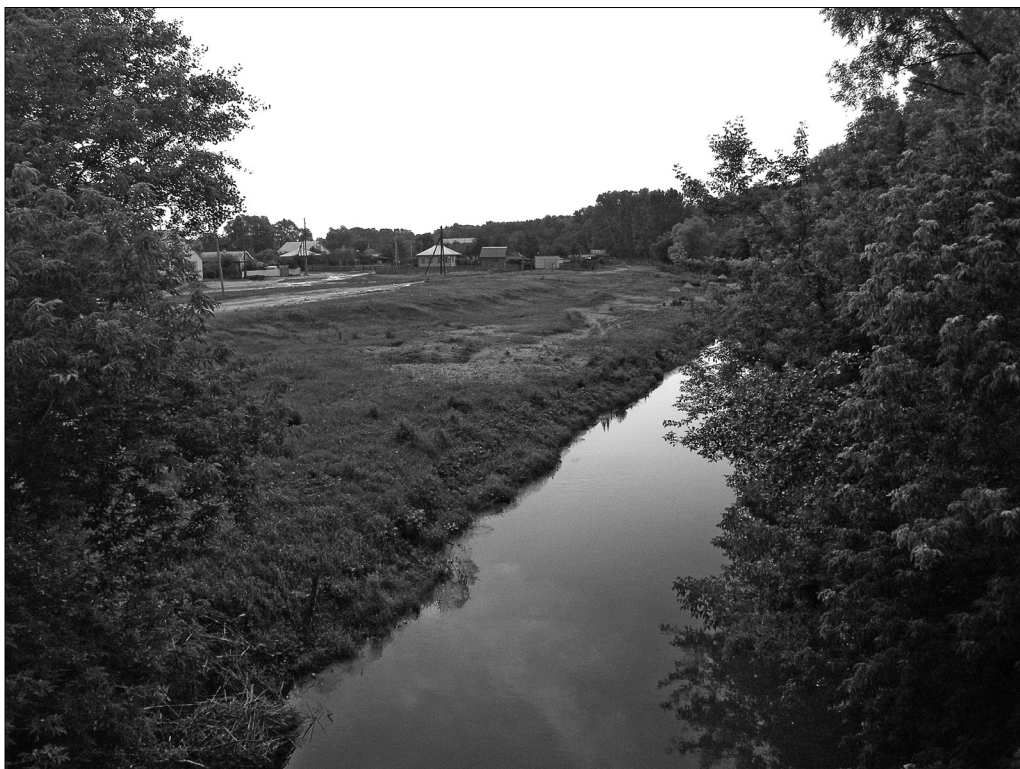
Скороговорки

- Шубу шить — не шапку шить,
Шапку шить — не шубу шить,
А для друга можно и не спешить (1—21).

Дразнилки

- Андрей-воробей,
Не клюй песок,
Не тупи носок.
Клюй семечки
Помаленечку (1—31).
- Андрей — дурак,
Курит табак,
Спички ворует,
Дома не ночует (1—45).
- Иван-болван
Молоко болтал.
Жена пышки пекла,
Всем по пышке дала.
А Ивану-болвану
Шиш под лобыш
Поднесла (1—31).

*Река Кумылга, 2006 г.
Фото А. Л. Перселегина*

**СЛОВАРЬ
ДИАЛЕКТНОЙ
И РАЗГОВОРНОЙ
ЛЕКСИКИ**

**УСТОЙЧИВЫЕ
ОБРАЗНЫЕ
ВЫРАЖЕНИЯ**

Гловарь диалектной и разговорной лексики

- Адат** — норов, характер (1—48; 3—43).
Адел — черт, сатана (2—11).
Азатки — зерновые отходы (2—1).
Азиат — недруг, враг (2—43).
Алкаш — алкоголик (1—33).
Алляная — льняная (3—9).
Аля! — окрик на овец (2—17; 3—14).
Аманат — обманщик, разбойник (3—24).
Антирес — интерес (3—24).
Анчибел — нечистый дух (3—24).
Анчутка — бес (3—24).
Арапина — что-то большое, здоровое (3—8).
Ард-веки — много веков (1—10).
Архамудия — казачье ругательство (1—17).
Аря! Аря! — крик, которым в казаках пугают кого-то ночью, науськивают собаку (3—14).
Ащшаульный, ащаульный¹ — привередливый в еде (1—13; 3—30).
Ая! — отклик, если кто позвал (3—42).
- Бабчить** — принимать роды (2—21).
Баглай — крупный, дородный (3—36).
Багно — болото (1—6).
Багрить — бить (3—39).
Баз, базы — 1) огороженный загон для скота; 2) двор (1—34; 3—20; 3—36).
Балалайка — пустомеля (3—43).
Баламутить — сбивать с толка (3—24).
Балахон — пренебрежительное название поношенного головного платка, старой одежды (3—24).
Балкун — в одиночку запряженный вол (1—12).
Балмошный — прокудной (1—33).
Бандырь — кишки, внутренности животного (3—32; 3—34).
Банёк — голова (2—8).
Банить — мыть (Полю банить) (1—28; 2—26).
Бельтюки — глаза (2—4; 3—24).
Беси́ла — дурман (3—24).

¹ Ср. [Даль 1880, т. 1, 31]: «**Аща(е)улить**, —**ульничать** ряз. тул. Вернее *ощеулить, щеулить, вост. от оскал* (ск = ш), оскалять зубы, зубоскалить, подымать на зубки, насмех, дурачить, насмехаться, издеваться, изголяться, галушить, глумиться, осмеять кого, трунить над кем. *Ащаул, —льник, ащеулка, —льница*, вернее *ощеул...* зубоскал, скалозуб, галушник, глумила, изгал, на(о, пере)смешник, издевшик, издевала».

- Бирю́к — волк (1—9).
 Бисенгурочки — мелкота, мелочь (напр. картошка) (3—22).
 Блекота́ть — обычно овцы (2—21).
 Близоглазая — близорукая (3—6).
 Блю́кнуть — исчезнуть, провалиться (3—7).
 Блюсти — беречь (1—2).
 Боевой — расторопный, смелый человек (3—13).
 Бок с боком — один с одним (2—38).
 Бормотуха — брага (1—1).
 Бряхология — неправда (1—2).
 Бү́дя — хватит (3—10).
 Буздать, отбуздать — отлупить, избить (3—36).
 Бузовать — идти споро, лупить, бить, есть, т. е. когда человек что-то быстро делает (2—6; 3—8).
 Бузуй(те) — давай(те) (1—43).
 Булгачить — тревожить (2—5).
 Булдувашки — концы ног овечьей, козиной, свиной, говяжьей туши (3—18).
 Бунить — орать (2—22).
 Бурдомáга — каша для скота, пойло (2—25).
 Бүрки — пузыри (2—24; 3—40).
 Буркотит — издает хрюкающие звуки (например, крот в норе) (3—9).
 Бүсый — серебристый (2—23).
 Бухика́ть — кашлять (2—15; 2—30).
- В** рот вас пра дело — казачье ругательство (2—32).
 Вакáн — момент (3—17).
 Валандаться — возиться в работе (3—36).
 Вáлкий — валяется (например, пух) (3—42).
 Валух — кастрированный баран, козёл (3—36).
 Вар — кипяток (1—11).
 Ведилки — ноги (Что ты вытянул ведилки?) (1—44).
 Везёлка — мышинный горошек (3—21).
 Везея — вязальщица (3—44).
 Верея — столб у ворот (1—6).
 Вершиться — так обычно говорят на скотину при случке, когда они прыгают друг на друга (3—19).
 Вёский (хлеб) — тяжелый (1—47).
 Вехá — длинный, высокий (3—35).
 Вёхриться — бродить, таскаться. Слово применимо не только к бездельникам, но и к женщинам лёгкого (распутного) поведения (1—32).
 Взбурдиться — кислое молоко, когда играет (иногда говорят на вспыльчивого человека) (2—42).
 Взвар — компот из фруктов (2—11).
 Взга́льный, сга́льный (человек) — самовольный (1—17; 3—23; 3—27).
 Взьюрмошиться, взьюрмашиться — гребануться, встрепенуться, спохватиться (2—15; 3—32).
 Виё (?) — раздвоенное дышло у бычьей арбы (3—24).
 Вило́к — кочан капусты (3—24).
 Вилючая (песня) — протяжная, с голосами, подголосками и дискантом песни,

зачастую могла быть и одинарная (в один голос). Короче, одну такую песню могли играть <петь> очень долго (1—21).

Ви́хнуть — ушёл, скрылся (2—6).

Вищё́ка — висок (3—8).

Вле́зть — войти (3—25).

Водво́рка — зять, живущий с родителями жены (3—24).

Вокан — момент (3—24).

Во́лжкая — волглая, сырая (1—46).

Волкода́м — волкодав (2—32).

Воловодиться — водиться (2—5).

Восточа́ть — угождать (2—7).

Врезь — то же, что и всклянь (2—44).

Всклянь — ведро или посудина, доверху налитое чем-то — с краями наравне (2—14; 3—30).

Вспопа́шиться — всполошиться (2—19).

Встрепехну́ться — вздрогнуть (1—17).

Вылика́ться — выслуживаться, угождать (2—35; 2—39).

Вытрёскивать, вы́траскать (глаза) — вылупить (глаза) (2—23).

Ви́тянуться — «умереть» (говорят, сожалеючи, о покойниках) (3—16).

Ви́ходка — характер (2—35).

Вя́занка — свитер (3—11).

Вя́кать — тошнить; так же говорят на того, кто много лишнего болтает (2—42).

Вя́хирь — носилки для сена (2—4).

Гав — собачий брех (3—32).

Гай — стая птиц (1—26).

Гай! — окрик на скотину (2—16; 3—15).

Гайно́ — свиное жильё (2—25).

Галда — надоедливый (1—36).

Галду́ набил — надоел (1—48).

Гаманок — нагрудный карман или кошелек для денег (3—36).

Гамкать — впустую болтать, разговор (3—18).

Га́музом — вместе (2—10).

Гандли́бет, гандлева́ть — делает, что хочет, точнее, мудрит (1—48).

Гандоби́т — строит абы как (1—48).

Глыкать — глотать, пить (2—11).

Гновь — гной (3—40).

Годо́к — сверстник, одногодок (2—38; 3—43).

Го́йкать — играть (1—10).

Гольши́ — камни-валуны, оставленные по степи древним ледником (2—23).

Гондо́бить — строить абы как (3—36).

Горгуля́ка — большой, здоровенный (2—4).

Горотьба́ — прясло (1—34).

Гребовать — отвращение (3—31).

Гребти́ться — хотеться (1—9; 2—20).

Громосты́ть — сооружать, складывать чего-нибудь (3—15).

Грошоу́ха — большая игла (3—34).

Гряду́шка — боковые жерди у арбы (3—24; 3—36; 3—43).

Гундоси́ть — разговаривать через нос (3—36).

Гырче́ть — галдить (2—9).

- Да́юш — давно, давненько (2—2).
 Да́юшний — давнишний (2—34).
 Двоша́ть — дышать (3—17).
 Держак — деревянная ручка косы, граблей, вил (3—17).
 Дерябаться, дерябнуть — царапаться (3—18).
 Дети́на — взрослый парень, молодой мужчина (1—10).
 Длиннога́чий — длинноногий (2—25).
 Добы́чной — в смысле достать, добыть, приобрести (3—13).
 Докучно́й — надоедливый (1—27).
 Долодо́н — быстро говорящий человек, надоедливый говорун (2—10; 3—6).
 Доскуна́ть — допечь, вынудить (1—32).
 Дохме́тный — всюду сует нос (1—18).
 Дочиста́ — целиком (3—24).
 Драгоценный — говорят на тех, кто много берет за работу (2—48).
 Дре́пнуться — упасть (3—18).
 Дрот — твердый (2—24).
 Другоценец, -женка — мужчина или женщина, собравшаяся на жизнь во второй раз (3—30).
 Дружко — главный ведущий свадьбы (3—30).
 Дрям — хлам, сухостой, валёж (3—31).
 Дудак — дрофа (3—31).
 Дуля — крупные груши (3—23).
 Дуриком — насильно, напролом (3—32).
 Дуркова́тый — человек с придурью (3—40).
 Дурной — некрасивый (3—32).
 Дурнопьян — дурман (3—32).
 Духови́тый — испускающий приятный запах; пахучий (3—30).
 Дю́же — очень (1—34; 2—11).
 Дяги́ль — высокий ростом, длинный человек (2—18).
 Дядёк — дядя, большой мужчина (2—13; 3—34).
 Дя́кать — говорить, долаживать <докладывать?> (Никому не дякает — никому не долаживается) (2—8; 3—12; 3—42).
- Е**дбо́вый — годный в еду (3—19).
 Едучи́й — 1) едкий (например, дым) 2) применимо к человеку: придирчивый (3—19).
 Едьма́ — едучий человек (2—12).
 Ежи́нка — клочок ежовой шкурки или кусок кожи, усыпанный мелкими гвоздями, продевающийся выше носа телка, чтобы он не сосал корову (3—32).
 Ело́зить — передвигаться на коленях, четвереньках (3—19об.).
 Е́мка — немного (клочок) сена (1—8).
- Ж**ары́, холодком (3—21).
 Жерде́ла — у казаков иногда зовут так алычу (сорт кр. слив) (3—19об.).
 Жеребая (кобыла) — <находящаяся в состоянии беременности> (3—44).
 Живущо́й — живучий (3—23).
 Жигану́ть — говорят так, когда укусит пчела, шмель, хлыстнешь кнутом (3—20).
 Жмень, жменя — горсть, кулак (3—23; 4—2).
 Жмень — толстый; как жмень — сытый, гладкий (2—3; 3—23).
 Жмя́кнуться — шлепнуться, упасть (3—19об.).

Жу́ковый — черный лицом, и телом, и волосом (3—20).

Жураве́ц — от слова журавль: вверх-вниз ходящая (кланяющаяся) жердь на сохе для подъема воды из колодца (3—20; 3—23).

Забавля́ть — успокаивать (2—3).

Забавля́ться — играть (3—10).

Забо́рка — дощатая и пластинчатая перегородка между столбами (у хлева, дома) (3—19).

Забукоти́ть — пойти (2—7).

Забуру́нный — человек с неуживчивым характером (особ. при пьянке) (3—19).

Забу́тить — засыпать, например, яму, колдобину (3—19).

Завалу́шки — завалившиеся кусочки и куски хлеба (2—23).

Заверши́ть — кончить стог (приклад) сена, соломы (3—19об.).

Завидно — засветло; темнеет, но ещё видно (2—16; 3—19об.).

Загнетка — площадка перед челом печи (2—30; 3—20; 3—29).

Задарма — за так (3—17).

Задáтный (о человеке) — гордый, высокого мнения о себе (1—44; 3—34; 4—2).

Задорга, за́дорга — деревянный край у печи, чаще всего доска или деревянный брус, за который держатся, влезая или слезая с неё (2—30; 3—19).

За́евая — запасная вещь (3—20).

Зажмурил — закрыть глаза (3—20).

Зазря́ — ни к чему, напрасно (3—19об.).

Закарти́ть — захмелеть (2—4; 3—45).

Законево́лить — заставить что-либо делать против желания (3—15).

Закоржа́вить — нет росту (3—40).

Заку́тать — задвинуть задвижку в дымоходе печи, грубки (3—25).

Заку́тка — печная или грубочная задвижка (3—19об.).

Замазэ́ря — замазанный, грязный человек, животное (2—20; 3—20).

Замана́ть — замучить, довести до изнеможения (3—44).

Замеже́нить — затвердеть, заклёкнуть (3—35).

Замола́живать — когда покрывается небо облаками, затягивается тучами (1—48; 3—7).

Замсти́ть — забыть (1—33; 3—19).

Занавеска — матерчатые шторы на окнах, у печки (3—43).

Запалить — загнать до упаду, мыла (3—28).

Заплоша́ть — занемочь, заболеть (3—18).

Запроваторить — прибрать, схоронить (3—30).

Запсоти́ть — куда-то деть, схоронить (3—6; 3—40; 3—43).

Запутля́ться — заблудиться или запутаться (например, в траве, проволоке) (3—13).

Зара́ди — ради бога (3—17).

Зараз — сейчас, быстро (3—5).

Заро́чие — человек высокого мнения о себе, ценность (2—31).

Зарыпеть — заскрипеть (3—36).

За́стить — заслонять (2—9; 3—6).

Затолми́ть — говорить одно и то же (3—34; 3—43).

Затопо́риться — а) когда <человек> стал неплохо жить; б) человек, допустим, стал вставать после долгой болезни (4—2).

Захлену́ться — 1) хлебнуть воды 2) дюже работать (3—34).

Захлина́ться — <о том, кто кричит резко, или кобель дюже гавкает (4—2).

Захурту́чить — заговорить по-своему (3—9).
 Зачерепёнить — загубеть (например, кожа на ладонях, ступнях) (2—35); <засохнуть> (земля зачерепенила) (4—1).
 Земь, наземь — земля (3—23).
 Зык — эхо (1—6).
 Зытьёлина — торцы на крыше у флигеля (2—21).

Иде — где (3—30).
 Извадить — повадить (3—44).
 Извехриться, вехриться — вести легкую, праздную жизнь (3—22).
 Изволок — дорога в гору (3—30).
 Издóйка — корова, которая, хотя и не отелилась, но доится на второй, а то и третий год (3—19об.).
 Изошлый — хилый, доходной (1—37).
 Ёрвень — дыра, например, в одежде, мешке (2—5); вырватый кусок (3—19об.).
 Ирѣн — стечное молоко, т. е. откидное (2—17).
 (Ис)скоренить — извести, надоесть (3—25).
 Ёсстари старь — очень старый (1—10).
 Исшматовать — порвать на части (3—31).
 Итить — идти (3—31).
 Ить — ведь (3—31).
 Ишо — ещё (3—31).

Кабаржина — спина (3—20).
 Кавáлки — кто проделывает что-то чудное, из ряда вон выходящее (3—36).
 Кавуны́ — тыквы, арбузы (2—22).
 Кага́л — много (1—38; 2—7).
 Кагальник — бурьян (1—6).
 Калбёшка — лежащий человек (1—19).
 Кали́ка — старец, инвалид (1—37).
 Калкан — загривок, шея (3—38).
 Калошина — штанина (3—19об.).
 Калю́дра — непроторный (1—24).
 Каляту́шка — плохая хата, дрова (2—3).
 Каневолить — приневоливать (3—21).
 Каптюлёк — самодельное освещение (2—23).
 Капшук — состояние (например, денег) (3—2).
 Караго́т — группа (2—21).
 Кара́читься — лезть куда не надо (2—18).
 Карпéтки — х.-бумажные носки (2—15; 3—10); самодельные шерстяные чулки (3—19об.).
 Карябать — царапать (2—23).
 Касанды́лый — хромой, косолапый (2—4).
 Качка — двухколесная ручная тележка (тачка) с ручкой (3—18).
 Квасо́ль — фасоль (2—22).
 Квели́ть — дразнить (2—8).
 Кизек — топливо из высушенного навоза (3—36).
 Кичи́ться — задаваться, глядеть с высокомерием (3—22).
 Клечета́(-е)-ть — кое-как, с горем пополам вязать или что-то абы-как делать (2—29).

- Клубошишечек — маленький клубок пряжи (3—34).
- Клыва́нить — букв. абы-как, кое-как стирать, купать, а то и просто плескаться в воде (2—12).
- Кля́тый — «проклятый» (казачье ругат.) (1—14).
- Кляч — кольцо, свитое из хвороста (3—38).
- Колкан (?) — шея сзади (3—20).
- Колобро́дить — бредить (2—5).
- Коло́да — улей (1—10).
- Кольи́шка — клочок, например, шерсти (2—34).
- Кольи́шки — дела (2—41; 3—3).
- Коме́дный — человек с юмором (2—38).
- Кона́ться — кидать жребий (2—1).
- Копанка — неглубокая яма с водой, служащая обычно для полива огородного овоща (3—38).
- Копера́ция, ла́вка — магазин (1—9).
- Корежи́ться — задаваться, ломаться, гримасничать (3—38).
- Кормухи́ — комки земли, глыбы (2—7).
- Корова-издо́йка — неотелившаяся корова, которая доится на 2-ой, а то бывает и на третий год (2—15).
- Корова-я́ловка — холостая корова (1—16).
- Коромо́к — от слова «корм» — сено, солома (2—17).
- Коршуниться — собираться в кучу, гвалтиться (допустим, детвора), долго что-то делать (Чего ты коршунисься?) (1—43, 3—10).
- Косоры́ловка — водка (1—1)
- Кососи́пый — кличка хромого человека (2—14).
- Коте́лки — чурки дров (3—9).
- Коче́риться — лезть, карамчиться (2—22).
- Кóчет — петух (2—1).
- Кочма́рь, чекма́рь — костыль, палка (2—16).
- Коше́лка — полушаровидная емкость, сплетенная из молодого хворостика, предназначена для переноски сена, яблок, силоса и т. п. (3—19).
- Коше́ль — подразумевается груз, тяжесть; например, когда человек взваливает на себя какое-то дело, то говорят: кошель нацепил (3—15).
- Кошени́чка — небольшой земельный участок, небольшой длины плетенишка и т. д. (2—13).
- Краснопэ́зики — грибы-шампиньоны (2—20).
- Крѐх — племенной хряк-самец (2—13; 3—19).
- Кряж — толстое дерево (тяжелый, как кряж) (2—26).
- Кубаре́м — через голову (1—8).
- Кубы́ня — голова (1—27).
- Кудулчи́ть — ворошить (2—21); взъерошить, а бывает — приставать, дразнить (3—41).
- Куле́ма — неповоротливый человек (2—14).
- Кулига — клин земли, полоска, участок, кусок (3—37).
- Кулгучо́к — небольшой отрезок земли (2—8).
- Кулюхта́ть — кто шьет, вяжет абы как (3—9).
- Кулю́чки — детская игра, прятки (2—23).
- Курноля́пый — носатый, так же говорят и на курносого (1—42).
- Курну́шка — плохая хата, плохое жильё (2—27).
- Кучугу́рить — накласть абы как (2—25).

- Лабуниться — подделываться (3—31).
 Лавка — длинная скамья (3—30).
 Лазоревые цветки — тюльпаны дикие (3—30).
 Лазоревый — красный (3—30).
 Лампасёты — конфеты (1—2).
 Лань ланью — гладкий (3—22).
 Лафа́ — счастье, удача (2—28; 3—15).
 Лахуны́ — тряпки (2—16).
 Левада — низменный участок возле луга, реки (3—31).
 Легчи́ть — холостить, вылаживать животное (2—7); кастрировать (3—31).
 Ле́дник — погреб, куда на лето запасали снег и лёд (сейчас этого нет, их заменили холодильники) (3—31).
 Лестница — деревянные ребра арбы (3—30).
 Летось — прошлый год (3—30).
 Летошник — прошлогодний телок (3—31).
 Лёшка, лёшечка — клочок земли (2—23).
 Лисапёт — велосипед (2—24).
 Личи́ть — идти к лицу (платок, кепка) (2—44; 3—30).
 Ловкий — проворный (3—38).
 Ломза́й — большой ростом (1—11).
 Лохуны — тряпки, старье, обноски (3—37).
 Лыс-бес — чёрти кто (3—22).
 Лытать — уклоняться от дел (3—30).
 Лямкать — жевать (3—34).
 Ляскать — пустословить (3—31).
 Ляскнуться — пропасть, исчезнуть (3—8).
- М**азаный — грязный (3—27).
 Маквочка — макушка (3—41).
 Маклы́га — голова (2—15).
 Малозерный — мало исть (3—23).
 Мамо́н — брюхо. Например, казаки говорят: «И когда мы на мамон работать не будем?» (2—16).
 Мара́ — ласкат. название детей (2—30).
 Ма́ркий — белый и близкие к нему цвета (3—35).
 Ма́ркий — линючий (3—6).
 Матиться — ругаться (3—28).
 Махо́рник — кипе́ц, типча́к². В голодные годы его верхушки добавляли к муке (2—18).
 Метать — давать, класть корм животным (3—28).
 Мети́сь — кати́сь, иди (2—18).
 Мирошник — мельник (3—29; 3—37).
 Мозго́ловить — думать (2—12).
 Молочница — корова, дающая много молока (3—28).
 Молчако́м — молчком (3—29).
 Мороковать — думать (2—17; 3—26); понимать, соображать (3—37).
 Мот — 1) расточитель, 2) развязный человек (2—19; 3—35).

² Ср.: [Даль 1882, т. 4, 406]: «**Типец**, типчак, растение *Festuca ovina*, волосянка, манник, тонконог, щетка».

Мотоциклёт — мотоцикл (2—24).

Моты́ка — мотыга (3—9; 3—28).

Мочажина — низменное место, болото (3—30).

Мурётъ — скучная работа (1—37).

Мурсáло — морда, круглое, лоснящееся от жира лицо (2—8; 2—23).

Мурсёпа — лицо (2—22).

Муторно — кружно, тошнит (3—30).

Мы́кать, мы́каться — нести нужду (1—10).

Мыт — понос (1—11).

На дурняк — через силу (3—12).

На́блошно — наугад, наобум (2—12; 3—40).

Набуздаться, набуздоваться — наесться до отвала (3—30).

Набы́читься — взерошиться, взъерепениться, насузиться, т. е. встать в позу.

Нава́га — тяжесть (3—12; 3—45).

Навильник — 1) ручкавил, 2) мера сена, соломы, которую поднимешь вилами.

Наволочъ — облачность (3—30).

Наглядать — присматривать, приглядывать (3—31).

Нагрúдник — женский фартук ниже пояса (3—9).

На́дзирком, на́зерком — издали, не упуская из виду (1—40); наблюдать из укрытия (3—15).

На́долба — человек, который много сидит, ничего не делает (3—34).

Надудокаться — насосаться (обычно говорят на козлят, ягнят, когда они пососут «молока») (3—18).

Назобáться — наесться (в основном так говорят о птице) (2—35; 3—45).

Наискра́йне — с краю (3—6).

На́йда — приемный ребенок (2—31); внебрачный ребёнок (3—44).

Накидушка — узорчатый плат на подушки (3—29).

Наклéстки — верхние грядущки у арбы (2—39).

Наклява́нить — намутить воду, молоко и т. д. (2—30).

Накостробо́шить — понаделать, понаворочать делов (1—43).

Накочетиниться, нашершениться, набугаиться — «набычиться?» (1—9).

Накулематься (сущ. «кулéма») — дюже одеться (1—32).

Накулюхтáть — кое-как сделать (2—38).

Накучугу́рить — сложить абы как (2—5).

Наливать — стельная скотинья, которая причала, т. е. скоро отелится (3—23).

Налыгач — упряжь, а точнее веревка или ремень, накидываемый на рога живых (в основном — коров и быков) для привязи (3—31; 3—38).

Намет — лошадиный вид бега — галоп (3—31).

Наобгонки́ — наперегонки (2—18).

Наплюска́ть — наплевать на пол подсолнечной, тыкл. «тыквенной» шелухи (2—30).

Направдок — кто говорит прямо в глаза (3—27).

Напровесне — в конце зимы (3—28).

Нарочи — нарочно (3—28).

Нарúнджиться — собраться, приготовиться (1—40; 3—37).

Насморить — смар, угар (3—40).

На скорáх — быстро, второпях (3—28).

Насточертеть — надоесть (3—29).

Настропулить — научить, надоумить, а может быть — уши торчком (у животных) (2—25).

Насты́рный — наглый (2—7); упрямый (3—29).

Насыка́ться — налазить (3—10).

Натурный — упрямый (3—41).

Натяну́ться — «умереть» (говорят о нехорошем человеке, когда тот умрёт) (3—16).

Нахумо́рдиться — надуться (2—5).

Начепури́ться — кто вырядился, причесался, надушился (3—29).

Начи́н — начало песни (1—33).

Не вата́житься — не «быть» вместе (1—34).

Не вспопа́шиться — спохватиться не вовремя (2—44).

Не заветало — «говорят о тех», кто не блещет умом, обделён соображением, проще говоря, кто сам своей головой не может додуматься до чего-то дельного, путёвого (4—1).

Не зама́ть — не трогать (1—10).

Не перехрять — не переделать много, не работать через силу (3—35).

Не утрапи́ть — не определить на глазок (2—6).

Не хоботись — не зазнавайся, не гордись (4—1).

Небесный — синий (цвет) (3—29).

Невладаны́й — вещь, не бывшая в употреблении (3—29).

Немты́рь — говорят на тех, кто плохо разговаривает (чаще всего на детей) (2—40).

Нему́щий — больной, квелый, старый (3—48).

Непу́ть — бездорожье (2—32).

Нераде́йка — плохая хозяйка (1—10).

Нескабежливый — непривередливый, нетребовательный (3—34).

Неслух — неслушающийся ребенок (3—28).

Несмерте́нный (мороз) — сильный, большой (2—47).

Несноро́ванный — а) контраст времён года (например, летом — то холод, то тепло); б) непроторный, неуклюжий (человек) (2—8).

Несоле́ный — нескорый на дела (1—22).

Несусе́тный — неподобный (3—40).

Нетель — ещё нетеленая телушка (3—27).

Неук — необъезженная лошадь, жереб (3—28).

Нехай — пускай (1—34).

Низы — жилая часть первого этажа старинного двухэтажного дома (3—29).

Ништя́к — как бы не так (1—34).

Нутро — внутренние органы человека, скота (3—30).

Нюхря́й — неразвязный³, неповоротливый, медлительный человек (1—12).

Няня — (ласкательн.) молоко (1—28).

Обала́хтать — обогреть (1—20); обокрасть (3—8).

Обголтаться — привыкнуть, свыкнуться (3—26).

Обезручиться — устать от работы (2—42).

Обёл — а) то же что и стадо́л (2—44); б) человек габаритной комплекции с дурными наклонностями (вор, лодырь) (3—13); здоровый (4—1).

Ободня́ло — рассвело (2—38).

Обреу́т — великий, большой (2—2).

Обротать — надеть на лошадь узду, недоуздок (3—26).

³ Ср. [Даль 1881, т. 2, 532]: «Неразвязный человек, неловкий, небойкий, несмелый, застенчивый, робкий».

- Обрыднуть — надоеть (3—26).
 Обье́дья — крупные остатки сена, стебли трав, бурьяна (3—37).
 Ога́рнова́ть — насесть, окружить (3—6; 3—26).
 Оглау́шить — оглушить (2—34); ударить по голове (3—34).
 Оглаше́нный — буйный (1—7).
 Оглое́д — кто ест помногу (1—27).
 Оговáриваться — перечить (3—40).
 Ого́лыш — балмошный, дурастливый ребенок (2—17).
 Огуля́ться — спариться (животина) (3—27).
 Огурно́й — прокудной, балмошный (2—4; 3—16; 3—28); дурастно́й, ба́лмошный (2—47).
 Одо́нье — стог сена, соломы (2—20).
 Одежи́на — одежда (2—9).
 Односу́мья — одногодки (1—7).
 Одноча́с — сразу, быстро (3—24).
 Ожерелок — ворот одежды, рубахи, пиджака, платья (3—28).
 Озимка — озимый хлеб (3—29).
 Окалечиться — покалечиться (3—29).
 Оклу́нок — небольшой мешочек (2—4); неполный или небольшой мешок с чем-то (зерном, картошкой и т. п.) (3—29).
 О́кор, о́кур — посуда с дымом от мошким (2—18).
 Омочáть — бить (1—8).
 Омянуть — съесть много (3—34).
 Опáкать — привести в порядок (2—7).
 Опричи, опричь — кроме (3—23; 3—30).
 Орда́ — скопление людей (2—43).
 Орепей — 1) репейник — высокое растение с большими листьями и цепкими цветами-шарами; 2) фитиль керосин. лампы (3—36).
 Осéнник — пиджак (1—12).
 Осклизнуться — подскользнуться (3—36).
 Осколе́пки — осколки (1—31; 3—2).
 Осмыгну́ться — сбиться нечаянно, соскользнуть (3—36).
 Остерви́ться — обозлиться (1—9).
 Осыпные́ — чересчур сильные, например, яблоки, груши (3—12).
 Отава — новая трава, выросшая после скошенной (3—37).
 Отды́хи — обеденный отдых (3—11).
 Оте́рханый — поношенный, неприглядный вид одежды (2—24; 3—36).
 Отзы́нуть — отстать (4—1).
 Отлыни́вать, лы́тать — уваливать (2—9).
 Отонок — прозрачная прослойка на мясе, шкуре (3—36).
 Оточи́ть — очистить (3—44).
 Отпа́чивать — делается сыро, во́лжко (2—1).
 Оттарабани́ть — отбить, отправить (3—41).
 Отяну́ть — ударить (2—18).
 Охабо́гья — остальцы от чего-либо (2—29).
 Охилиться — согнуться (3—39).
 Охире́ть — занемомчь (2—11).
 Ошкуро́к — поясок (3—1).
 Ошлепе́тить — оскорбить, отругать (2—20); оборвать, осадить (3—9).
 Ощупко́й — наощупь, впотьмах (3—36).

- Падалица — яблоки, груши, зерно (3—24).
 Пáдзимки — последний по весне снежок (2—15).
 Пади́на — низменное место (3—24).
 Па́зука — пазуха (3—44).
 Па́зылки — мыльная вода от стирки (2—44).
 Пай — надел земли (3—24).
 Палахли́вый — пужливый (1—7).
 Пани́кой — подход грунтовых вод (2—12).
 Парова́ться — соединяться по два, т. е. в пары (3—25).
 Па́тлы — волосы (1—31).
 Пахани́на — распаханная земля (3—26).
 Па́хтань — остатки молочной жидкости после сбитой в масло сметаны (3—36).
 Первач — самогон первой выгонки (3—26; 3—43).
 Переведи́ться — исхудать, согнуться (2—40).
 Передневать — переночевать и побыть день или несколько дней (3—26).
 Перетока — 1) прошлогодняя ярка 2) неокотившаяся овца, коза (3—27).
 Переть — нести (2—21).
 Песночѐйка — песенница (1—37).
 Пѐстать — так говорят, когда, например, качают дитя (3—8).
 Петлеваный — 1) мука тонкого помола и 2) человек, кот. не дюже перетрудится (3—35).
 Печери́ки — грибы опята (2—20).
 Пешки, пешака, пешедрала — пешком, ходьба (3—27).
 Пикушб́чек — горшочек (1—9).
 Пинюга́ть — абы как делать, строить (2—27; 3—35).
 Пистельга́ — человек, а чаще ребенок, который плохо растет или выглядит (2—21).
 Питенѐ́ — навязаться, тяжесть (1—10).
 Платѐ со сборами — старинное казачье платѐ со сборами на поясе (т. е. расклевшеное) (3—42).
 По насердке — по злости, в сердцах (3—28).
 Побаска — поговорка (3—22).
 Побирушник — кто выпрашивает по дворам что-нибудь из съестного (3—27).
 Поблудный — бродящая без присмотра животина, а также человек (3—27).
 Повѐтрие — ветреный человек (2—3).
 Повѐть — плетневый или дощатый настил на столбах для сушки резаных фруктов (3—3).
 Погода — обычно, когда идет снег (3—27).
 Погб́нка — погоня (2—16).
 Погребец — крытое строение над погребом (3—28).
 Погунѐ́ться — выздороветь после болезни (3—28).
 Подбивать — сбивать мотыгой, т. е. тяпкой сорную траву (3—28).
 Подворье — двор, где размещены дом и хозяйственные постройки (3—29).
 Поддюб́рить — отвалить, дать (3—9); дать чего-нибудь (4—1).
 Подѐнщина — стережба людей по порядку за свою скотину, коз (2—17).
 Поджижки — растопка (щепки, солома, мелкий хворост) (3—29).
 Подзорник — узорчатая кайма на койке (3—29).
 Подысподом — снизу, внизу (3—29).
 Подкля́день — чтобы куры неслись в гнезде, а не теряли яйца, в нём оставляют куриное яйцо или выточенный под него кусок мела — это и будет подклядень (3—10).

- Подпитки — слегка, немного выпивший человек (3—29).
 Подушка — деревянный брус, пластина на оси, на которой крепится вся остальная часть арбы, телеги, ходка (3—37).
 Подхібётный — льстивый или двуличный человек (1—32).
 Подчибрикнуть — украсть (3—5).
 Подъефэря — подлиза (2—5).
 Поезжанье — свадебный кортеж от жениха (3—25).
 Пожадать — поскуниться (3—24).
 Позавчэра — позавчера (3—24).
 Позаревать — поспать утром после прогона скота (3—26).
 Поздніка — паслэн (3—24).
 Поздоровкаться — поздравствоваться (3—22).
 Покедь, покеда, покедова — пока (3—26).
 Полэчка — кирпичная полка у печи (3—8).
 Поливник — огород, где посажен поливной овощ (3—41).
 Полохливый — пужливый (3—26).
 Полсть — войлок из овечьей шерсти (3—37; 3—38).
 Полчók, годók — одногодки (2—42).
 Помуружить — сойти с лица, подурнеть (2—31).
 Понасёрдке — в сердцах, со злости (2—44).
 Понёбина — верх у колодца (2—27).
 Поохётаться — надорваться (2—36; 2—40).
 Понарахтяться — испугаться (3—47).
 Попас — пастбище (3—27).
 Попервам — сперва, сначала (3—27).
 Порепанный — потрескавшийся, грубый (3—37).
 Порепаться — потрескаться (3—27).
 Порожки — приступки у крыльца (3—40).
 Посевка — лопаточка для замешивания теста (3—28).
 Посóсая — кормящая кобыла, свинья, сучка (3—25).
 Пóстрóмки — ремни от лошадиного хомута к валькам у пароконной телеги (3—37).
 Поторопиться — отойти в сторону (3—7).
 Похильнётся — пошатнётся (1—8).
 Початки — кукуруза с белым зерном (3—28).
 Предвещать — предвидеть (3—40).
 Прибасать — петь частушки (по стар. прибаски) (3—28).
 Прибáски — частушки (1—21).
 Прибёлка — хлебная накваска (3—8; 3—28).
 Прибечь — прибежать (3—43).
 Пригорища — горсть (3—47).
 Пригрубок — грубка «печь с лежанкой» (1—3).
 Придáтный — человек с юмором, со смешинкой, любит почудить (2—35; 3—6).
 Приклад — стог сена (3—28).
 Прилабуниться — приделаться (1—22); пристроиться (3—28).
 Приладить, прилаживать — приделать, пристроить (3—30).
 Примолвить — пожалеть, приласкать (3—26).
 Припускать — приход молока в вымени коровы во время дойки (3—23).
 Прискóтина — выделения неотелившегося телка из утробы матери-коровы (3—17).

- Приспичить — подошло время (3—13).
 Притимное место — больное место (2—42).
 Притолока — верхняя дверная нагонка (3—43).
 Прииторный — очень сладкий (2—1).
 Притуга, притуги — связанные попарно жерди, ветви или проволока с грузом, которыми перекрестывают сверху приклады сена, соломы от ветра, бурана (3—26; 3—40).
 Притулиться — прислониться (2—2).
 Притыкаться — обращаться с чем-то (3—35).
 Причандáлы — безделушки (1—33); вещи (2—23).
 Причúкнуть — примолкнуть, притихнуть (3—11).
 Проблю́кать — проглядеть (2—30).
 Проглупéтый — глупой (1—48).
 Прокíнуть — протопить немного (3—40).
 Прорéшка — ширинка у брюк (3—39).
 Протаба́шница — жестяная баночка, обычно для табака (2—19).
 Протведать — навестить (1—4).
 Протёсом, áмором — напролом, быстро (1—7).
 Протóчина — лысина (у лошадей) (2—48).
 Протуманёт — кошелек, обычно для денег (2—19).
 Прочахнуть — подсохнуть (3—26).
 Прояв — проныра, ловкач (1—48); достанет, добудет всё, что надо (2—35); ухватистый человек (2—30); прокудной — ленивый, не обременяющий себя хозяйством и делами (3—22).
 Проаястнóй — жадный до еды (1—2); удержу в еде нет (3—4).
 Прядать — сигать (3—27).
 Прянец — пряник (3—27).
 Прясло — горотьба из веток, жердей между кольями (3—29).
 Псюрня — пренебрежительное прозвище пустых, никчёмных людей (синоним: людская мелюзга, мелочь, бестолочь) (3—37).
 Пúжалка — пугало (3—44).
 Пустельга — птица (2—21).
 Пустодом — плохой, ленивый человек для хозяйства (1—34; 3—29).
 Пустоплэсье — голое место (1—34).
 Пустоцвёт — у кого детей нет (2—11).
 Пустошка — удод (2—14; 3—29).
 Путлять — спутать (нити, пряжу) (3—29).
 Путо — кусок веревки или ремня, которым связывают передние ноги лошадей (1—45).
 Пухтýн — полный человек, обычно так говорят на ребенка (3—14).
 Пчеломóры — так в шутку называют горе-пчеловодов, причастных к гибели пчёл (1—12).
 Пырнóть — уколоть чем-либо (3—40).
 Пы́щие — пустые (2—1).
 Пяхтиль — толстый, неповоротливый человек (1—42); толкач (2—2).
Рáзвест — разведка (2—21).
 Ра́жий — большой (2—47; 3—38).
 Разбираться — раздеваться (3—25).

Разбуздай — небрежно одетый (2—6); неряха (3—48); плохо, неряшливо одетый человек (3—17).

Развидняется — наступает рассвет (3—25).

Развязка — ловкость, сноровка (1—24; 3—25).

Развязный — очень проворный (3—18).

Разжижитель — самогон (1—1)

Разжіжка, поджіжка — растопка (2—16).

Разжура́вить — разогнать, наладить (2—20; 3—14).

Размол — непросеянная, с отрубями мука (3—37).

Ракушки — на четвереньках (3—25).

Ра́нетый — раненый (3—35).

Расподвя́зкой — распокрымши (3—6).

Распроце́нить — распылить, растранижить (2—18).

Рассыпу́ха — общая пляска, обычно при гульбе (3—26).

Раста́тура — слякоть, грязь (2—10).

Растелешиться — раздеться догола (3—26).

Растуды её туды — каз. ругательство (2—22).

Расхлебени́ть — расстегнуть настежь одежду, раскрыть скотный баз (3—26).

Расцобе́каться — развязаться, закончить (например, с делами) (2—42; 3—2).

Расшерова́мриться — размотать, раздарить, раздать (3—20).

Рамте́льный — игреливый, липучий (3—15).

Ратребу́шить — растресть (3—26).

Рахова́ть — думать, обмозговать (1—10).

Раходдыка́ться — расшататься (3—40).

Ребятё́ж — ребяшня, группа ребятешек (3—26).

Ре́вище — место, где орет скотина (когда почует на земле кровь, следы дикого зверя) (2—8).

Репнуть — лопнуть (3—26).

Рогач — ухват для чугунов в печи (3—27).

Рожак — уроженец (3—27).

Рожки — зубья у вил (3—27).

Ротозёп — крикун, крикливый (2—28); горластый, слово не дает сказать (3—42).

Рундучук — приступки у крыльца (2—21).

Руниться — толкаться, когда чего-то много. Такое выражение может быть применимо не только к человеку, но и к животным (например, к кроликам, пороссятам, цыплятам) и к насекомым (например, пчелам, мошкаре) (2—16).

Ручкаться — здороваться за руку (3—27).

Рушник — полотенце для обтирания (3—27).

Рыку́н — кто боится всего (1—3).

Рылан — мордастый (3—23).

Рядюшка (от слова рядом) — плохая одежда, одёжонка (3—46).

Рясь-рясмью — сплошь, много (2—19; 2—44).

♣ бу́царем — с характером (2—6).

Садовина — саженец фруктового дерева (3—39).

Саласки — нижняя челюсть (3—35).

Сапе́тка — круглая или прямоугольная плетеная из ивняка емкость (1—8; 3—26; 3—37).

Сапуха́ — печная сажа (3—40).

Сбатовать — схватить (3—26).

- Сбацать — сплясать (3—39; 3—48).
 Сбуробать — покорябать, кое-как вспахать (3—41).
 Сбутовать — сгрести, сграбастать (2—37).
 Сважить (?) — взвесить на весах, безмене (3—27).
 Свалтожить — сграбастать (3—9).
 Свежатинка — свежее мясо (3—40).
 Светки — цветы (3—39).
 Свойский — свой (3—37).
 Связь — длинная(-ый) хата/дом с чуланом/сенями посередине (3—27; 3—40).
 Семерить, смыкотить — «семенить»; человек, который ходит, часто-часто перебирая ногами (1—47); идти мелкими шажками (3—48).
 Сербить, сербеть — чесаться (2—5), зудиться (3—25).
 Сёрка — жвачка (2—2).
 Серникий — спички (1—2).
 Сжальничать — то же самое — обмануть (3—39).
 Сибирьки, сибирёк — колючий кустарник, из ветвей которых делают веники, метлы (3—39).
 Сигнуть — прыгнуть (3—25).
 Сиделец — дежурный казак при станичном правлении (3—25).
 Сика́ть — капризничать (3—25).
 Сикня́ (глагол. *сика́ть*) — нервный, плаксивый человек (2—3).
 Синель — сирень (3—25).
 Сипа́ — козы (2—14).
 Ска́лка — круглая деревянная палка для раскатывания теста (1—40; 3—17).
 Скорёжиться — сжаться (3—37).
 Скариот, искарриот — скупой (2—26).
 Скипертом — в сердцах сказать что-либо (3—42).
 Складываться, спрягаться — соединиться для работы (3—25).
 Скло — стекло (3—25).
 Ско́нец — конец (3—25).
 Ско́пом — сообща, вместе (1—19); кагалом, кучей, ватагой (3—40).
 Скопырнуться — упасть (3—25).
 Ско́рбжить — квохтать (курица), перед тем как снестись (2—21).
 Скорокатый — говорят на тех, кто лишь шумит (в смысле, громко кричит), а толку мало (4—1).
 Скорохва́т — быстрый на дела (1—21).
 Скорохватка — проворная женщина (3—23).
 Скотная (овца, коза) — вынашивающая плод (3—25; 3—44).
 Скочетаться — соединиться (3—25); связаться, снюхаться, слюбиться (3—46).
 Скошева́ться — спароваться, соединиться (1—23).
 Скошляться — спутаться (3—34).
 Скремта́ть — скресть, набрать (2—19).
 Сквозь — сквозь (3—25).
 Скрыпеть — надоедать (2—9).
 Скры́пка — надоедливый человек (2—9).
 Скучиться — соскучиться (3—25).
 Слега́ — кладь в сарае, хлеву (2—26).
 Слезовые (песни) — песни, берушие за душу (1—46).
 Слень — выделения у стельной коровы (3—21).
 Слепе́ц — крот (3—10; 3—25).

- Слепушóк — пузырек с керосином и фитильком для освещения (2—25).
 Слушой — сладкий (1—37).
 Смурýгать — тереть (1—40).
 Смухлевать — обмануть, не так сделать, как надо (3—39).
 Смыслённый — умный (дюже) (2—40; 3—25).
 Сним — сливки на молоке (3—21).
 Снулый — вялый, утомленный (1—20).
 Сорокадёл — человек, делающий одновременно несколько дел (2—15).
 Соцелять — соединить (3—18).
 Спантали́читься — занемочь (1—27).
 Спарóшая (свинья) — вынашивающая в себе плод (о свинье и самках некото-
 рых других животных) (3—11; 3—44).
 Спопáмиться — спохватиться (3—24).
 Спроть — возле (1—3).
 Стадóл — большой человек (1—26); высокий человек (2—24).
 Стаи — так называется все четыре колеса (от арбы, ходка) (2—48).
 Становая жила, тёмчик — убойное место у скота (1—19).
 Стебать — 1) шагать широко; 2) бить (3—31).
 Стегно — бедренная часть животного, человека (3—31).
 Стельная (корова) — «находящаяся в состоянии беременности» (3—44).
 Стоило — место, где обычно располагается на отдых скот (3—43).
 Сторожкóй — чуткий (2—16).
 Страма — позор, стыд, срам (3—39).
 Стры́нуть — удариться в бег (1—46; 2—39).
 Стряпуха — женщина, стряпающая для семьи, артели (3—32).
 Стúцерь — как пенёк (1—45).
 Субой — сугроб снега (3—32).
 Сúверть — крученое узловатое дерево (2—34).
 Судомойка — половая тряпка (2—40).
 Сукмáрь — казацкое ругательство (1—34).
 Супротив — против, поперек (3—32).
 Сходить — «заканчиваться» (например, фрукты в саду) (3—42).
 Сходцы — приступки крыльца (3—32).
 Сыпухá — сажа в трубе (2—39; 3—26).
- Такóвский** — в смысле всё равно (3—16).
 Талы́ — кусты хвороста (1—7).
 Тараторка — человек быстро говорящий (2—42).
 Твóрки — оконные ставни (2—34).
 Творожáнники — сдобные мучные пышечки с творогом (2—41).
 Текли́на — дно у балки, яра, оврага, лога (2—17; 3—32).
 Телепáть — еле ходить (1—26).
 Телешина — голое тело (3—18).
 Телок — теленок (3—32).
 Терпуг — рашпиль, каменный брусок (3—32).
 Тёта, тетаня — а) обращение к женщине старше тебя; б) обращение к родной
 тетке (3—39).
 Толкач — дер. или железный стержень, которым 1) толкут в ступке, например
 хрен, тыкв. семечки; 2) шелушат пшено, ячмень и пшеницу для куты; 3) дробят
 стебли табака (3—32).

- Толмач — бестолочь, бестолковый (4—2).
 Толо́ка — хуторской выгон (1—9; 3—32).
 Торёный (путь) — набитый, накатанный (3—18).
 Тормосить — моросить (о дожде) (2—19).
 Торока — седельная сума (3—38).
 Трава-потягун — низкая густая трава, которая тяжело косится (1—16).
 Тращать — пугать (2—11).
 Трёскать — есть (2—24).
 Тростить — 1) смешивать, например, горячую и холодную воду 2) соединять пряжу (3—33).
 Трошки — немного, немножко (3—32).
 Тру́ситься — дрожать (1—37).
 Трусы́ — кролики (2—23).
 Тры́мать — еле-еле двигаться (2—31), ходить (2—24).
 Трюпком — мелкая рысь (3—33).
 Тулупе́ха — толстая женщина, девочка (1—31).
 Тура́ — костер из дров (2—26).
 Турсучить — трепать, тресть, трясти, таскать, мучить, привязываться (3—33; 3—38).
 Тусменный — блеклый, тусклый (3—33).
 Туша́н — толстый человек (2—18).
 Тушистый — полный, гладкий (3—33).
 Тушман — очень полный человек или животное (3—32).
 Ты́кла — тыква (2—22).
 Ты́рло — выгон (1—34).
 Ты́щакóм — от слова тыщиться, т. е. ругаться, матиться (3—15).
 Ты́щиться — ругаться (1—35).
 Тю́пать — помаленьку, не спеша рубить (3—16).
 Тю́гя — курица (2—16).
 Тягло́ — вор (2—1; 3—9; 3—41).
 Тягушо́й — на работу здоровый (1—10).
 У́веяться — уйти на долгое время (3—32).
 Углазы́чить, узы́рить — увидеть (2—12; 3—9).
 Угу́нуть — утихнуть, успокоиться, угомониться (2—22); утихнуть (обычно говорят о зубах) (3—8; 3—32).
 Ужак — уж (3—33).
 Укуты́риться — устать (4—2).
 Улёжанный — у нас обычно груши после спада деляются мягкие, улёжанные; применительно к человеку — неповоротливый, податливый (1—8).
 Улица — место сельских игрищ или гуляний (3—33).
 Уло́гий — какой-либо изъян у человека или животного (2—3).
 Упа́хтаться — устать, умориться (2—21); выдохнуться (3—5).
 Упе́тать — довести до изнеможения, до усталости (2—6).
 Упе́таться — устать, выдохнуться (3—15).
 Упу́литься — а) взглядеться; б) идти, бечь следом (3—33).
 Упыпы́риться — работать без роздыху (2—21).
 Урекать — попрекать (3—33).
 Усечь — уразуметь, понять (2—38).
 Усуслиться — вымазаться (2—17).

Утирка — носовой платочек (3—33).

Утлевáтый — непроворный (2—3).

Утра́пить — уравнивать (2—33; 3—44).

Утрешник — утреннее молоко (3—33).

Ухлúчиться — нагнуть, угнуть (голову) (2—29; 3—31); уткнуться, насупиться (3—14)

Ушлый — дотошный, хитрый (3—34).

Ушник — куриный суп с лапшой (2—40).

Хаботиться — стараться что-либо сделать (2—43).

Халчиться — непристойно вести себя (3—17).

Хáльба, раста́тура — непогода, чичер

Халявка — голенище от сапога, валенка (3—43).

Хамлёт — жадный (2—4).

Хворость — болезнь (3—39).

Хила́ — то же самое, что и нужда (хила приперла — нужда припёрла) (2—48).

Хити́на — болезнь (2—24).

Хлюст — пройдоха, лодырь, вольный человек (3—39).

Хлять — болеть (1—14).

Ходинём ходить — трястись (2—4).

Ходóк, ход — 1) повозка, конная бричка (3—32); 2) быстрый на ходьбу (3—38).

Хозя́бка — добрый (-ая) хозяин или хозяйка (3—15).

Холодовники — лодыри (3—42).

Холодок — при жаркой погоде тень от дома, строения, дерева, скирда и т. п. (3—39).

Холодо́к — тень от дома, дерева и т. д. (3—43).

Хто́зень где, -откуда — издалека, чёрти откуда (2—15).

Худоба — домашняя скотина (3—33; 3—39).

Худорба́ — худой человек (3—11).

Хурхуны́ — отрёпье, лоскуты (2—9).

Цáпленник — ухват для сковородки (1—28).

Цельникóм — весь, сразу (3—5).

Цепучий — хваткий, проворный (2—2).

Цувильный (-ая) — форсистый (ая) (3—13).

Цуги́кать — идти, еле-еле передвигая ноги (2—30).

Цунёк — шенок (1—48; 3—17).

Цыть! — замолчи (3—17).

Чáпать, уча́пать — идти, уйти (2—21).

Чаврить (о дровах) — еле-еле тлеть, гореть (2—19; 3—17; 4—2).

Ча́кан — болотное растение рогоз (3—32).

Чеботарь — сапожник (3—33).

Че́бр, чабрец — тимьян ползучий, или богородская трава. Ранее эта распространявшаяся у нас трава широко использовалась на Пасху для посыпки пола в жилище и у крыльца (3—33).

Чекмарь — палка с утолщением на конце (3—33), пастушья палка (3—38).

Челяпи́ка — мелочь (3—9).

Чепуриться — прихорашиваться, наряжаться (3—48).

Чепушítь — ругать, костерить, дать жару (3—17; 3—40).
 Червá — черви (3—34).
 Черноварый — смуглый до черноты человек (1—35).
 Чертоватый — бойкий (3—21).
 Чивый — квелый (2—16), слабый, хилый (3—41).
 Чигер — холодный ветер (3—34).
 Чикарезнуть — ударить, вдарить (3—33).
 Чикилять — хромать или прыгать на одной ноге (3—34).
 Чирики — низкая кожаная или брезентовая обувь на толстой подошве (3—43).
 Чисторядливая — женщина, у которой в доме порядок (3—34).
 Чистотка — чистоplotная женщина (3—34).
 Чйчер — непогода (1—28; 1—48).
 Чувал — большой мешок (3—33; 3—38).
 Чудок, чуток — немного, чуть-чуть (3—33).
 Чужбинник — тот, кто живёт за счёт других (3—33).
 Чури́ла — морда (1—18).
 Чуркони, чурконики — камешки (1—6; 3—4).
 Чухаться — чесаться (3—48).

Шалаться — бродить без дела
Шаркопы́ткой — абы как (2—15).
Шаромы́жничать — шарить, промышлять (2—16).
Швайка — <инструмент> в виде шила, представляющий собой круглый или четырехгранный металлический острый стержень на деревянной рукоятке, применялся ранее для пошива обуви, конской сбруи и других кожаных изделий (3—33).
Шелу́шки — подсолнечная шелуха, картофельные очистки (3—7).
Шельга́н — родств. «фулюган» «хулиган» (1—27).
Шельжи́на — палка (1—26); хворостина, палка (3—33).
Шемаро́вкой — сломя голову (3—6).
Шеметом — бечь быстро, стремительно (3—38).
Шибуня́ть — бродить, болтаться (3—13).
Ширёш — гололедица (2—7).
Ширёш — мелкий ледок (3—24).
Ширкопёриться — говорят на тех, кто держит себя важно, надменно, горделиво (3—10).
Широварить, шировариться — мотать направо-налево, жить неэкономно, не думая о завтрашнем дне (3—16; 4—1).
Шляпконосы́й — курносый (3—6).
Шлях — торная степная дорога (3—33).
Шпиговать — трогать, бить, мучить (2—12).
Шука́ть — узнать (1—8).
Шулупёшки — шкорки (3—35).
Шуметь — кричать громко (3—34).
Шуркать, обшуркать — очистить (3—44).
Щербá — уха (1—37).

Экономист — пренебрежительная кличка скупердя, жмота (3—43).

Южа́ть — визжать (обычно о поросятах) (3—33).
Юрт — земельный станичный надел (3—33).

Ягнок — ягненок (3—33).

Ядреный — крупный (3—33).

Ядристый — вымя у козы, овцы, коровы

Языкоочиститель — говорят на тех, кто позволяет себе судить других людей (2—33).

Яйца-свежаки — яйца без зародыша, долго годные в пищу, даже после месячного насиживания (2—31; 3—20).

Ятный, ятно — отчетливо видимый (3—33).

Устойчивые образные выражения

Альїрия сбивает — дурака валяет, ленится (3—11).

Ба́лики точит — разговаривает много, бестолку, впустую (2—44).

Ба́лики точить — то же самое, что лясы точить (2—24).

Баш на баш (слово тюркское, но у нас часто так говорят) — голова на голову (3—8).

Без рук остаться — устать (3—47).

Белая как груба — например, человек с испуга побелел лицом и сделался похож цветом на белёную грубку (маленькую печку в жилище или во дворе) (2—27).

Бессудная земля — говорят о человеке, который возомнил себе, что на него нет прав (2—13).

Бог в глазах наказал — например, нельзя в праздник работать (1—24).

Болтается, как пастухова сумка после обеда — говорят на ничего не делающего, слоняющегося человека (3—16; 3—44).

Брат ты мой! (1—8).

В долгах, как кобель в орепьях (1—12).

В каждой дыре шпунт (2—36).

В корову трудно влезть — т. е. трудно выбрать, «напасть» на хорошую корову (2—15).

В одночас — тотчас же, быстро, скоро (3—47).

В три ножа не перережешь — много (2—39).

В хате — облом-обломом... — т. е. беспорядок, грязь, захламленность (2—22).

В хату мать!

В чём душа зацепилась — говорят на худого или сильно выхворавшегося человека (3—22).

Весь в уме — дюже хитрый (1—33).

Взбрело в голову — пришло на ум (2—5).

Вишня, жердела — как нанизанные (3—41).

Волосы, как сосульки (1—28).

Вольная птица — касается юношей и девушек легкого поведения (1—37).

Вот выхворался человек: одна тень осталась (1—28).

Вот работа — не бей лежачего (1—32).

Воют как волки на Хорсеевом бугре (3—9).

Все жда́нки поели — ждали-ждали (2—24).

Все на одном полозу едем — говорят в том случае, когда жизнь для всех одинаковая (1—14).

Все руки оттягал, без рук остался — например, устал, нося воду (3—14).

Все Самáры прошел — означает человека, прошедшего огонь, воду и медные трубы (1—44; 3—36; 3—45).

Всем делаешь, делаешь, и никто на руку не плюнет (3—46).

Встал <в>такую рань — черти в кулачки ещё не били (1—36).

Всю душу переел — надоел (2—6).

Всю жизнь на костыле простоял — всю жизнь стерег, пас (1—26).

Вшей принесли, а теперь ходят — руки не прижимают — сказала теща о белорусах в хуторе. Смысл: приехали абы в чём, голодные, а потом на казачьих землях забогатели и зазнались (3—13).

Выпил — и глаза в кучу (2—20).

Вяжет, аж спицы в руках играют (2—10).

Галдú набил — надоел (2—22; 3—11).

Гичá ничего не делает — лодырничает (2—6).

Гладкий как слизь (1—27).

Глаза не показывает — не идёт (4—1).

Глиста в обмороке — говорят на худого, тошего человека (1—13).

Гнездо опрáвил — то есть гнездо сделал (1—8).

Годы годовать (1—15).

Голду набил — надоело говорить (3—29).

Голée гороха (3—16).

Голой ж... на огонь сажаешь (3—42).

Гóром горит — быстро рвется, изнашивается (3—34).

Грех надышный (1—13).

Гумно захрýс — когда много сена на гумне (2—30).

Дать туркá — разогнать (2—7).

Девятый день на пупке вша сдохла — покормить нечем! — говорят о хвальбишках (1—27).

Делами <о>рудует — делами заправляет (3—31).

Деньги — как вода (1—14).

Держи язык за зубами (2—24).

Детишек — кагáл (1—20).

Добра не видал(-а) — жил (-а) не видя ничего хорошего (3—15).

Довести до ума — до дела (2—35).

Дождь веревочкой (2—32).

Дождь цевочкой (3—9).

Докучная сказка — говорят о тех, кто надоит разговорами (3—9).

Достались от жилетки рукава и то обтерханные (3—48).

Дурак нáгольный (1—16).

Дури насажéно (3—21).

Дурь мучает человека (1—16).

Дурью мается человек (1—31).

Душа радуется (1—20).

Дыхать ленится — очень ленивый (3—32).

Ёго хочешь залить, а он пуще горит (3—44).

Едьма съедает — грызёт, заедает придирами, ругнёй, зачастую безо всякой причины (3—23).

Еж твою мать! — казацкое ругательство (2—5).

Ему твоя ругня — как капусте летний полив (1—24).

Если бы можно слезами горе выплакать, то слезы день и ночь лила (1—15).

Жаром осыпало (1—36).
 Ждет, как ворон крови (1—3).
 Живёт своим правком — т. е. живёт, как хочет (3—12).
 Живёт, как кошка с собакой, т. е. плохо (3—16).
 Живой замо́к — старый человек в доме (3—42).
 Живу, как черт на то́чиле — значит делами дюже занят, как говорят, от делов дыхнуть некогда (1—8).
 Жить — помирать не надо (значит хорошо, справно живут) (3—16).
 Жрет, как двигатель молотит (1—30).

За грудки — хватать за одёжу на груди (3—31).
 За плугом ходишь — что-то не так написал (3—42).
 За ребро висим — говорят обычно, когда много работы, отойтить нельзя, тяжело (3—42).
 Загнать за Можай — отправить далеко-далеко (3—20об.).
 Загонят, где Макар телят не пас (1—2).
 Задается, как картошка в лебеде (1—46).
 Залег как крот (1—47).
 Заместитель трутенья (1—33).
 Заорал дурниной (1—41).
 Запас души не тянет (3—45).
 Зарастет как на собаке (2—1).
 Зёми не видать — например, когда яблоки, груши нападают (3—15).
 Земля как творог (3—18).
 Земля мягка, как творог (1—36).
 Земля порепалась как черепок (3—23).
 Зори отливать — поливать по утрам рассаду (3—48).

И мотоцикл работает, как сверчок (1—21).
 Играли песню, аж потолок схватывало (1—37).
 Идут лавой — в старину один из приемов казачьей кавалерийской атаки, здесь — в смысле густо, много (например, говорят об обилии мышей в мышиный год) (3—42).
 Из годы в ряды — то есть редко (1—30).
 Из души три души вытянет (1—16).
 Из квасов не вылазает — часто болеет (3—5).
 Из квасов не вылазит — болеет (1—27).
 Из пушки не пробьешь — говорят на тех, кто долго не мылся, грязный (3—46).
 Исть и «чур» не знает — не знает меры в еде (2—4).
 Исть, как за себя кидает (3—47).

К сниму корова хорошая (1—40).
 Казанская сирота — бедняк, бедный (3—18).
 Как в воду окупная — т. е. молчаливая, пасмурная (3—34).
 Как из тысячного дома — т. е. из богатого дома (3—13).
 Как кобель на льду (1—14).
 Как Мамай прошел — разорение, беспорядок (1—38).
 Как ряюшка — редкий материал (3—42).

Как старцев разбомбили — говорят люди, когда на столе после еды остается много хлебных кусков (1—23).

Как сучка халчётся — о некоторых девицах легкого поведения (2—12).

Как тырчок сижу (4—2).

Какие мы зяблики стали — говорят старики (1—21).

Какой ты зябкий парень (1—30).

Какой ты улогий! — «улогий» — значит «калека», но так могут сказать у нас и на нерасторопного, медлительного человека (1—23).

Кизеки как порох (3—41).

Когда лихо побачит — когда туго будет, припрет (2—5).

Козы-рогали (2—23).

Колхоз — это для некоторых дойная коровка (1—6).

Конь взвился гопки — «встал на дыбы» (1—11).

Конь смирен, как телок (1—35).

Конь цепучий — в смысле «раскованный, на льду не падает» (1—29).

Копашься как жук в навозе (1—47).

Корова припустила — т. е. молоко подошло в вымени (3—43).

Корова-ведерница — значит сразу можно надоить ведро молока (1—40).

Кочерыжка от войны — сказала одна женщина-вдова на мужчин, избежавших по каким-либо причинам участия в войне (1—43).

Край надо — значит быстро надо (3—19).

Кружная овца — колготной человек (4—1).

Кто его (...) надует, тот завтра умрет или бедный будет (3—45).

Кулинка с глиной — «о тех», кто несет чепуху, околесицу (2—23).

Кури! Надай шею с бычий хвост (1—19).

Куриная память — т. е. плохая (1—48).

Ледина по людям ходит — хворь, болезнь (2—8).

Лежит как крот — о лентяе (1—33).

Лежит как плеть (1—27).

Лежит, жрет, как трутень (1—44).

Лом — «Фомич», короля — «терепич» — зовут казаки (1—24).

Луна — цыганское солнце (1—20).

Людей — под завяз — «много» (1—11).

Мать ты моя, черемуха!

Месяц на ущерб (3—42).

Месяц обгляделся — т. е. месяц родился, дело идет к полнолунию (1—7).

Месяц шкнулся — солнце месяц прихватило (2—19).

Молодость — пора заблуждений (1—2).

Молоко сел — т. е. сквасился, наквасился (3—8).

На все дуды — за всё кидается делать (3—12).

На двор — «пойти» в нужник, туалет (3—41).

На звяк пошел... — по слухам говорили, т. е. неточно (2—43).

На нем гором всё горит — т. е. быстро изнашивается, рвётся (говорят обычно на ребятишек) (1—22).

На постав стали — т. е. устали, замучились (3—45).

На рыбаков в народе говорят: «У них тихое помешательство», а на охотников: «Буйное» (2—20).

На свой хряк — на свой норов, характер (3—12).

На свой хряк гнуть — показывать свой норов, характер (2—5).

На спокойного человека говорят: «Как тихое лето» (1—22).

На час, на часок — быстро, на короткое время (3—33).

На язык — от семи собак отобьется (3—41).

Набил руку (3—41).

Наверное в лесу волк сдох — говорят на человека, сделавшего такое дело, которое никто от него не ожидал (1—41).

Наворачивает тещиной рукой — про левшу (1—6).

Навязал, как на цыгана мать — человека заставляют делать то, что он не хочет (2—44).

Надоел, как горькая редька (1—9).

Наскрозь зуб — сквозь зубы, нехотя (3—7).

Нафуфырится, нарядная, как из тысячного дома — говорят на тех, кто из кожи вон лезет, чтобы показать себя в чем-то, хотя финансов и в обрез (3—13).

Нахватал работы — те, кто норовит устроиться сразу на нескольких работах или должностях (1—26).

Не в коня корм — не в пользу, не впрок (2—29).

Не верь своим глазам, поверь моей совести — сказал один, прилаживая руку к груди (1—34).

Не весь дома — слабоумный или, как говорят, с приветом (3—22).

Не видать тебе, как свинье неба (2—24).

Не говея просвиру жрут — говорят про тех, кто ленивый, работает плохо, абы-как (3—8).

Не к выносу речам — т. е. кто один (4—2).

Не к спеху — не сейчас (3—14).

Не лезь в кутырь — т. е. не зазнавайся, не выставляй себя (1—46).

Не мычит и не телится (1—11).

Не ночуй во дворе, а то дашь дубаря — т. е. замерзнешь (1—35).

Не родом, а годом — нормальный человек может потерять здоровье в одночасье (2—42).

Не стоит огород городить — говорят на бесполезное дело (1—44).

Нервы потрепал, порвал (3—18).

Ни «бе», ни «ме», ни «кукареку» — говорят о некоторых людях, которые абсолютно ни в чём не проявляют себя (1—43).

Ни клята, ни мята — не виноват (2—9).

Ни на волос не уснул(а) (2—46).

Ни сзади, ни спереди — ничем не обременённый (2—20).

Никто палец о палец не ударит (4—2).

Ноги как под кузьмовым мерином — очень толстые (3—43).

Ногим не наложум — то есть не придет больше, так говорят те, кто осерчал (3—34).

Носишься ты с ним (с каким-либо предметом) как цыган с писаной торбой — из казачьего разговора (1—40).

Ночная кукушка перекукует (о жене) (2—14).

Ну и баба! Прижимка! (1—25).

Ну и баба, горчичка! (1—24).
Ну и дела у нас делаются — как мокрое горит! (1—25).
Ну и жена у него! Точно жикалка! (1—26).
Ну и человек! Щетинка (1—25).
Ну как живешь?» — «Да так — середка на половинке» (1—26).
Ну ты и представил меня — хуже кошей задницы (1—33).
Нужен он тебе, как свинье ярмо (2—31).

Обо всём свете — большой, здоровый, громадный (3—14).
Обрыд, как горькая редька (1—12).
Овчинка выделки не стоит (1—44).
Одер берет — страшно, жутко (2—27; 3—28).
Ой, и бедно живут: режь — кровь не пойдет (1—29).
Он не весь дома! (1—34; 1—41).
От мира отведенный — тихий, спокойный человек (2—7).
От него пользы, как от дохлых пчел меду (1—44).
От рук отбился — не слушает (3—18).
От семи собак отбрешется (3—42).
От черта есть молитва, а от тебя ничего (кто пристаёт) (3—41).
От чертей пёшки шел — смелый, отчаянный (сорвиголова) (1—5).
Отошел от ума — здесь: при разговоре и действиях человек стал забываться, заплетаться, делать что-то не так (3—35).
Отреся ножки — когда боишься как бы с тебя соринка, соломинка не упала (3—7).
Ох, и сын у меня! Сто сот стоит (1—30).

Палец о палец не ударил — ничего не сделал (3—32).
Паралич вдарил — заболевание параличом (3—25).
Пей, хучь ожеребись! (1—13).
Перед смертью не надышишься (3—46).
Переезжая сваха — так говорят на людей, которым не сидится на месте, дома (1—32).
Перепольский дудак — о длинноногих (1—11).
Пляшет — по сорочьи прыгает (2—6).
Под пяткой не чует — не признает, не слушается (1—41).
Подол в зубы — быстро, бегом (3—11).
Подол в зубы и пошла (1—28).
Поет, как кот в марте (3—42).
Понос докучной (3—6).
Посвисти в худую vareжку (1—5).
Пот веревочкой (1—20).
Пота́чки дать, потака́ть — повадить, поблажки дать (3—7).
Пота́чки не дает — спуску, поблажки нет.
Променял кукушку на ястреба — говорят о неудавшемся обмене, сделке (1—32).
Противо мочи все делаю — т. е. сил нет, через силу (1—26).
Путя нет — ума нет (2—39).
Пьяный вид и макаронная походка (1—33).

Работают — ни в них, ни на них — так говорят о пьяницах или тех, кто транжирит деньги направо и налево (как у нас говорят, не умеет руководить деньгами) (1—26).

Разволо́ку нет — т. е. дело, которому не видно конца (1—47).

Разговаривает сквозь зубы (3—41).

Раху́нки дать/не дать — навести/не навести порядок; рахунки — это что-то вроде ума, правильного (нормального) дела (3—26).

Рёнку иметь — иметь обиду, зло (3—2).

Рог с рогом — много людей, скопление (3—27).

Ругня на шее не висит (3—48).

Руками и ногами перекрестится (1—7).

Руки кудель играют — о стариках, у кого трясутся руки (1—30).

Румяна как вставленные (3—7).

Г дура ума — сделать какую-нибудь глупость (1—39).

С жиру бесится — говорят на тех, кто с капиталом ни в чём (ни в покупках, ни в своих действиях) не знает у́держу или, как у нас говорят, чу́ра (3—20).

С походом — чуть больше (3—42).

С ругани бока не болят (3—47).

Самому до себя — от расстройства не находишь себе места (3—22).

Святым кулаком по чертовой шее (1—8).

Сейчас карандаш всю судьбу решает (1—5).

Сейчас я его буду гонять, как кота по коридору (1—18).

Сено как жар — вовремя скошенная и убранная трава духовитая, хорошая, «хучь чай заваривай», говорят у нас (1—7).

Сено шагом идет — быстро, споро расходуется, т. е. поедается скотом сено (3—31).

Сенокос как стеклышко — т. е. сенокос чисто скошен (3—42).

Сердце закипело (3—35).

Середка полна и краешки веселы (1—35).

Сидит, как рбочка — тихо, не двигаясь (1—34).

Сидит, как рбочка (3—5).

Сидит, как тихое лето (3—5).

Сидит, как на́долба — как пенек (1—28).

Сидят рыбаки, как торчки́ — т. е. недвижно (1—28).

Сила силенна́я — очень много (3—25).

Скорая помощь — говорят казаки на квас (2—34).

Скотина наелась, как пушка (1—46).

Слова Белого, музыка Черного... — <там,> где неразбериха (1—5).

Смесь армяна с мотоциклом — неразбериха (1—5).

Солнце в дуб вышки — дообеденное время примерно с 8 до 9-10 часов (3—25).

Солнце в дуб вышки — летнее дообеденное время: часов 10—11 (3—31).

Солнце зева́ет — это когда плывущие тучи то и дело скрывают и открывают солнце (2—39).

Соловьиный сон — короткий (2—17).

Сошлись с пару — замерзли, потеряли тепло, пар (3—37).

Спа́совский поросёнок — старинное оскорбительное прозвище замороженного человека. По словам старых людей, поросыта, появившиеся на свет на летние Спасы —

как их не корми — к осени выглядят неважно: худые, щетина на них топорщится, как на ежах — отсюда и такое выражение (2—47).

Спит ермаковским сном — человек крепко, непробудно спит (1—14).

Стал как вкопанный (1—10).

Стáрец покрóвский — кто прибедняется (1—48; 3—18).

Стать на постав — устать (3—28).

Стоебу́тная толкушка — пустой человек; в первом слове корень «бут» означает у нас огородную зелень (в виде луковых перьев) для приготовления окрошки (у нас ее по старинке называют просто квас), а для толчения бута и применялась деревянная толкушка (1—32).

Стою на бою́ — на дороге (1—24).

Строит, как курица лапкой; строю, как касáтушка — курица ничего не строит, наоборот, разгребает, а ласточка-касатушка своё гнездо обычно лепит глиняными комочками — в обоих случаях делается абы-как, как-нибудь и мало.

Сукля́тая! — казачье присловье, близкое к ругательству (1—15).

Съели за один присест (1—24).

Такая жара, аж дух печатает. (2—31).

Такой (ая) гладкий (ая), что орудия можно возить (говорят в народе о полных людях) (2—17).

Там живут — черт крюком не достанет (1—23).

Танцует, как глину месит (1—5).

Типун тебе на язык (1—31).

Того и убирать пойдем — скоро, вот-вот скотине метать, т. е. задавать, ложить (2—6).

Тома́ прибила — усталость взяла, сон сморил (3—21).

Тома́ прибьет — сон одолеет (2—17).

Трава как умытая (т. е. хорошая) (3—41).

Труд меренячий (1—18).

Трудолюбив, как муравей (1—43).

Ты как из ты́сячного дома! — говорят на человека, делавшего вид, что он богат (2—14).

Ты на одной ноге! — говорят человеку, чтоб он быстрее шёл, пришёл (1—34).

Ты от семи собак отбрешешься — говорят на брехливых (1—47).

Тянут живым и мертвым — (3—41).

У белого гриба-поганки махры, как <у> петуха (3—17).

У него заговéнья в водке не бывает (1—29).

У него на руках подвода всегда... (1—21).

У старца сумку отнял — когда нахальный, наглый человек старается всё захватить, несмотря на возраст, материальное положение собеседника, земляка (3—44).

У тебя девичья память (1—21).

У цыгана цыганку выпросит — т. е. попросливый¹ человек (1—46).

У цыгана цыганку выпросит — говорят так на попрошайку (3—48).

Угля нет — дрова ходом идут (1—23).

Удивил козла капустой (2—28).

¹ Ср. [Даль 1882, т. 3, 303]: «*Попрóсистый, попрóсливый* пск. *твр.* клянча, всегда готовый выпросить что-либо, попрошайка».

Ума не заветало — ума нет, не хватает (3—35; 3—23).
 Умный дурак (1—24).
 Умрет — никто копейку в задницу не положит — на жадных (1—25).

Хата, как скворечник (1—27).
 Хватить валять дурака (1—44).
 Хитина по людям ходит — болезнь (1—30).
 Хлопать год — ухаживать за скотом (3—42).
 Ходит, альфия сбивает — т. е. дурака валяет (1—27).
 Ходит отресья ножки — вялый, отрешённый (3—47; 4—2).
 Хозяйства нет — живут на легках (1—24).
 Худая, как лещуга (1—25).

Цветут сады. — Эх, как бы их мороз не погладил, — сказал один казак (2—39).
 Цыганская вязка — большая вязка (1—6).

Чего ты лезешь в пузырь?! — говорят на тех, кто хочет нажить себе беды, неприятностей (1—29).

Человек с душком — т. е. не очень хороший характером (3—8).
 Чёмером ломает — корёжит (2—19).
 Черт несоленый — медлительный человек (1—26).
 Черт с набилками — говорят, когда хотят подчеркнуть какие-то негативные человеческие черты характера (1—16).
 Черти копеечку искали — говорят на тех, кто нечесан, лохмат, волосы стоят дыбом (2—39).
 Черти крючьями не достанут — то же самое: живёт в достатке, зажиточно (3—12).
 Чёрти по-калишнему — не так как надо, абы как (2—5).
 Черту рога свернет — говорят на сильных, кто живет богато (3—22).
 Чертям на игрушки пойдут — говорят на тех, кто удавился, застрелился, утоп, словом, кончил свою жизнь самоубийством (1—23).
 Что жена у него едучая! (1—29).
 Что лодырь! Он и дышать ленится! (1—44).
 Что не видно — скоро (3—39).
 Что ты крутишься, как бык в ярме? (1—22).
 Что ты мне лапшу на уши вешаешь (1—26).
 Что ты поднялся, как кошка в дубшки? (1—46).
 Что ты прикидываешься казанской сиротой? (2—4).
 Чтоб тебя черти в ложке воды утопили (1—47).
 Чтоб ты натянулся — примерно: «Чтоб ты сдох» (3—43).

Шагом идет — говорят, когда что-нибудь (сено, картофель и др.) быстро расходует, идет на убыль (3—40).

Шептать в кулак — делать подвох (2—24).
 Широкая(-ий) хозяюка(-ин) — говорят на тех, кто тянул из колхоза «живым и мертвым»; в перестройку они стали новыми русскими, а ныне, когда колхоза не стало, о них и не слышать (3—43).
 Шуршить живёт — то есть живёт хорошо, богато (3—11).
 Шустрый такой, как колорадский жук на картошке (3—45).

430

Щенок корытный — так говорят, допустим, на мальчика, сделавшего или сказавшего что-то недопустимое (1—29).

Это — светочки «цветочки», ягодки — впереди — говорят, когда предвидится ещё худшее (1—38).

Это тебе не голос! — т. е. это тебе не диво, не чудно (1—45).

Эх! Прошла жизнь: ни Богу — свечка, ни черту — кочерга! (1—38).

Я вижу, чем ты и дышишь (1—6).

Я и бай дюже — я и не догадываюсь (2—15).

Я тебе нос утру — в смысле: я тебе покажу, как жить, что делать, как вести себя (1—12).

Я тебе рóжу растоворóжу! (1—25).

Я тебя увалохаю (1—29).

Язык обил — надоело говорить (3—14; 3—17).

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА**

представляет серию изданий

«ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ РОССИИ»

(автор проекта — А. С. Каргин)

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Фольклор Судогодского края: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов / сост. В. Е. Добровольская, И. А. Морозов, В. Г. Смолицкий (1999)

Традиционная культура Гороховецкого края. Т. 1: сборник фольклорных текстов с рисунками и фотографиями / сост. В. Е. Добровольская, А. С. Каргин (2004)

Традиционная культура Гороховецкого края. Т. 2: сборник текстов с нотами / сост. А. Н. Иванов, А. С. Каргин (2004)

Традиционная культура Муромского края. Т. 1: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов / сост. А. С. Каргин (2008)

Традиционная культура Муромского края. Т. 2: сборник текстов с нотами и схемами танцев / сост. А. С. Каргин (2008)

Традиционная культура Селивановского района Владимирской области: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов с нотами и фотографиями / сост. В. Е. Добровольская, А. С. Каргин (готовится к изданию)

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Традиционная культура Кемеровской области: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов с нотами, схемами и рисунками / сост. Т. А. Котлярова и др. (готовится к изданию)

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Чухломской фольклор. Т. 1: фольклорно-этнографические материалы / сост. В. А. Ковпик, А. В. Кулагина и др. (готовится к изданию)

Чухломской фольклор. Т. 2: сборник текстов с нотами, описаниями образцов народной хореографии с рисунками и схемами / сост. Т. В. Кирюшина, А. И. Шилин (готовится к изданию)

Традиционная культура Верхнего Повелужья: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов с нотами, схемами и рисунками / сост. В. А. Ковпик, Т. В. Кирюшина, А. И. Шилин и др. (готовится к изданию)

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Традиционная культура Орловщины. Т. 1: библиографический указатель / сост. Н. З. Шатохина, Л. П. Хоменкова, А. А. Горбачева, М. В. Игнатова и др. (2010)

Традиционная культура Орловщины. Т. 2: сборник текстов с нотами, описаниями образцов народной хореографии с рисунками и схемами / сост. С. Н. Чабан, Н. И. Заикин и др. (2012)

Традиционная культура Орловщины. Т. 3: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов / сост. М. В. Антонова, Н. В. Кургузова, М. В. Костромичёва и др. (готовится к изданию)

РЕСПУБЛИКА КОМИ

Традиционная культура Усть-Цильмы: сборник текстов с нотами и фотографиями / сост. Т. С. Канева, и др. (2008)

ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Фольклор Тверской земли: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов / сост. В. Е. Добровольская, М. В. Строганов (готовится к изданию)

ФОЛЬКЛОР ХОПЁРСКИХ КАЗАКОВ

*Материалы краеведа
В. А. Апраксина*

*Обложка: Народный фольклорный ансамбль «Старина». Станица Кумылженская.
Фото Т. П. Триполевой*

Зав. отделом производства и реализации
книжно-журнальной продукции *И. Е. Посоха*
Дизайн и верстка *И. К. Дергунова, Т. В. Бурцева*
Ответственный за печать и подписку *Э. Р. Жукова*

Подписано в печать 29.10.12. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Объем 27,0 печ. л. Тираж 300 экз. Заказ

ФГБУК «Государственный республиканский центр русского фольклора»
119034, Москва, Турчанинов пер., 6

Адрес в Интернете: www.centrfolk.ru
E-mail: crf@inbox.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный салон ШАНС»
125412, Москва, ул. Ижорская, 13, стр. 2